

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

3

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЛЕНКЕВИЧ Е. В.** – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аллинёль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волинец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Ивашкевич И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпилович Т. П. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Коваль В. И. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хентшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шамякина Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Намеснікі галоўнага рэдактара ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

Адказны сакратар ЛЯНКЕВІЧ А. У. – кандыдат філалагічных навук; старшы выкладчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аліньель К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Івашкевіч І. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Карпіловіч Т. П. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Коваль У. І. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонак В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Генцэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шамякіна Т. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editors-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentsyeva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

LIANKIEVICH A. U., PhD (philology); senior lecturer at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

E-mail: alena.liankevich@gmail.com

<i>Allignol C.</i>	Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Danylenko A.</i>	Pace University, New York, USA.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.
<i>Ivashkevich I. N.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karpilovich T. P.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Koval V. I.</i>	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Lukashanets A. A.</i>	Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Rovdo I. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Khalipov V. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Shamyakina T. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.112.2.2.09.16'-1+821.411.16'02.09-141

ГЕНЕЗИС НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ ЛЮБВИ И СВЯТОСТИ (ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРТИНА ОПИЦА)

Г. В. СИНИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется первое целостное переложение на немецкий язык Песни Песней, созданное Мартином Опицем (*Martin Opitz*, 1597–1639), основоположником немецкой поэзии Нового времени. Доказывается, что Песнь Песней выступает для поэта в качестве одного из ключевых архетекстов, выполняющих смысло- и текстопорождающую функцию, а также в качестве архитекта, определяющего его жанровые поиски. Воспринимая Песнь Песней как лирико-драматическую пасторальную поэму, или лирическую пасторальную драму, М. Опиц создает подобный жанр в немецкой литературе. В свободном и одновременно близком к библейскому тексту парафразе Песни Песней, являющемся авторским комментарием к ней (метатекстом), он впервые на немецком языке осуществляет синтез любовно-эротической и религиозной поэзии, создает поэзию любви и святости. Для поэта трагической эпохи Тридцатилетней войны Песнь Песней выступает как своеобразная утопия красоты и гармонии, противостоящая безобразию реальности. Любовь, воспеваемая Песнью Песней, воспринимается поэтом как сила, преображающая жизнь и побеждающая смерть. Утверждается, что для М. Опица, создателя теории классицизма в Германии и одновременно поэта барокко, работа над парафразом Песни Песней становится творческой лабораторией, в которой вырабатывается его неповторимый стиль, соединяющий в себе рационализм, строгость мышления классицизма и яркую пластичность, живописность, метафоричность барокко. В сравнении с текучей пластикой Песни Песней, передающей динамику духа, поэтика М. Опица в большей степени ориентирована на скульптурность образов. В своей интерпретации библейской поэмы М. Опиц первым в немецкой литературе раз-

Образец цитирования:

Синило ГВ. Генезис немецкой поэзии любви и святости (Песнь Песней в интерпретации Мартина Опица). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3:5–19.

For citation:

Sinilo GV. Genesis of German poetry of love and holiness (The Song of Songs in Martin Opitz's interpretation). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:5–19. Russian.

Автор:

Галина Вениаминовна Синило – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Galina V. Sinilo, PhD (philology), docent; professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communication, associate professor at the department of foreign literature, faculty of philology.
sinilo@mail.ru

вивает мотив противопоставления суетности городской цивилизации и гармоничности жизни на лоне природы, в соответствии с естественным и одновременно Божественным законом – законом любви. Этот мотив, который далее развивают поэты барокко, предваряет поиски Просвещения, особенно писателей сентиментализма.

Ключевые слова: Библия; Песнь Песней; архетекст; архитект; метатекст; любовно-эротическая поэма; религиозно-мистическая поэма; лирико-драматическая поэма; лирическая пасторальная драма; немецкая поэзия XVII в.; барокко; классицизм; жанр переложения (парафраза); поэзия Мартина Опица.

ГЕНЕЗІС НЯМЕЦКАЙ ПАЭЗІІ КАХАННЯ І СВЯТАСЦІ (ПЕСНЯ ПЕСНЯЎ У ІНТЭРПРЭТАЦЫІ МАРЦІНА ОПІЦА)

Г. В. СІНІЛА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца першая цэласная парафраза Песні Песняў па-нямецку, створаная Марцінам Опіцам (*Martin Opitz*, 1597–1639), заснавальнікам нямецкай паэзіі Новага часу. Даказваецца, што Песня Песняў выступае для паэта ў якасці аднаго з ключавых архетэкстаў, якія выконваюць сэнса- і тэкстаспараджальную функцыю, а таксама ў якасці архітэксту, што вызначае яго жанравыя пошукі. Успрымаючы Песню Песняў як лірыка-драматычную пастаральную паэму, або лірычную пастаральную драму, М. Опіц стварае падобны жанр у нямецкай літаратуры. У вольным і адначасова бліжэй да біблейскага тэксту перакладзе Песні Песняў, які з’яўляецца аўтарскім каментарыем да яе (метатэкстам), ён упершыню на нямецкай мове ажыццяўляе сінтэз любоўна-эратычнай і рэлігійнай паэзіі, стварае паэзію кахання і святасці. Для паэта трагічнай эпохі Трыццацігадовай вайны Песня Песняў выступае своеасаблівай утопіяй хараства і гармоніі, што супрацьстаіць пачварнай рэальнасці. Каханне (любоў), што апяваецца ў Песні Песняў, успрымаецца паэтам як сіла, што перастварае жыццё і перамагае смерць. Сцвярджаецца, што для М. Опіца, стваральніка тэорыі класіцызму ў Германіі і адначасова паэта барока, Песня Песняў становіцца творчай лабараторыяй, у якой выпрацоўваецца яго непаўторны стыль, што злучае ў сабе рацыяналізм, строгасць мыслення класіцызму і яскравую пластычнасць, маляўнічасць, метафарычнасць барока. У параўнанні з цяжкай пластыкай Песні Песняў, якая перадае дынаміку духу, паэтыка М. Опіца ў большай ступені арыентавана на скульптурнасць вобразаў. У сваёй інтэрпрэтацыі біблейскай паэмы М. Опіц першым у нямецкай літаратуры развівае матыў проціпастаўлення мітусні і марнасці гарадской цывілізацыі гарманічнасці жыцця на ўлонні прыроды, у адпаведнасці з натуральным і адначасова Боскім законам – законам любові. Гэты матыў, які далей развіваюць паэты барока, папярэдняе пошукам Асветніцтва, асабліва пісьменнікаў сентыменталізму.

Ключавыя словы: Библия; Песня Песней; архетекст; архітэкст; метатекст; любоўна-эратычная паэма; рэлігійна-містычная паэма; лірыка-драматычная паэма; лірычная пастаральная драма; нямецкая паэзія XVII ст.; барока; класіцызм; жанр парафраза; паэзія Марціна Опіца.

GENESIS OF GERMAN POETRY OF LOVE AND HOLINESS (THE SONG OF SONGS IN MARTIN OPITZ'S INTERPRETATION)

G. V. SINILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This research paper investigates the first holistic German paraphrase of *The Song of Songs* carried out by Martin Opitz (1597–1639), the founder of the modern-period German poetry. We show that *The Song of Songs* is one of the key archetexts serving both content- and text-generating functions as well as defining genre searching for Opitz. Seeing *The Song of Songs* as a lyric-dramatic pastoral poem or a lyrical pastoral drama, Opitz creates a similar genre in German literature. In the free and close-to-biblical text paraphrase of *The Song of Songs*, which is the author's commentary (metatext) on it, he puts into practice synthesis of love-erotic and religious poetry for the first time in German language, creates the poetry of love and holiness. For the poet, *The Song of Songs* is a distinctive utopia of beauty and harmony juxtaposed with the disgraceful reality of the tragic period of the Thirty Years' War. Love praised by *The Song of Songs* is interpreted by the poet as a power that transfigures life and vanquishes death. We argue that the work on the paraphrase of *The Song of Songs* becomes a creative laboratory, where the poet's distinctive style combining rationalism, thought severity of classicism,

striking plasticity, picturesqueness and metaphors associated with baroque thinking is born. Opitz's poetics manner, compared with unstable plasticity of *The Song of Songs* conveying dynamics of spirit, is more oriented towards «sculptural» images. In his interpretation of the biblical poem M. Opitz is the first poet in German literature who develops the motif of opposition of the hustle of urban civilization and harmony of rural life in accordance with natural divine law – the law of love. This motif, later developed by baroque poets, anticipates the searches of the Age of the Enlightenment, especially of the writers of sentimentalism.

Key words: The Bible; The Song of Songs; archetext; architext; metatext; love-erotic poem; religious-mystical poem; lyrical-dramatic poem; lyrical pastoral drama; German poetry of the XVII century; baroque; classicism; genre of paraphrase; Martin Opitz's poetry.

Введение

Среди книг Библии, являющейся «осевым» архетекстом (образцовым древним текстом, аксиологически и эстетически значимым и выполняющим смысло- и текстопорождающую функцию) европейской культуры и – шире – иудейско-христианской цивилизации (см. [1]), важную архетекстуальную роль для еврейской и христианской мистики, а также для религиозно-мистической и светской поэзии играет Песнь Песней. Эта книга, совсем небольшая по размерам (всего восемь глав), является одной из самых загадочных и сложных для интерпретации в библейском каноне. Она вызвала к жизни огромное количество комментариев как в иудейской, так и в христианской традиции, различных прочтений в библеистике. Американский библеист М. Поуп замечает по поводу Песни Песней: «Пропорционально ее размерам ни одна книга Библии не вызвала такого количества восприятий и прочтений, такого множества интерпретаций каждого ее слова»¹ [2, p. 89]. Начиная с эпохи поздней Античности к топике и стилистике Песни Песней обращаются еврейские и христианские поэты – прежде всего религиозные, хотя в еврейской средневековой поэзии золотого века (X–XIII вв.), достигшей расцвета в мусульманской Испании (в Андалусии), она выполняет роль архетекста также и для светской любовной поэзии (см. подробнее [3, с. 286–325]). В европейской поэзии Песнь Песней, ставшая «культовым» текстом христианской мистики еще в Средневековье (особенно в так называемой женской мистике в Германии XIII в., прежде всего у Мехтильды Магдебургской) и заново открытая в таком качестве в мистической поэзии XVII в. (Дж. Донн и поэты-метафизики в Англии, Ф. Шпее, Ангелус Силезиус, К. Кульман в Германии и др.), именно в этом столетии обретает особую значимость и для поэзии светской, что прежде всего очевидно в поэзии барокко (Дж. Марино и маринисты в Италии, Л. де Гонгора и поэты-культисты в Испании, там же – Ф. де Кеведо и поэты-концептисты), в том числе в немецкой. Через призму рецепции Песни Песней отчетливо преломляются и высвечиваются основные тенденции немецкой лирики XVII в., как светской, так и религиозной, грань между которыми порой становится весьма относительной. Можно говорить о специфическом синтезе сакральной и любовной поэзии, о генезисе поэзии любви и святости, и связан он с творчеством Мартина Опица (*Martin Opitz*, 1597–1649), реформатора немецкой поэзии и, в сущности, основоположника немецкой поэзии Нового времени – подлинно национальной поэзии на немецком языке.

При достаточно полной изученности поэзии М. Опица в немецком литературоведении (укажем лишь наиболее значимые работы, появившиеся в начале XXI в. [4–9]) она гораздо менее исследована в российской науке (см. [10–15]) и никогда не становилась предметом самостоятельного анализа в Беларуси. Однако не только в отечественной, но также в российской и немецкой (как и в целом в западной) науке отсутствуют работы, посвященные диалогу немецкого поэта с Библией, в том числе с Песнью Песней. Вместе с тем в вышедшем не так давно в Германии коллективном труде «Книга в книгах: взаимодействия Библии и литературы» отмечается: «Интерес к Библии растет. Соотношение библейского и литературного текстов становится одним из наиболее сложных исследовательских полей литературоведения и культурологии» [16, S. 2]. Солидаризуясь с данным мнением, отметим, что Библия сама является литературным текстом, хотя ее роль не может быть сведена только к этому. Тем не менее подход к библейскому слову как к художественному, основанный когда-то И. Г. Гаманом, И. Г. Гердером, И. В. Гёте, является ныне общепризнанным среди библеистов (см. [17]). Эта область литературоведения – на стыке с библеистикой – совершенно не разработана в белорусской гуманитарной науке, если не считать монографий и статей автора этих строк (см. [3; 18; 19]). Таким образом, в связи с недостаточной изученностью в белорусском литературоведении поэтики Песни Песней, поэзии М. Опица и рецепции в его творчестве библейской поэмы, а также в силу непреходящей духовной и эстетической значимости Библии для современности, усилившегося внимания к ней белорусских

¹Здесь и далее перевод наш. – Г. С.

поэтов (показательны, например, переложения библейских лирических книг, в том числе и Песни Песней, выполненные на рубеже XX–XXI вв. Р. Бородулиным: см. [3, с. 792–831]), тема настоящего исследования представляется нам **актуальной**.

Целью исследования является установление особенностей диалога М. Опица с Песнью Песней на примере целостного переложения библейской книги, выполненного поэтом. Непосредственными **задачами** исследования выступают следующие: определить основные духовно-религиозные и художественные черты Песни Песней, обусловившие ее архетекстуальную роль для немецкой поэзии XVII в., в том числе для творчества М. Опица; исследовать художественное своеобразие парафраза Песни Песней, выполненного немецким поэтом, в сравнении с архетекстом; показать, как в переложении Опица намечены основные тенденции дальнейшего развития немецкой поэзии Нового времени.

Теоретической базой исследования являются концепция интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт), послужившая ее основанием концепция диалога культур (и особенно «диалога текстов») М. М. Бахтина и В. С. Библера, а также давшая импульс становлению последней философия диалога М. Бубера. **Методология** исследования опирается на завоевания культурно-исторической школы и школы «Новой критики» («Органической критики»). Непосредственными методами исследования стали компаративный, герменевтический, методы структурного и целостного анализа текста.

Основная часть

Само название Песни Песней в оригинале, на иврите, – שִׁיר הַשִּׁירִים (*šīr haššīrīm*) – является специфической формой выражения превосходной степени и означает «песнь над всеми песнями», «самая превосходная песнь». Таким образом, название, сложившееся в ходе веков, носит комплиментарный характер и выражает восторженную оценку почитателей. Еврейские экзегеты отмечают, помимо абсолютного превосходства Песни Песней над другими песнями, ее особую диалогическую структуру, обмен различными голосами (песнями). Именно поэтому ее название может быть истолковано также как «Песнь, состоящая из отдельных песен», т. е. как указание на структуру произведения, в котором нет авторской речи, но звучат голоса юноши и девушки, обменивающихся песнями, а также мужской и женский хоры. Неслучайно И. В. Гёте определил Песнь Песней как «перекликающиеся песни» и назвал их «самым неподражаемо нежным, что дошло до нас от запечатлений любви страстной и прелестной» (перевод А. Михайлова) [20, с. 142]. Великий поэт указывал также, что Песнь Песней – «Песнь Любви, самая древняя и прекрасная песнь Востока» [20, с. 484].

Знаменитый шедевр древнееврейской поэзии, приписываемый царю Соломону, но записанный в окончательной редакции не раньше (и не позднее) IV в. до н. э., представляет собой лирико-драматическую любовно-эротическую поэму, в которую автором (несомненно, поэтом-профессионалом) изначально заложены религиозно-духовные смыслы, иначе она не переписывалась бы поколениями мудрецов-книжников и не вошла бы в канон Священного Писания. Показательно, что Песнь Песней переписывали и комментировали члены ессейской Кумранской общины, для которых были чрезвычайно важны ритуальная чистота и святость. Это еще один аргумент в пользу того, что Песнь Песней на рубеже эр не рассматривалась как сугубо любовная поэзия: в ней виделся сакральный текст, аллегорически описывающий взаимоотношения общины Израиля с Богом, основанные на Союзе любви, Синайское Откровение, когда Всевышний, согласно толкованию мудрецов, надел Тору, как обручальное кольцо, на палец Своей невесте – *Кнессет Йисраэль* (Общине Израиля). Неслучайно выдающийся еврейский законоучитель рабби Акива заявил, что именно Песнь Песней звучала в тот момент, когда пророк Моисей получал Тору на Синае, и что если все Писания святы, то Песнь Песней свята вдвойне («святая святых»): «Не должно быть никаких сомнений и споров среди Израиля, что к Песни Песней нужно прикасаться чистыми руками, потому что весь мир начал существовать [пришел в движение] только в тот день, когда Песнь Песней была дарована ему. Почему так? Потому что все Писания (*Кетувим*) святы, а Песнь Песней – Святая Святых» (*Мидраш Рабба I, 1:10*) [21, р. 18]. Показательно, что рабби Акива связывает Песнь Песней не только с Синайским Откровением, когда был заключен Союз обоюдной любви между Богом и народом Израиля, но и с неповторимым опытом первосвященника, входящего в самое сакральное помещение Иерусалимского Храма – в Святая Святых, чтобы получить Откровение Божье. Более того, рабби Акива заявил: «...если бы Тора не была дана, Песни Песней было бы достаточно для руководства миром» (*Аггадат Шир га-Ширим*) (цит. по: [2, р. 102]). В этих словах заложена идея глубочайшего постижения Бога и сотворенного Им мира прежде всего через любовь, понимания любви как генеральной заповеди Бога человеку – любви к Богу и ближнему, ведь и Сам Бог открывает Себя человеку и управляет миром прежде всего через любовь. Эта та Божественная Любовь, о которой и Данте говорит: ...Любовь, что движет солнце и светила (перевод М. Лозинского; как известно, этой строкой завершается «Божественная Комедия»).

Таким образом, в еврейской религиозной традиции Песнь Песней рассматривается как текст, имеющий множество скрытых смыслов: как историческая аллегория, описывающая путь народа к Богу, Синайское Откровение, поиски Бога в изгнании, разлука с Возлюбленным, единение с Ним в Царстве Божьем; как пророчество о приходе Мессии и наступлении Мессианской эры; как метафорическое описание «прилепления» к Богу души праведника; как воплощение в слове таинства единения мужского и женского начал в Самом Боге – сакральный брак Бога и Его Шехины (букв. с иврита – пребывание; гипостазированная имманентность Бога в мире, Его присутствие среди людей); как метафора приближения к первозданной гармонии в святой Седьмой День – Субботу (Невесту), которую встречает народ (Жених). При этом еврейская традиция утверждает, что в Песни Песней, безусловно, можно видеть и прямой смысл: Соломон написал эту любовную песнь к своему бракосочетанию с египетской царевной, воспел в ней страстную и верную любовь, но главное – свою любовь к Премудрости (*Хохма*), которая сливается с Духом Божиим (*руах* ‘дух’ – слово женского рода на иврите) и Шехиной. Показательно, что для еврейской религиозной традиции язык Песни Песней – язык любви – становится исчерпывающим эталоном практически невыразимого в слове религиозно-духовного опыта, единственным языком, на котором человек выражает свою любовь к Богу и Бог – к человеку².

В преемственности и споре культур толкования Песни Песней, сложившиеся в еврейской культуре, подхватила и по-своему преломила христианская традиция. Основоположником христианской экзегезы Песни Песней стал выдающийся мыслитель и богослов Ориген Александрийский (184–253 (или 254)), в своих комментариях и гомилиях на Песнь Песней предложивший сразу аллегорическое и мистическое ее прочтения: союз любви между Христом и Церковью Христовой, мистическое единение Бога и души человеческой. В своем подходе Ориген совершенно открыто опирается на еврейские аллегорические и мистические интерпретации, напоминая, что Божьи слова были переданы христианам иудеями (см. [22, с. 91–102]). Утверждая, что Песнь Песней – самая прекрасная из всех библейских песен, Ориген говорит: «Писание перед нами... Духом поет песнь брака, узами которого Церковь соединяется со Христом, Небесным Женихом, желая стать единою с Ним через Слово» (цит. по: [22, с. 97]). Одновременно Ориген утверждает, что тот, кто подготовил свою душу изучением этики и природы (с ними он связывает еще две книги, приписываемые Соломону, – Притчи и Экклесиаст (Екклесиаст)), тот может приступить к созерцанию незримого, тот «способен перейти к догматическим и мистическим вопросам и таким образом продвигаться вперед к созерцанию Божества с чистой и духовной любовью» (цит. по: [22, с. 96]).

С легкой руки Оригена Песнь Песней стала исчерпывающим языком любви для христианских мистиков, переживавших то, что Фома Аквинский назвал *cognitio Dei experimentalis* – «познание Бога путем опыта», т. е. внерациональным, интуитивно-чувственным путем. По словам М. Поупа, именно в Песни Песней «целомудренные схоласты и мистики нашли плодородную почву, бесконечное море, непостижимую бездну, вечную весну, неисчерпаемый родник для мистических устремлений» [2, р. 122]. Толкование Оригена, подхваченное другими Отцами Церкви, особенно глубоко развернутое в проповедях на Песнь Песней Бернара (Бернарда) Клервоского (XII в.), оказало чрезвычайно сильное влияние на христианскую мистическую поэзию. Мотивы Песни Песней пронизывают, например, книгу немецкого мистика XIII в. Мехтильды Магдебургской «Струящийся Свет Божества», в которой Душа ведет нескончаемый диалог со своим Возлюбленным – Богом. Обращаясь к Любви, Душа говорит: *Возлюбленному моему скажи, уж готово ложе, / и я от любви к Нему изнемогаю тоже* [23, с. 11]. Бог же называет Душу *возлюбленной голубицей, розой между терниями* [23, с. 15–16]. Для всего этого страстного любовного спиритуального романа генеральным архтекстом, помимо Евангелий, становится Песнь Песней.

Одновременно на протяжении всего Средневековья христианские поэты создают духовные гимны Деве Марии, прославляя ее как Невесту из Песни Песней. В XII в. Руперт (*Rupert*), аббат из Дейца, или Дойца (*Deutz*), составил обширный глоссарий к Песни Песней, представляя Невесту как Благословенную Деву и лишь в отдельных местах отходя от этого толкования. Таким образом, именно у Руперта из Дейца складывается чрезвычайно важная для христианской (особенно католической) традиции так называемая мариологическая интерпретация, для которой характерно видение в героине Песни Песней Девы Марии, а в описываемом браке – ее соединения с Духом Божиим, Непорочного зачатия и Боговоплощения³. Топика Песни Песней становится определяющей и для иконографии Девы Марии (см. подробнее [24, с. 609–636]).

Однако при всех аллегорических и мистических интерпретациях Песни Песней невозможно отменить ее прямой смысл – волнующий разговор о таинстве земной любви. Вернее, без этого прямого

²Об интерпретации Песни Песней в еврейской религиозной традиции см. подробнее [18, с. 192–506].

³О христианской интерпретации Песни Песней см. подробнее [18, с. 506–582].

смысла все иные интерпретации теряют смысл. Вот почему европейская поэзия Нового времени, первой фазой которого стал XVII век, открывает Песнь Песней – вопреки строгим запретам Средневековья – как феномен чувственной и духовной полноты бытия человека, как текст, говорящий одновременно и о любви мужчины и женщины, и о любви между Богом и душой человека. При этом особая метафорика Песни Песней, соединяющая чрезвычайную конкретность, предметность и многомерную символику, принципиальную недосказанность и таинственность образов, оказывается концептуально родственной поэзии барокко, его художественному мышлению в целом. В силу этого именно поэты барокко заново открывают Песнь Песней.

Как известно, XVII век, споря с эпигонами Петрарки, открывает в поэзии (и прежде всего в поэзии барокко) мир чувственности, эротики, силы и красоты земной страсти. Ярче всего эта тенденция проявляется в поэзии Дж. Марино и его школы, исповедовавшей вслед за учителем антипетраркизм, а также в испытавшей его влияние любовной лирике Дж. Донна (особенно в ранних любовных элегиях), в поэзии английских поэтов-кавалеров (Р. Геррик, Т. Кэрью и др.). В Германии стилистика и топика Песни Песней оказываются крайне важными как для любовной лирики М. Опица, А. Грифиуса, Ф. фон Цезена, К. Г. фон Гофмансвальдау, И. К. Гюнтера, так и для их религиозно-философской поэзии. Ее мотивы и образы значимы для немецкой духовной песни, что особенно очевидно в творчестве П. Герхардта. Однако самым важным, «осевым» архетекстом Песнь Песней – в силу своей «культовости» для мистики в целом – становится для религиозно-мистической поэзии Ф. Шпее, Д. Чепко, Ангелуса Силезиуса, К. Кульмана.

Первым из немецких поэтов Нового времени к Песни Песней обращается Мартин Опиц, стремясь создать в Германии поэзию на немецком языке, которая смогла бы выразить все, в том числе не только мистическую, но и чувственную силу любви. В 1627 г. в Бреслау выходит в свет первое целостное переложение Песни Песней на немецкий язык под названием «Соломона, древнееврейского царя, Высокая Песнь. В немецкие песни переложена Мартином Опицем» (*Salomons, des hebreischen Königes, Hohes Liedt. Vom Martin Opitz in deutsche Gesänge gebracht*). Показательно, что, несмотря на очевидное авторское начало, свойственное переложению Опица, на отчетливое понимание поэтом, что это не перевод, а свободная вариация на тему библейской поэмы, он не решился поставить свое имя на обложке как имя автора, отводя себе лишь скромную роль «перелагателя». Высокий авторитет библейских книг в религиозно-духовном плане не позволял обращаться с ними предельно свободно и «присваивать» себе великие идеи и образы. Роль поэта в данном случае – транслировать главные смыслы для немецкого читателя в иной, возможно, более доступной форме, одновременно так или иначе комментируя библейский текст, проясняя на свой манер его смысл. В этом плане переложение Песни Песней, выполненное Опицем, как и его переложение Плача Иеремии, является метатекстом по отношению к библейскому тексту, дает ключи к его пониманию – и именно к такому, которое было свойственно эпохе и самому Опицу. Однако при этом, безусловно, остаются неизменными некоторые константы библейского текста, связанные прежде всего с «презумпцией невиновности» его любовно-эротической топики, т. е. с прямым пониманием текста, и, конечно же, важной для немецкого поэта христианской аллегорической и мистической интерпретациями.

Следует заметить, что любое более-менее свободное переложение Песни Песней, не связанное с сугубо религиозным (церковным) переводом, в то время было достаточно опасным: слишком уж подозрительным Церковь (и католическая, и кальвинистская, и лютеранская) считала малейший намек на возможность прочтения библейской книги как поэмы о любви в ее земном смысле, малейшее свободное варьирование ее образов. Так, в 1562 г. был схвачен инквизицией и брошен в тюрьму испанский поэт Луис де Леон за светское переложение Песни Песней – первое по времени. В 1574 г. Ж. Кальвин изгнал из Женевы Себастьяна Кастеллиона, который допускал возможность прямого толкования библейской книги. В этом смысле перед Опицем стояла сложная задача: сохранить дух Песни Песней, ее эротическую метафорику и сделать так, чтобы его не обвинили в сугубо светской интерпретации книги.

В поэзии Опица синтезированы черты классицизма и барокко, в то время как у его последователей, поэтов основанной им Первой силезской школы, преобладают барочные черты (например, у П. Флеминга). Безусловно, эстетические взгляды Опица накладывают отпечаток на его прочтение Песни Песней, интерпретацию ее необычной метафорики. Интересно проследить, как в диалоге с Песнью Песней кристаллизуются основные черты поэтики Опица.

В духе своей эпохи Опиц воспринимает Песнь Песней как лирическую пасторальную драму, продолжая ту линию интерпретации, которая была задана еще Оригеном (как Божественную пасторальную драму определяет Песнь Песней и Джон Милтон). Именно поэтому в переложении Опица, четко следующем порядку глав библейской книги, выделены, как в пьесе, действующие лица, и их два – Суламיתянка (*Die Sulamithinn*), что очень точно соответствует оригиналу, в котором у героини нет имени и которая именуется жительницей города Шулама (Сулама) – *śa-Shulamit*, и царь Соломон. Герои об-

мениваются, как и в первоисточнике, лирическими песнями, и Опиц, тонко чувствующий лирическую природу текста, называет каждую главу библейской книги в своем переложении «песней» (*Lied*). Таким образом, в понимании Опица Песнь Песней представляет собой лирико-драматическую пасторальную поэму с двумя действующими лицами (в его переложении отсутствуют партии женского и мужского хоров, которые обычно выделяют последующие интерпретаторы и современные исследователи).

Кроме того, переложение Опица впервые облакает образы Песни Песней, ее стиховую «плоть» в кристаллически четкую силлаботонику, впервые им же четко разработанную и введенную в немецкую поэзию. Для него вариации на темы Песни Песней – еще и демонстрация возможностей как современного ему немецкого языка, так и его новой системы стихосложения в освоении трудного, временами герметически темного текста. Опиц адаптирует библейский текст для немецкого читателя и для каждой главы-песни подбирает свои ритмы, тем самым семантизируя избранные размеры. Так, «Первая песнь» (*Das erste Lied*), открывающаяся монологом героини и вводящая читателя в мир ее любовных грез, написана четырехстопными хореическими стихами, организованными в шестистишные строфы; при этом первые четыре стиха имеют перекрестную рифмовку и сопровождаются альтернансом женских и мужских рифм, а два последних стиха соединены парной женской рифмой, что придает им характер относительно самостоятельного поэтического афоризма. В целом избранный поэтический размер включает легкий и бодрый мотив пути, соответствующий поискам возлюбленного. Приведем первые две строфы монолога Суламитянки:

*Liebster (sagt in süßem Schmetzen / Deine Sulamithinn dir), / Komm doch, saget sie von
Herten, / Küsse mich, o meine Zier; / Deine Huld ist zu erheben / Für deß schönsten Meines
Reben. // Dein Geruch der ist viel besser / Als der feist' Olivensafft / An dem Syrischen Gewäs-
ser, / Als deß Balsams edle Krafft. / Darumb müssen auff dich schauen / Und dich lieben die
Jungfrauen* [25, S. 257].

Показательно: на 6 библейских стихов (согласно нумерации) и 22 стиха в стиховедческом смысле слова первого монолога героини (*Песн 1:2–7*) [26, с. 67–68] приходится 54 стиха опицевского переложения (мы опустили последние строфы). Это говорит о том, что немецкий поэт стремится детализировать, развернуть каждый стих и каждый библейский образ изнутри и пояснить его. Так, он начинает не с внезапных, ошеломляющих читателя страстных слов героини о поцелуях (*Пусть уста его меня поцелуют!* (*Песн 1:1*) [26, с. 67]), но с обращения к возлюбленному: *Liebster* ‘Любимый’; исключает внешне алогичную смену третьего лица на второе (*Лучше вина твои ласки* (*Песн 1:1*) [26, с. 67]) и объясняет во вводной конструкции в скобках, что эти слова говорит Суламитянка (говорит про себя о себе): ‘Любимый (говорит в сладком страдании / Твоя Суламитянка тебе), / Приди же, говорит она от всего сердца, / Целуй меня, о моя краса...’⁴. Не благоухание имени возлюбленного, как в Песни Песней, но его собственный аромат героиня сравнивает с благоуханием оливкового масла и благородного бальзама (так поэт толкует трудное для понимания выражение в *Песн 1:3* <иemen турак>, которое условно переводят как *пролитый елей* [аромат]; в переводе И. М. Дьяконова – *разлитой аромат* [26, с. 67]). В соответствии с оригиналом Опиц объясняет смуглый цвет кожи красавицы тем, что она загорела на солнце, в то время как в Вульгате она «черна» (*nigra*): *Ich bin schwartzbraun von der Sonnen* ‘Я черно-коричнева от солнца’. Загадочное сравнение смуглой красоты героини с *шатрами Кедара и завесами Соломона* (*Песн 1:5*) немецкий поэт поясняет как противопоставление: ‘...я черна, как шатер / На берегу жаркого моря мавров’ (...*ich schwartz bin wie die Zelte / An der heissen Morensee*), – но в то же время она прекрасна, как ‘ковры Соломона’ (*Salomons Tapezereyen*) [25, S. 258].

Таким образом, во многих случаях Опиц действует как подлинный филолог-комментатор, по-своему объясняя загадочные слова и выражения в Песни Песней. Однако при этом он дает понять, что Возлюбленный, которого призывает героиня, имеет особую природу, ведь, согласно христианской интерпретации, это Бог (Иисус), в любви к которому объясняется и которого страстно ищет душа. Поэт делает это тонко, вводя в текст отдельные знаковые слова и фразы, которых нет в библейском тексте. Так, в третьей строфе героиня говорит: *Nun er hat mich eingenommen, / In sein heiliges Schlawffgemach...* ‘Так ввел он меня / В свою святую опочивальню...’ Здесь эпитет *свотой* применительно к царской опочивальне (*heiliges Schlawffgemach*) сразу же привносит в текст сакральные смыслы, точнее – эксплицирует их. Этой же цели служат финальные строки в четвертой строфе: *Alle Leute welche leben / Müssen meinen Freund erheben* [25, S. 258] ‘Все люди, которые живут, / Должны моего друга возвысить [прославить]’. И если в Песни Песней героиня именует своего любимого *возлюбленный мой, друг мой, любовь моей души*, то Опиц прибавляет к этому в восьмой строфе ‘солнце моей души’ (*Sonne meiner Seele*) и ‘все мое Я’ (*Mein ganz Ich*) [25, S. 258].

⁴Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.

В ответе Соломона звучит, как и в библейском тексте, обращение *прекраснейшая из женщин* (*O du schönste aller Frauen* [25, S. 258]) и достаточно точно передается смысл библейских стихов, но при этом на 9 строк оригинала приходится тридцать строк переложения. Далее в монологе Суламитянки точно передан эротический образ наряда, разливающего ароматы, который является метафорой готовности девушки к любви. Опиц находит для этого удачный образ: *Geruch der Liebligkeit* ‘аромат очарования [прелести]’. Поэт также подбирает эквивалент к одному из важнейших именовании возлюбленного в Песни Песней – *любовь моей души: mein Hertzliebster* ‘мой сердечно-любимый [любимый сердцем]’; точно передает сравнение в *Песн 1:13* возлюбленного с пучком мирры, покоящимся между грудей красавицы (*Als ein Büschlein frischer Myrrhen / Zwischen meiner Brüste Zier*), а не совсем понятный ему образ *грозди хны* превращает в грозди винограда на горах Эн-геди (*Engadts Höhen*), тем более что виноградники Эн-геди прямо упоминаются в этом фрагменте Песни Песней: *Для меня мой милый – гроздь хны / В виноградниках Эн-геди* (*Песн 1:14*) [26, с. 69]. В результате эти строфы в переложении Опица максимально приближаются к оригиналу по точности передачи его образного строя, специфической топики:

Weil der König und sein Leben / Sich gebrauchten ihrer Zeit, / Muste meine Narden geben / Den Geruch der Liebligkeit, / Muste Lufft und Ort erfüllen / Weil sie ihre Liebe stillen. // Könnte mein Gemüth auch irren? / Mein Hertzliebster kompt mir für / Als ein Büschlein frischer Myrrhen / Zwischen meiner Brüste Zier, / Als die Trauben, welche stehen / Auff deß Flecken Engadts Höhen [25, S. 258].

Удачен и парафраз финала первой главы Песни Песней, где мы слышим краткую переключку двух голосов – мужского и женского:

– *Как прекрасна ты, милая, как ты прекрасна, / Твои очи – голубицы! // – Как прекрасен ты, милый, и приятен, / И наше зелено ложе, / Своды дома нашего – кедры, / Его крыша – кипарисы* (*Песн 1:15–17*) [26, с. 69].

Сравним у Опица:

*Salomon. Meine Schönste, meine Wonne / Deines gleichen lebet nicht; / Du bist aller Schönheit Sonne; / Deinen Augen, o mein Liecht, / Müssen Taubenaugen weichen, / Ihrem Glantz' ist nichts zu gleichen. // Die Sulamithinn. Du bist schön' und außerlesen; / Unser Bette grünet wol; / Unser Cedern-Zimmerwesen / Und der Bau ist Schönheit voll; / Zu den Decken sind Cypressen; / Nichts ist an der Lust vergessen*⁵ [24, S. 258].

Немецкий поэт избегает повторов, столь важных для библейского стиля, особенно для передачи взволнованного состояния человека, эмоционального напряжения (так, два раза повторено *как прекрасна*), но взамен этого сохраняет и усиливает слово, лейтмотивом проходящее через весь фрагмент – и в библейском, и в немецком тексте, – *schön* ‘прекрасный’ и его дериваты: *Schönste* ‘прекраснейшая’ и *Schönheit* ‘красота’.

Для «Второй песни» (*Das andere Lied*) Опиц выбирает тот же легкий песенный хореический размер и передает знаменитую «цветочную» символику с учетом сложившейся христианской символики (роза и лилия), хотя и принимает равнину Саронскую за высокие Саронские леса:

*Die Sulamithinn. Wie die Rose pflegt zu stehn / In den hohen Saronswäldern, / Wie die Lilie auff zu gehn / In denselben grünen Feldern. / Wann die Sonne zeigt sich, / Also bin in gleichen ich. // Salomon. Wie der güldnen Rosen Zier / Unter scharpffen Dörnern blühet / Und für ihnen ragt herfür; / Wie ihr schöner Glantz aussihet, / So muß meiner Liebsten Schein / Unter andern Töchtern seyn*⁶ [25, S. 259].

Здесь совершенно очевидно стремление немецкого поэта усилить красочную палитру библейского текста, сделать ее более яркой и многоцветной. Знаменитое место в *Песн 2:4–5* (*Он ввел меня в дом пированья, надо мной его зная – любовь! // Изюмом меня освежите, яблоком меня подкрепите, / Ибо я любовью больна* [26, с. 70]) передано Опицем следующим образом:

⁵ Соломон. Моя прекраснейшая, мое блаженство, / С тобой никто не сравнится; / Ты – всей красоты солнце; / Твои глаза, о мой свет, / Кроткие, как глаза голубиные, / С их сиянием ничто не сравнится. // Суламитянка. Ты прекрасен и изыскан [избран], / Наше ложе зеленеет благом [хорошо]; / наших покоев своды – кедры, / И дом красоты полон; / Для потолков – кипарисы; / Ничего для веселья не забыто.

⁶ Суламитянка. Как роза привычно стоит [растет] / В высоких Саронских лесах, / Как лилия раскрывается / В тех же зеленых полях, / Когда покажется солнце, / Такова и я. // Соломон. Как золотой розы краса / Среди острых шипов цветет / И из них возвышается, / Как ее прекрасный блеск виден всем, / Такова моей возлюбленной сияние / Среди других дочерей.

*In die Keller unterhin / Will er mich zum Weine führen; / Daß ich frey und sicher bin / Deckt er mich mit Liebspanieren, / Seine treue Liebe macht / Daß mein Sinn deß Glückes lacht. // Wo der Wein darinnen steht / Stützet mir die Legel unter; / Dann mein Hertze das vergeht. / Machet mich mit Oepffeln munter; / Liebes-Kranckheit kömpt mich an, / Daß ich nicht mein selbst seyn kan*⁷ [25, S. 259].

В библейском тексте нет никакого движения вниз, которое у Опица символизирует, по-видимому, уход человека из мира, а затем восхождение души, охраняемой Божьей любовью (отсюда – *верная любовь* и *любви покров*), и воскресение. Тем не менее поэт тонко передает полуобморочное состояние героини, когда сердце, кажется, покидает ее, равно как и находит удачный эквивалент выражению *любовью больна* – *Liebes-Kranckheit* ‘болезнь любви’. Слова о том, что любовь нельзя пробуждать раньше срока, в Песни Песней произносящиеся героиней, Опиц вкладывает в уста Соломона: *Weckt mein Lieb nicht auff mit Macht / Biß sie von sich selbst erwacht* [25, S. 259] ‘Не будите мою любовь силой, / Пока она сама не проснется’. Немецкий поэт тонко передает с помощью вопросов состояние грез, в котором пребывает героиня, когда ей чудится голос возлюбленного и мерещится его образ (*Песн 2:8–9*): *Hör’ ich meinen Liebsten nicht? / Seh’ ich ihn nicht zu mir dringen?* [25, S. 259] ‘Слышу ли я моего любимого? / Вижу ли я его, стремящегося ко мне?’. Далее разворачивается прекрасный весенний пейзаж, в котором немецкий поэт успешно соревнуется с древним поэтом и достигает особой красочности, сохраняя при этом ключевые библейские образы и смыслы (см. [25, S. 260]). Он усиливает мотив полного взаимного обладания и верности влюбленных друг другу, звучащий из уст героини и выраженный чрезвычайно лаконично (*Мой милый – мой, а я его* [26, с. 71]), но не передает эротически-символический образ пастбы *среди лилий* (*Песн 2:16–17*), заменяя его *лилиями* и *фиалками*, которых жаждет возлюбленный:

*Der mich mehr noch liebt als sich, / Der nur mich liebt und sonst keine, / Der ist mein’ und sein’ auch ich, / Seine bin ich und er meine: / Lilien sind ihm eine Lust, / Und Viole seine Kost*⁸ [25, S. 260].

Для парафраза третьей главы, в которой героиня предается ночным грезам и в воображении своем ищет возлюбленного – сначала на своем ложе, затем на улицах и площадях города, Опиц выбирает иной строфический размер – катрены, в которых чередуются стихи, написанные пятистопным и трехстопным ямбом, что придает поэтической речи и медитативность, и особую взволнованность:

*Nach dem ich lag in meinem öden Bette, / Sucht’ ich mein edles Liecht, / Ich sucht’, ob ich den Liebsten bey mir hette, / Ich fand ihn aber nicht*⁹ [25, S. 260].

Эти строки очень близки по смыслу тексту библейской книги и почти являются переводом, исключая именование возлюбленного *mein edles Liecht* ‘мой благородный свет’ (ср.: *Ночью на ложе я искала любимого сердцем, / Я искала его, не находила* (*Песн 3:1*) [26, с. 71]).

Для «Четвертой песни» Опиц вновь выбирает шестистишную строфу, но на этот раз написанную четырехстопным ямбом с парной рифмовкой в двух первых стихах, а затем – с кольцевой рифмовкой и чередованием женских и мужских рифм. Все это придает стиху необычайную гибкость интонации:

Mein Lieb, wie schöne bist doch du! / Wie zeucht mich die Gestalt herzu! / Als Taubenaugen sind die deinen, / Wann zwischen deiner Haare Zier / Ihr heller Glantz sich giebt herfür; / Und sie gleich als zwei Sonnen scheinen [25, S. 262].

Кардинально изменяя форму, немецкий поэт поразительно точно передает смелые чувственные образы знаменитого васфа (описания чувственной прелести возлюбленной или возлюбленного), иногда меняя детали (так, губы красавицы сравниваются не с багряной лентой, а с розой), чаще всего поясняя необычную метафорику. Так, волосы девушки, непременно золотистые, – не просто живое козье руно, ‘а летят вокруг нежного чела, как скачет с гор козье стадо’ (*So sehn wir auch das güldne Haar, / Umb deine zarte Stirne fliegen* [25, S. 262]). При этом Опиц очень точно передает библейские топонимы и стремится пояснить некоторые из них, иногда ошибаясь: например, согласно его тексту, горы Гилеада (Галаада) – на той стороне Евфрата, хотя на самом деле они всего лишь

⁷В погребок вниз / Хочет он меня к вину привести, / Чтобы я была свободной и уверенной, / Укрывает он меня любви покровом, / Его верная любовь делает так, / Чтобы все мое существо смеялось от счастья. // Там, где вино внутри стоит, / Подкашиваются мои ноги, / Потом мое сердце исчезает. / Ободрите [оживите, подкрепите] меня яблоками, / Болезнь любви настигла меня, / Так что я сама не своя’.

⁸Тот, кто меня любит больше, чем себя, / Кто только меня любит и больше никого, / Кто – мой, и я – также его, / Его – я, и он – мой: / Лилии ему желанны, / И фиалки – его пища’.

⁹Пока я лежала в моей одинокой постели, / Искала я мой благородный свет, / Я искала, как будто возлюбленный был рядом, / Но я не находила его’.

на той стороне Иордана. Короткий библейский стих *Вся ты, милая, прекрасна, и нет в тебе изъяна* (Песн 4:7) [26, с. 74] немецкий поэт разворачивает в исполненное психологической глубины признание, что никакими словами невозможно выразить красоту возлюбленной, и использует при этом типичный для стиля Песни Песней повтор, звучащий в *Песн 4:1* (*Как прекрасна ты, милая, как ты прекрасна!* [26, с. 73]):

*Gantz schöne, meine Lust, bist du, / Du bist gantz schöne, meine Ruh: / Wer ist es, der dich recht beschreibe? / Du bist die Liebe selbst, mein Liecht, / Du hast gar keine Mackel nicht, / Kein Flecken ist an deinem Leibe*¹⁰ [25, S. 262].

Поразительно глубоко и гармонично Опиц передает один из самых эротических и одновременно эзотерических фрагментов Песни Песней, в котором невеста уподобляется замкнутому саду со множеством плодов и ароматов (Песн 4:12–15):

Du kömpst mir, Schwester, liebste Zier; / Als ein verschlossner Garten für; / Als eine zugedeckte Quelle; / Du bist ein Brunnen, dessen Fluß / Man zugesiegelt halten muß, / Der nicht rinnt ausser seiner Stelle. // Es ist, du Spiegel aller Zucht, / Von Granatäpfeln deine Frucht, / Man kan bey dir viel Cypern finden, / Und Narden, Saffran, Kalmes auch, / Gewürzte, Myrrhen, Weyherauch, / Und Aloes und Zimmetrinden [25, S. 263].

Бережно сохраняя топику библейского текста, Опиц вместе с тем приглушает его чувственно-эротическую сторону и делает более явной имплицитную духовно-мистическую составляющую. Так, в ответную речь Суламитянки поэт вводит два эпитета – *werthen* ‘драгоценный’ по отношению к саду и *edlen* ‘благородные’ – по отношению к его плодам, акцентируя духовность этого сада и его плодов – даров, приносимых душою Богу:

Komm Nortwindt, du, o Sudt, steh' auff, / Nim durch den Garten deinen Lauff, / Laß seine Wurtzel wol durchnässen; / Mein Liebster' komm' jetzt ohn Beschwer / In diesen werthen Garten her, / Von seiner edlen Frucht zu essen [25, S. 263].

Рассмотрим подробнее «Седьмую песнь» поэмы Опица – переложение седьмой главы Песни Песней. Именно в этой главе содержится один из знаменитых васфов, а также звучит мотив полного осуществления любви, полного взаимного обладания. В этом эпизоде поэмы происходит долгожданная встреча влюбленных, и они вместе отправляются в расцветающие весенние поля. Апогей любви не случайно совпадает с весенним пробуждением природы, вечным цветением, обновлением и продолжением жизни; однако одновременно речь идет о плодах, символизирующих плоды любви, плодоносную силу жизни. С этой генеральной семантикой связана символика ответа прекрасной Суламитянки своему возлюбленному: гранат как древнейший символ жизни; мандрагоры как символ ее продолжения, деторождения, ибо, согласно древним поверьям, яблоки мандрагоры (у М. Лютера – *die Liebesäpfel* ‘яблоки любви’) даруют плодovitость бесплодным женщинам и особую силу мужчинам.

Седьмая глава Песни Песней представляет собой один из самых чувственно-эротических фрагментов библейской поэмы. Он начинается с описания красоты возлюбленной. Показательно, что взгляд влюбленного (поэта) движется снизу вверх: ноги (ступни) возлюбленной, ее бедра, живот, грудь, шея, голова. Именно в таком порядке воссоздается облик девушки, живописуемый словом. Возможно, то, что описание начинается с ног, обутих в сандалии, связано с упомянутой чуть ранее таинственной *маханаим*-пляской шуламיתянки (Песн 7:1). Округлые бедра девушки уподоблены украшению, названному в оригинале *халаим* (Песн 7:2). О каком именно предмете идет речь, неизвестно. И. М. Дьяконов, переведший это слово как *гривны* (*Изгиб твоих бедер – как гривны, что сделал искусник* [26, с. 79]), отмечает вместе с Л. Е. Коганом, что в дошедших до нас контекстах оно обычно встречается в паре со словом *nāzām* ‘серьга, носовое кольцо’ (см. [26, с. 301]); в Септуагинте оно передано как *hormiskois* ‘цепочки’, в Вульгате – *tonilia* ‘ожерелья’. Особенно необычный эротический образ связан с пупком красавицы: *Твой пупок – это круглая чаша: / Пряное вино в ней да не иссякнет!* [26, с. 79]. Это достаточно малопонятно, если под словом *шор* ‘пупок’ действительно понимать пупок. Согласно замечанию И. М. Дьяконова и Л. Е. Когана, «последующее описание не слишком благоприятствует такой интерпретации. Возможно, следует согласиться с комментаторами, видящими здесь эвфемизм *pro cunno*» [26, с. 301]. Именно так (*vulva* ‘вульва’) переводит это слово и М. Поуп: *Your vulva a rounded crater; / May it never lack punch!* [2, р. 593]. Интересно, что в переводе М. Лютера употреблено слово *Schoss* ‘лоно’: *Dein Schoss ist wie ein runder Becher, dem nimmer Getränk mangelt* [27, S. 669].

¹⁰ *Вся ты прекрасна, моя желанная [моя радость], / Ты вся прекрасна, моя отрада: / Есть ли кто-то, кто смог бы тебя подлинно описать? / Ты – сама любовь, мой свет, / В тебе нет никакого изъяна, / Никакого пятна на твоём теле’.*

Далее (*Песн 7:3*) живот возлюбленной уподоблен вороху пшеницы (подчеркнуты мягкость и золотистый цвет), окаймленному лилиями (точнее – лотосами). Видимо, чтобы снять ассоциации с белым цветом лилий (как и в случае с губами возлюбленного) и подчеркнуть, что красавица, вероятно, рыжеволоса, И. М. Дьяконов перевел этот стих так: *Твой живот – это ворох пшеницы с каемкою красных лилий* [26, с. 79]. Остальные переводчики более строго следуют тексту: ...*чрево твое – ворох пшеницы, обставленный лилиями* (Синод. перевод); *Живот твой – / ворох пшеницы, / обставленный / лилиями* (перевод А. Эфроса) [28, с. 96]; *Dein Leib ist wie ein Weizenhaufen, umsteckt mit Lilien* (перевод М. Лютера) [27, S. 669]. Однако в оригинале стоит слово <шощанним> (ед. число <шощанна>), восходящее к егип. *ššn* со значением ‘лотос’, а лотос может быть самого разного цвета, в том числе и красного.

С вариациями повторяются уподобления девичьих грудей двум оленям и двойне газели (*Твои груди, как два олененка, двойня газели* (*Песн 7:4*) [26, с. 79]; ср. *Песн 4:5*), а шеи – башне (*Песн 4:4*), только на этот раз – из слоновой кости: *Твоя шея – башня слоновой кости* (*Песн 7:5*) [26, с. 79]. Далее следуют еще более необычные метафоры: глаза девушки предстают как пруды в Хешбоне – моавитском городе, находившемся в 34 км от Иерихона, а ее нос – как дозорная башня на горах Леванона (Ливана), обращенная в сторону Дамаска (*Песн 7:5*). Эти метафоры, менее всего основанные на визуальном сближении, но скорее – на глубинно-смысловом (бездонность и огромность глаз возлюбленной, горделивость ее носика), вызовут множество откликов в авангардной поэзии XX в., да и сегодня они воспринимаются как авангардные. Столь же дерзко сравнение головы красавицы с горой Кармэль (в Синод. переводе – Кармил) на берегу Средиземного моря (ныне – в городе Хайфа). Название горы на иврите неслучайно означает «виноградник Бога [Божий]»: в древности она была покрыта виноградниками. Тем самым кудри девушки уподобляются буйным виноградным лозам.

Хвала возлюбленной и самой любви, любовному наслаждению достигает апогея: *Как ты прекрасна, как приятна, / Любовь, дочь наслаждений!* (*Песн 7:7*) [26, с. 79]. В оригинале сказано: ‘Как ты прекрасна и как ты приятна, любовь в наслаждениях [ласках]’ (ср. перевод А. Эфроса: *Как ты прекрасна, / и как ты приятна / среди наслаждений / любовь!* [28, с. 97]; перевод М. Лютера: *Wie schön und wie lieblich bist du, du Liebe voller Wonne!* [27, S. 669] ‘Как прекрасна и как приятна ты, о ты, любовь, полная наслаждения!’). Однако И. М. Дьяконов и Л. Е. Коган полагают, что выражение <а́ава баттаанугим> ‘любовь в наслаждениях [ласках]’ следует читать как <а́ава бат таанугим> ‘любовь, дочь наслаждений’, «отраженное у Аквилы (*thugatēr truphōn*) и в Пешитте (*brt pwnk?*) и предусматривающее выпадение одного из *T* по гаплографии» [26, с. 303]. Так же переводит этот фрагмент и М. Поуп: *How fair, how pleasant you are! / O Love, daughter of delights* [2, p. 593]. При этом в некоторых древних переводах, в частности в Вульгате, слово <а́ава> ‘любовь’ понято как <а́ува> ‘любимая’ и переведено, соответственно, как *carissima* (то же понимание отражено и в Пешитте). В стихах *И нёбо твое – как пряное вино, / Прямо к милому течет, / Бежит по губам спящих* (*Песн 7:10*) [26, с. 80] слова героя незаметно перетекают в слова героини, устремляющейся навстречу желанию возлюбленного, сливающейся с ним в любовном поцелуе. Один из самых загадочных образов – вино, текущее по губам спящих или делающее разговорчивыми уста спящих. В оригинале стоит причастие <довев>, относящееся к корпусу *Нарах Legomena*. Возможно, вино *связывает (вяжет) губы и зубы* влюбленных (так в переводе М. Лютера); *заноуем в селеньях* можно понять и как *заноуем среди соцветий хны* (ср. у М. Лютера: ...*und unter Zyperblumen die Nacht verbringen* [27, S. 669], букв. ‘...и под цветами ципер ночь проведем’).

И это только маленькая толика различного рода трудностей, встречающихся в Песни Песней, – трудностей не просто перевода, но элементарного понимания текста. Приведенный фрагмент как нельзя лучше демонстрирует специфическую образность Песни Песней: не застывшая, но текучая пластика описаний (образы словно бы переливаются друг в друга, трансформируются на наших глазах); сложная метафорика соединяется с конкретностью, осязаемостью, зримостью метафорического ряда, но эта визуальность вызывает совсем не к правдоподобию, а скорее к полету творческой фантазии (только так можно объяснить, что шея и нос – как башни, очи – как пруды, и т. д.). По поводу этой необычной стилистики, которая будет осознана как совершенно авангардная в поэзии начала XX в., необычного мира Песни Песней С. С. Аверинцев пишет: «В этом мире стан красавицы не просто “подобен” пальме, но одновременно есть действительно ствол пальмы, по которому можно лезть вверх, а сосцы ее груди неразличимо перепутались с виноградными гроздьями. Слова древнееврейского поэта дают не замкнутую пластику, а разомкнутую динамику, не форму, а порыв, не расчлененность, а слиянность, не изображение, а выражение, не четкую картину, а проникновенную интонацию. Эта родовая черта сближает Песнь Песней с лирикой Псалмов» [29, с. 290].

Приведем начало и финал «Седьмой песни» в переложении Опица:

Salomon. Wie schöne Fuß' und auch wie schöne Schuh / Sind deine doch, du Fürstentochter du! / Wie Spangen stehn beysammen deine Lenden, / Sehr wol gemacht von guten Meisterhänden. // Dein Nabel wie ein runder Becher steht, / Dem niemals Tranck und süsser Wein abgeht; / Der Bauch gleicht sich dem Weizenhauffen eben, / Der rings umbher mit Rosen ist umgeben. // Gleich wie man sieht zwey junge Rehe sich / Mit geilem Spiel' ergetzen lustiglich / Und frölich sein an einer grünen Wüste, / So stehn dir auch die rund erhabnen Brüste. <...> Die Sulamithinn. Ich bleib' und bin deß Liebsten für und für; / Dann seine Lust beruhet gantz auff mir. / Komm, Hertze, komm, laß uns zu Felde bleiben / In feister Ruh' und da die Zeit vertreiben. // Wir lassen nur der Statt nicht rechten Schein, / Ihr eitels Thun und falsche Freude sein, / Wir wolln mit dir, o Morgenröth', aufstehen / Und frölich hin in unsern Weinberg gehen. // Wir wollen sehn, ob nicht der Stock schier blüht, / Und ob er nicht mit neuen Augen sieht; / Ob dieses Jahr wird Granatöpfel tragen, / Ob ihre Haut beginnt aufzuschlagen. // Alsdann will ich dir reichen meine Brust, / Und einen Kuß; will alle Felde Lust / Dich lassen sehn, dir alle Früchte geben / So ich für dich pfleg' heilig aufzuheben¹¹ [25, S. 267–268].

В своем парафразе Опиц довольно точно следует семантике библейского текста, его внутренней логике и в то же время неуловимо меняет его, расширяя за счет собственного понимания его метафорики и привнесения нужных ему смысловых нюансов. Вариация Опица гораздо объемнее, нежели предельно сжатый и предельно же насыщенный метафорически библейский текст: на 33 коротких тонических стиха оригинала (точнее, полустихий, написанных преимущественно элегическим размером кина, имеющим соотношение ударений 3:2) приходится 52 опицевских стиха, написанных четким пятистопным ямбом с парной рифмовкой, что придает всему тексту стройность и упорядоченность, контрастирующие с гораздо большей ритмической свободой подлинника, в котором к тому же отсутствует рифма. Поэтому исчезает свобода дыхания, но появляются столь желанные для Опица, исповедующего в эстетике принципы классицизма, гармония, соразмерность, прозрачность и ясность образов.

Библейские образы разворачиваются поэтом изнутри, по сути, комментируются: так, в тексте Опица у красавицы не просто шея как башня из слоновой кости, но 'шея, испускающая такое сияние вокруг, как башня, сделанная из слоновой кости' (*Dein weisser Hals giebt von sich solchen Schein, / Als wie ein Thurn gemacht auß Helffenbein*) – типичный пример и смысловой, и синтаксической амплификации; груди – не просто *двойня газели*, но они 'подобны двум газелям, которые в зеленых зарослях наслаждаются сладостной игрой' (этот усиленный эротизм продиктован, очевидно, воспоминанием о симметричном по сути уподоблении в *Песн 4:5*: *Две груди твои – как два олененка, / Как двойня газели, что бродят среди лилий* [26, с. 73]); стан красавицы подобен не просто пальме, но 'пальме, которую не склонит никакая тяжесть' (*Ein Palmenbaum, der keiner Last nicht weicht*); груди – не просто виноградные гроздья, но 'гроздья винограда, которые еще зреют и тверды на ощупь' (*Die Brüste stehn wie Trauben, die noch reiffen / Und harte sind zum ersten anzugreifen*). Поэт явно усиливает зрительные, осязательные, пластические моменты древнего текста. Более детальна и географическая конкретизация в переложении Опица: голова девушки не просто уподоблена Кармелю, но уточняется местонахождение знаменитой горы на берегу Средиземного моря в Палестине и т. д.

В целом очевидно наиболее важное изменение в поэтике переложения в сравнении с поэтикой *Песни Песней*: вместо текучей, изменчивой пластики – скорее статика, скульптурность образов, что подчеркивается очень частым повторением глагола *stehen* 'стоять' (*stehn... deine Lenden; dein Nabel... steht; so stehn dir ach die rundterhabnen Brüste; die Brüste stehn wie Trauben*). Вероятно, подобное усиление «статуарности» связано не только с тем, что немецкий язык не может обходиться без грамматических связок (вернее, для Опица невозможен их пропуск, как позднее для преобразователя языка и дерзкого нарушителя грамматических канонов Ф. Г. Клопштока), но и с особенностями мировидения «правильного» немецкого поэта.

¹¹ Соломон. Как прекрасны ступни и как прекрасны также сандалии [башмаки] / Твои, о ты, княжеская дочь, о ты! / Стоят вместе твои бедра, как обручи [браслеты], / Изготовленные искусно добрыми руками мастера. // Твой пупок стоит как круглая чаша, / Которой незнакома жажда и из которой истекает сладкое вино; / Живот кажется подобным вороху пшеницы, / Который вокруг обложен розами. // Подобно тому, как две молодые газели / Сладостной игрой наслаждаются весело / И радостно в зеленом уединении, / Так стоят у тебя выпукло-круглые груди. // Твоя белая шея испускает такое сияние, / Как башня, сделанная из слоновой кости. <...> Суламита. Я принадлежу всецело возлюбленному, / И его желание устремлено ко мне. / Приди, сердце, приди; давай останемся в полях, / В нерушимом покое, и там время проведем. // Мы покинем города неправедный блеск, / Вас, дела суеты и ложные радости; / Мы хотим с тобой, о утренняя заря, встать / И радостно подняться в наш виноградник на горе. // Посмотрим, не цветет ли уже виноградная лоза / И не покрылась ли новыми завязями; / Принесет ли этот год гранатовые яблоки, / Пробиваются ли их почки // Потом отдам я тебе сокровища моих грудей / И поцелуй; всю радость полей / Ты увидишь, тебе отдам все плоды, / Что я приберегла тебе свято'.

Особое внимание обращает на себя следующее смысловое изменение в тексте: девушка в переложении Опица не просто приглашает возлюбленного уйти в расцветающие весенние поля, заночевать в селеньях (или шалашах, или среди соцветий хны), но предлагает удалиться от суеты и фальши городской цивилизации с ее лживым блеском, обманной мишурой. Это исторически новый мотив, который затем разовьют поэты барокко и который будет столь важен для просветительской концепции «естественного человека» и «естественного состояния» (именно в этом духе будет интерпретировать слова героини И. Г. Гердер в эссе, посвященном Песни Песней).

И самое главное: в финале седьмой песни Опица появляется слово, отсутствующее в библейском тексте, но чрезвычайно важное для утверждения нужного немецкому поэту смысла перелагаемого текста: *heilig* ‘святой’, ‘свято’. Это слово меняет контекст и мгновенно переводит все конкретно-чувственное в духовную плоскость: речь идет, помимо физической красоты человека и мощи земной любви, о великих дарах Любви Божественной и о тех дарах, которые готовит Богу душа человеческая. Так Опиц демонстрирует слиянность двух планов Песни Песней – любовно-эротического и сакрального.

В соответствии с библейским текстом Опиц прославляет в «Восьмой песне» сильную и верную любовь, пламя которой не загасить никакому потоку, которую невозможно купить за серебро, золото или драгоценные камни (см. [25, S. 269]). При этом странно, что из поля зрения поэта выпала знаменитая, самая цитируемая строка Песни Песней: *Ибо любовь, как смерть, сильна...* (Песн 8:6) [26, с. 81]. Однако именно эта мысль библейского текста положена им в основу сонета «Любовь – это жизнь и смерть» (*Die Lieb ist Leben und Tod*), где, как и во многих других его стихотворениях, присутствуют аллюзии на Песнь Песней. Безусловно, Опиц учился языку любовной поэзии у древнего библейского автора и учил ему других немецких поэтов. Он демонстрировал ничем не ограниченные возможности родного языка и выступал как первопроходец, создающий на нем поэзию любви и святости.

Заключение

Таким образом, для М. Опица, заложившего фундамент классической немецкой поэзии, Песнь Песней выступает в качестве одного из ключевых архетекстов, выполняющих смысло- и текстопорождающую функцию. Одновременно Песнь Песней является для немецкого поэта архитектором, определяющим жанровые особенности его переложения: он рассматривает Песнь Песней как лирико-драматическую пасторальную поэму и создает этот жанр в Германии. В своем парафразе, являющемся авторским комментарием (метатекстом) к Песни Песней, Опиц прокладывает дорогу свободному диалогу с библейским текстом, а также впервые осуществляет на немецком языке синтез любовно-эротической и религиозной поэзии. Для поэта трагической эпохи Тридцатилетней войны Песнь Песней выступает как своеобразная утопия красоты и гармонии, противостоящая безобразию реальности. Любовь, воспеваемая Песнью Песней, воспринимается поэтом как сила, преображающая жизнь и побеждающая смерть. Кроме того, библейская поэтика в целом и поэтика Песни Песней в частности становятся для М. Опица той творческой лабораторией, где вырабатывается его неповторимый стиль, соединяющий в себе рационализм, строгость мышления классицизма и яркую пластичность, живописность, метафоричность, свойственные барочному мышлению. В сравнении с текучей пластикой Песни Песней, передающей динамику духа, поэтика Опица в большей степени ориентирована на скульптурность образов. В переложении Песни Песней М. Опиц первым в немецкой литературе вводит мотив противопоставления суетности городской цивилизации и гармоничности жизни на лоне природы, в соответствии с естественным и одновременно Божественным законом – законом любви. Этот мотив, который дальше развивают поэты барокко, предваряет поиски Просвещения, особенно писателей сентиментализма.

Библиографические ссылки

1. Синило ГВ. Библия как «осевой» архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2017;3:19–29.
2. Pope MH. *Song of Songs. A New Translation with Introduction and Commentary*. New York: Doubleday; 1977. (The Anchor Bible; volume 7C).
3. Синило ГВ. *Танак и мировая поэзия*. Минск: Экономпресс; 2009.
4. Kühlmann W. *Martin Opitz. Deutsche Literatur und deutsche Nation*. Heidelberg: Manutius; 2001.
5. Borgstedt T, Schmitz W, Herausgeber. *Martin Opitz (1597–1639). Nachahmungspoetik und Lebenswelt*. Tübingen: M. Niemeyer; 2002.
6. Dunphy RG. *The Middle High German «Annolied» in the 1639 Edition of Martin Opitz*. Glasgow: Glasgow University; 2003.
7. Kaminski N. *Ex Bello Ars oder Der Ursprung der «Deutschen Poeterey»*. Heidelberg: C. Winter; 2004.
8. Rubensohn M. *Studien zu Martin Opitz*. Seidel von R, Herausgeber. Heidelberg: C. Winter; 2005.

9. Fechner J-U, Kessler W, Herausgeber. *Martin Opitz 1597–1639. Fremdheit und Gegenwärtigkeit einer geschichtlichen Persönlichkeit*. Herne: Freunde der Martin-Opitz-Bibliothek e.V; 2006.
10. Пуришев БИ. *Очерки немецкой литературы XV–XVII вв.* Москва: ГИХЛ; 1955.
11. Пумпянский ЛВ, Алексеев МП. Ранний классицизм. М. Опиц и поэты его школы. В: Пуришев БИ, Самарин РМ, Фрадкин ИМ, редакторы. *История немецкой литературы. Том 1*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1962. с. 364–375.
12. Пуришев БИ. Немецкая литература. В: Виппер ЮБ, Гринцер ПА, Лихачев ДС, Ржевская НФ, Рифтин БЛ, Робинсон АН, редакторы. *История всемирной литературы. Том 4*. Москва: Наука; 1987. с. 235–265.
13. Рахманина ОС. *Немецкая поэзия XVII века: теория и художественная практика* [автореферат диссертации]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2007.
14. Маркин АВ. *Проблемы становления немецкой литературы в XVII веке. «Книга о немецкой поэзии» М. Опица и немецкие нормативные поэтики первой половины XVII века* [диссертация]. Москва: Ивановский государственный университет; 2008.
15. Шаулов СМ. *Истоки национального своеобразия немецкой поэзии: реформа Мартина Опица и философия Якоба Бёме* [диссертация]. Уфа: Башкирский государственный педагогического университета; 2009.
16. Polaschegg A von, Weidner D, Herausgebers. *Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur*. München: W. Fink; 2012.
17. Robertson R. Literature, the Bible as. In: Crim K, Furnish VP, Bailey LR Sr., editors. *Interpreter's Dictionary of the Bible. Supplement Volume*. New York: Abingdon Press; 1976. p. 547–551.
18. Синило ГВ. *Песнь Песней в контексте мировой культуры. Книга 1. Поэтика Песни Песней и ее религиозные интерпретации*. Минск: Экономпресс; 2012.
19. Синило ГВ. *Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре*. Минск: БГУ; 2012–2013. Части 1–2.
20. Гёте ИВ. *Западно-восточный диван*. Брагинский ИС, Михайлов АВ, редакторы. Москва: Наука; 1988.
21. Simon M, Freedman H, editors. *Midrash Rabbah: The Song of Songs*. London, New York: Soncino; 1983.
22. Гиршман М. *Еврейская и христианская интерпретации Библии в поздней Античности*. Москва: Мосты культуры; 2002. Совместное издание с «Гешарим» (Иерусалим).
23. Мехильда Магдебургская. *Струющийся Свет Божества*. Гуревич РВ, Соколова ЕВ, Суханова ВА, редакторы. Москва: Наука; 2008.
24. Синило ГВ. *Библия и мировая культура*. Минск: Вышэйшая школа; 2015.
25. Opitz M. *Weltliche und geistliche Dichtung* [Internet]. Berlin, Stuttgart: W. Spemann; 1889 [cited 2016 June 20]. Available from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Opitz,+Martin/Gedichte/Geistliche+Dichtungen>.
26. Дьяконов ИМ, Коган ЛЕ, Маневич ЛВ, переводчики, редакторы. *Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней*. Москва: РГГУ; 1998.
27. *Die Bibel: Luthertext mit Apokryphen*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft; 1999.
28. Дьяконов И, Лосиевский И, редакторы. *Песнь Песней царя Соломона: Антология русских переводов*. Санкт-Петербург: Искусство – СПб; 2001.
29. Аверинцев СС. Древнееврейская литература. В: Брагинский ИС, Балашов НИ, Гаспаров МЛ, Гринцер ПА, редакторы. *История всемирной литературы. Том 1*. Москва: Наука; 1983. с. 271–302.

References

1. Sinilo GV. The Bible as the «axial» Archetext of European Literature (by the Example of German Lyric Poetry). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2017;3:19–29. Russian.
2. Pope MH. *Song of Songs. A New Translation with Introduction and Commentary*. New York: Doubleday; 1977. (The Anchor Bible; volume 7C).
3. Sinilo GV. *Tanakh i mirovaya poeziya* [Tanakh and world poetry]. Minsk: Ekonompress; 2009. Russian.
4. Kühlmann W. *Martin Opitz. Deutsche Literatur und deutsche Nation*. Heidelberg: Manutius; 2001. German.
5. Borgstedt T, Schmitz W, Herausgeber. *Martin Opitz (1597–1639). Nachahmungspoetik und Lebenswelt*. Tübingen: M. Niemeyer; 2002. German.
6. Dunphy RG. *The Middle High German «Annoled» in the 1639 Edition of Martin Opitz*. Glasgow: Glasgow University; 2003.
7. Kaminski N. *Ex Bello Ars oder Der Ursprung der «Deutschen Poeterey»*. Heidelberg: C. Winter; 2004. German.
8. Rubensohn M. *Studien zu Martin Opitz*. Seidel von R, Herausgeber. Heidelberg: C. Winter; 2005. German.
9. Fechner J-U, Kessler W, Herausgeber. *Martin Opitz 1597–1639. Fremdheit und Gegenwärtigkeit einer geschichtlichen Persönlichkeit*. Herne: Freunde der Martin-Opitz-Bibliothek e.V; 2006.
10. Purishev BI. *Ocherki nemetskoi literatury XV–XVII vekov* [Essays of the German literature of the XV–XVII centuries]. Moscow: GIKhL; 1955. Russian.
11. Pumpyanskiy LV, Alekseev MP. [Early Classicism. M. Opitz and the poets of his school]. In: Purishev BI, Samarina RM, Fradkin IM, editors. *Istoriya nemetskoi literatury. Tom 1* [The history of German literature. Volume 1]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1962. p. 364–375. Russian.
12. Purishev BI. [German literature]. In: Vipper JuB, Grintser PA, Likhachiov DS, Rshchenskaya NF, Rifting BL, Robinson AN, editors. *Istoriya vsemirnoi literatury. Tom 4* [History of world literature. Volume 4]. Moscow: Nauka; 1987. p. 235–265. Russian.
13. Rakhmanina OS. *Nemetskaya poeziya XVII veka: teoriya i khudozhestvennaya praktika* [German poetry of the XVII century: theory and artistic practice] [dissertation abstract]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2007. Russian.
14. Markin AV. *Problemy stanovleniya nemetskoi literatury v XVII veke. «Kniha o nemetskoi poezii» M. Opitza i nemetskie normativnye poetiki pervoi poloviny XVII veka* [Problems of formation of German literature in the XVII century. «Book on German poetry» by M. Opitz and German normative poetics of the first half of the XVII century] [dissertation]. Moscow: Ivanovo State University; 2008. Russian.

15. Shaulov SM. *Istoki natsional'nogo svoeobraziya nemetskoi poezii: reforma Martina Opitza i filosofiya Jakoba Boehme* [Origins of national diversity of German poetry: Martin Opitz's reform and Jakob Böhme's philosophy] [dissertation]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University; 2009. Russian.
16. Polaschegg A von, Weidner D, Herausgeber. *Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur*. München: W. Fink; 2012. German.
17. Robertson R. Literature, the Bible as. In: Crim K, Furnish VP, Bailey LR Sr., editors. *Interpreter's Dictionary of the Bible*. Supplement Volume. New York: Abingdon Press; 1976. p. 547–551.
18. Sinilo GV. *Pesn' Pesnei v kontekste mirovoi kul'tury. Kniga 1. Poetika Pesni Pesnei i ee religioznye interpretatsii* [The Song of Songs in the context of world culture. Book 1. The poetics of The Song of Songs and its religious interpretations]. Minsk: Econompres; 2012. Russian.
19. Sinilo GV. *Ekklesiast i ego retseptsiya v mirivoi kul'ture* [Ecclesiastes and its reception in world culture]. Minsk: Belarusian State University; 2012. Parts 1–2. Russian.
20. Goethe JW. *Zapadno-vostochnyi divan* [West-Eastern divan]. Braginskii IS, Mikhailov AV, editors. Moscow: Nauka; 1988. Russian.
21. Simon M, Freedman H, editors. *Midrash Rabbah: The Song of Songs*. London, New York: Soncino; 1983.
22. Hirshman M. *Evreiskaya i khristianskaya interpretatsii Biblii v pozdnei Antichnosti* [Jewish and Christian biblical interpretation in Late Antiquity]. Moscow: Mosty kul'tury; 2002. Co-published by the «Gesharim» (Jerusalem). Russian.
23. Mechthild von Magdeburg. *Struyashchiysya Svet Bozhestva* [Flowing Light of Deity]. Gurevich RV, Sokolova EV, Sukhanova VA, editors. Moscow: Nauka; 2008. Russian.
24. Sinilo GV. *Bibliya i mirovaya kul'tura* [The Bible and world culture]. Minsk: Vyshnejshaja shkola; 2015. Russian.
25. Opitz M. *Weltliche und geistliche Dichtung* [Internet]. Berlin, Stuttgart: W. Spemann; 1889 [cited 2016 June 20]. Available from: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Opitz,+Martin/Gedichte/Geistliche+Dichtungen>. German.
26. Diakonov IM, Kogan LE, Manevitsh LV, translators, editors. *Vetkhii Zavet: Plach Ieremii; Ekklesiast; Pesn' Pesnei* [The Old Testament: Lamentations of Jeremiah; Ecclesiastes; Song of Songs]. Moscow: Russian State Humanitarian University; 1998. Russian.
27. *Die Bibel: Luthertext mit Apokryphen*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft; 1999. German.
28. Diakonov I, Losievskiy I, editors. *Pesn' Pesnei tsarya Solomona: Antologiya russkikh perevodov* [The Song of King Solomon: Anthology of Russian translations]. Saint Petersburg: Iskustvo – SPB; 2001. Russian.
29. Averintsev SS. [Hebrew literature]. In: Braginskiy IS, Balashov NI, Gasparov ML, Grintser PA, editors. *Istoriya vsemirnoi literatury. Tom 1* [History of world literature. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1983. p. 271–302. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.07.2018.
Received by editorial board 30.07.2018.

УДК 82.02:821.161.1:821.161.3–31«19»

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ ПОВЕСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Е. В. КРИКЛИВЕЦ¹⁾

¹⁾ Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
пр. Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь

Раскрываются способы субъектной организации и типология героев в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Сравнительный ракурс исследования позволил выявить общие закономерности и национальную специфику художественной репрезентации характеров русскими и белорусскими писателями. Определены и систематизированы типы героев, представленные в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Описаны основные способы детерминации сознания и поведения персонажей.

Ключевые слова: русская литература; белорусская литература; сравнительно-типологический анализ; модернизм; типология героев; повесть.

СУБ'ЕКТНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ І ТЫПАЛОГІЯ ГЕРОЯЎ У РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МАДЭРНІСЦКАЙ АПОВЕСЦІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX ст.

А. У. КРЫКЛІВЕЦ^{1*}

^{1*} Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава,
пр. Маскоўскі, 33, 210038, г. Віцебск, Беларусь

Раскрыты спосабы суб'ектнай арганізацыі і тыпалогія герояў у рускай і беларускай мадэрнісцкай аповесці другой паловы XX ст. Параўнальны ракурс даследавання дазволіў выявіць агульныя заканамернасці і нацыянальную спецыфіку мастацкай рэпрэзентацыі характараў рускімі і беларускімі пісьменнікамі. Вызначаны і сістэматызаваны тыпы герояў, прадстаўлены ў рускай і беларускай мадэрнісцкай аповесці другой паловы XX ст. Апісаны асноўныя спосабы дэтэрмінацыі свядомасці і паводзін персанажаў.

Ключавыя словы: руская літаратура; беларуская літаратура; параўнальна-тыпалагічны аналіз; мадэрнізм; тыпалогія герояў; аповесць.

Образец цитирования:

Крикливец ЕВ. Субъектная организация и типология героев в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2018;3:20–25.

For citation:

Kriklivets EV. The subject organization and the typology of heroes in the Russian and Belarusian modernist novel in the second half of the XX century. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2018;3:20–25. Russian.

Автор:

Елена Владимировна Крикливец – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры литературы филологического факультета.

Author:

Elena V. Kriklivets, PhD (philology), docent; associate professor at the department of literature, faculty of philology.
kriklivec@mail.ru

THE SUBJECT ORGANIZATION AND THE TYPOLOGY OF HEROES IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN MODERNIST NOVEL IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

E. V. KRIKLIVETS^a

^a*Viciebsk State University named after P. M. Masherov, 33 Maskoŭski Avenue, Viciebsk 210038, Belarus*

Purpose of the article is reveal the ways of subject organization and the typology of heroes in the Russian and Belarusian modernist novel in the second half of the XX century. Comparative view of the study revealed general patterns and national specifics of the artistic representation of characters by Russian and Belarusian writers. In the article, the types of heroes represented in the Russian and Belarusian modernist novel in the second half of the XX century are defined and systematized; the main ways of determining the consciousness and behavior of characters are described.

Key words: Russian literature; Belarusian literature; comparative analysis; modernism; typology of heroes; novel.

Введение

В русской и белорусской неклассической прозе второй половины XX в. была предпринята попытка взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с позиций осмысления индивидуальной человеческой судьбы в контексте этих событий. Писатели, используя эстетические приемы модернизма (и постмодернизма), детерминируют сознание героя социальными и бытовыми реалиями, характеризуют его как порождение эпохи. Необходимость избавиться от инерции соцреалистического письма, воплотить новую концепцию личности (вместо *человека советского* в литературе проявляется *человек экзистенциальный*) приводит авторов к осознанным поискам и апробации таких жанровых форм, которые позволили бы изменить сами принципы художественного миромоделирования и вывели бы прозу на новый эстетический уровень. При этом в прозе указанного периода формируется особая типология героев, обусловленная задачами новой литературы.

Цель настоящей работы – раскрыть способы субъектной организации и типологию героев в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Сравнительный ракурс исследования позволяет выявить общие закономерности и национальную специфику художественной репрезентации характеров русскими и белорусскими писателями. Методологическую базу данной статьи составили труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологического изучения литературных явлений. Кроме того, мы опирались на работы Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого, Г. Л. Нефагиной, Л. Д. Синьковой (Корень), В. А. Максимовича, А. И. Бельского [1–6], которые освещали тенденции развития русской и белорусской прозы второй половины XX в.

Задачи исследования: выявить способы субъектной организации русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в.; определить и систематизировать типы героев, представленные в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в.; описать основные способы детерминации характеров.

В работе использован сравнительно-типологический метод исследования, позволивший выявить авторские модели мира, универсалии, конституирующие общность двух славянских литератур, определить константы национально-культурной парадигмы в прозе писателей, расширить представление о реальной картине русско-белорусских взаимосвязей. Эмпирическим материалом исследования выступили повести русских и белорусских прозаиков, написанные в последние десятилетия XX в.

Результаты и их обсуждение

Жанровая динамика эпических форм во второй половине XX в. обусловлена как литературными, так и внелитературными факторами. Повесть – один из ключевых жанров, оказавшихся изоморфным эстетическим потребностям эпохи благодаря мобильности своих когнитивных и коммуникативных возможностей (без разрушения канонической структуры). Изучение жанровой модификации повести позволяет проследить преемственность литературной традиции, процесс зарождения и формирования новых эстетических методов и приемов на основе накопленного художественного опыта.

Строение и внутренняя организация целостной жанровой системы повести включает в себя семантическую (жанровое содержание, субъектная организация, типология героев, пространственно-временная организация) и морфологическую (коммуникативная стратегия, сюжетно-композиционная организация, речевая организация) составляющие.

На **семантическом уровне** повесть реализуется как эпический жанр, для которого характерен индуктивный способ постижения действительности. Определенный аспект отношений человека и мира становится в повести метонимией социального или нравственного мироустройства эпохи. Этим объясняется особое соотношение субъективного и объективного начал данного жанра. Хронотоп повести достаточно условно интегрирует время и локализует место действия, поскольку определенный локус и временной промежуток воплощают особенности социально-исторической эпохи и ее хронотопа.

На **морфологическом уровне** коммуникативная задача повести состоит в том, чтобы в бытовом увидеть бытийное, осмыслить социальные процессы, избегая избыточной социальной заостренности, усилить аксиологическое звучание произведения путем сублимации психологического анализа одного или нескольких характеров, транслировать концепцию личности и ценностные ориентиры эпохи. Этой задаче подчинена сюжетная организация повести, представляющая собой, как правило, открытый и персонифицированный конфликт при наличии доминантной коллизии, которой обусловлена последовательность событий и тип сюжета. Взаимовлияние художественного метода и индивидуально-авторских эстетических поисков определяет стилистические особенности повести.

Функционирование русской и белорусской повести в стилевом поле модернизма второй половины XX в. обусловило актуальность таких ее жанровых разновидностей, как **социально-психологическая повесть** (осваивает фантастические, гротескные, неомифологические способы художественного миромоделирования), **повесть-антиутопия** (в зависимости от содержательной доминанты – политическая, идеологическая, социально-психологическая, технократическая и семейная); **повесть-притча** (инварианты – притча, публицистическая проповедь, параболa; бел. *прытавесць*).

Сопоставляя способы субъектной организации **социально-психологической повести** в контексте реалистического метода и в модернистской парадигме, можно прийти к выводу о том, что и русские, и белорусские прозаики стремятся найти баланс между объективным и субъективным, через иносказание выявить ключевые тенденции эпохи. Этой задаче подчинены и способы субъектной организации социально-психологической повести в неклассической парадигме художественности. Профессор В. А. Максимович отмечал: «Уласна асобасны пачатак (*ego*-самасць творцы), аб'ектыўна захоўваючы сваю аўтаномнасць і першаснасць, на этапе ўключанасці ў сістэму грамадскай камунікацыі ўдала праецыруецца на “матрыцу” эпохі і набывае як бы дваіны модус свайго функцыянавання. Гэта асабліва заўважна ў фазе рэцэптыўнага зліцця аб'ектыўнага і суб'ектыўнага, асобнага і агульнага, унутранага і знешняга» [4, с. 257].

В анализируемой жанровой разновидности повести происходит последовательная замена автобиографического диететического нарратора автодиететическим нарратором (В. Маканин «Голоса»). Наблюдается увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым Я (В. Катаев «Алмазный мой венец», «Трава забвения»), достигаемое посредством ретроспекции и их помещения в разные временные планы (М. Кураев «Ночной дозор»). Наличие в социально-психологической повести двух временных планов (прошлое и настоящее) приводит к смене внешней и внутренней фокализации, когда герой-рассказчик выступает в двух ипостасях: то как субъект повествования, то как его объект (В. Маканин «Голоса», «Река с быстрым течением»).

Можно предположить, что в социально-психологических повестях русских и белорусских писателей происходит своего рода трансформация литературного типа *маленького человека*. Теперь он – *песчинка истории*, и его судьба редко зависит от него самого. Однако, в отличие от реалистической прозы, человек в неклассической эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе. Общественная жизнь порождает абсурдное, фантазмагорическое сплетение обстоятельств его судьбы, становится «декорациями», в которых человек существует. Герой такого типа воплощен в повестях М. Палей «Евгеша и Аннушка», М. Кураева «Капитан Дикштейн», Г. Головина «День рождения покойника» и др.

Иной тип сознания, иная ипостась советского *маленького человека* представлены в повести В. Маканина «Антилидер». Слесарь-сантехник Толик Куренков вполне доволен своей жизнью. В состоянии неуправляемого бунтарства этого в общем смиренного и послушного человека приводит появление на горизонте личности, хотя бы немного выбивающейся из представления о *таком, как все*. В Толике просыпается чувство социальной несправедливости, которое находит единственный выход – драку. Это ощущение несправедливости отнюдь не связано с тем, что *любимец судьбы*, на которого направлен гнев Толика, не достоин *свалившихся* на него благ. Бунт Куренкова имеет иррациональный характер. Появление *не такого, как все*, нарушает окружающую гармонию, противоречит заведенному порядку. Этот порядок Толик и стремится восстановить. Думается, бунт Куренкова равно далек и от донкихотства, и от «барачного» сознания. Скорее, в нем видится (пусть и извращенная) попытка постижения себя и *Другого* в усредненном мире, попытка проникнуть за границы коллективного бессознательного.

Выявление генезиса подобного типа сознания наблюдается в повестях В. Маканина 1970-х гг. «На первом дыхании», «Безотцовщина», «Валечка Чекина», «Старые книги», «Погоня».

Особая разновидность *человека советского* охарактеризована В. Маканиным в повести «Человек свиты». Собственно, само название произведения содержит определение героя этого типа. Цель его жизни и главное достижение – находиться в свите. *Человек свиты* способен отказаться от личной свободы (а значит, и от ответственности за свое будущее), так как не готов к ней и не может с ней справиться. В контексте этих размышлений писателя уже не кажется случайным, что не только *люди свиты*, но и либералы-шестидесятники (повесть «Один и одна») не выдерживают груза личной свободы, обернувшейся бременем одиночества.

Советская эпоха породила еще один особый тип сознания – сознание идеального исполнителя. *Герой-исполнитель* – продукт своего времени, который желает ему соответствовать и потому ревностно выполняет свою работу, не задумываясь о сущности и последствиях собственных действий. *Герой-исполнитель* – оборотная сторона *маленького человека*. Он не хочет слиться с толпой, считает себя выше и значительнее тех, кто страдает от его исполнительности. Однако для системы он один из винтиков, на которых держится механизм (А. Рыбаков «Не успеть», М. Кураев «Ночной дозор» и др.).

Проза перестроечного и постперестроечного периода осваивает ранее табуированные темы. В фокусе писательского изображения оказываются самые негативные стороны жизни, объектом художественного исследования становятся представители *социального дна*. Жанровое своеобразие повестей, тяготеющих к так называемому «натуральному течению», сопоставимо со спецификой физиологического очерка конца XIX – начала XX в. с его детальным вниманием к низменным проявлениям и незамаскированным изображениям «черных» сторон действительности. Судьбы *бывших людей* находят воплощение в повестях Л. Габышева «Одлян, или Воздух свободы», С. Каледина «Смирненное кладбище», В. Мудрова «Гісторыя аднаго злачынства».

Связь с историческим прошлым своего народа как путь выхода из ситуации *социального дна* к осознанной и созидательной жизни рассматривает белорусский прозаик А. Федоренко в повести «Вёска». Своеобразное переосмысление проблемы *бывших людей* происходит в его повести «Нічыё». *Человек, лишенный национальной идентичности*, – так представляет прозаик собирательный образ белоруса. Несомненно, эта характеристика обусловлена объективными социально-политическими причинами. Однако А. Федоренко намекает, что недостаточно обрести свободу и независимость: впереди еще долгий и нелегкий путь национального самопознания и обретения чувства национальной гордости и достоинства.

Размышляя о стремлении большей части постсоветского общества набить свой желудок и реализовать иные физиологические потребности, Ю. Станкевич в повести «Прузі» рисует аллегорический образ саранчи, пожирающей все на своем пути, созданной лишь для того, чтобы работать челюстями. Повесть Ю. Станкевича «Эрыніі» можно воспринимать как текст-предупреждение: в ней ведется речь о появлении нового типа человека – *гома фестывус*, порожденного обществом потребления и масс-медиа. Это инфантильное существо, не способное работать, стремящееся исключительно к «кайфу» и развлечениям. Безусловно, в названных повестях Ю. Станкевича на первый план выходят проблемы духовной деградации, дегуманизации общества, отсутствия моральных ценностей и идеалов.

Подобного рода интерпретация образа *маленького человека* позволила писателям выявить жестокость и абсурдность мира на стыке личных биографий и исторического пути государства.

Художественное осмысление тоталитарного прошлого и настоящего советского общества нуждалось в изоморфной жанровой форме. Таковой оказалась **повесть-антиутопия**, отразившая социальный эксперимент в аллегорическом ключе.

Антиутопия отличается своими вполне определенными способами субъектной организации: повествователь, как правило, изображается эксплицитно, он является очевидцем и участником событий. Инварианты организации и развития сюжета зависят от степени и способов рефлексии повествователя, его эмоциональной и морально-этической оценки изображаемых событий. В связи с обязательным наличием в антиутопии рефлексивной субъективности повествование (за редким исключением) ведется в монологической форме от лица героя-рассказчика. Эта форма может быть представлена письмами или дневниковыми записями героя (Л. Петрушевская «Новые Робинзоны», В. Гигевич «Карабель»).

Расширение границ художественной субъективности наблюдается в повестях А. Курчаткина «Записки экстремиста» и А. Кабакова «Невозвращенец». Герои названных произведений уже не просто фиксируют события, а принимают в них непосредственное участие, реализуются как активные субъекты и повествования, и действия. Герой повести В. Гигевича «Карабель» командир Ёх вершит моральный суд не только над системой, винтиком которой он оказался, но и прежде всего над самим собой. Рассказчик признается в предательстве самого себя, своих лучших человеческих чувств и порывов, которые он погубил, стремясь к мифической власти.

Следовательно, проблема сложных взаимоотношений человека и времени, человека и социальных обстоятельств, человека и государственной системы решается в антиутопии «изнутри» посредством введения диететического нарратора. При этом, прослеживая эволюцию повести-антиутопии в последние десятилетия XX в., можно выявить расширение границ художественной субъективности нарратора: от констатации фактов до участия в изображаемых событиях и их морально-этической оценки.

Повесть-антиутопия во второй половине XX в. актуализирует образы героев, обеспечивающих собой ритуализированной социальной системы. Это персонажи с визуализированной инаковостью, т. е. герои, имеющие физические или умственные отклонения, но наполненные духовно (сын Ключарева в повести В. Маканина «Лаз», мальчик-мутант в повести В. Рыбакова «Первый день спасения»). Такой тип героя представляет собой как бы перевернутое, зеркальное отражение псевдоупорядоченного бездуховного социума.

Характерная для антиутопии антиномия реального и альтернативного миров обусловила появление в ряде повестей образа *героя-медиатора*, взаимодействующего с противоположными полюсами художественной модели мира (Ключарев в повести В. Маканина «Лаз», Юрий Ильич в повести А. Кабакова «Невозвращенец»). Такой герой демонстрирует условность социальных и культурных оппозиций, полярности мира, подчеркивает объединяющее значение общечеловеческих ценностей.

Антиутопия становится основной аллегорической формой именно в русской литературе в связи с тем, что сама природа русской литературной аллегории социальна. В белорусской неклассической прозе, имеющей фольклорно-мифологическую основу, развитие получает так называемый параболический вектор.

Повесть-притча, апеллирующая к фольклорно-мифологическим традициям, возрождает **сказовый тип нарратора**.

Активная интерпретация в белорусской модернистской прозе сюжетной канвы евангельской притчи о блудном сыне определила появление галереи образов *бывших людей*. Однако их оторванность от социума имеет, скорее, экзистенциальные причины. Эти люди потерялись в настоящем времени, утратили связь с собой прежними, с памятью о прошлом.

Драма человеческого одиночества, намеренный (или вынужденный) разрыв с социумом приводит героев повести В. Быкова «Ваўчыная яма» в чернобыльскую зону, которая и становится их последним пристанищем. Автору мало лишить своих героев имен, подчеркнуть их асоциальное положение (дезертир и бомж), недостаточно даже поместить этих *бывших людей* в зону отчуждения. Герои повести оказываются в волчьей яме, капкане, из которого нет выхода. Экзистенциальный ужас одиночества и *бытия-к-смерти* пронизывает все произведение.

О путях, которые приводят человека на дно жизни, размышляет А. Козлов в повести «Распяцце, альбо Ці ж баліць галава ў вароны». На примере своих героев автор показывает, что такими путями могут стать горе (оно ошеломило Казимировну, потерявшую двоих сыновей в Афганистане), тяга к спиртному (заставила Маньку продавать собственную дочь), наконец, нечто метафизическое, иррациональное (оно вторглось в жизнь главного героя Андрея и разрушило их любовь с Мариной, которой управляет дух ее покойного отца, лишает ее чувств и воли). Можно предположить, что проблемное поле повести связано с вопросом взаимодействия человека со своим прошлым, что проявляется, например, в полном подчинении и порабощении, не позволяющем полноценно жить в настоящем (как и произошло с Мариной), или же в поиске пути к духовному спасению через осознание значимости связи с предшествующими поколениями и укорененности в традиции. С последним вариантом связана эволюция образа Андрея, который получает от духа своей бабушки распятие и наставление не поддаваться искушениям современной действительности и не служить злу.

Обращение к библейской образности, духовной проблематике в повести-притче обуславливает и актуализацию в прозе (преимущественно русской) типа *героя-юродивого*. Юродство считается исключительно русским феноменом, не свойственным больше ни одной культурной традиции. Значение религиозного подвижничества юродство утратило давно, но фигурирует в русской литературе XIX–XX вв. преимущественно как культурологическая категория. В неклассической эстетике развивается тема не только христианского служения, но и прежде всего отречения от мирских забот, необходимости подчинения власти и социуму. Данная тема приобретает социальную заостренность и метафорическое значение.

В повести Б. Евсеева «Юрод» представлен истинный подвиг *юродства Христа ради*. При этом писатель усугубляет проблему социального зла, приходит к практически «чистой» формуле раскола мира на добро и зло. Только если воплощением зла в произведении выступают сумасшедшие (уроды), то противопоставлена ему исконно русская форма духовного спасения – юродство. Можем предположить, что такая антонимическая картина мира с образом юродивого в центре необходима для воплощения

несовместимых, противоречивых начал, свойственных русской душе. И только путь добровольного исхода из социума, самоотречения способен вернуть людей к их человеческой сущности.

Белорусскую метафорическую прозу роднит с русской антиутопической повестью образ *героя-медиатора* (например, Антон Климович из повести А. Боровского «Пякельны рай»). Природа иносказания в данном случае различна (мифологическая или социальная), но сохраняется атрибутика образа: наличие портала, связующего альтернативные миры, и изображение пути героя как инициации.

Заключение

Жанр повести позволил и русским, и белорусским писателям отразить события недавней истории и современности через частные судьбы «песчинок» этой самой истории. Русская и белорусская модернистская повесть второй половины XX в. обладает множественной вариативностью в изображении эксплицитного нарратора (чаще – диегетического), смене приемов внешней и внутренней фокализации. Через индивидуальное и видовое в отношениях человека с миром повесть позволяет проследить общие нравственно-этические установки и ценности социума на определенном этапе его развития.

Библиографические ссылки

1. Лейдерман НЛ, Липовецкий МН. *Современная русская литература: 1950–1990-е годы*. Москва: Издательский центр «Академия»; 2006.
2. Нефагина ГЛ. *Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века*. Минск: Экономпресс; 1997.
3. Корань ЛД. *Беларуская проза XX стагоддзя: дынаміка жанравых структур*. Мінск: ВПП «Новік»; 1996.
4. Максимовіч ВА. Беларускі мадэрнізм у славянскім кантэксце. *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XIV Міжнародны з'езд славістаў (Охрыд, 2008). Даклады беларускай дэлегацыі*. Мінск: Права і эканоміка; 2008. с. 253–266.
5. Максимовіч ВА. Беларускі мадэрнізм і літаратура пачатку XX стагоддзя. *Беларуская мова і літаратура*. 2007;8:13–20.
6. Бельскі АІ. *Сучасная беларуская літаратура. Станаўленне і развіццё творчых індывідуальнасцей (80–90-я гг.)*. Мінск: Народная асвета; 1997.

References

1. Leyderman NL, Lipovetsky MN. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian literature: 1950–1990s]. Moscow: Publishing center «Akademiya»; 2006. Russian.
2. Nefagina GL. *Russkaya proza vtoroi poloviny 80-kh – nachala 90-kh godov XX veka* [Russian prose of the second half of the 80s – early 90s of the XX century]. Minsk: Ekonompress; 1997. Russian.
3. Koran LD. *Belaruskaja proza XX stagoddzja: dynamika zhanravyh struktur* [Belarusian prose of the twentieth century: dynamics of genre structures]. Minsk: VPP «Novik»; 1996. Belarusian.
4. Maximovich VA. [Belarusian modernism in the Slavic context]. In: *Movaznavstva. Litaraturaznavstva. Fal'klarystyka. XIV Mizhnarodny z'ezd slavistaw (Ohryd, 2008). Daklady belaruskaj djelegacyi* [Linguistics. Literary studies. Folklore Studies: XIV International Congress of Slavists (Ohrid, 2008). Reports of the Belarusian delegation]. Minsk: Prava i jekonomika; 2008. p. 253–266. Belarusian.
5. Maximovich VA. [Belarusian modernism and literature of the early XX century]. *Belaruskaja mova i litaratura* [Belarusian language and literature]. 2007;8:13–20. Belarusian.
6. Belsky AI. *Suchasnaja belaruskaja litaratura. Stanawlenne i razviccjo tvorchyh indyvidual'nascej (80–90-ja gg.)* [Modern Belarusian literature. Formation and development of creative individuals (80–90s)]. Minsk: Narodnaja asveta; 1997. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 15.04.2018.
Received by editorial board 15.04.2018.

УДК 821.162.3

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕШСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА 1970–80-х гг.

Е. В. ВОСТРИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Сделан вывод о том, что в 1970–80-х гг. в чешском историческом романе наблюдались такие новые тенденции, как подчеркнутое внимание к современности (В. Нефф), использование художественных возможностей документальных источников в произведении (М. В. Крадохвил). Отмечено, что документальность и публицистичность позволяют апеллировать к современному читателю, соотносить прошлое и настоящее. Выделена тенденция к демифологизации истории (В. Эрбен, О. Данек). Показано, что продуктивным оставался и традиционный тип исторического романа, представленный именами В. Каплицкого, Б. Ржиги, Ф. Кубки и др. Утверждается, что тематическая палитра романов 1970–80-х гг. очень широкая: авторы обращались к древним эпохам, осмысливали связь поколений, проблемы неразрывности человеческого бытия и преемственности. Рассматривается проблема роли и места пародии в историческом романе на примере трилогии В. Неффа «У королей не бывает ног», «Перстень Борджиа», «Прекрасная чародейка». Отмечена тенденция к развлекательности в исторической литературе, показаны стремление некоторых авторов к приключенческим и псевдоисторическим сюжетам, тяга к сближению с массовой литературой, что, как ни удивительно, не вызывало сопротивления власти в период нормализации. Констатируется, что многие исторические романы становятся философскими притчами, где история выступает как один из героев, выражает жестокость окружающего мира, полного трагизма и случайностей.

Ключевые слова: чешская литература 1970–80-х гг.; исторический роман; биографическая проза; циклизация; демифологизация; аллегория современности; использование документов; элементы детективного жанра; приключенческие элементы.

ПРАБЛЕМЫ РАЗВІЦЦЯ ЧЭШСКАГА ГІСТАРЫЧНАГА РАМАНА 1970–80-х гг.

А. У. ВОСТРЫКАВА^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Зроблена выснова пра тое, што ў 1970–80-я гг. у чэшскім гістарычным рамане назіраліся такія новыя тэндэнцыі, як падкрэсленая ўвага да сучаснасці (У. Нэф), выкарыстанне мастацкіх магчымасцей дакументальных крыніц у творы (М. В. Крадохвіл). Адзначана, што дакументальнасць і публіцыстычнасць дазваляюць апеліраваць да сучаснага чытача, суадносіць мінулае і сучаснае. Вылучана тэндэнцыя да дэміфалагізацыі гісторыі (В. Эрбен, О. Данек). Паказана, што прадуктыўным заставаўся і традыцыйны тып гістарычнага рамана, прадстаўлены імёнамі В. Капліцкага, Б. Ржыгі, Ф. Кубкі і інш. Сцвярджаецца, што тэматычная палітра раманаў 1970–80-х гг. вельмі шырокая: аўтары звярталіся да старажытных эпох, асэнсоўвалі сувязь пакаленняў, праблемы непарыўнага развіцця чалавецтва і пераемнасці. Разглядаецца праблема ролі і месца пародыі ў гістарычным рамане на прыкладзе трылогіі У. Нэфа «Каралевы не маюць ног», «Пярсцёнак Борджыя», «Цудоўная чарадзейка». Адзначана

Образец цитирования:

Вострыкава АУ. Проблемы развіцця чэшскага гістарычнага рамана 1970–80-х гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2018;3:26–37.

For citation:

Vostrykava AU. The problems of development of the Czech historic novel in the 1970–80s. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:26–37. Belarusian.

Автор:

Елена Владимировна Вострикова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теории литературы филологического факультета.

Author:

Alena U. Vostrykova, PhD (philology), docent; associate professor at the department of literary theory, faculty of philology. ORCID: 0000-0003-2693-981X
vostrikova72@mail.ru

тэндэнцыя да забаўляльнасці ў гістарычнай літаратуры, паказаны імкненне некаторых аўтараў да прыгодніцкіх і псеўдагістарычных сюжэтаў, цяга да збліжэння з масавай літаратурай, што, як ні дзіўна, не выклікала супраціўлення афіцыйнай улады часоў нармалізацыі. Канстатуецца, што многія гістарычныя раманы становяцца агульначалавечымі філасофскімі прыпавесцямі, дзе гісторыя выступае як адзін з герояў, выражае жорсткасць навакольнага свету, поўнага трагізму і выпадковасцей.

Ключавыя словы: чэшская літаратура 1970–80-х гг.; гістарычны раман; біяграфічная проза; цыклізацыя; дэміфалагізацыя; алегорыя сучаснасці; ужыванне дакументаў; элементы дэтэктыўнага жанру; прыгодніцкія элементы.

THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE CZECH HISTORIC NOVEL IN THE 1970–80s

A. U. VOSTRYKAVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The author of the article comes to the conclusion that in the 1970–80s the Czech historical novel represents such new phenomena as emphasized attention to modernity (V. Neff), the use of artistic possibilities of documentary sources in the work (M. V. Kratochvíl). Documentality and publicism allow us to appeal to the modern reader, to correlate the past and the present. We also need to highlight the tendency to demythologize history (V. Erben, O. Danek). At the same time, the traditional type of historical novel, represented by the V. Kaplitsky, B. Rzhiga, F. Kubki and others, remains productive. The thematic palette of novels of the 1970–80s is very wide. The authors turn to the ancient epochs, comprehend the connection of generations, the problems of the succession of human existence and continuity. The role and place of the parody in the historical novel, which is clearly seen in the trilogy of V. Neff «Queens have no legs», «The ring of the Borgias», «The beautiful sorceress» can be examined as a special problem. It is also possible to highlight the entertaining tendency in historical literature, the desire for adventure and pseudo-historical stories, somewhere even a desire for rapprochement with mass literature, which, surprisingly, did not cause resistance from authorities of the period of normalization. Many historical novels become philosophical parables, where history appears as one of the heroes. It expresses the cruelty of the surrounding world, full of tragedy and accidents.

Key words: Czech literature of the 1970–80s; a historical novel; biographical prose; cyclization; demythologization; the allegory of modern times; the use of documents; elements of the detective genre; adventure elements.

Актуальнасць абранай тэмы абумоўлена агульнай цікавасцю і запатрабаванасцю вывучэння славянскіх літаратур у сучасным шматпалярным свеце. Чэшская літаратура 1970–80-х гг. з адпаведнай перспектывы сёння ўжо можа быць аб'ектыўна ацэнена: вызначыліся тыя аўтары і тыя мастацкія з'явы, якія застануцца ў гісторыі літаратуры; можна меркаваць пра творы, якія ў сучасны перыяд ужо ўспрымаюцца як класічныя. Аўтар гэтага даследавання ставіць перад сабой мэту акрэсліць асноўныя тэндэнцыі і праблемы развіцця гістарычнага жанру ў чэшскай літаратуры 1970–80-х гг., вызначыць традыцыйнае і наватарскае, паказаць своеасаблівасць функцыянавання гістарычнага рамана гэтых часоў, адлюстравать ідэйна-мастацкую, тэматычную і стылістычную адметнасць творчасці пісьменнікаў, якія працавалі ў межах гістарычнай прозы. Таксама ставіцца задача як мага шырэй ахапіць існуючы літаратурны матэрыял і прадставіць чытачам панараму развіцця гістарычнага жанру названага перыяду на фоне грамадска-гістарычных і культурных падзей тагачаснай Чэхаславакіі. Аўтар абапіраецца на літаратуразнаўчыя даследаванні рускіх навукоўцаў Р. Кузняцовай, А. Бабракова-Цімошкіна і некаторых іншых, а таксама на працы чэшскіх літаратуразнаўцаў Г. Грзалавай, М. Юнгмана, В. Достала, Б. Докаўпіла, В. Рзоўнэка, Л. Махалы і інш. Даследчыца Р. Кузняцова засяроджвала ўвагу толькі на гістарычным рамане 1970-х гг. Здабыткі гістарычнага жанру праз прызму ірэсекаўскай і антыірэсекаўскай традыцый разглядае А. Бабракоў-Цімошкін. Намі быў таксама ўлічаны плён працы чэшскіх даследчыкаў, але яны звярталіся пераважна да пэўных аспектаў творчасці асобных аўтараў, а мы акцэнтавалі ўвагу на аналізе дамінуючых тэндэнцый у развіцці чэшскага гістарычнага рамана.

У чэшскай літаратуры і гісторыі 1970–80-я гг. называюць часам нармалізацыі, што адпавядае перыяду застою ў СССР. Гэта эпоха вызначалася ў чэшскай культуры партыйнымі чысткамі, звальненнямі людзей з працы па палітычных матывах. Творчая інтэлігенцыя і звычайныя людзі масава з'язджалі за мяжу. Адрадзілася цензура. Каб друкавацца афіцыйна, трэба было пэўным чынам адпавядаць тагачаснай чэхаславацкай ідэалогіі, таму ў літаратуры сталі з'яўляцца апалітычныя творы. Аўтары ўздымалі

нейтральныя, пераважна маральныя праблемы. Жанр гістарычнага рамана становіцца ўспрымаўся тагачаснымі ўладамі і перажываў своеасаблівы рэнесанс у чэшскай літаратуры. У межах гэтага жанру аўтары маглі выказаць свае думкі і ў той жа час пазбегнуць сацыялістычнага пафасу і тэм сацыялістычнага будаўніцтва, якія былі так запатрабаваны ў 1950-х гг. Гістарычны раман з перыферыі мастацкага працэсу выходзіць на першыя пазіцыі. Письменнікі, якія цяжка перажывалі паразу Пражскай вясны, не згадвалі і не асэнсоўвалі гэту табуіраваную тэму, але звярталіся да чэшскай гісторыі і яе ўрокаў. Чэхі ў сваіх кнігах пісалі, колькі разоў яны саступалі знешняй сіле, якая была значна большай за іх: «Гістарычная проза... давала магчымасць адысці ад палітычнай дыскусіі і перавесці размову ў плоскасць філасофіі гісторыі і агульначалавечых праблем»¹ [1, с. 163]. Чэшскі даследчык Б. Докаўпіл пісаў, што «гістарычны жанр набыў папулярнасць і сярод тых пісьменнікаў, якія раней арыентаваліся выключна на сучаснасць» [2, с. 5].

Менавіта ў 1970–80-я гг. назіраўся якасны рост гістарычнай прозы. Яркай з’явай у межах жанру стала цыклізацыя твораў: яны складаліся з дзвюх, трох і болей часта самастойных кніг. Гэта было абумоўлена вялікім інтарэсам чытачоў да гістарычнай прозы. Яна адкрывала перад аўтарамі вялікую прастору для фантазіі і гульні з сюжэтам, большую, чым проза на сучасную праблематыку, якая мела ідэалагічныя і палітычныя абмежаванні і залежала ад густаў чытачоў. Натуральная здольнасць гістарычнай прозы ствараць адзінства гісторыі і сучаснасці ў нармалізаваным кантэксце выкарыстоўвалася аўтарамі па-рознаму.

З пункта гледжання афіцыйнай літаратуры, якая падпарадкоўвалася і пэўным чынам служыла рэжыму нармалізацыі, гістарычны жанр быў здольны да міфалагізацыі мінулага і прадстаўлення папярэдніх падзей як крыніцы сучаснасці. Такім чынам, гістарычная проза мусіла пацвярджаць перавагі сучаснасці, сацыялізму, паказваць яго як найлепшы варыянт рэчаіснасці, тое, да чаго грамадства лагічна эвалюцыяніравала, таму некаторыя творы пастуліравалі ідэі сумяшчальнасці індывідуальных памкненняў і надсабавога ходу гісторыі.

Прастору для вольнай працы з метафарами, алегорыямі аўтары маглі выкарыстоўваць і іншым спосабам: гістарычная тэма давала ім магчымасць звяртацца да табуіраваных праблем і праз аналогіі дастаткова вольна прэзентаваць уласнае бачанне свету і жыцця, разважаць аб праблемах існавання чалавека і чалавечтва ў плыні гісторыі. Чым больш прэзакі паглыбляліся ў яе, тым менш іх абмяжоўвалі апыржаныя ўяўленні, якія трэба было правільна інтэрпрэтаваць. Далёкая ад сучаснасці тэматыка дазваляла выказацца і пра актуальныя праблемы. «Цярпела» афіцыйная ўлада нават тыя гістарычныя творы, якія знаходзіліся ў прамой апазіцыі да афіцыйна абвешчанага аптымізму, – гэта другая лінія развіцця гістарычнай прозы. Прадстаўнікі гэтай плыні абапіраліся на дасягненні літаратуры другой паловы 1960-х гг., імкнуліся да дэміфалагізацыі і скепсісу, месца чалавека ў гісторыі разумелі як вельмі трагічнае.

Таксама стваралася гістарычная літаратура, у якой мінулае выкарыстоўвалася як падстава для забаўляльнага аповеду. Гэта трэцяя тэндэнцыя ў развіцці гістарычнага жанру ў чэшскай літаратуры 1970–80-х гг. Яе прадстаўнікі разумелі гістарычны жанр як спецыфічны тып папулярнай літаратуры для захапляльнага баўлення часу. Аўтары і чытачы звярталіся да старажытных часоў, калі не дзейнічалі законы сучаснай рэчаіснасці з яе стэрэатыпамі і маглі адбывацца рамантычныя гісторыі, звязаныя з вялікім каханнем і жорсткімі паядынкамі.

Такім чынам, вылучаюцца тры асноўныя і ў прынцыпе традыцыйныя тэндэнцыі ў чэшскай гістарычнай прозе 1970–80-х гг.: 1) аптымістычнае разуменне гісторыі як вечнага бою актыўных стваральнікаў гісторыі за яе прагрэс; 2) гістарычны скепсіс, які выяўляецца праз немагчымасць паяднаць інтарэсы індывідуума і гістарычнай «машынерыі»; 3) выкарыстанне жанру як поля для свабоднага, не абмежаванага нічым аповеду. Усе тры плыні атрымалі ў згаданы перыяд сваё развіццё. Прыхільнікі першай з іх дэманстравалі сваю згоду з рэжымам, прадстаўнікі другой, наадварот, знаходзіліся ў апазіцыі да тагачаснай чэшскай дзяржавы і яе ідэалогіі, пісьменнікі, якія працавалі ў рэчышчы трэцяй тэндэнцыі, былі цалкам нейтральнымі ў адносінах да пануючага ладу.

Чэшскі гістарычны раман 1970–80-х гг. вельмі шматпланавы па сваіх мастацкіх формах, змесце, праблематыцы, ідэйным напаўненні. Письменнікі, звяртаючыся да далёкага мінулага, адначасова дэманстравалі вялікую цікавасць да сучаснасці: «Суаднесенасць з сучаснасцю вызначыла шэраг канкрэтных апавядальных прыёмаў: *ich*-форму, прамы зварот да чытача, кальцавую кампазіцыю. <...> У жанрах гістарычнай прозы часта назіраецца рухомасць часавай мяжы, блізкасць да перыяду стварэння твора» [3, с. 414, 420]. Увогуле чэшская літаратура на новым этапе прадэманстравала стылявое наватарства пісьменнікаў у галіне гістарычнай прозы. Таксама трэба адзначыць вялікую колькасць саміх выданняў і перавыданняў твораў гістарычнага жанру. Письменнікі асэнсоўвалі цэлыя гістарычныя

¹Тут і далей пераклад наш. – А. В.

эпохі, шукалі логіку гісторыі: «Дынамічная ўзаемасувязь розных відаў мастацкай прозы выражаецца ў развіцці прынцыпу гістарызму новай прозы. Гераічныя традыцыі параўнальна нядаўняга і далёкага мінулага становяцца мерылам ацэнкі сучасніка, яго ўнёску ў грамадскае жыццё свайго народа. Праблема асобы вырашаецца ў гістарычнай перспектыве. Трэба падкрэсліць, што ў агульнай канцэпцыі на-вейшага гістарычнага рамана мае месца змяненне суадносін адлюстраваных эпох: акцэнт пераносіцца на зладздзённыя праблемы сучаснасці – з’ява ў гісторыі жанру не новая. Адбываецца як бы двайное гістарычнае асэнсаванне сучаснасці: на сінхронным і дыяхронным узроўнях» [4, с. 122].

Стылявую шматвектарнасць гістарычнай прозы, наватарства, яе блізкасць да мастацкіх пошукаў сучаснай літаратуры дэманструюць Н. Фрыд, В. Эрбен, Б. Ржыга, М. В. Кратахвіл, У. Нэф. Іх раманы – новы крок у параўнанні з творамі А. Ірасека, З. Вінтэра і іншых папярэднікаў, што працавалі ў гэтым жанры. Аднак можна назваць і «традыцыяналістаў», напрыклад **Вацлава Капліцкага**, які працягваў пісаць у духу А. Ірасека. Яму належаць раманы «Па праву заваявана» (1971), «Земскі злодзей Іржы Ко-підланскі» (1976) пра часы пераследвання гусітаў. Гэтыя творы напісаны ў стылі прозы 1950–60-х гг. (дылогія «Жалезная карона» і трылогія пра гусітаў «Табарская рэспубліка»). Тым не менш, як адзначае руская даследчыца Р. Кузняцова, у гістарычным рамане 1970-х гг. «прасочваецца ўзнікненне мастацкага сінтэзу на аснове паслядоўнага, “скразнога” асэнсавання пісьменнікамі сувязі часоў» [3, с. 430]. Гаворка ішла ў большасці выпадкаў пра алегорыю сучаснасці, ужыванне якой сведчыць пра зварот да дурыхаўскай і вачураўскай традыцый.

Вылучаецца шэраг аўтараў гэтага перыяду, якія спрабавалі апісаць час і прастору пэўнага гістарычнага адрэзка гісторыі. На мясцовыя легенды і міфы абапіраўся **Здэнэк Шмід** у сваім зборніку «Траякі час гор» (1981). Баладычная атмасфера гэтых тэкстаў, сярод якіх апошні сягае ў сучаснасць, вырастае з шумаўскага асяроддзя і выкарыстання музычных матываў. **Радаслаў Ненадал** у зборніку «Ракваржава дачка і іншая проза» (1985) расказвае пра трагічныя падзеі мінулай вайны і недалёкага перыяду акупацыі. Ён апісвае старую Прагу. Яго героі – людзі з перыферыі чэшскага грамадства. У творы выступае гратэскае бачанне свету, разуменне чалавечай недасканаласці. Атмасфера 1930-х гг. і Другая сусветная вайна становяцца прадметам асэнсавання **Веры Сладкавай** у рамане «Малы мужчына і вялікая жанчына» (1982), які стаў папулярным пасля экранізацыі. Спробу па-новаму асэнсаваць гістарычны жанр зрабіў **Зена Достал**, напісаўшы цэлы гістарычны цыкл пра змены мараўскага рэгіёна ў 1930-х гг. Цыкл задумваўся як 12 самастойных твораў, але не быў закончаны. Першыя шэсць частак цыкла выйшлі ў трох кнігах: «Бык, баран і вагі» (1981), «Леў і скарпіён» (1983), «Вадаліў» (1987). Крытыка прыняла іх цалкам станоўча, аднак ідэалагічная рэакцыя на кнігі ў газеце *Rudé pravo* паставіла крыж на далейшай публікацыі твораў. Толькі пазней былі апублікаваны часткі «Брама» (1987), «Рэкрут» (1989), «Лебедзь» (1991), «Блізняты» (1992), «Рыбы» (1994). Праз усе кнігі праходзіць сімволіка *зверакола*. Гісторыя ўспрымаецца З. Досталам як вечны колазварот, які вынікае з аўтарскага гістарычнага скепсісу і вялікага недаверу да папулярных ідэалагічных сістэм. Пісьменнік зыходзіў з немагчымасці адзінства чалавечага жыцця і вялікай гісторыі, чалавечых жыццёвых каштоўнасцей і дзяржаўных і рэлігійных сістэм, пачынаючы з традыцыйных масарыкаўскіх канцэпцый дэмакратыі, заканчваючы сокальствам, каталіцызмам, нацызмам і сталінізмам. Творы цыкла, на думку літаратуразнаўцаў, добра адлюстравалі атмасферу апісанага перыяду і індывідуальныя лёсы. Аўтар засяродзіўся на душэўным і фізічным стане людзей з розных сацыяльных і грамадскіх колаў. У сваіх раманах З. Достал рабіў акцэнт на аб’ектывізацыі, імкнуўся да дакладнага апісання фактаў, адкрыта звяртаўся да фізічных і фізіялагічных праяў жыцця герояў. Гістарычны цыкл пісьменніка стаў панарамнай хронікай распаду сельскай абшчыны ў Мараве, а ў чэшскай пасляваеннай літаратуры – адной з самых пераканаўчых карцін вясковага свету ў яго сэнсавым і эмацыянальным нападзенні.

Значнай часткай літаратуры перыяду нармалізацыі ў гістарычным жанры становіцца **біяграфічная проза**, якая была засяроджана на распрацоўцы чалавечых лёсаў слаўных асоб. Спіс персаналій, да якіх звярталіся аўтары, быў вельмі шырокім: ён уключаў і прадстаўнікоў рабочага руху, і дзеячаў культурнай эліты, якія талерантна ўспрымаліся існуючым рэжымам. Можна было выдаць твор аб прадстаўніку дваранства і шляхты, як, напрыклад, зрабіла **Алена Врбава**, напісаўшы раман «У гербе львіца» (1977) пра Здзіслава, якая ў 1995 г. была кананізавана каталіцкай царквой. Часта чэшскія пісьменнікі ўзнаўлялі ў сваіх творах лёсы не нацыянальных герояў, а замежных гістарычных асоб, паколькі існавала цікавасць да постацей, яшчэ не апетых чэшскай літаратурай. Біяграфічная проза выкарыстоўвала розныя формы: ад класічнага рамана да сінтэзу белетрыстыкі і літаратуры факта. Амаль заўсёды творы былі дыдактычнымі, ствараліся як этычны ўрок чытачу. Апошні мусіў вынесці з кнігі пазітыўнае значэнне апісанай асобы ў нацыянальнай або сусветнай гісторыі. У выдавецтве для дзяцей і моладзі «Альбатрос» выходзіла нават асобая серыя «Жыццёпісы». Прыкладам дастаткова ідэалагізаванай біяграфічнай прозы з’яўляецца раман **Ёзафа Томана** «Сакрат» (1975), у якім пісьменнік усаўляў філасофію жыццялюбства і паказваў жыццё Старажытнай Грэцыі. Творца выкарыстоўваў свой мастацкі патэнцыял і вельмі

маляўніча апісваў аддаленыя рэаліі, дадумваў падзеі. Свайго героя Ё. Томан паказаў паслядоўным матэрыялістам без унутраных супярэчнасцей, прыхільнікам дэмакратыі і барацьбітом за сацыяльную справядлівасць, чалавекам, які нібыта ўжо тады бачыў класавыя карані сацыяльных канфліктаў.

Традыцыйным прыкладам біяграфічнай прозы можна лічыць раманы **Веры Адлавай** пра Клару Шуманаву «Вясенняя сімфонія» (1973) і пра жонку Карла Маркса «Джэні» (1980), **Мілаша Кочкі** пра мастака Караваджа «Кроў на палітры» (1975), **Яраміры Коларавай** пра каханне Караліны Светлай і Яна Нэруды «Алмазная зашпілька» (1978). **Норберт Фрыд** піша гістарычны біяграфічны раман «Імператрыца» (1972), дзе звяртаецца да асобы Шарлоты Мексіканскай, жонкі Максіміліяна, брата аўстрыйскага імператара Франца-Іосіфа. Аповед вытрыманы амаль дакументальна, што аўтар даказвае прыкладзеным спісам выкарыстанай пры напісанні твора літаратуры. Раманы **Адольфа Бранальда** «Залатыя цені» (1980), «Мы з фільма» (1988) прысвечаны жыццёвым гісторыям аперэтанай спявачкі Зіеглеравай і чэшскага фільмавага наватара Яна Кржыжанецкага. У творах адчуваецца настальгія па зніклым свеце нашых дзядоў. Таксама А. Бранальд выдаў зборнік «Мы з тэатра» (1983).

У другой палове 1980-х гг. У рэчышчы біяграфічнага жанру былі выдадзены раманы **Яраслава Бочака** пра Рудольфа II «Час кароннага прынца» (1987), «Халасцяк на троне» (1995), у якіх аўтар імкнуўся ачысціць вобраз знакамітага правіцеля ад стэрэатыпных клішэ і паказаць яго як рэальнага чалавека са сваімі інтарэсамі і клопатамі і як палітыка. Найбольш значным прадстаўніком біяграфічнага рамана 1970–80-х гг. быў **Францішак Кожык**, пісьменнік вялікай культурнай эрудыцыі, які ўжываў форму хранікальнага аповеду, абапіраўся на шматгадзінную працу ў бібліятэках і архівах. Пісьменнік выкарыстоўваў цытаты з аўтэнтычных тэкстаў сваіх герояў, напрыклад з іх карэспандэнцыі. З чэшскага пантэона Ф. Кожык выбраў Здэнку Браўнераву (дылогія «На крыле ветранага млына», 1977; «Неспакойнае бабіна лета», 1979), Эдуарда Вояна («Фанфары для караля», 1983), Міраслава Тырша («Лаўровы вянец», 1987). Аўтар апісаў іх асабістую, любоўную, прафесійную гісторыю і зрабіў усё гэта ў межах панарамнай карціны чэшскага культурнага жыцця XIX – пачатку XX ст. Менш удалымі, па меркаваннях крытыкаў, у Ф. Кожыка атрымаліся экскурсы ў аддаленыя эпохі («Хроніка жыцця і ўлады Карла IV, караля чэшскага і імператара рымскага», 1981).

Прынцыпы літаратуры факта ў біяграфічнай прозе выкарыстоўваў **Войцех Сцеклач** у жыццёпісах Напалеона («Таямніца скарабея», 1983), Карла Маркса («Таямніца *Old Nicka*», 1983), а таксама **Здэнэк Маглер** у сваіх кнігах пра кампазітараў («З богам, маё чырвонае полымя. Фрагменты жыцця і творчасці В. А. Моцарта з фіктыўных успамінаў Ёзэфіны Душкавай, якія суправаджаюцца нататкамі незнаёмага даследчыка», 1984; «Не пераследуйце прарокаў. Главы з жыцця Бедржыха Сметаны», 1989). Цікавае рашэнне сімбіёзу белетрыстыкі і літаратуры факта было ў паўдакументальным рамане **Івана Кржыжа** «Смерць сенатара» (1979), у якім партрэт правадыра рабочага руху Ёзэфа Гібеша мазаічна складаецца з розных суб'ектыўных сведчанняў.

Гістарычныя дакументы ў аповедзе шырока ўжываў майстар гістарычнага рамана **Мілаш Вацлаў Кратахвіл** у творах пра Першую сусветную вайну «Еўропа кружылася ў вальсе» (1974) і «Еўропа ў акопах» (1977). Раманы набліжаны да сучаснасці, у іх пісьменнік піша пра пачатак XX ст., рускую рэвалюцыю 1905 г. Час дзеяння не такі ўжо далёкі, але дылогі ўспрымаецца як гістарычны твор. У згаданых раманах прысутнічаюць не толькі выдуманых героі, але і рэальныя гістарычныя персаны: манархі Франц-Іосіф I, Вільгельм II, рускі цар Мікалай II. Вобраз рускага цара выкрышталізоўваецца ў лістах германскага імператара да яго. Кратахвіл стварае эпахальныя, маштабныя, усеахопныя карціны. Аўтар уключае ў творы дзённікі, перапіску, газетныя матэрыялы і інш. Таксама М. В. Кратахвіл шырока выкарыстоўвае прыёмы дакументальнасці і прынцып мантажу. Свабодная кампазіцыя спрыяе паглыбленню разумення канфліктаў, стварае дакладную карціну часу: «Пісьменнікам раскрыта гістарычная перспектыва адлюстраваных падзей Першай рускай рэвалюцыі і сусветнай вайны 1914 г. Гістарычная канцэпцыя аўтара ў тым і заключаецца, каб візуальна, яўна ўвасобіць зараджэнне, выпяванне ў лоне старой Еўропы новага жыцця. Таму раманы населены мноствам эпизадычных персанажаў, якія прадстаўляюць настроі розных слаёў грамадства і ключавыя падзеі пачатку XX ст. Незабыўныя старонкі пра Крывавую нядзелю ў Пецябургу, пра застрэленага хлопчыка Грышку, яго брата, маці, пра пажары ў Маскве. Пра пачатак вайны, мабілізацыю, провады на фронт» [3, с. 421]. Нібы ў кінафільме, М. В. Кратахвіл малое персанажаў, падзеі, устаўляе дакументы і такім чынам стварае шырокае эпічнае палатно.

У біяграфічным рамане «Жыццё Яна Амаса» (1975) М. В. Кратахвіл белетрызуе гісторыю. Ён піша пра вучонага, пісьменніка, педагога Я. А. Коменскага, які на некалькі стагоддзяў апярэдзіў сваю эпоху. Аповед таксама дакументаваны, падзеі развіваюцца няспешна. Чэшскі крытык В. Рэўнэк адзначаў: «Перад намі гістарычны раман, які па праву можа быць названы філасофскім. У чытача складаецца ўяўленне пра гістарычны маштаб асобы Коменскага і яго ідэй, цалкам канкрэтнае разуменне таго, як глыбока пранік Коменскі ў сутнасць праблем, на цэлыя стагоддзі абагнаўшы свой час у рашэнні многіх

з іх» [5, с. 176]. Сюжэт твора і яго кампазіцыя вельмі складаныя, паколькі ўключаюць лісты і вершы Коменскага, цытаты з яго навуковых філасофскіх і педагогічных твораў. Падкрэсліваецца скіраванасць у будучыню натуры гэтага чалавека. Аўтар-апавядальнік каментуе матэрыялы рамана, робячы іх такім чынам даступнымі сучаснаму чытачу і памяншаючы часавую дыстанцыю. Жыццё Коменскага таксама ілюструе бурны і пераломны характар эпохі. Аўтар уводзіць у тэкст і свой каментарый, як гістарычны, (характарызуе эпоху, піша пра важныя падзеі), так і публіцыстычны, звернуты да сучаснасці (напрыклад, піша пра супадзенне ідэй Коменскага з праграмамі ААН і ЮНЕСКА). Кратахвілу належыць вялікая колькасць раманаў гістарычнага жанру, якія заўсёды звязаны з сучаснасцю і адрозніваюцца наватарскай мастацкай формай. Такім чынам, можна казаць пра М. В. Кратахвіла як пра пісьменніка, вучонага-даследчыка, прапагандыста і папулярызатара гісторыі, у кнігах якога фактычны матэрыял дамінуе, а фантазія яму падпарадкоўваецца.

Яшчэ адным аўтарам, які выкарыстоўваў устаўкі дакументаў у сваіх гістарычных раманах, з'яўляецца **Міраслаў Іваноў**. У яго творах дакументы і факты маюць палемічнае гучанне. Аўтар актыўна ўводзіць у раманы элементы дэтэктыўнага жанру, тайны, містыфікацыі, імкнўшы нешта выкрываць, як, напрыклад, у творы з цікавай і паказальнай назвай «Забойства Вацлава, князя чэшскага (па чутках, здзейсненае пры двары брата яго Баляслава ў панядзелак пасля свята святых Казьмы і Даміяна)» (1975). З твора мы даведваемся пра Вацлава і яго эпоху. Фактычныя звесткі М. Іваноў змяшчае ў асобных раздзелах, стылізаваных пад навуковы рэферат. Пісьменнік падыходзіць да матэрыялу з пазіцыяй навукоўца: супастаўляе і параўноўвае розныя факты і робіць высновы. Прысутнічае ў рамане вобраз прафесара гісторыі і крыміналіста ў адстаўцы, які ўласна і займаецца рэканструкцыяй сапраўднай гісторыі, што выклікае ў чытача адчуванне далучанасці да гісторыі.

Вельмі актыўна ў названы перыяд выкарыстоўваўся жанр хронікі. З'явіліся розныя мадыфікацыі сямейнай сагі. Напрыклад, да традыцыйнай формы гэтага жанру звярталіся **Алена Врбава** і **Хелена Шмагелава**, якія ў архівах шукалі гісторыю сваіх продкаў і дайшлі да XVII ст. Трылогія А. Врбавай «Калі певень дапеў» (1981), «Пад кардынальскай пячаткай» (1983), «Складкі» (1985) уяўляе сабой ілюстратыўную гісторыю, дзе, на думку даследчыкаў, не хапіла месца глыбока прапісаным індывідуальнасцям. Трылогія Х. Шмагелавай «Цені маіх продкаў» (1984), «Сляды маіх продкаў» (1987), «Галасы маіх продкаў» (1987), наадварот, была заснавана на дэталёвай абмалёўцы будзённага жыцця роду млынароў, вернага ў паслябелагорскую эпоху «ерэтычным» традыцыям.

Многія прадстаўнікі гістарычнай прозы развівалі традыцыі папулярнага чытання. Значная частка аўтараў 1970–80-х гг. разумелі гістарычны жанр як унікальную прастору фрэскі, якая будзе на маляўнічым дзеянні і выкарыстоўвае багаты арсенал інтрыг, прыгод і гісторый кахання. У лепшым выпадку пісьменнікі ў межах акрэсленай тэндэнцыі імкнуліся цікавы і эфектны сюжэт пранізаць пэўнымі матэрыяламі пра людзей, гістарычнымі фактамі пра мінулае. Да такіх аўтараў можна аднесці **Францішка Няўжыла** («Катаванне», 1972; «Спякотная восень», 1973), **Ярмілу Лоўткаву** («Пад маскай смеху», 1977; «Дома паміраюць людзі», 1981), **Вацлава Капліцкага** («Належыць па праву», 1971; «Земскі шкоднік Іржы Капідланскі», 1976; «Вялікі тэатр», 1977; «Жыццё алхіміка», 1980), **Здэнку Бездэкаву** («Белая пані», 1979; «Валун», 1986), **Ніну Бонгардаву** («Каралеўскі ўдзел», 1971; «Час галавакружэння», 1975; «Раман пра Доўбраўку Чэшскую і Мешка Польскага», 1980), **Іржы Светазара Купку** («Раман пра мудрага вінароба», 1972; «Да развітання, летнія каханне», 1982).

Тыповым прыкладам рэалізацыі камерцыйнага разумення гістарычнай прозы пра далёкае мінулае была вельмі запатрабаваная ў чытачоў творчасць **Людмілы Ванькавай**, якая ў сваіх шматлікіх раманах («Кароль жалезны, кароль залаты», 1977; «Першы муж каралеўства», 1983; «Каралеўскі пурпур цябе не абароніць», 1984; «Раб з Рабштэйна», 1985) белетрызавала падручнікі па гісторыі, галоўным чынам «Гісторыю» Ф. Палацкага, прычым асобных гістарычных персанажаў пісьменніца набліжала да сваіх сучаснікаў тым, што тлумачыла іх учынкі асабістай або эратычнай матывацыяй. Ідэалізацыя мінулага заўважная ў трылогіі Л. Ванькавай «Леў і ружа» (1977). Падзеі ў творы адбываюцца ў перыяд росквіту Чэшскай дзяржавы часоў праўлення Пржэмысла Отакара II (XIII ст.). Аўтар абмалёўвае карціну эпохі, прыводзіць жыццёпіс караля, раскрывае маральны вобраз кіраўніка дзяржавы, уздымае пытанні патрыятызму і міру. Пісьменніца стварае вобраз высакароднага караля, мудрага на троне і ў сям'і. Пасля 1989 г. раманы пісьменніцы выліваюцца ў дванаццацітомны цыкл пра эпоху Пржэмысловічаў.

У межах прозы пра нядаўняе мінулае ідэйныя, сюжэтныя і характаралагічныя стэрэатыпы прыгодніцкага жанру выкарыстоўваў **Здэнэк Плугарж**. У яго творах гаворка ішла пра часы будаўніцтва крэпасцей перад Другой сусветнай вайной («Шкляная дама», 1973), апісвалася гісторыя чэшскага бежанца на тэрыторыі фашысцкай Славакіі («Адзін сярэбраны», 1974), закраналася тэма эканамічнага крызісу 1930-х гг. («Дзявятая смерць», 1977), разглядаўся лёс інжынера-касмапаліта пасля Другой сусветнай вайны («Бар каля страчанага якара», 1979).

Некаторыя пісьменнікі арыентаваліся на традыцыйнае разуменне забаўляльнай гістарычнай прозы і выкарыстоўвалі жанр як алегорыю на сучаснасць. Сярод такіх аўтараў вылучаецца **Арношт Ване-чак**, стваральнік баладных гісторый «Залаты конь» (1969), «Каралеўскі гуслія» (1977), «Паўночны сон» (1977), «Гусіцкая балада» (1979), «Пражская серэнада» (1982). Пісьменнік рабіў акцэнт перш за ўсё на маляўнічай, яскравай падачы матэрыялу, на таямнічых матывах і пазачасавай любоўнай страсці. Мінулае для яго становіцца полем для ўвасаблення сваіх фантазій, гульні з элементамі чарадзейства і тайны.

Іншыя магчымасці гістарычнай забаўляльнай прозы выкарыстоўваў такі знакаміты белетрыст, як **Уладзімір Нэф**. Ён стаў самым папулярным аўтарам 1970–80-х гг. са сваёй трылогіяй пра часы Трыццацігадовай вайны «Каралевы не маюць ног» (1973), «Пярсцёнак Борджыа» (1875), «Прыгожая чарадзейка» (1980). Трылогія ўяўляла сабой новы тып умоўна-гістарычнай прозы, гэта былі «раманы гістарычнага касцюма». Шматзначная іронія вылучае твор і дае новае прачытанне сярэднявечнаму сюжэту. Месцамі яна даходзіць да сарказму, стварае гратэск (напрыклад, гратэскаваць характару адмоўных персанажаў). Чэшскі крытык В. Рэўнак назваў кнігі У. Нэфа «раманамі мюнхаўзенскага і дзюма-мушкецёрскага тыпу». Казачнасць у іх спалучаецца з гістарычнай даставернасцю. Апісваюцца пейзажы тагачасных Вены, Рыма, Прагі, жорсткія норавы XVII ст. Персанажамі становяцца і гістарычныя асобы, і выдуманая героі, а таксама, у духу постмадэрнізму, героі знакамітых літаратурных твораў, напрыклад мушкецёры дэ Трэвіля. Мова твора вельмі яскравая, бо аўтар устаўляе ў чэшскі тэкст англійскія, нямецкія, італьянскія і лацінскія словы, архаізмы, а таксама ўжывае моладзевы сучасны слэнг. Аўтар звяртаецца да наўмыснай мадэрнізацыі мовы. Розныя моўныя пласты адпавядаюць сацыяльнаму зместу вобразаў. З аднаго боку, трылогія носіць забаўляльны характар, з другога – у ёй ёсць і гісторыка-філасофскі пачатак. Пісьменнік уздымае праблемы ідэальнага правіцеля, шматлікіх крываваў войнаў і іх наступстваў, аб’яднання розных народаў Еўропы, што робіць трылогію і сёння вельмі актуальнай. Твор вылучаецца яскравымі зваротамі да сучаснага чытача і актуальных праблем. Такая трансфармацыя мастацкага свету пісьменніка вельмі цікавая, паколькі ў папярэдні перыяд У. Нэф быў вядомы як аўтар даволі традыцыйнай пенталогіі пра жыццё чэшскага грамадства XIX–XX стст. Як адзначала Р. Р. Кузняцова, «сацыяльная аснова канфлікту – самая адметная рыса гістарычных раманаў Нэфа – вызначае сюжэт яго новых твораў, для якіх характэрныя шырыня ахопу рэчаіснасці, адлюстраванне грамадска-палітычнага жыцця народаў Еўропы, філасофскі план і кола актуальных для сучаснасці праблем. Аднак сама па сабе форма сюжэта блізкая дэтэктыўнаму, прыгодніцкаму, нават авантурнаму рамана, і толькі падтэкст раскрывае яе сапраўдны, сур’ёзны і глыбокі змест» [3, с. 428]. Сюжэт трылогіі адкрыта парадыйны, тым не менш з галоўнага персанажа, Пятра Куканя, мы не смяёмся, а спачуваем яму, паколькі ён увасабляе лепшае ў чалавеку. «Нэфаўская канцэпцыя гістарычнага рамана развівае традыцыі філасофска-сатырычнага алегарычнага рамана, збліжаючы яго з А. Франсам, а ў чэшскай літаратуры – з К. Чапекам... Творчасць Нэфа поўная пакутлівых маральных і інтэлектуальных пошукаў. Форма ўводзіць крытыкаў у зман з-за парадыйнага характару гістарычных варыяцый, пранізанах іроніяй» [4, с. 127]. Герой трылогіі нагадвае графа Монтэ-Крыста, Жалезную Маску, д’Артаньяна, Робін Гуда, Ціля Уленшпігеля, Дон-Кіхота і Джэймса Бонда адначасова. Кукань надзяляецца рысамі вялікіх людзей мінулага, напрыклад Карла IV ці Іржы з Падэбрад. Герой мае місію – вырашаванне чалавечтва, з чым ён не спраўляецца. «Вялікая колькасць сцэн гвалту і жахаў іншым разам нагадвае “гатычныя” раманы... аднак функцыя гвалту ў творах іншая: гэта адмаўленне ўсяго гістарычна аджыўшага, сцверджанне гуманістычных ідэалаў, адмаўленне пацыфізму, пасіўнага няўдзелу ў барацьбе» [4, с. 129]. Трылогія адмаўляла чэшскую гістарычную традыцыю, паколькі цэнтральным тыпам героя ў ёй выступае не гусіт, а сын пражскага алхіміка, які больш за ўсё цэніць асабістую свабоду і справядлівасць. Дзякуючы гэтаму ў свой час газета *Rudé právo* і часопіс *Tvorba* назвалі раманы У. Нэфа гуманістычнымі, здольнымі папярэджваць навукоўцаў пра адказнасць за вынаходніцтвы. Гэта сведчыла пра адыход ад ідэалагічнасці ў жанры гістарычнага рамана. Аўтар у поўнай меры прадэманстраваў сваю разнаволанасць, гуляючы з чытачом, выкарыстоўваючы авантурныя і дэтэктыўныя элементы, аўтарскую іронію. Стварыўшы апавядальніка-дэміурга раманага свету, пісьменнік цалкам парушыў усе пастулаты іресекаўскай раманнай традыцыі. Ён вольна абыходзіўся з гістарычнымі фактамі, за аснову пазыкі ўзяў казачнасць і фантастыку. Герой – ідэальны чалавек, праўдалюбец і донжуан. Тэкст па-сучаснаму інтэртэкстуальны. Усё гэта сведчыць пра эксперыментальнасць пазыкі У. Нэфа. Сучасны крытык Л. Махала здзіўляўся, як у разгар нармалізацыі пісьменнік рэалізаваў постмадэрнісцкія прынцыпы ў сваёй трылогіі [6, с. 106]. «Праграмна “новыя”, антытрадыцыйныя і эксперыментатарскія раманы Нэфа, натуральна, напісаны “паверх” існаваўшых традыцый. Калі парадзіраванне “масавай літаратуры”, прыгодніцкіх гістарычных раманаў, “пражскай” міфалогіі і г. д. у іх відавочнае, то “іресекаўская традыцыя” паўстае ў Нэфа ў выглядзе свайго роду “мінус-прыёму”» [7]. Па меркаванні С. Шарлаімавай, У. Нэф працягваў традыцыю У. Ванчуры і іранізаваў са сваёй мастацкай манеры.

Чэшскі літаратуразнаўца В. Достал палічыў, што «тут мы маем перад сабой не гістарычны раман, а ланцуг выдуманых прыгод» [8, s. 9]. Нягледзячы на такія меркаванні, можна казаць пра іранічнасць, парадыйнасць і шматузроўненасць твора, характэрныя для сучасных постмадэрнісцкіх раманаў. Паводле А. Бабракова-Цімошкіна, уся паэтыка трылогіі і ёсць свайго роду пародыя на гістарычны раман, прыгодніцкі жанр, саму пародыю, а тэкст кнігі можа функцыянаваць адначасова і як прадукт масавай літаратуры, і як чытанне для інтэлектуалаў, твор антываенны і антыбуржуазны. Але для нас важная яго антытрадыцыйналісцкая напоўненасць.

Вельмі рафінаваную, напісаную пад уплывам жывапісу гістарычную прозу прэзентуе **Ева Пятрова** («Каралеўскі паштэт», 1982), у якой стварае барочныя вобразы Парыжа. Пісьменніца ўмела выкарыстоўвае дэтэктыўныя моманты, гуляе з крымінальнымі матывамі.

У 1970-я гг. выступіў з гістарычным сатырычным раманам **Іржы Марэк**. Ён прадставіў публіцы твор «Мой дзядзька Адысей» (1974), дзеянне якога адбываецца ў Вене апошніх гадоў існавання Аўстра-Венгрыі і ў Празе пасля Першай сусветнай вайны. Раман парадзіруе гамераўскі эпас, на што ўказвае яго назва і структурная падзеленасць на песні. У рамане спалучаюцца рэалістычныя пласці пра «пахаджэнні» дзядзькі Адысея ў Вене і Празе мінулых часоў і літаратурная гульня, што дае магчымасць аднесці раман да іранічнай прозы і казаць пра наяўнасць у ім элементаў постмадэрнізму. Дзядзька апавядальніка – уласнік пахавальнай канторы. Яго гісторыя падаецца як парафраз гамераўскага эпасу. Герой паказаны як чалавек, які ў жыццёвых перыпетыях шукае сэнс існавання. У адносінах галоўнага героя да свету ўвасобілася аўтарскае разуменне асноўных рыс чэшскага нацыянальнага характару. Марэк апісвае прадпрымальнасць і свабодалюбства свайго героя, яго прагматызм, гатоўнасць прыстасавацца да абставін. Аўтарскія адносіны да персанажа амбівалентныя: з аднаго боку, ён успрымае яго крытычна і іранічна, з другога – захапляецца ім.

Частка пісьменнікаў – прадстаўнікоў гістарычнага жанру ў сваіх творах уздымалі праблему адносін індывідуума і грамадскіх аўтарытэтаў. Яны выносілі на першы план пытанне ўзаемадзейнення асобы і гісторыі, асобы і сацыяльна-палітычных абставін. Сярод аўтараў, што звярталіся да гэтай тэмы, назіраецца пэўная палярызаванасць. З аднаго боку, былі пісьменнікі, якія пагаджаліся з сучасным існуючым ладам, на другім баку знаходзіліся тыя, хто лічыў сучасную гістарычную сітуацыю ў Чэхаславакіі няправільнай, фальшывай і шукаў яе аналагі ў гісторыі. Першую пазіцыю прадстаўляе **Аляксей Плудэк** са сваім раманам «Пісар фараона» (1966), які пазней перарос у трылогію: яго працягам сталі творы «Дарадца вялікіх раджаў» (1975) і «Вораг з Атлантыды» (1981) пра Астраўную імперыю і платонаўскі міф, дзе ў гісторыка-фантастычнай форме аўтар падаў «актуальны» сюжэт. У трылогіі вялікую ўвагу чэшскі творца надаў гістарычнаму часавому каларыту, звычаям паўсядзённага жыцця, прыдворнаму этыкету, але не абмінуў і таямнічы свет інтрыг, дыпламатычных і палітычных перамоў, рэлігійных культаў, тайных абрадаў і навук. У кнігах А. Плудэка увасобіў сваё разуменне справядлівай арганізацыі грамадства, якое для яго вырастала з улады мудрай алігархіі, якая ведае, куды трэба весці народ. Найбольш яскрава гэта праявілася ў антыўтопіі «Вораг з Атлантыды». Цэнтральная постаць твора – высокапастаўлены арыстакрат, які марна імкнецца не дапусціць гібелі і разлажэння краіны. Атлантыда ў творы А. Плудэка знікае, таму што яе насельнікі не прытрымліваліся законаў і парадкаў сваёй каставай дзяржавы. Да тых, хто паскарае заняпад дзяржавы, пісьменнік адносіць моладзь, якая не мела пашаны да традыцыйных каштоўнасцей, і гора-пісьменнікаў ды мастакоў, якія ўсё рэлятывізавалі. Ворагамі парадку і шкоднікамі паказаны і інтрыганы-гандляры, якія не паважаюць межы паміж кастамі і належаць да пароды людзей з «чорнымі валасамі і вялікімі насамі». Нягледзячы на ўяўны антысемітызм, крытыка станоўча ўспрыняла раман А. Плудэка, а абарону каставасці палічыла згодай з існуючай палітычнай сістэмай. У 1982 г. раман нават атрымаў прэмію Міністэрства культуры Чэхаславакіі. Трылогія А. Плудэка адпавядала ідэалогіі нармалізацыі тым, што выступала супраць «дэструктыўнага» імкнення асобы да свабоды ўвогуле і свабоды выказваць свае погляды у прыватнасці. Віталася літаратурнай крытыкай і ўладамі «канструктыўная» пазіцыя індывідуума, якая заключалася ў ахвяраванні сваім асабістым на карысць надсабовых грамадзянскіх інтарэсаў. Чэшская даследчыца Г. Грзалава прызнала раманы «манументальнымі і гісторыка-філасофскімі» [9, s. 112]. Творы мелі антызаходні пафас, што таксама станоўча ўспрымалася ўладамі.

Пытанне пра адказнасць асобы за захаванне грамадскіх інтарэсаў уздымаецца ў трылогіі **Багуміла Ржыгі**, якую складаюць раманы «Апусціся перада мной на калені» (1971), «У чаканні караля» (1977), «Застаўся толькі меч» (1979) Аповед у творах вядзецца пра часы «гусіцкага караля» Іржы з Падэбрад. Чэшскі пісьменнік расказвае гісторыю яго ўступлення на трон, апавядае пра прыгоды і каханне выдуманнага героя Марэка з Тынца, хлопца мужана і рамантычнага, які рызыкаваў сваім жыццём, шэсць гадоў знаходзіўся ў зняволенні, а потым вярнуўся на службу да Іржы з Падэбрад, які ўзначальваў чашнікаў, што абаранялі інтарэсы дробнай шляхты і гараджан. Узорам для Ржыгі становіцца метафарычны стыль гістарычнай прозы Ванчур. Аўтар піша пра жыццё людзей, якія захапляліся

ідэямі Яна Гуса, уздымае праблемы маралі, адказнасці, духоўнага рабства. «Ржыга не прэтэндуе на гістарычную паўнату карцін эпохі, але затое дух часу, складанага і суромага, перададзены ў раманах ва ўсіх дэталях абстаноўкі, у паводзінах і дзеяннях персанажаў. Сюжэтныя лініі яго раманаў, перыпетыі асабістага жыцця галоўнага героя адлюстроўваюць сацыяльныя прычыны канфлікту. Разам з тым вымалёўваецца глыбока індывідуальны, непадобны да іншых характар юнака, захопленнага, адданага справе і каханай, шчырага перад самім сабой і людзьмі. Апавядальнік, які мае доступ да тайнікоў душы героя і можа прадбачыць падзеі, прыбягае да псіхалагізму ў прыгодніцкім сюжэце, аднаўляе такім чынам карціну духоўнага і маральнага стану грамадства ў канкрэтна-гістарычных абставінах. Публіцыстычныя адступленні выклікаюць асацыяцыі з сучаснасцю, набліжаюць адлюстраванае, карэкціруюць успрыманне» [3, с. 426].

Пра караля Іржы пісаў і **Вацлаў Эрбен**, які дэміфалагізаваў яго асобу ў сваіх гістарычных раманах «Дзяцінства» (1974), «Юнацтва» (1977) і «Сталенне» (1981). Творы мелі агульную назву «Успаміны чэшскага караля Іржыка з Падэбрад» і былі стылізаваны пад аповед героя пра свой шлях да чэшскага трона, які ён нібыта дыктаваў ананімнаму пісцу пасля каранацыі, аўтар жа быццам выпадкова знайшоў гэтыя запісы ў адным з замкаў усходняй Чэхіі. У раманнай трылогіі адбілася скептычнае стаўленне пісьменніка да гістарычных міфаў і аўтарытарнай улады. Вобраз цэнтральнага героя не супадае з тым, як яго падавалі ў гісторыі такія аўтарытэтныя асобы, як Ф. Палацкі і А. Ірасек. Чэшскія крытыкі, напрыклад Б. Докаўпіл, палічылі гэту кнігу выклікам аўтара традыцыям чэшскай гістарычнай прозы. Але Ё. Грабак меркаваў, што пісьменнік запойніў белыя плямы на карце чэшскай гісторыі. У 1984 г. В. Эрбен напісаў раман пра фальшываманетчыкаў «Непрыемны канец рыцара Барталамея». У ім важную ролю адыгрываюць аўтарскія маналогі і дыялогі, напоўненыя іроніяй і шматлікімі афарызмамі.

Да прэзаікаў, якіх хвалявалі пытанні чалавечай экзістэнцыі ў гісторыі, адносіцца **Ян Жачак**. Яго раман «Гравюра па дрэве пра князя і сельскага старасту» (1978) з псіхалагічнай пачуццёвай адлюстраванай рэакцыю на ёзэфінскія рэформы ў чэшскім вясковым асяроддзі. Аўтар даследуе, наколькі яго героі могуць адпавядаць выклікам эпохі і наколькі яны ўсведамляюць супярэчнасці паміж тым, што чалавеку прадпісвае ўлада, і асабістымі памкненнямі і воляй. Фактары ўласнай заангажаванасці, здольнасць шукаць сваю дарогу ў жыцці становяцца дамінантнымі ў барочным рамана Я. Жачка «Апокрыф пра графа Шпорку і Эпілог» (1988).

У раманах **Ёзафа Галіка** пра пабелагорскі перыяд «Суд і дараванне» (1987) паказаны герой, які разумее, што жыццё больш каштоўнае, чым вера і любыя перакананні. Пісьменнік-эмігрант **Карэл Пецка** прадставіў чытачам раман «Раскол» (1974), у якім параўноўваў дзве хвалі чэшскай эміграцыі – пабелагорскую і пасляжнівеньскую (пасля 1968 г.). **Іван Кржыж** у сваім творы «Праўда пра гібель Садома» (1968) праводзіў паралель паміж сучаснай краінай і Чэхаславакіяй 1948 г. Раман **Любаміра Томека** «Крыж іўдзеяў» (1989) – гэта апокрыф Новага Завета, у якім супрацьпастаўляюцца Ісус і Іуда, бязмежная вера, імкненне шукаць трансцэндэнтнае ў зямным жыцці і спадзяванне толькі на розум і здольнасці самога чалавека. Ад парафраза аўтар паступова пераходзіць да паказу таго, што вернасць гістарычным традыцыям паступова замяняецца схемай і догмай.

Да ліку самых выразных гістарычных раманаў належаць творы О. Данека, І. Шоталы і У. Кёрнера. Аўтары паказвалі чалавека, які згубіўся ў гісторыі, менавіта яны пастаянна ўздымалі пытанне пра месца чалавека ў гісторыі і сярод іншых людзей. Проза гэтых аўтараў праз гістарычныя тэмы і паралелі адлюстравала іх стаўленне да трагічнай сучаснасці, а таксама гістарычны вопыт тых, чыё жыццё ў «нармалізаванай» рэчаіснасці нібы спынілася, для каго гісторыя ўяўлялася ірацыянальнай і варожай велічыняй. Названыя творцы камбінавалі сваю гістарычную прозу з іншымі літаратурнымі і мастацкімі жанрамі і родамі, напрыклад, О. Данек і І. Шотала – з драмай, а У. Кёрнер – з кінафільмам.

Нетрадыцыйныя гістарычныя раманы напісаў **Ольдржых Данек**. У сваіх творах пра чэшскіх кіраўнікоў XIV ст. «Кароль бяжыць з поля бітвы» (1967), «Кароль без шлема» (1971), «Забойства ў Аламоўцы» (1972) ён па-свойму трактуе дзеянні вядомых гістарычных асоб і шырока ўжывае дыялогі і драматычныя сцэны, у чым праявілася майстэрства О. Данека як драматурга. Тры згаданыя кнігі ствараюць вольную трылогію пра апошніх Пршэмыслаўцаў і першых Люксембургаў на чэшскім троне. Апошні раман цыкла іранічна-парадычны, у ім ідзе гаворка пра пошукі забойцаў караля Вацлава III. Тут О. Данек звяртаецца да формы гістарычнага дэтэктыва, якая была запатрабавана ў чэшскай літаратуры гэтага часу. Але герой не даведваецца больш, чым мог бы высветліць амаль кожны. Значнымі ў раманах становяцца не наступствы расследавання, а пытанні пра тое, як пошукі вядуць да разумення адноснасці праўды, а таксама да ўсведамлення таго, што паміж верай і праўдай вельмі складаныя адносіны і вялікае напружанне. У тэксце дамінуе іранічны апавядальнік, шмат цытуюцца фіктыўныя дакументы, розныя справядачы і данясенні. Іх часавая стылізацыя парадзіруе сучасную Данеку рэчаіснасць. На дыялектычным суаднясенні праўды і веры, ілюзій і іх пераадолення будзеца апакрыфічны зборнік О. Данека «Нядаўна... Урыўкі з бегу часу» (1985).

Пошукі праўды знаходзяцца ў цэнтры рамана-дыялога **Івана Шоталы** «Кураня на ражне» (1974), дзе героем становіцца вандроўны лячэчнік Мацей Кураня. Дзеянне адбываецца ў часы напалеонаўскіх войнаў. Раман адлюстроўвае нарастаючы аўтарскі скепсіс і патрэбу аддаліцца ад бегу «вялікай гісторыі». Пра тое, што галоўны герой выконвае ролю ахвяры, сведчыць яго прозвішча – Кураня. Ён уцякае ад гісторыі, якая з’яўляецца яго ворагам. У ёй Мацей бачыць прастору хлусні, пераўтварэнняў, маніпуляцый. Ён зрабіўся тулягам не толькі таму, што стаў лялькай у руках гісторыі, за ніткі якой тузае невядома хто, але і таму, што толькі так можна пазбегнуць сваіх фальшывых амбіцый і памкненняў. Мацей у блуканнях па свеце вядзе няспынны дыялог з самім сабой, з іншымі людзьмі, з уяўнай каханай, з Богам, са сваімі лялькамі, якія пачынаюць жыць уласным жыццём. Галоўны прынцып героя і аўтара – дыялагічнасць. Гэта іх падыход да існавання, іх пункт гледжання. Дыялог становіцца галоўным элементом будовы тэксту, заснаванага на супрацьпастаўленні розных стылістычных пластоў і элементаў. У часы, калі праўда была адна, раман успрымаўся як пратэст супраць сілы, гвалту, маніпуляцый з індывідуальнай і грамадскай свядомасцю.

Аўтар выкарыстоўвае ў рамане такія мастацкія сродкі, як дыялагічнасць, метафарычнае маўленне, унясенне ў тэкст іншамовных элементаў, персаніфікацыя, чаргаванне рэальных і ірэальных матываў. Усё гэта было ўласціва творчасці І. Шоталы ў цэлым. Яго раманы вельмі смелыя, яны знаходзіліся ў яўнай і моцнай апазіцыі да афіцыйнай падачы жыццёвай праўды і прынцыпу гістарычнага аптымізму. Гэтыя творы адлюстроўвалі аўтарскае адчуванне абсурднасці сацыялістычнага чэхаславацкага быцця, скепсіс пісьменніка ў дачыненні да гісторыі як выразніцы найвышэйшых ісцін і ідэалаў, якія маюць выключнае права на ўзурпацыю волі і жыцця індывідуума. Усё гэта пацвердзіў наступны раман пісьменніка «Святы на мосце» (1978): гістарычны гратэск, у якім герой – будучы святы – Іаганек з Памуку паказаны аўтарам як увасабленне ўсіх найгоршых якасцей і плебейскага стаўлення да жыцця. Эгаізм Іаганека, яго беспрынцыпнасць, рабалецтва становяцца лютэткам, у якім адбываюцца рысы арыстакратычных колаў і прадстаўнікоў палітычнай улады. Аўтар піша, што, у адрозненне ад іх, Іаганек хаця б шчыры. Сцэны, у якіх прадстаўнікі ўлады дэманструюць сваю некампетэнтнасць, хітрасць і эгаізм і не пакідаюць месца для велічных чалавечых памкненняў, а таксама духоўныя рухі перадгусіцкага перыяду лепш за ўсё паказаны ў рамане праз карыкатуры. Значнай крытыцы падвергся ў Празе гістарычны раман І. Шоталы пра Яна Непамуцкага, статуя якога стаіць на Карлавым мосце. Пісьменнік меў мэту развянчаць легенду пра папулярнага чэшскага святога, паказаўшы яго як гуляку і п’яніцу. Крытыка выступіла супраць скажэння гістарычнай праўды дзеля стварэння гістарычнага гратэску.

Да эпохі Сярэднявечча І. Шотала звяртаўся і ў рамане «Васямнаццаць Іерусалімаў» (1986). Гэты твор пра дзіцячы крыжовы паход становіцца яскравым адлюстраваннем аўтарскага скепсісу і жыццёвай абсурднасці. Вандроўка тых, хто павінен быў увасобіць ідэал і сваёй цнатлівасцю вызваліць святы горад, паступова ператвараецца ў ланцуг жорсткіх жартаў гісторыі з яе ахвяр, што не бачаць зла.

Пазней І. Шотала напісаў трылогію «Дзеці распісныя» (1983), «Ружа Рыа» (1986), «Восень у паркавым рэстаране» (1988), у якой ахопліваюцца падзеі ад Першай сусветнай вайны да сучаснасці. Трылогія прасякнута скепсісам, мае рысы прыпавесці і «падае не столькі гістарычныя карціны, колькі маральна-філасофскія метафары» [1, с. 169]. Шотала шырока выкарыстоўваў гульню асацыяцый, фантазію і іранічнае стаўленне да таго, што апісвае. У першым рамане трылогіі крытычнае вастрыё І. Шоталы набывае сацыяльную скіраванасць, паколькі ў ім паказаны герой, які пасіўна чакае сваёй пагібелі, а гэта, на думку аўтара, не адзінае магчымае стаўленне індывідуума да гісторыі. Крытыка пісала, што гэта «плебейская трылогія пра маленькага чалавека ў плыні гісторыі» [10, с. 539].

Скептычнае бачанне чалавека, «разарванага на кавалкі» гісторыяй, раскрывае ў сваіх кнігах **Уладзімір Кёрнер**. Дзеянне яго раманаў і навел адбываецца як у далёкім, так і ў набліжаным да сучасніка часе, напрыклад у гады Другой сусветнай вайны. Канцэпцыяй гісторыі і вобразамі герояў абедзве групы твораў практычна не адрозніваюцца. Так, з’яўляюцца ўжо згаданы гістарычны раман «Пясчаная каса» (1970), аповесць «Даліна пчол» (1978), дзе апісваліся падзеі XIII ст., звязаныя з паходамі крыжакоў на ўзбярэжжа Балтыйскага мора. Кніга «*Post bellum 1866*» (1986) уяўляе сабой рэканструкцыю аўстра-прускай вайны і яе бітваў. Для навелы «Анёл міласэрнасці» (1988) аўтар чэрпае тэмы ў часе Першай сусветнай вайны, для навелы «Жыццё пасля падпісання» (1989) – у перыядзе XIX ст. (варыяцыі на тэму сышчыкаў і тайнай паліцыі). Раман «Лекар паміраючага часу» (1984) расказвае пра слаўнага лекара рудальфінскай эпохі Яна Ясенія, пакаранага смерцю разам з кіраўнікамі саслоўнага паўстання супраць Габсбургаў. Праблематыцы Другой сусветнай вайны і першых пасляваенных тыдняў прысвечаны раманы «Знікненне хутара Бергаф» (1973), «Нараджэнне горнай крыніцы» (1979), якія аўтар пазней уключыць разам з навелай «Адэльгейд» (1967) у зборнік «Восеньскія навелы» (1983). Ва ўсіх названых творах на першы план У. Кёрнер ставіць чалавека, «пазначанага вайной» або нейкім іншым траўматычным вопытам, унутрана спустошанага чалавека, які не ў стане наладзіць кантакт з іншымі людзьмі. Ва ўсіх выпадках у Кёрнера гісторыя ўваходзіць у жыццё чалавека як цёмная, лёсавызна-

чальная, апакаліптычная сіла, якая надае чалавечаму жыццю форму кароткага адчаю паміж двайным небыццём. Смерць у Кёрнера ўсюдыісная, пра што аўтар нагадвае шматлікімі паўтарамі гэтага матыву. Пісьменнік адлюстравваў трагізм чалавечага лёсу, загадзя некім прадвызначанага, дадзенага і незалежнага ад асабістай волі чалавека. Гісторыя ў чэшскага творцы мае форму цыклічнага паўтарэння катастроф, якія выклікаюцца цёмнымі і невыкараняльнымі бакамі чалавечых характараў. Большасць прэзінтэтных твораў У. Кёрнера ўзнікла ў цесным узаемадзеянні з аўтарскай працай над кінасцэнарыямі і тэлевізійнымі сцэнарыямі. Гэта пасадзейнічала таму, што пісьменнік у сваіх тэкстах ужываў пэўныя фільмавыя хады, камбінаваў дэталі. Акцэнт ён рабіў на візуальных эфектах і маляўнічых сцэнах, паўтараў шмат разоў многія матывы і наўмысна недакладна, размыта падаваў абрысы сваіх персанажаў.

Трэба згадаць у нашым аглядзе і гістарычны раман майстра жанру жахаў **Ладзіслава Фукса** «Герцагіня і кухарка» (1983), які называюць яго лепшым творам. Чэшскі аўтар закранаў шэраг значных экзістэнцыяльных праблем чалавецтва. Крытык М. Юнгман назваў раман «мнагаслойным» [11, s. 109]. Дзеянне рамана адбываецца ў канцы XIX ст. Герцагіня плануе адкрыць пад Венай атэль-музей эпохі, што адыходзіць у нябыт. Героём – антыподам рамантычнай герцагіні, якая хоча ўтрымаць час, выступае кухарка-чэшка, поўная здаровага сэнсу, пачуцця гумару, якая гаворыць на сакавітай народнай мове. Перад напісаннем свайго «музейнага» рамана Л. Фукс скрупулёзна вывучаў рэаліі і дакументы таго часу, чытаў творы аўстрыйскіх пісьменнікаў Ё. Рота, Р. Музіля, К. Краўса. Крытык Б. Докаўпіл адносіць твор да «найбольш яскравых праяў постмадэрнізму» ў чэшскай літаратуры [12, s. 90]. Твор «Герцагіня і кухарка» Л. Фукса стаў апошнім гістарычным раманам перыяду нармалізацыі, які ўспрымаўся як літаратурная з’ява. Гістарычныя раманы працягвалі выходзіць і пазней, але з цэнтра чытацкай увагі яны зноў змясціліся на перыферыю» [1, с. 170].

Такім чынам, у 1970–80-я гг. у чэшскім гістарычным рамане назіраліся такія новыя з’явы, як падкрэсленая ўвага да сучаснасці (У. Нэф), выкарыстанне мастацкіх магчымасцей дакументальных крыніц у літаратуры (М. В. Кратахвіл). У гэтым можна ўбачыць пэўную блізкасць да літаратуры факта. Дакументальнасць і публіцыстычнасць дазваляюць апеліраваць да сучаснага чытача, суадносіць мінулае і сучаснае. Таксама трэба вылучыць тэндэнцыю да дэміфалагізацыі гісторыі (В. Эрбен, О. Данек), дзякуючы якой стала магчымым пераасэнсаванне добра вядомых гістарычных фактаў і вобразаў. У Ё. Томана актыўна распрацоўвалася тэма антычнасці. У той жа час прадуктыўным заставаўся традыцыйны тып гістарычнага рамана (В. Капліцкі, Б. Ржыга і інш.). Тэматычная палітра раманаў 1970–80-х гг. вельмі шырокая. Аўтары звярталіся да старажытных эпох, асэнсоўвалі сувязь пакаленняў, праблемы непарыўнага развіцця чалавецтва і пераемнасці. «Гістарызм новага тыпу робіць магчымым адэкватнае мастацкае адлюстраванне ўсё больш аддаленай перспектывы» [4, с. 123]. У асобную праблему можна вынесці ролю і месца пароды ў гістарычным рамане, што добра бачна па трылогіі У. Нэфа «Каралевы не маюць ног», «Пярсцёнак Борджыа», «Цудоўная чарадзеяка». Пародыя стала запатрабаванай мастацкай формай у чэшскага пісьменніка. Таксама можна вылучыць тэндэнцыю да забаўляльнасці ў гістарычнай літаратуры, імкненне да прыгодніцкіх і псеўдагістарычных сюжэтаў, у пэўнай ступені нават збліжэнне з масавай літаратурай, што, як ні дзіўна, не выклікала супраціўлення з боку афіцыйнай улады часоў нармалізацыі. Многія гістарычныя раманы сталі агульначалавечымі філасофскімі прыпавесцямі, у якіх гісторыя выступае як адзін з герояў. Яна адлюстроўвае жорсткасць навакольнага свету, поўнага трагізму і выпадковасцей.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Литература Чехословакии. В: Шерлаимова СА, Хорев ВА, Ильина ГЯ, редакторы. *История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Том 2. 1970–1980-е гг.* Москва: Индрик; 2001. 760 с.
2. Dokoupil B. *Čas člověka, čas dějin. Poznámky k vyvoji české historické prózy 1966–1986.* Praha: Československý spisovatel; 1988. 91 s.
3. Кузнецова РР. Новое в историческом романе. В: Кузнецова РР. *Роман 70-х годов в Чехословакии.* Москва: Советский писатель; 1970. 440 с.
4. Герчикова ИА, Цыбенко ЕЗ. *Литература южных и западных славян XX века. Проза 1960–1970-х гг.* Москва: Издательство Московского университета; 1994. 139 с.
5. Рзоуек В. Новые черты современной чешской прозы. *Иностранная литература.* 1976;11:172–178.
6. Machala L. *Literární bludiště.* Praha: Brana; 2001. 256 s.
7. Бобраков-Тимошкин А. Бегство от «памяти жанра»: стратегия идеологизации и деидеологизации в чешской исторической прозе. *НЛО* [Интернет]. 2005;71 [процитировано 28 мая 2018 г.]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/bob17.html>.
8. Dostal V. Rozkoš z vypravení. *Tvorba.* 1974;9:9.
9. Hrzalová H. *O české literatuře dneška.* Praha: Československý spisovatel; 1987. 189 s.
10. Čornej P, Janáček P, Jareš M, Krivánek V, redaktoři. *Dějiny české literatury.* Praha: Academia; 2008. Svazek 4. 977 s.
11. Jungmann M. *Cesty a rozcestí. Kritické stati z let 1982–1987.* Londýn: Rozmluvy; 1988. 386 s.
12. Dokoupil B, Zelinský M, redaktoři. *Slovník české prózy 1945–1994.* Ostrava: Sfinga; 1994. 490 s.

References

1. [Literature of Czechoslovakia]. In: Sherlaimova SA, Khorev VA, Il'ina GY, editors. *Istoriya literatur Vostochnoi Evropy posle Vtoroi mirovoi voyny. Tom 2. 1970–1980-e gg.* [History of Eastern European literature after World War II. Volume 2. 1970–1980s]. Moscow: Indrik; 2001. 760 p. Russian.
2. Dokoupil B. *Čas člověka, čas dějin. Poznámky k vyvoji české historické prózy 1966–1986* [Human time, time of history. Notes to the Czech historical proses 1966–1986]. Praha: Československý spisovatel; 1988. 91 p. Czech.
3. Kuznetsova RR. [New in the historical novel]. In: Kuznetsova RR. *Roman 70-kh godov v Chekhoslovakii* [A novel of the 70s in Czechoslovakia]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 1970. 440 p. Russian.
4. Gerchikova IA, Tsybenko EZ. *Literatura yuzhnykh i zapadnykh slavyan XX veka. Proza 1960–1970-kh gg.* [Literature of the southern and western Slavs of the XX century. Prose of the 1960–1970s]. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1994. 139 p. Russian.
5. Rzounek V. [New features of modern Czech prose]. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature]. 1976;11:172–178. Russian.
6. Machala L. *Literární bludiště* [Literary maze]. Praha: Brana; 2001. 256 p. Czech.
7. Bobrakov-Timoshkin A. [The escape from the «memory of the genre»: the strategy of ideologization and de-ideologization in Czech historical prose]. *NLO* [Internet]. 2005;71 [cited 2018 May 28]. Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/bob17.html>. Russian.
8. Dostal V. [Pleasure from the narrative]. *Tvorba* [Creation]. 1974;9:9. Czech.
9. Hrzalová H. *O české literatuře dneška* [About the Czech Literature of today]. Praha: Československý spisovatel; 1987. 189 p. Czech.
10. Čornej P, Janáček P, Jareš M, Křivánek V, editors. *Dějiny české literatury* [History of Czech literature]. Praha: Academia; 2008. Issue 4. 977 p. Czech.
11. Jungmann M. *Cesty a rozcestí. Kritické stati z let 1982–1987* [Roads and crossings. Critical issues from 1982 to 1987]. London: Rozmluvy; 1988. 386 p. Czech.
12. Dokoupil B, Zelinský M, editors. *Slovník české prózy 1945–1994* [Dictionary of Czech prose 1945–1994]. Ostrava: Sfinga; 1994. 490 p. Czech.

Артыкул напіў у рэдкалегію 25.07.2018.
Received by editorial board 25.07.2018.

УДК 821.161.3

РОМАНЫ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 1960–80-х гг.

М. С. ЛАППО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются романы В. Короткевича в историко-литературном контексте 1960–80-х гг. Дана характеристика развитию литературного процесса в Беларуси в указанный период. В общих чертах анализируются работы критиков, историков и литературоведов о романах В. Короткевича, написанные в 1960–80-х гг. Показано, что первый этап творчества В. Короткевича (1960–70-е гг.) был отмечен неоднозначной реакцией рецензентов на его романы. Позже статус писателя трансформируется в более «признанный», а работы, посвященные романам, переходят из оценочной плоскости (принятие/непринятие) в литературоведческую и аналитическую. Отмечается новаторство тематики, проблематики, стиля произведений В. Короткевича в контексте развития белорусского романа как жанра. Сделан акцент на такой черте прозы В. Короткевича, как жанровый и стилистический синтетизм. Обращается внимание на то, что проблемно-тематическое отличие романов писателя от белорусской советской прозы того времени обусловлено обращением писателя к концептуализированному показу исторических событий и проблеме национального самосознания.

Ключевые слова: романы В. Короткевича; история белорусской литературы 1960–80-х гг.; литературная критика; жанровый синтетизм; авторский стиль; исторический роман; национальное самосознание.

РАМАНЫ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА Ў ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫМ КАНТЭКСЦЕ 1960–80-х гг.

М. С. ЛАППО^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца раманы У. Караткевіча ў гісторыка-літаратурным кантэксце 1960–80-х гг. Дадзена характарыстыка развіцця літаратурнага працэсу ў Беларусі ў адзначаны перыяд. Аналізуюцца работы крытыкаў, гісторыкаў і літаратуразнаўцаў 1960–80-х гг. пра раманы У. Караткевіча. Паказана, што першы этап творчасці пісьменніка (1960–70-я гг.) характарызуецца неадназначнай рэакцыяй крытыкаў на яго раманы. У наступны перыяд статус У. Караткевіча трансфармуецца ў больш «прызнаны», а работы, прысвечаныя романам, пераходзяць з ацэнчнай плоскасці (прыняцце/непрыняцце) у аналітычную і літаратуразнаўчую. Адзначаецца наватарства тэматыкі, праблематыкі, стылю твораў У. Караткевіча ў кантэксце развіцця беларускага романа як жанру. Заўважана, што вызначальнай прыкметай прозы пісьменніка з’яўляецца жанравы і стылявы сінтэтызм. Падкрэсліваецца, што праблемна-тэматычнае адрозненне романаў У. Караткевіча ад тагачаснай беларускай савецкай прозы абумоўлена зваротам пісьменніка да канцэптуалізаванага паказу гістарычных падзей і ўвагай да пытання нацыянальнай самасвядомасці.

Ключавыя словы: гісторыя беларускай літаратуры 1960–80-х гг.; раманы У. Караткевіча; літаратурная крытыка; жанравы сінтэтызм; аўтарскі стыль; беларускі гістарычны роман; нацыянальная самасвядомасць.

Образец цитирования:

Лаппо МС. Романы Уладзіміра Караткевіча ў гісторыка-культурным кантэксце 1960–80-х гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2018;3:38–48.

For citation:

Lappo MS. The novels of Uladzimir Karatkevich in the 1960–80s (critical assessment, genre and style innovation). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:38–48. Belarusian.

Автор:

Марія Сергеевна Лаппо – аспірантка кафедры історыі беларускай літаратуры філалагічнага факультэта. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент А. Л. Воробей.

Author:

Maryia S. Lappo, postgraduate student at the department of history of Belarusian literature, faculty of philology.
masha.lappo@gmail.com

THE NOVELS OF ULADZIMIR KARATKEVICH IN THE 1960–80s (CRITICAL ASSESSMENT, GENRE AND STYLE INNOVATION)

M. S. LAPPO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the novels of U. Karatkevich in the literary-historical context of the 1960–80s, taking into account the characteristics of the literature development process in Belarus. The first part of the article deals with the literature development process in the specified period and with the reviews and analytical works written about the U. Karatkevich's novels in the 1960–80s. The first stage of the U. Karatkevich's literary career (1960–70s) is characterized by the ambiguous researchers' reaction to the novels. Later the writer's status has transformed into a more «recognized» and «authoritative»; and works about the novels have changed from the evaluation (acceptance/non-acceptance) to the analysis (analysis of the writer's style, comparative and culturological research). The second part of the article is about the theme and style innovations of the U. Karatkevich's novels in the context of the Belarusian prose development. It is stressed that the distinguishing feature of the novels is genre and stylistic synthetism. The main innovation of U. Karatkevich's works is connected with the author's decision to present conceptualized events of Belarusian history, not the realities of the XX century.

Key words: the novels of U. Karatkevich; history of Belarusian literature of the 1960–80s; literary criticism in Belarus; synthesis of genres; author's style; historical novel; national identity.

Грамадска-палітычныя ўмовы развіцця беларускай літаратуры ў 1960-я – пачатку 1980-х гг.

Паводле выдання «Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя», падрыхтаванага Інстытутам літаратуразнаўства імя Янкі Купалы, у 1960-я – першай палове 1980-х гг. беларуская літаратура развівалася ў супярэчлівых умовах [1; 2].

Перыяд з другой паловы 1950-х да сярэдзіны 1960-х гг. вядомы як час палітычнай адлігі і развенчвання культ асобы Сталіна. Аднак да канца 1980-х гг. грамадска-літаратурнае жыццё па-ранейшаму, прынамсі фармальна, падпарадкоўвалася патрэбам дзяржаўна-партыйнай палітыкі: «Знешне актыўнае, часамі дзесьці, магчыма, мітуслівае, вызначалася яно, праграмавалася і стымулявалася зверху. <...> ...у рашэннях усіх партыйных з'ездаў, што праходзілі ў “пасляадліжны” час (а гэта XXVII–XXX з'езды Кампартыі Беларусі), заўсёды ўдзялялася вялікая ўвага пытанням развіцця літаратуры і мастацтва. <...> Письменніцкія з'езды (якія адбываліся адразу пасля партыйных)... праходзілі шмат у чым парадна і абавязкова “ў святле рашэнняў” адпаведнага з'езда партыі» [2, с. 9]. Правядзенне ўсіх тагачасных літаратурных канферэнцый і сімпозіумаў мусіла ўзгадняцца ў ЦК КПБ. Пасады, звязаныя з літаратурнай дзейнасцю (кіраўніцтва Саюза пісьменнікаў БССР, выдавецтваў, перыядычных выданняў), таксама зацвярджаліся ў ЦК. Там жа вырашаўся лёс складаных і супярэчлівых твораў.

Уладзімір Караткевіч не быў актыўным грамадскім дзеячам, не займаў пасады ў савецкай сістэме, пры гэтым ён браў удзел у асобных цікавых праектах – напрыклад, у камандзіроўцы пісьменнікаў на Урал па прапанове Усесаюзнага бюро прапаганды мастацкай літаратуры. Думаецца, пісьменнік не адмаўляў асветніцкай скіраванасці ідэй сацыялізму, але пры гэтым асуджаў культ асобы, пра што сведчыць праблематыка рамана «Леаніды не вернуцца да Зямлі», у дадатку да якога пісьменнік кажа: *Вайна і культ асобы. Дзве гэтыя праявы імкнуліся перарабіць нас на свайму вобразу і падабенству і... не здолелі зрабіць гэтага*¹ [3, с. 461].

Даследуючы становішча нацыянальнай інтэлігенцыі ў БССР, А. Лявіцкі адносіць У. Караткевіча да ліку «ўнутраных эмігрантаў», якія далучаліся да афіцыйнай культуры і фактычна працавалі на яе карысць, але ў той жа час выносілі за дужкі навязлівыя прынцыпы партыйнасці і сацрэалізму і працавалі ў межах уласнай «ідэалогіі» [4]. Варта дадаць, што магчымасць займаць пэўную творчую свабоду з'явілася дзякуючы асаблівасцям развіцця самой палітычнай сістэмы, якая з 1960-х гг. пачала рух да свайго распаду.

Раманы У. Караткевіча ў ацэнках крытыкаў, гісторыкаў і літаратуразнаўцаў у 1960-я – сярэдзіне 1970-х гг.

Пэўныя цяжкасці меў У. Караткевіч з выданнем сваіх першых раманаў: «Яго адметнае становішча сярод беларускіх пісьменнікаў шырока вядомае. Першы этап творчага шляху творцы (прыблізна 1958–1974 гг.) адзначаны непрыняццем з боку афіцыйных ідэолагаў, асуджэннем у друку яго твораў,

¹Цытата прыведзена з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала. – М. Л.

якія займалі маргінальнае становішча ў беларускай савецкай літаратуры» [4]. У 1963 г. планавалася выданне кнігі У. Караткевіча «Леаніды не вернуцца да Зямлі», куды павінны былі ўвайсці аднайменны раман і аповесць «Дзікае паляванне караля Стаха», аднак праз абвінавачванні пісьменніка ў «абстрактным гуманізме» восенню 1963 г. яе набор быў рассяпаны.

Часопісная публікацыя рамана У. Караткевіча «Леаніды не вернуцца да Зямлі» (пад назвай «Нельга забыць») у 1962 г. атрымала негатыўную ацэнку ў артыкуле Я. Герцовіча «Пошукі, знаходкі, страты» (Звязда. 1962. 22 ліст.) і водгуку маскоўскага рэцэнзента В. Чалмаева (Дружба народов. 1962. № 9). Пісьменнік абвінавачваўся ў кніжнасці, другаснасці, фармалізме. Акрамя таго, В. Чалмаеў указваў на «пошлую банальнасць гісторыі» і «ўбогую філасофію маладога героя» (цыт. па: [5, с. 378]). Па сведчанні А. Мальдзіса, «артыкулы Я. Герцовіча і В. Чалмаева былі ўспрыняты не як выражэнне прыватнай думкі іх аўтараў, а як дырэктыўнае ўказанне», бо «ў краіне тады, у канцы 1962 года, узнялася хваля барацьбы з “фармалізмам”» [6, с. 20]. Аднак у друку з’явіліся рэцэнзіі і са станоўчай (ці пераважна станоўчай) ацэнкай рамана – артыкулы А. Мальдзіса «Права мастака» (Літаратура і мастацтва. 1962. 17 ліп.), Л. Брандабоўскай «Время, люди, верность» (Знамя юности. 1962. 2 окт.). Брытанскі філолаг-славіст А. Макмілін збольшага станоўча ацаніў твор, але разам з тым адзначыў і стылістычныя агрэхі ў рамане [7, с. 268]. Гэты твор У. Караткевіча выйшаў асобным выданнем толькі ў 1982 г. (як і ў часопіснай публікацыі, пад назвай «Нельга забыць»).

Пісьменнік меў цяжкасці з выданнем і наступнага рамана – «Каласы пад сярпом тваім» (1962–1964). Твор быў апублікаваны ў часопісе «Полюмя» ў 1965 г. (№ 2–6), асобнай кнігай выйшаў у 1968 г. Пытанне пра яго выданне абмяркоўвалася на аб’яднаным пасяджэнні сакратарыята Саюза пісьменнікаў БССР 22 лютага 1967 г. У выніку, для таго каб раман надрукавалі, У. Караткевіч быў вымушаны прыняць заўвагі крытыкаў і значна скараціць твор.

Адмоўнае стаўленне да рамана адлюстравана ў рэцэнзіі Я. Герцовіча «Лёсы чалавечыя і лёсы народныя», якая, як адзначае А. Верабей, вылучалася «сацыялагічнай зададзенасцю і дагматызмам» [8, с. 132]. Пры гэтым раман прыхільна сустрэлі многія іншыя крытыкі, а галоўнае – чытачы. Хоць у водгуках крытыкаў і адзначаліся некаторыя хібы твора (напрыклад, М. Ермаловіч казаў аб празмернай публіцыстычнасці рамана: «Часам нават здаецца, што Караткевіч-публіцыст бярэ верх над Караткевічам-мастаком»² [9, с. 169]), але ў цэлым ён ухваляўся і высока ацэньваўся. Агульнае меркаванне крытыкаў можа быць выражана ў словах Г. Кісялёва, які ў прадмове да рускамоўнага выдання ў 1979 г. рэзюмаваў: «...пісьменнік не толькі пасадзейнічаў прыкметнаму пашырэнню тэматыкі роднай літаратуры, – ён можа лічыцца сапраўдным заснавальнікам беларускай савецкай гістарычнай раманыстыкі: ніхто не зрабіў для яе так шмат, як ён, ні для каго вобласць гістарычнага рамана не з’яўляецца настолькі арганічнай, як для яго» [10, с. 9].

Маючы на ўвазе негатыўныя водгукі на творы У. Караткевіча, П. Банцэвіч ахарактарызаваў стаўленне да творчасці пісьменніка ў 1960–70-х гг. наступным чынам: «Значную частку работ пра творчасць У. Караткевіча перыяду 60–70-х гадоў складаюць газетныя публікацыі, якія нясуць след вульгарызатарскай сацыялагічнай крытыкі. <...> Не прымалася паглыбленне прэзідэнта ў нацыянальную гісторыю, яго сцвярджэнне ідэі культурнай самабытнасці беларускага этнасу, бачанне беларусаў як народа еўрапейскага, які мае глыбокія этнічныя і культурныя карані. <...> Многія творы трактаваліся тэндэнцыйна, або не друкаваліся. <...> Як праявы абстракцыянізму ўспрымаліся творчыя пошукі мастака ў галіне зместу і формы, усё наватарскае і неардынарнае. Той жа Я. Герцовіч бачыў у творах У. Караткевіча элементарнае эпігонства. <...> У многіх рэцэнзіях адбівалася агульная атмасфера застойных часоў, калі рэальную гісторыю Беларусі нельга было аб’ектыўна тлумачыць, або даводзілася пісаць намёкамі» [11, с. 26–28].

Паэзія, авантуры, каханне, гісторыя з’яўляюцца ў творах У. Караткевіча куды больш значнымі складнікам, чым «аб’ектыўнае» адлюстраванне падзей 1960-х гг., і менавіта праз гэта на пісьменніка сыпаліся абвінавачванні ў «рамантызме» (які ў прыведзеным кантэксце становіцца сінанімічным «адарванасці ад жыцця»), «абстрактным гуманізме», а таксама ў эпігонстве.

Да абвінавачванняў у эпігонстве хацелася б звярнуцца асобна, узяўшы ў якасці прыкладу раман «Каласы пад сярпом тваім» – класічны ўзор гістарычнага рамана вальтэр-скотаўскага тыпу, папулярнага ў заходнееўрапейскай і рускай літаратуры ў XIX ст. Сапраўды, У. Караткевіч не хаваў таго, што арыентаваўся на адпаведныя літаратурныя ўзоры (творы В. Скота, Г. Сянкевіча і інш.), але ці можа гэта быць падставай для прэтэнзій? Па-першае, гістарычны раман такога тыпу, як правіла, з’яўляецца ў пэўнай нацыянальнай літаратуры падчас актыўных нацыятворчых працэсаў, і калі ў краінах Заходняй Еўропы гэтыя працэсы адбываліся ў XIX ст., то ў Беларусі яны праходзілі толькі ў XX ст. (У. Караткевіч у некаторым сэнсе нават апырэдзіў гэты працэс, бо станаўленне дзяржавы на нацыянальнай аснове ад-

²Тут і далей пераклад наш. – М. Л.

былося толькі ў 1990-х гг., а творы У. Караткевіча друкаваліся ў 1960–80-х гг.). Па-другое, нягледзячы на тое, што пісьменнік «пазычае» форму, ён напаўняе яе цалкам арыгінальным мясцовым матэрыялам – і гэта механізм, у адпаведнасці з якім развіваецца большасць еўрапейскіх літаратур. Як адзначае Ф. Марэці, «у культурах, якія знаходзяцца на перыферыі літаратурнай сістэмы (гэта значыць, амаль ва ўсіх культурах як у Еўропе, так і за яе межамі) раман сучаснага тыпу ўзнікае не як самастойнае вынаходніцтва, а як кампраміс паміж заходнімі фармальнымі ўплывамі (як правіла, французскімі ці англійскімі) і мясцовым матэрыялам» [12, с. 85]. Адпаведна, пад такое вызначэнне савецкіх крытыкаў можна было б залічыць і большасць сусветна вядомых пісьменнікаў, у тым ліку Г.-Г. Маркеса, на якога, як вядома, паўплываў стыль Ф. Кафкі. Але творчасць У. Караткевіча не мае нічога агульнага з эпігонствам, у якім няма арыгінальнага зместу, а ёсць толькі механічнае капіраванне формы.

Выданне двух наступных раманаў У. Караткевіча – «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні» (1965–1966; на беларускай мове выдадзены ў 1972 г.) і «Чорны замак Альшанскі» (1979) – ужо не выклікала праблем, а самі творы не атрымалі такіх рэзка крытычных водгукаў, як першыя вялікія пражэктныя творы пісьменніка. Гэта можа сведчыць пра некалькі тэндэнцый: па-першае, да таго часу У. Караткевіч набыў вядомасць у літаратурным асяродку і сапраўды эвалюцыяніраваў як пісьменнік; па-другое, змяніўся грамадска-палітычны клімат, і беларускі літаратурны працэс паступова пачынаў вызваляцца ад ідэалагічнага прэсінгу, хоць ціск на творцаў у той ці іншай ступені адчуваўся і пазней. Напрыклад, А. Мальдзіс, апісваючы падзеі сярэдзіны 1980-х гг., згадваў наступнае: «У лютым 1984 года, пасля смерці Ю. А. Андропова, калі яшчэ было невядома, куды пойдзе далейшае развіццё краіны, па Беларусі пракацілася, як вызначыў Валодзя, “непамыслная хваля высакоснага года”. Выступаючы на семінары ў Гродне, работнік Галоўліта БССР В. Пепяляеў ахарактарызаваў Караткевіча, Адамовіча, мяне, а заадно чамусьці і Думбадзэ ледзь не як ворагаў народа. Рашыўшы, што настаў яго зорны час, адзін з пісьменнікаў стаў пісаць у высокія інстанцыі палітычныя даносы. Усё гэта вельмі расстроіла Караткевіча. Пасля званка з Гродна пра тое, што гаварылася на тым семінары, ён рашыў (казаў пра гэта мне ў бальніцы), што зноў вяртаецца “сталіншчына”» [6, с. 161].

Ацэнка раманаў У. Караткевіча ў працах літаратуразнаўцаў сярэдзіны 1970-х – пачатку 1990-х гг. і праблема вызначэння яго творчага метаду

З сярэдзіны 1970-х гг. разгляд раманістыкі У. Караткевіча перайшоў з ацэначнай плоскасці ў аналітычную, даследчую. У гэты час у зборніку «Беларускае літаратуразнаўства» выйшла праца Л. І. Прашкова «Аб жанрава-стылістычных асаблівасцях рамана У. Караткевіча “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”» (1975). У 1980-я гг. былі апублікаваны станоўчыя рэцэнзіі на раман «Чорны замак Альшанскі» (1979): артыкулы М. Тычыны «Неабходнасць легенды» (Літаратура і мастацтва. 1980. 21 сак.), В. Шынкарэнка «Клопат пра будучыню» (Полымя. 1984. № 8). Аўтары адзначалі наватарства У. Караткевіча ў распрацоўцы гісторыка-дэтэктыўнага жанру. У навуковым зборніку «Беларуская літаратура» ў 1985 г. выйшаў артыкул В. Шынкарэнка «Жанравыя асаблівасці рамана У. Караткевіча “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”». У гэтым жа годзе пабачыла свет манаграфія А. Вераб’я «Жывая повязь часоў» – першае грунтоўнае літаратуразнаўчае даследаванне творчасці У. Караткевіча. У аснове працы – гісторыка-біяграфічны падыход з элементамі ідэйна-тэматычнага аналізу твораў. Прозе У. Караткевіча прысвечаны раздзел «Гармонія хараства і праўды».

Характарызуючы крытычныя артыкулы на творы У. Караткевіча, П. Банцэвіч сцвярджае, што ў 1980-х гг. «выходзіла шмат публікацый, дзе адзначаліся літаратурны талент У. Караткевіча, надзённасць пастаўленых ім праблем, падкрэсліваўся грамадзянскі і гуманістычны пафас твораў, бязмежная вера аўтара ў магчымасць удасканалення чалавека, у магутнасць розуму» [11, с. 28]. Аднак пры гэтым, на думку П. Банцэвіча, літаратуразнаўцы яшчэ адчувалі ўплыў сацрэалізму, што выяўлялася, напрыклад, у прыпісванні У. Караткевічу рэалістычнага метаду [11, с. 28]. Такага ж меркавання прытрымліваецца Д. Бугаёў, які ў артыкуле «Рамантычны рыцар чалавечнасці» кажа, што словы А. Мальдзіса і А. Вераб’я пра спалучэнне ў пісьменніка рамантычнага светаўспрымання з глыбока рэалістычным разуменнем рэчаіснасці – гэта «ўступка сацрэалістычнай дагматыцы» [13].

У даследаваннях апошніх гадоў некаторыя аўтары выказваюць нязгоду з такой ацэнкай. Так, В. Навіцкая настойвае на прысутнасці рэалістычнага пачатку ў творчасці У. Караткевіча і прыводзіць у падтрымку свайго меркавання некалькі аргументаў: па-першае, як адзначае даследчыца, у прыватным жыцці У. Караткевіча адбываліся падзеі, якія трансфармавалі творчы метад пісьменніка ў «больш рэалістычным» напрамку (у пацвярджэнне аўтар цытуе ліст У. Караткевіча да Я. Брыля: *І сам я стаў іншым, і апавяданні цяпер буду пісаць не так. Быццам адзін памёр, а другі нарадзіўся* (цыт. па: [14, с. 229])); па-другое, «нават на раннім этапе рэалізацыі свайго прыроднага таленту У. Караткевіч пры ўсёй сваёй рамантычнай узнёсласці... быў моцна прывязаны да рэальнай, прадметнай канкрэты-

кі» [14, с. 230]. Акцэнтуючы ўвагу на прывязанасці У. Караткевіча да «прадметнай канкрэтыкі», даследчыца такім чынам паўтарае тэзісы А. Мальдзіса і А. Вераб'я, настойваючы на іх абгрунтаванасці.

Калі А. Мальдзіс, А. Верабей, В. Навіцкая гавораць пра спалучэнне рамантычнага і рэалістычнага пачаткаў у творчасці У. Караткевіча, яны, верагодна, больш імкнуцца абараніць пісьменніка ад ярлыка рамантызму наогул. Сам У. Караткевіч не прымаў гэтага вызначэння, а рамантызм займаў трывалую асацыяцыю з легкадумным капіраваннем несучасных літаратурных форм і адарваным ад жыцця фантазіраваннем. Адмаўляючы рамантызм як свой творчы метада ў інтэрв'ю 1982 г., У. Караткевіч адзначаў: «Я апісваю незвычайныя, але цалкам рэальныя падзеі. <...> Але пагадзіцеся: жыццё іншы раз выкідае такія штучкі, што насамрэч бывае цяжка паверыць у тое, што адбылося. Таму абгрунтавана лічу: напісанае мной ёсць не што іншае, як рэалізм» [15, с. 214]. Відавочна, у дадзеным выпадку У. Караткевіч гаворыць пра літаратурны напрамак зыходзячы не з тэрміналагічнай дэфініцыі, а, хутчэй, з уласнага разумення рамантычнага і рэалістычнага.

Творчасць У. Караткевіча цяжка адназначна аднесці да рэалістычнага або рамантычнага метада. Рэалізм мае на мэце «аб'ектывізаваны» паказ рэчаў, узнаўленне тыповых вобразаў у тыповых абставінах, і асобныя фрагменты раманаў У. Караткевіча (напрыклад, апісанні побыту) можна назваць рэалістычнымі. Але ідэйна-змястоўную значнасць у раманах пісьменніка маюць фрагменты, тыповыя для рамантычных твораў: у іх выражаецца імкненне галоўных герояў пераўладкаваць рэчаіснасць у адпаведнасці з пэўнымі ідэаламі або прысутнічае ярка выражаны аўтарскі пачатак. Аднак тут таксама ўзнікае складанасць: ці можа наогул тэрмін «рамантызм», які звычайна звязваецца з літаратурай XIX ст., прымяняцца ў дачыненні да творчасці пісьменніка XX ст.? Вырашаючы гэту праблему, даследчыца Т. Мацюхіна адносіць творчасць У. Караткевіча да «неарамантызму» [16], А. Сцяпанавіча піша пра «постмадэрнісцкую» манеру пісьма У. Караткевіча [17]. На фармальным узроўні творчы метада пісьменніка сапраўды мае некаторыя рысы постмадэрнізму, такія як актыўная цытацыя і інтэртэкстуальнасць, змяшэнне «высокай» і «нізкай» культур.

Такім чынам, з 1970-х гг. і да нашага часу творчы метада пісьменніка атаясамліваўся з рознымі літаратурнымі напрамкамі (рамантызм, спалучэнне рамантызму і рэалізму, неарамантызм, постмадэрнізм). Для таго каб разабрацца ў складанасцях, звязаных з праблемай вызначэння творчага метада пісьменніка, трэба ўлічваць не толькі тэарэтычнае азначэнне напрамкаў, але таксама ідэалагічны ўплыў і культурны кантэкст, у якім рабіліся ацэначныя меркаванні крытыкаў і літаратуразнаўцаў. Відавочна, стыль У. Караткевіча сапраўды цяжка «падвесці» пад адзін з названых напрамкаў. Магчыма, варта гаварыць пра дамінанты або прыкметы пэўнага стылявога напрамку ў творчасці У. Караткевіча.

У пачатку 1990-х гг., пасля распаду Савецкага Саюза, актуалізавалася пытанне нацыянальнага самавызначэння беларусаў і атрымалі распаўсюджанне ідэі нацыянальнага адраджэння. На гэтай хвалі ўзмацнілася цікавасць да творчасці У. Караткевіча, змяніўся погляд на яго асобу. Як адзначае П. Банцэвіч, пісьменнік «вырас» да ўзроўню нацыянальнага прарока [11, с. 31], а яго творы былі ўключаны ў школьную праграму.

Бачна, што У. Караткевіч прайшоў шлях ад непрымання да ўхвалення і легітымацыі яго твораў на дзяржаўным узроўні. Пры гэтым, нягледзячы на зменлівае стаўленне з боку крытыкаў, на працягу ўсяго свайго творчага шляху ён меў прыхільнасць чытача. Так, у інтэрв'ю з пісьменнікам у 1980 г. Г. Якаўлева адзначае: «Без перабольшання можна сказаць, што Уладзімір Караткевіч – адзін з найбольш чытаемых аўтараў не толькі ў Беларусі, але і ў Савецкім Саюзе. Адночы маскоўскае выдавецтва “Молодая гвардия” падводзіла вынікі года на падставе апытання саміх чытачоў. Найбольшую колькасць пісем выклікалі творы беларускага пісьменніка Караткевіча» [18, с. 208].

Наватарства твораў У. Караткевіча ў кантэксце развіцця беларускага рамана

Раманы У. Караткевіча, адметныя праз сваё тэматычнае непадабенства да іншых твораў беларускай літаратуры ў 1960-х гг., наводзяць на думку пра тое, што аўтар працаваў як быццам бы адасоблена ад акаляючай яго рэчаіснасці. У пэўнай ступені гэта сапраўды так, што пацвярджаюць словы С. Навумчыка: «Пра гэтага чалавека ходзяць легенды. <...> Расказваюць, што калі Караткевіч жадае нешта пісаць, то зачыняецца ў пакой, не падыходзіць да тэлефона, а праз два-тры тыдні ўжо нясе новую рэч у выдавецтва. Расказваюць яшчэ шмат чаго, але гэта, напэўна, вынік вялікай папулярнасці і часткова – таго ладу жыцця, які ён вядзе. Караткевіча зрэдку сустранеш на пісьменніцкім сходзе, ён надзвычай рэдка дае інтэрв'ю, на афіцыйных урачыстасцях яго таксама нячаста ўбачыш» [19]. Падобная пазіцыя – супрацьстаянне любой уладзе як такой, імкненне захаваць незалежнасць думкі і мастацкай ідэі і не паддавацца часовым уплывам – патрэбная ў той ці іншай ступені кожнаму мастаку. Руска-амерыканскі даследчык сучаснага мастацтва Б. Гройс апісвае гэта наступным чынам: «Цягам доўгага часу сённяшнія мастакі змагаліся

супраць ідэнтычнасцей, што навязваліся ім з боку іншых – грамадства, школы, бацькоў і г. д., – за права суверэннай самаідэнтыфікацыі. Яны падманвалі чаканні, звязаныя з грамадскай роляй мастацтва, прафесіяналізмам мастака і эстэтычнай якасцю твора мастацтва, а таксама падрывалі нацыянальныя і культурныя ідэнтычнасці, якія ім прыпісваліся» [20].

У выніку імкнення У. Караткевіча захаваць сваю незалежнасць яго творчасць стала сапраўды нетыповай у кантэксце тагачаснай беларускай савецкай літаратуры. Як адзначае А. Лявіцкі, выключна папулярныя раманы Караткевіча «былі выразна адчужаныя калі не ад эстэтыкі, то ад праблематыкі астатняй часткі беларускай сацэрэалістычнай літаратуры. <...> ...творчы даробак пісьменніка справядліва характарызуецца як «нестандартны» на агульным фоне» [4]. Такая «нестандартнасць» творчасці выяўлялася ў шэрагу характэрных рыс. Разгледзім найбольш важныя з іх.

Сінтэз жанравых форм. У беларускай літаратуры У. Караткевіч лічыцца заснавальнікам жанру гістарычнага рамана ў духу еўрапейскіх традыцый. Аднак пры гэтым з усіх твораў пісьменніка толькі «Каласы пад сярпом тваім» можна назваць уласна гістарычным раманам, астатнія ж маюць сінтэтычную жанравую прыроду. На гэта ўпершыню звярнула ўвагу В. Шынкарэнка ў сваім літаратуразнаўчым даследаванні «Пад ветразем надзеі» (1995). Напрыклад, характарызуючы раман «Хрыстос прызямліўся ў Гародні», даследчыца адзначала: «Гумар, сатыра, гратэск, лірызм, прыгодніцкія элементы – усё арганічна пераплялося ў мастацкай тканіне рамана, нарадзіўшы пры гэтым своеасаблівую форму, якая не ўкладаецца ў звыклую іерархію жанраў» [21, с. 159].

Такімі «сплавамі» розных жанрава-стылявых элементаў характарызуюцца і астатнія творы У. Караткевіча. Свой першы раман, «амаль што сентыментальны», як вызначыў яго сам аўтар, ён апісвае наступным чынам: «...твор шматпланавы, у пэўнай меры эксперыментальны. Гісторыя тут суседнічае з сучаснасцю, проза – з паэзіяй, лірыка – з жыццёвым сухім рэалізмам» [22, с. 225]. Сапраўды, вызначальнай адметнасцю рамана «Леаніды не вернуцца да Зямлі» з’яўляецца тое, што апісанні жыцця студэнтаў у маскоўскім інтэрнаце тут перамяжоўваюцца з паэмамі-ўстаўкамі, снамі, казкамі, рэтраспекцыямі – і ўсё гэта арганічна знітавана ў адзінае цэлае. «Хрыстос прызямліўся ў Гародні», па вызначэнні аўтара, – «народная драма» [23, с. 10], трагікамедыя, і пры гэтым – травесцыя і гістарычны раман. «Чорны замак Альшанскі» – псіхалагічны дэтэктыў, які мае элементы гістарычнага рамана. «Каласы пад сярпом тваім» – гістарычны раман, аднак у пэўным сэнсе – таксама «эксперымент», бо, па-першае, у выбранай аўтарам форме «вальтэр-скотаўскага» рамана не меў папярэднікаў у беларускай літаратурнай традыцыі, па-другое, спалучае эпічнасць з лірыкай і публіцыстычнасцю.

Фактычна творы У. Караткевіча сталі першымі раманами на беларускай мове, у якіх падобным чынам сумяшчаліся (або распрацоўваліся) названыя жанравыя формы.

Героі. Галоўным персанажам савецкага рамана звычайна быў служачы, салдат, партыйны дзеяч. Пры гэтым многія беларускія літаратары, якія «адмаўляліся ствараць штучныя вобразы станоўчых партыйных і савецкіх функцыянераў, звярталіся да вясковых дзядоў і бабуль, якія нагаваліся і нацяргаліся, але захавалі сапраўды народную мараль і этыку» [1, с. 147]. У творах У. Караткевіча галоўнымі персанажамі з’яўляюцца студэнты, інтэлігенты («Чорны замак Альшанскі», «Леаніды не вернуцца да Зямлі»), дваране XIX ст. («Каласы пад сярпом тваім») ці нават артысты-махляры XVI ст. («Хрыстос прызямліўся ў Гародні»).

«Нацыянальнае пытанне» як неад’емны элемент праблемна-тэматычнай скіраванасці раманаў. Беларускія прэзідэнты ў 1960-х гг. не рабілі тэму нацыянальнага самавызначэння галоўным аб’ектам увагі (у адрозненне ад пісьменнікаў даваеннага перыяду, напрыклад М. Гарэцкага, які ў апавесці «Дзве душы» задаваўся пытаннем пра тое, хто такі беларус і што такое – быць беларусам). У рамамах У. Караткевіча праблемы нацыі і нацыянальнай самасвядомасці становяцца важнымі тэматычнымі складнікамі.

Галоўныя героі твораў пісьменніка ўсведамляюць сябе часткай беларускага народа, і пытанне яго гістарычнага лёсу мае для іх прынцыповае значэнне. У рамане «Каласы пад сярпом тваім» праблема нацыянальнага самавызначэння задае ідэйную скіраванасць твора. У рамане «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» асэнсоўваецца ўзаемазвязь асобы і народа: галоўны герой Юрась Братчык вырастае з махляра і прайдзісвета ў чалавека, які мае пачуццё ўласнай годнасці і пачынае адчуваць адказнасць за свой народ.

Ва ўсіх творах пісьменнік звяртае ўвагу на розныя падкрэслена нацыянальныя аспекты рэальнасці, напрыклад: *...Тыповы беларускі погляд на рэчы, – іранізуе Шаблыка. – Што за жыццё?.. Раніцай уставай, вечарам кладзіся, уставай – кладзіся, уставай – кладзіся. Во каб гэта лёг ды не ўстаў* (тут і далей вылучана намі. – М. Л.) [24, с. 152]; *Божжа, такую размову з такой лаянкай можна пачуць ва ўсім свеце – ад Аляскі да Аўстраліі – толькі ў беларускіх аўтобусах і на нашых рынках, асабліва на Магілёўскім, Рагачоўскім, ну і яшчэ крыху на Слуцкім* [24, с. 103].

Аналізуючы творчасць У. Караткевіча, П. Банцэвіч адзначае наяўнасць у ёй «эстэтыкі Асветніцтва» [11]. Як вядома, Асветніцтва з’яўляецца «пунктам адліку» для перыяду мадэрну – часавога адрэзка з XVI да XX ст., на працягу якога сфарміравалася аблічча сучаснай еўрапейскай цывілізацыі. Паводле вызначэння Ж.-Ф. Ліятара, мадэрн уяўляе сабой культуру «вялікіх нарацый» («метанаратываў») – пэўных сацыякультурных дамінантаў, уладных устаноў, якія легітымізуюць той ці іншы тып рацыянальнасці. У якасці асноўных ідэй, што арганізуюць культуру мадэрну, згодна з пазіцыяй Ж.-Ф. Ліятара, выступаюць такія «вялікія гісторыі», як ідэя прагрэсу, ідэалы Асветніцтва, эмансipaцыя асобы, асветніцкае ўяўленне пра веды як сродак дасягнення шчасця і лепшага ўзроўню жыцця [25]. Менавіта такія ідэалы ў спалучэнні з нацыянальнай афарбоўкай з’яўляюцца каштоўнымі для галоўных герояў раманаў У. Караткевіча.

Многія савецкія раманы былі таксама скіраваны на ўхваленне ідэалаў мадэрну, але, як правіла, яны абапіраліся або на каштоўнасці, тэматычна звязаныя з сацыяльна-палітычнымі навацямі ў грамадстве (лёс партыі, перамога працоўнага класа) – такія творы былі прасякнуты афіцыйнай ідэалогіяй; або на савецкія гуманістычныя каштоўнасці – раманы, скіраваныя на выкрыццё маральных заган грамадства (напрыклад, бюракратызму). Творы У. Караткевіча ў гэтым кантэксце вылучаліся зваротам да нацыянальных каштоўнасцей.

Гістарычнае мінулае як аб’ект выяўлення. У 1960-х гг. пачалася новая хваля цікавасці пісьменнікаў да гістарычнай спадчыны. У савецкай сістэме адбываліся змены: афіцыйная рыторыка, якая абвясціла «новую гістарычную агульнасць людзей – савецкі народ», становілася непераканаўчай для ўсё большай колькасці людзей. На гэтым фоне, як адзначае Б. Дубін [26, с. 35–36], актывізаваўся пошук нефальсіфікаванай гісторыі з боку дысідэнцтва.

У першай палове 1960-х гг. у беларускай літаратуры з’явіліся раманы «Засценак Малінаўка» А. Чарнышэвіча, «На парозе будучыні» М. Лобана, «Людзі на балоце» І. Мележа. Паводле В. Бароўка, новай для таго часу ў паказе беларускай рэчаіснасці А. Чарнышэвічам была думка пра тое, што Беларусь – гэта не толькі сялянскі, але і шляхецкі край [27, с. 119] (гэту ідэю чытач знойдзе і ў творах У. Караткевіча). Аднак, нягледзячы на тое, што ва ўсіх названых раманах у той ці іншай ступені адлюстраваны гістарычныя падзеі, ніводны з іх не разглядаецца сёння як гістарычны раман – верагодна, таму, што асноўная прыкмета гэтага жанру – стварэнне аўтарам канцэпцыі мінулага як асноўнай мастацкай задачы твора [28, с. 12]. А такая ідэя знайшла сваё ўвасабленне менавіта ў раманах У. Караткевіча: «Задачу стварэння мастацкай гісторыі беларускага народа, пастаўленую В. Ластоўскім, М. Гарэцкім, К. Чорным, на практыцы ажыццявіў У. Караткевіч. У асэнсаванні мінулага Караткевіч засвоіў прынцыповы ўхыл на даследаванне не сацыяльна-палітычнай гісторыі, не барацьбы розных класавых сіл, што наглядалася ў Чарнышэвіча і Лобана, а на спасціжэнне нацыянальнага свету і індывідуальнага чалавечага лёсу на фоне гістарычнай эпохі» [27, с. 119–120].

Даследчыкі аднагалосна прызнаюць У. Караткевіча **пачынальнікам** беларускага гістарычнага рамана, і, думаецца, гэта звязана перш за ўсё з тым, што ён напісаў першыя творы пра беларускую гісторыю, **масава данесеныя да чытача** (хоць храналагічна ім папярэднічалі гістарычныя творы В. Ластоўскага, Б. Мікуліча, Я. Дылы). Пісьменнік У. Арлоў зазначыў: «Заснавальнікам жанру гістарычнага рамана істэтыкі ў нас традыцыйна лічыцца Уладзімір Караткевіч. Між тым Дылу належыць напісаны значна раней раман “На шляху з варагаў у грэкі” – твор, шмат у чым наватарскі: пазбаўлены лінейнай пабудовы, скіраваны на асэнсаванне не асобных падзей, а самога гістарычнага працэсу. І, дарэчы, дагэтуль незнаёмы чытачу»³ [29] (раман «На шляху з варагаў у грэкі» быў напісаны Я. Дылам на вокладках старых часопісаў у другой палове 1940-х гг. у Саратаве, куды пісьменнік быў сасланы пасля арышту па фіктыўнай справе «Саюза вызвалення Беларусі»).

Аднак У. Караткевічу не проста гістарычна «пашанцавала» ў тым, што яго творы здолелі дайсці да чытача. Як заўважыла даследчыца Т. Грамадчанка, У. Караткевіч стаў першапраходцам не толькі таму, што ў папярэднія дзесяцігоддзі быў мацнейшы ідэалагічны прэсінг, але яшчэ і дзякуючы асабліваму таленту пісьменніка – здольнасці паэтызаваць мінулае, маляўніча апісваць яго [30, с. 177]. На гэту ж акалічнасць звяртала ўвагу А. Бязлепкіна ў артыкуле «Авантурызацыя гісторыі» [31]. Творы У. Караткевіча займелі папулярнасць у чытацкай аўдыторыі яшчэ на этапе часопісных публікацый, і гэта адбылося дзякуючы здольнасці пісьменніка зрабіць мінулае захапляльным – з дапамогай цікавага сюжэту, шчырай аўтарскай інтанацыі.

Стыль і паэтыка. Пра сутнасць паняцця «творчы стыль» У. Караткевіч выказваўся наступным чынам: «Лепей, відаць, не скажаш, што стыль – гэта чалавек, яго густы, схільнасці і г. д. Колькі людзей, столькі і стыляў» [32, с. 103]. Пра адметнасць свайго падыходу і светабачання ён адзначаў: «Некаторыя пісьменнікі, нават дужа значныя, прыводзяць мяне ў стан дрыжыкаў абрыдлівасці менавіта праз не-

³Цытата прыводзіцца ў адпаведнасці з нормамі сучаснай арфаграфіі. – М. Л.

натуральнасць, перакручанасць, нейкую дробную, уедлівую да канца агіднасць параўнанняў і тропай. І, наадварот, нешта накшталт “распаўняй параходнай трубы, над якой увесь дзень дрыжэла і плавілася нешта найтанчэйшае, шкляное”, “вострае шаласценне пальмаў”, “клахтанне драздоў на каралавых арабінах” – і ахнеш ад думкі, што ўсё гэта бачыў. У гэтым, па-мойму, і ёсць найвышэйшая вечнасць. Або, калі ўжо не так, у дзікай гіпербалізацыі, у знарочыстай грубасці, у рогаце такім, што калоцяцца муры. Карацей, ува ўсім, што ёсць жыццё, а не ў дробязным і вычварным корпанні ў абрыдлівых дробязях, заўважаных адным чалавекам у толькі аднаго другога. <...> Пішу, як прывык, падпарадкоўваючыся густу, слыху, зроку» [32, с. 103]. Паэзія, эмацыянальнасць, кантраснасць – гэтыя асаблівасці светабачання складаюць энергічную «паэтыку жыццялюбства» твораў У. Караткевіча. У артыкуле «Жывое слова» С. Навумчык указваў на самае істотнае, што можа быць адзначана ў дачыненні да стылю пісьменніка: «А слова ў Караткевіча – жывое... у Караткевіча гнеў – гэта гнеў, а смех – гэта сапраўдны смех да колікаў у жываце. Гэта зусім не азначае, што ён расфарбоўвае свет у чорна-белы колер. Проста ён ніколі не хавае сваіх адносін да герояў і іх учынкаў» [19].

Акрамя таго, раманы У. Караткевіча, сінтэтычныя па сваёй жанравай прыродзе, нясуць у сабе прыкметы шматлікіх «кніжных» стылявых сістэм: раман «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні» дэманструе стыль пікарэскай [33], авантурнай і смехавой літаратуры, раман «Чорны замак Альшанскі» – традыцыйны гатычнай прозы [34], «Каласы пад сярпом тваім» – рамантызму [35], «Леаніды не вернуцца да Зямлі» – спалучэнне лірычнага і эпічнага пачаткаў. Такое сумяшчэнне стыляў і напрамкаў у арганічным адзінстве было прынцыпова наватарскім у кантэксце развіцця беларускай прозы з пачатку ХХ ст.

Высновы

Беларуская літаратура перыяду 1960–80-х гг. існавала ў супярэчлівых умовах: з аднаго боку, назіралася тэндэнцыя да падпарадкавання літаратурнага працэсу партыйным задачам, з другога – пасля развенчвання культу асобы Сталіна пісьменнікі набылі пэўную свабоду для самавыяўлення. Уладзімір Караткевіч працаваў у межах афіцыйнай культуры, але пры гэтым займаў даволі нонканфармісцкую пазіцыю, якую можна ахарактарызаваць як частковае дысідэнцтва або ўнутраную эміграцыю. Гэта дазволіла пісьменніку адысці ад распаўсюджаных тэм і выбудаваць свой погляд на беларускую гісторыю і ўласную сістэму каштоўнасцей для герояў сваіх твораў.

Першы этап творчасці У. Караткевіча характарызуецца супярэчлівай рэакцыяй рэцэнзентаў на яго творы: некаторыя адзначалі іх арыгінальнасць наватарства У. Караткевіча, іншыя – крытыкавалі яго за эпігонства і «абстрактны гуманізм». З прычыны шматлікіх прэтэнзій У. Караткевіч меў цяжасці з выданнем двух першых раманаў («Леаніды не вернуцца да Зямлі», «Каласы пад сярпом тваім»). Два апошнія раманы былі прыняты больш ухвальна, не атрымалі рэзка негатыўных водгукаў. З канца 1980-х гг. пачаў змяняцца статус пісьменніка: з «нонканфарміста» ён ператварыўся ў «нацыянальнага прарока». Пры гэтым, нягледзячы на зменлівае стаўленне крытыкаў, пісьменнік на ўсіх этапах сваёй творчасці меў трывалую падтрымку з боку чытачоў.

Раманы У. Караткевіча істотна адрозніваліся ад тагачаснай беларускай савецкай прозы тэматыкай, праблематыкай і выбарам галоўных герояў. Гэта найперш звязана з тым, што пісьменнік не імкнуўся адлюстроўваць сучаснасць, а звяртаўся да паказу падзей мінулага. У творах не проста «ўзнаўляюцца» гістарычныя падзеі – яны «нацыяналізуюцца», паказваюцца як падзеі **беларускай** гісторыі. Акрамя гэтага, закранаюцца пытанні нацыянальнай свядомасці і неабходнасці захавання нацыянальнай гісторыка-культурнай спадчыны.

Раманы У. Караткевіча характарызуюцца жанрава-стылявым сінтэтызмам. Гэта зрабіла іх арыгінальнымі ў кантэксце развіцця беларускага рамана ў 1960–80-х гг. Творчую манеру пісьменніка, якая вызначаецца інтэнсіўным выкарыстаннем і разнастайнымі спалучэннямі сродкаў вобразнасці, можна ахарактарызаваць як энергічную «паэтыку жыццялюбства».

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Дзюбайла П.К. Літаратура перыяду дэмакратычнага абнаўлення грамадства (1956–1965). Проза. У: Гніламёдаў УВ, Жураўлёў ВП, рэдактары. *Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя. Том 3*. Мінск: Беларуская навука; 2001. с. 143–157.
2. Андраюк СА. Літаратура перыяду 1966–1985 гадоў. Проза. У: Гніламёдаў УВ, Лаўшук СС, рэдактары. *Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя. Том 4, кніга 1*. Мінск: Беларуская навука; 2002. с. 8–32.
3. Караткевіч У. *Збор твораў. Том 6. Леаніды не вернуцца да Зямлі (раман амаль што сентыментальны)*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2014.
4. Лявіцкі А. Да пытання пра ўнутраную эміграцыю беларускіх інтэлектуалаў у БССР (1964–1985). *Беларускі гістарычны агляд* [Інтэрнэт]. 2013;20(1–2) [працытавана 1 красавіка 2018]. URL: <http://www.belhistory.eu/anton-lyavicki-da-pytannya-pra-%D1%9Enutranuyu-emigracyyu-belaruskix-intelektuala%D1%9E-u-bssr-1964%E2%80%93931985>.

5. Кажамякін Г. Леаніды вяртаюцца. У: Караткевіч У. *Збор твораў. Том 6. Леаніды не вернуцца да Зямлі*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. с. 376–383.
6. Мальдзіс А. *Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча: партрэт пісьменніка і чалавека. Літаратуразнаўчае эсэ*. Мінск: Літаратура і Мастацтва; 2010.
7. Макмілін А. *Беларуская літаратура ў 50–60-я гг. XX ст.* Мінск: Беларускі кнігазбор; 2001.
8. Верабей А. *Уладзімір Караткевіч: жыццё і творчасць*. Мінск: Беларуская навука; 2005.
9. Ермолович М. Колосья созрели для жатвы. *Нёман*. 1975;10:168–172.
10. Киселев Г. О романе «Колосья под серпом твоим» и его авторе. В: Короткевич В. *Колосья под серпом твоим*. Москва: Художественная литература; 1974. с. 3–9.
11. Банцэвіч ПК. *Творчасць Уладзіміра Караткевіча ў кантэксце культуралогіі*. Гродна: ГДАУ; 2007.
12. Моретти Ф. *Дальнее чтение*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2016.
13. Бугаёў Д. Рамантычны рыцар чалавечнасці. *Польмя*. 2000;11:155–175.
14. Навіцкая В. Уладзімір Караткевіч і рамантызм: да праблемы літаратуразнаўчай трактоўкі творчага метаду пісьменніка. В: Боровко ВЮ, Лапатинская ОВ, Гладкова АА, Сенькова ОФ, составители. *Аксиологический диапазон художественной литературы. Материалы международной научной конференции; 23–24 марта 2017 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2017. с. 227–230.
15. Алешкевич В. Каждая книга – часть жизни [интервью]. В: Караткевіч У. *Збор твораў. Том 14. Публіцыстыка. Эсэ-нарысы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. с. 212–215.
16. Мацяхіна ТБ. Неарамантызм у творах сучасных беларускіх аўтараў: праблемы рэцэптыўнай эстэтыкі (на прыкладзе творчасці У. Караткевіча, Л. Рублеўскай, В. Шніпа). У: Козлов АВ, редактор. *Літаратуры свету: поэтика, ментальніст і духоўнасць*. Кривий Ріг: Криворізький державний педагогічний університет; 2014. Випуск 3. с. 205–212.
17. Сцяпанав А. Рысы еўрапейскага постмадэрнізму ў творах Уладзіміра Караткевіча. У: Шкурко Т, Верабей АЛ, Карпінскі Ц, Мальдзіс АІ, Уладыкоўская-Канаплянік ЛМ, рэдактары. *Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце*. Мінск: Беларускі кнігазбор; 2000. с. 58–62.
18. Якаўлева Г. Паслужу да канца [інтэрв’ю]. У: Караткевіч У. *Збор твораў. Том 14. Публіцыстыка. Эсэ-нарысы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. с. 205–208.
19. Навумчык С. Жывое слова: нататкі аб творчасці У. Караткевіча. *Віцебскі рабочы*. 1983. 1 верасня. с. 4.
20. Гройс Б. Истина искусства. *Художественный журнал* [Интернет]. 2015;96 [процитировано 1 апреля 2018 г.]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/266>.
21. Шынкарэнка ВП. *Пад ветразем дабра і прыгажосці: жанрава-стылявыя асаблівасці прозы Уладзіміра Караткевіча*. Мінск: Навука і тэхніка; 1995.
22. Ягоўдзік У. Найперш – судзіць чытачу [інтэрв’ю]. У: Караткевіч У. *Збор твораў. Том 14. Публіцыстыка. Эсэ-нарысы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. с. 224–225.
23. Караткевіч У. Дарога, якую прайшоў. У: Караткевіч У. *Збор твораў. Том 13. Публіцыстыка*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. с. 5–11.
24. Караткевіч У. *Збор твораў. Том 10. Чорны замак Альшанскі*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016.
25. Мисик МА. Метанарратив. *Исторический проект «Хронос»* [Интернет] [процитировано 1 апреля 2018 г.]. URL: <http://ronjatija.ru/node/13290>.
26. Дубин БВ. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Москва: ГУ ВШЭ; 2003.
27. Бароўка ВЮ. *Мастацкае народназнаўства ў беларускай літаратуры XX стагоддзя (на матэрыяле прозы)*. Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава; 2009.
28. Комаровская ТЕ. *Проблемы поэтики исторического романа США XX века*. Минск: БГПУ; 2004.
29. Арлоў У. Язэп Дыла. *Радзіе Свабода* [Інтэрнэт] [працытавана 1 красавіка 2018 г.]. URL: <https://www.svaboda.org/a/769466.html>.
30. Грамадчанка ТК. *Сучасны беларускі раман: дынаміка жанру*. Мінск: БДПУ; 2006.
31. Бязлепкіна А. Авантурызацыя гісторыі. *Польмя*. 2009;5:155–157.
32. Караткевіч У. Задума: узнікненне і ўвасабленне. Эсэ-ліст. У: Караткевіч У. *Збор твораў. Том 14. Публіцыстыка. Эсэ-нарысы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2016. с. 97–107.
33. Барысеева АА. Традыцыі пікарэскага рамана ў творчасці Рамэна Гары і Уладзіміра Караткевіча. У: Рагойша ВП, рэдактар. *Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай. Матэрыялы IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта; 15–17 кастрычніка 2009 г.; Мінск, Беларусь. Частка 2*. Мінск: БДУ; 2010. с. 226–230.
34. Бурдзэльва ІА. Традыцыі гатычнага рамана і меладрэмы ў дэтэктыўнай прозе У. Караткевіча. У: Баранова НП, редактор. *Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета; 22–23 апреля 2008 г.; Минск, Беларусь. Часть 5*. Минск: МГЛУ; 2009. с. 5–9.
35. Конан І. Традыцыі еўрапейскага рамантызму ў творах Г. Сянкевіча і У. Караткевіча. У: Максімовіч ВА, рэдактар. *Сучасная беларуская літаратура і працэсы славянскага культурнага цывілізацыйнага ўзаемадзеяння. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 28 мая 2008 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2008. с. 99–102.

References

1. Dzubajla PK. [The literature of the society democratic renewal period (1956–1965). The prose]. In: Gnilamjodaw UV, Zhurawljow VP, editors. *Gistoryja belaruskaj litaratury XX stagoddzja. Tom 3* [History of Belarusian literature of the XX century. Volume 3]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2001. p. 143–157. Belarusian.
2. Andrajuk SA. [The literature of the 1966–1985 years. The prose]. In: Gnilamjodaw UV, Lawshuk SS, editors. *Gistoryja belaruskaj litaratury XX stagoddzja. Tom 4, kniga 1* [History of Belarusian literature of the XX century. Volume 4, book 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2002. p. 8–32. Belarusian.

3. Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 6. Leanidy ne vernucca da Zjamli* [Collected works. Volume 6. Leanidy will not return to the Earth]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2014. Belarusian.
4. Ljavicki A. [About the issue of the inner emigration of Belarusian intellectuals in BSSR (1964–1985)]. *Belaruski gistorychny agljad* [Belarusian historical review] [Internet]. 2013;20(1–2) [cited 2018 April 1]. Available from: <http://www.belhistory.eu/anton-lyavicki-da-pytannya-pra-%D1%9Enutranuyu-emigracyyu-belaruskix-intelektuala%D1%9E-u-bssr-1964%E2%80%931985/>. Belarusian.
5. Kazhamjakin G. [Leanidy return]. In: Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 6. Leanidy ne vernucca da Zjamli* [Collected works. Volume 6. Leanidy will not return to the Earth]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2016. p. 376–383. Belarusian.
6. Mal'dzis A. *Zhyccjo i wznjasenne Uladzimira Karatkevicha: partrjet pis'mennika i chalaveka. Litaraturaznawchae ese* [The life and the ascension of Uladzimir Karatkevich: the portrait of the writer and the person. Literary essay]. Minsk: Litaratura i Mastactva; 2010. Belarusian.
7. MacMillin A. *Belaruskaja litaratura w 50–60-ja gg. XX st.* [Belarusian literature in the 50–60s of the XX century]. Minsk: Belaruskij knigazbor; 2001. Belarusian.
8. Verabej A. *Uladzimir Karatkevich: zhyccjo i tvorchasc'* [Uladzimir Karatkevich: life and literary works]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2005. Belarusian.
9. Ermolovich M. [The ears ripened for the harvest time]. *Neman*. 1975;10:168–172. Russian.
10. Kiselev G. [About the novel «The ears under your sickle» and its author]. In: Karatkevich U. *Kolos'ya pod serpom tvoim* [The ears under your sickle]. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1974. p. 3–9. Russian.
11. Bancjevich PK. *Tvorchasc' Uladzimira Karatkevicha w kantjeksce kul'turalogii* [The literary works of Uladzimir Karatkevich in the context of culturology]. Grodna: GSAU; 2007. p. 45–91. Belarusian.
12. Moretti F. *Dal'nee chtenie* [Distant reading]. Moscow: Publishing House of Gaidar's Institute; 2016. Russian.
13. Bugajow D. [The romantic knight of humanity]. *Polymja*. 2000;11:155–175. Belarusian.
14. Navickaja V. [Uladzimir Karatkevich and romanticism: about the literary explanation problem of the writer's artistic method]. In: Borovko VY, Lapatinskaya OV, Gladkova AA, Sen'kova OF, compilers. *Aksiologicheskii diapazon khudozhestvennoi literatury. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 23–24 marta 2017 g.; Vitebsk, Belarus'* [Axiological range of literature: a collection of the scientific articles. Materials of the International scientific conference; 2017 March 23–24; Viciebsk, Belarus]. Viciebsk: VSU named after P. M. Masherov; 2017. p. 227–230. Belarusian.
15. Aleshkevich V. [Every book is a part of life] [interview]. In: Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 14. Publicystyka. Ese-narysy* [Collected works. Volume 14. Publicism. Essays]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2016. p. 212–215. Russian.
16. Macjuhina TB. [Neo-romanticism in the literary works of contemporary Belarusian writers]. In: Kozlov AV, editor. *Literaturny svitu: poetyka, mental'nist'i duhovnist'* [The literatures of the world: poetics, mentality and spirituality]. Kryvyj Rih: Kryvyj Rih State Pedagogical University; 2014. Issue 3. p. 205–212. Belarusian.
17. Scjapanava A. [The features of European postmodernism in the works of Uladzimir Karatkevich]. In: Shkurko T, Verabej AL, Karpin'ski C, Mal'dzis AI, Uladykowskaja-Kanapljanik LM, editors. *Uladzimir Karatkevich i jago tvorchasc' u ewrapejskim kul'turnym kantjeksce* [Uladzimir Karatkevich and his works in European cultural context]. Minsk: Belaruskij knigazbor; 2000. p. 58–62. Belarusian.
18. Jakawleva G. [I will serve until the end] [interview]. In: Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 14. Publicystyka. Ese-narysy* [Collected works. Volume 14. Publicism. Essays]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2016. p. 205–208. Belarusian.
19. Navumchyk S. [The alive word: the notes about the literary works of Uladzimir Karatkevich]. *Viciebski rabochy* [Viciebsk worker]. 1983 September 1. p. 4. Belarusian.
20. Grois B. [Truth of art]. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Art magazine] [Internet]. 2015;96 [cited 2018 April 1]. Available from: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/266>. Russian.
21. Shynkarjenka VP. *Pad vetrazem dabra i prygazhosc: zhanrava-styljavyja asablivasci prozy Uladzimira Karatkevicha* [Under the sail of good and beauty: genre and stylistic features of Uladzimir Karatkevich's prose]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1995. Belarusian.
22. Jagowdzik U. [To judge – for the reader] [interview]. In: Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 14. Publicystyka. Ese-narysy* [Collected works. Volume 14. Publicism. Essays]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2016. p. 224–225. Belarusian.
23. Karatkevich U. [The way that I have passed]. In: Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 13. Publicystyka* [Collected works. Volume 13. Publicism]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2016. p. 5–11. Belarusian.
24. Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 10. Chorny zamak Al'shanski* [Collected works. Volume 10. The Al'shanski black castle]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2016. Belarusian.
25. Misik MA. [Metanarrative]. *Istoricheskii proekt «Khronos»* [Historical project «Chronos»] [Internet] [cited 2018 April 1]. Available from: <http://ponjatija.ru/node/13290>. Russian.
26. Dubin BV. *Semantika, ritorika i sotsial'nye funktsii «proshlogo»: k sotsiologii sovetskogo i postsovetskogo istoricheskogo romana* [The semantics, rhetoric and social functions of the «past»: about the sociology of the Soviet and post-Soviet historical novel]. Moscow: SUHSE; 2003. Russian.
27. Barowka VJ. *Mastackae narodaznawstva w belaruskaj litaratury XX stagoddzja (na matjeryjale prozy)* [The artistic nation-knowing in Belarusian literature of the XX century]. Viciebsk: VSU named by P. M. Masherov; 2009. Belarusian.
28. Komarovskaya TE. *Problemy poetiki istoricheskogo romana SSHa XX veka* [The problems of the poetics in the USA historical novel of the XX century]. Minsk: BSPU; 2004. Russian.
29. Arlow U. Jazjep Dyla. *Radio Svaboda* [Internet] [cited 2018 April 1]. Available from: <https://www.svaboda.org/a/769466.html>. Belarusian.
30. Gramadchanka TK. *Suchasny belaruskij raman: dynamika zhanru* [Contemporary Belarusian novel: dynamics of the genre]. Minsk: BSPU; 2006. Belarusian.
31. Bjazlepkina A. [The adventurization of history]. *Polymja*. 2009;5:155–157. Belarusian.
32. Karatkevich U. [The conception: emergence and embodiment. Essay-letter]. In: Karatkevich U. *Zbor tvoraw. Tom 14. Publicystyka. Ese-narysy* [Collected works. Volume 14. Publicism. Essays]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2016. p. 97–107. Belarusian.

33. Baryseeva AA. [The traditions of picaresque novel in the literary works of Romain Gary and Uladzimir Karatkevich]. In: Ragojska VP, editor. *Slavjanskija litaratury w kantjeksce susvetnaj. Matjeryjaly IX Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi, prysvechanej 70-goddzju filalagichnaga fakul'tjeta Belaruskaga dzjarzhawnaga universiteta; 15–17 kastychnika 2009 g.; Minsk, Belarus'. Chastka 2* [Slavic literatures in the context of the world literature: the materials of the 9th International conference dedicated to the 70th anniversary of the BSU philological faculty; 2009 October 15–17; Minsk, Belarus. Part 2]. Minsk: Belarusian State University; 2010. p. 226–230. Belarusian.

34. Burdzjaljova IA. [The traditions of gothic novel and melodrama in the detective prose of U. Karatkevich]. In: Baranova NP, editor. *Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov universiteta; 22–23 aprelya 2008 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 5* [The materials of the annual scientific conference, 2008 April 22–23; Minsk, Belarus. Part 5]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2008. p. 5–9. Belarusian.

35. Konan I. [The traditions of European romanticism in the literary works of G. Sjankevich and U. Karatkevich]. In: Maksimovich VA, editor. *Suchasnaja belaruskaja litaratura i pracjesy slavjanskaga kul'urnaga cyvilizacyjnaga wzaemadzejannja. Matjeryjaly mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 28 maja 2008 g.; Minsk, Belarus'* [Contemporary Belarusian literature and the processes of the Slavic cultural civilizational interaction. The materials of the international scientific practical conference, 2008 May 28; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2008. p. 99–102. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 10.04.2018.
Received by editorial board 10.04.2018.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.111'25

ТИПОЛОГИЯ СТРАТЕГИЙ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ДИСКУРСА

И. И. КОВАЛЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Описываются типы стратегий перевода документальных текстов в свете диалогической теории, предполагающей акцент на собственно интерактивном моменте межкультурного делового общения. Различаются стратегии десубъективизации содержания исходного текста, сохранения лица и адаптации темпорально-пространственных смыслов к принимающей культуре. Выделенные стратегии соотносятся с категориями эпистемности, акториальности, пространственности и темпоральности, выполняющими функцию общих координат интересубъективного пространства переводческого дискурса. В результате диалогического переводческого анализа документальных текстов определяются тактики и способы их перевода, в качестве главного критерия дифференциации которых рассматриваются межличностные отношения участников межкультурного делового взаимодействия. Предполагается, что изучение этих отношений позволит представить более детальную типологию диалогических стратегий перевода текстов, относящихся не только к документным, но и к другим жанрам.

Ключевые слова: диалогическая модель перевода; документальный дискурс; интересубъективное пространство; межкультурное деловое общение; стратегия перевода; тактика перевода; прием перевода.

Образец цитирования:

Ковалевская ИИ. Типология стратегий в диалогической модели перевода документального дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018; 3:49–58.

For citation:

Kavaleuskaya II. Types of strategies in dialogical translation model of document discourse. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:49–58. Russian.

Автор:

Ирина Ивановна Ковалевская – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации факультета международных бизнес-коммуникаций.

Author:

Iryna I. Kavaleuskaya, PhD (philology), docent; associate professor at the department of intercultural economic communication, faculty of international business communication.
vickostserg@mail.ru

ТЫПАЛОГІЯ СТРАТЭГІЙ У ДЫЯЛАГІЧНАЙ МАДЭЛІ ПЕРАКЛАДУ ДАКУМЕНТАЛЬНАГА ДЫСКУРСУ

I. I. KAVALEŬSKAJA^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь

Апісваюцца тыпы стратэгий перакладу дакументальных тэкстаў у рэчышчы дыялагічнай тэорыі, якая пра-
дугледжвае акцэнт на ўласна інтэрактыўным моманце міжкультурных дзелавых зносін. Выяўляюцца стратэгіі
дэсуб’ектывізацыі зместу арыгінала, захавання твару і адаптацыі тэмпаральна-прасторавых сэнсаў да прыма-
ючай культуры. Вылучаныя стратэгіі суадносяцца з катэгорыямі эпістэмнасці, актарыяльнасці, прасторавасці
і тэмпаральнасці, якія выконваюць функцыю агульных каардынат інтэрсуб’ектыўнай прасторы перакладчыцкага
дыскурсу. У выніку дыялагічнага перакладчыцкага аналізу дакументальных тэкстаў вызначаюцца тактыкі і спо-
сабы іх перакладу, у якасці галоўнага крытэрыю дыферэнцыяцыі якіх разглядаюцца міжасобасныя адносіны
ўдзельнікаў міжкультурнага дзелавога ўзаемадзеяння. Выказана меркаванне пра тое, што вывучэнне гэтых
адносін дазволіць распрацаваць больш дэтальную тыпалогію дыялагічных стратэгий перакладу тэкстаў, якія ад-
носяцца не толькі да дакументных, але і да іншых жанраў.

Ключавыя словы: дыялагічная мадэль перакладу; дакументальны дыскурс; інтэрсуб’ектыўная прастора;
міжкультурныя дзелавыя зносіны; стратэгія перакладу; тактыка перакладу; прыём перакладу.

TYPES OF STRATEGIES IN DIALOGICAL TRANSLATION MODEL OF DOCUMENT DISCOURSE

I. I. KVALEUSKAYA^a

^aBelarusian State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The paper discusses the types of strategies of document translation from the perspective of the dialogical theory focusing
on the interactive nature of intercultural business communication. It distinguishes the strategies of desubjectivization of
the source text content, face saving and adaptation of space and time implications to the target culture. The strategies are
associated with the categories of epistemicity, actoriality, spatiality and temporality as the common intersubjective space
coordinates of translation discourse. The dialogical translation analysis of documents reveals their translation tactics
and techniques. The intercultural communication participants' relations are considered as the main criterion for their
classification. The study of these relations is assumed to allow for more detailed classification of dialogical translation
strategies of documents as well as other genres.

Key words: dialogical translation model; document discourse; intersubjective space; intercultural business
communication; strategy of translation; tactic of translation; technique of translation.

Введение

Принципиальным моментом, определяющим современное развитие науки о переводе, является
изучение переводческой деятельности как процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации
в русле определенных коммуникативных – функционально-прагматической [1], коммуникативно-функ-
циональной [2], деятельностной [3], дискурсивно-коммуникативной [4] – и когнитивных теорий [5; 6].
В значительной степени их расширяет и объединяет диалогическая переводческая концепция, базиру-
ющаяся на теории диалогичности гуманитарного познания М. М. Бахтина [7].

Теоретические основы исследования

Из ключевых постулатов диалогической теории следует прежде всего отметить необходимость ана-
лиза перевода как интерпретативно-порождающего дискурса, сущность которого «кроется в слиянии
в одном процессе двух фаз: интерпретации переводчиком оригинала и порождения на базе этой ин-

терпретации текста перевода» [7, с. 79]. Фаза интерпретации предполагает понимание мира смыслов отправителя исходного текста (далее – ИТ), а также перевод понятого содержания и концепта в словесно-знаковую форму. Фаза порождения переводного текста (далее – ПТ) предусматривает соположение данной формы с кодом языка перевода с учетом иной культуры. Рассмотрение всех аспектов и определяющих факторов, как собственно языковых, так и внешних по отношению к языку, но прямо или косвенно влияющих на выбор языковых единиц на каждой фазе, позволяет перенести акцент с языка как системы и ПТ как единицы языка на ПТ как дискурс.

На фазе интерпретации переводчик сознательно или неосознанно понимает оригинал по-своему и устанавливает баланс соположения двух языков, культур. Таким образом, переводчик, который становится не только интерпретатором, но и аналитическим критиком ИТ, выступает как главный антропоцентр интерпретативно-порождающего дискурса.

Не только переводчик корректирует исходный смысл в первой и второй фазах переводческого процесса – реальный адресат также осуществляет коррекцию как собственную рефлексию в структуре своего сознания. Достижение баланса интерпретаций исходного смысла переводчиком и адресатом возможно при условии готовности переводчика к диалогу. Таким образом, перевод интерпретируется как целенаправленная лингвопсихоментальная преобразующая деятельность личности переводчика, погруженная во множественные диалогические отношения ввиду постоянного соотношения им собственного интерпретационного процесса ИТ с программированием интерпретации адресатом ПТ [7, с. 79].

Такое понимание сущности перевода позволяет рассматривать диалогичность в качестве его базового свойства и анализировать переводческий дискурс как процесс поиска возможных ответов на волнующие переводчика вопросы, с одной стороны, и как процесс смыслопорождения, в который вовлекаются автор, сам переводчик и адресат, с другой.

Все участники диалога манифестированы сферами индивидуального сознания, которое включает ментальные лексиконы, сопряженные с невербальным когнитивным пространством, а также иные, отличные от мышления смыслопорождающие психические функции (ощущения, чувствования, интуиция и пр.), коррелирующие со сферами бессознательного. Соответственно, каждый из коммуникантов по-своему понимает смысл текста. Диалог, который организует переводчик для достижения оптимальной сбалансированности интерпретаций исходного смысла, протекает в пределах общего смыслового поля как основы для понимания. Данный коммуникативный универсум описывается иначе в терминах intersubjectивного пространства, имеющего подвижный характер, поскольку переводчику, который соотносит исходный смысл с контекстом, определяющим не только личные, социально-групповые, но и национально-культурные особенности межкультурной коммуникации, приходится постоянно его корректировать в первой и второй фазах. В связи с этим содержание ИТ активно конструируется в процессе речевого взаимодействия. При этом выбор переводчика как языкового посредника определяется общей **диалогической** стратегией, направленной на благополучное разрешение контакта участников межкультурной коммуникации.

Диалогическое взаимодействие при переводе предполагает исключение элементов неоднозначности и создание intersubjectивного пространства, в основе которого лежат общие элементы. Эти «точки контакта», которые так или иначе отсылают к культурному коду адресата ПТ, выполняют функцию диалогических маркеров и обнаруживаются на семантическом, структурном и прагматическом уровнях анализа переводческого дискурса [8, с. 36].

При решении частных переводческих проблем возникает необходимость выбора стратегий, соотношение которых с глобальной диалогической стратегией является гипо-гиперонимическим, поскольку они используются при переводе отдельных фрагментов текста на другой язык. Способ структурирования и семантического наполнения информативного содержания ПТ можно определить как предпочитаемый в реципиентной культуре подход к презентации информации в тексте и выбору языковых способов достижения прагматического эффекта. В условиях диалогического общения, в котором предполагается нейтрализация противопоставлений ментальных миров в целом (*свой мир – чужой мир*), переводческие стратегии направлены на согласование отдельных концептов и ментальных структур, введение чужих концептов в свой мир и своих концептов в чужой мир.

Четкая дифференциация стратегий перевода считается возможной, по мнению Т. П. Андриенко, по таким критериям, как характер объектов, на которые эти стратегии направлены; характер действий, которыми они управляют; уровни процессов, которые они контролируют [9, с. 157–158].

Первый критерий представляется более универсальным. Переводческие стратегии направлены на основные параметры-координаты общего intersubjectивного пространства, которое иначе описывается как «коммуникативный универсум» в динамической теории межкультурной коммуникации

Э. Ключанова. К ним автор относит категории эпистемности, акториальности, пространственности и темпоральности¹.

Эпистемность отражает особенности восприятия окружающей действительности определенной культурой. Для их актуализации переводчик прибегает к стратегии **десубъективизации** ИТ, т. е. «извлечения» его субъективного смысла, с тем чтобы адекватно его объективировать применительно к новой ситуации [2, с. 105].

Извлечение и реконструкция информации ИТ невозможны без его понимания, в основе которого, согласно определению Т. А. Фесенко, «лежит процедура построения индивидуального семантического вывода, позволяющая переводчику восстановить редуцированную, неявно выраженную информацию», поскольку успешный или неуспешный перевод зависит от точности данного семантического вывода переводчика относительно целей и интенции автора оригинала. При этом следует иметь в виду, что «интенциональный смысл» оригинала никогда не тождественен «рецептивному смыслу», т. е. тому, который извлекает из него его реципиент [10, с. 60].

Категория акториальности связана с образами автора оригинала и адресата ПТ, их прагматическим потенциалом. Согласно дефиниции, предложенной Э. Ключановым, акториальность позволяет описать коммуникативное расстояние между представителями разных культур, т. е. степень зависимости речевого поведения от мнения сообщества, приоритет сохранения лица как уважения со стороны других либо самоуважения.

Понятие лица, введенное Э. Гоффманом, трактуется как позитивный общественный облик (*positive public self-image*), которым стремится обладать каждая личность [11, р. 5]. В концепции П. Браун и С. Левинсона выделяются две основные части – «позитивное лицо» и «негативное лицо». Первое понятие совпадает по содержанию с дефиницией, предложенной Э. Гоффманом, и противопоставляется понятию «негативное лицо», подразумевающему желание иметь свободу действий и недопустимость вмешательства со стороны других [12, р. 61–62]. Согласно подходу П. Браун и С. Левинсона в реальной коммуникации существует множество речевых актов, которые «угрожают лицу» (*face threatening acts*). Эти речевые акты дифференцируются в зависимости от того, кому они принадлежат – говорящему или слушающему – и какому лицу угрожают – позитивному или негативному [12, р. 65–68].

Являясь естественной и важной частью диалога, «ликоугрожающие акты» не представляют собой какого-либо отклонения от правил коммуникации и очень распространены, поэтому в процессе общения, в том числе и межкультурного, предполагаются адаптационные изменения, направленные на **сохранение лица**.

Категория пространственности интерпретируется И. Э. Ключановым как приемлемая в обществе степень авторитарности, обуславливаемая его социально-историческим развитием. Темпоральность отражает отношение представителей культуры ко времени. В современной теории дискурса обе категории рассматриваются как непосредственные компоненты хронотопа, представляющего собой единство темпорально-пространственных смыслов дискурса. В процессе межкультурного общения эти смыслы различаются, поскольку преломляются в соответствии с индивидуальной картиной мира каждого из его участников. В связи с этим создание гармоничного ПТ возможно только в результате успешной **трансляции темпорально-пространственных смыслов**, которая достигается посредством их адаптации к принимающей культуре.

Стратегии, направленные на выделенные Э. Ключановым параметры-координаты, носят универсальный характер, поскольку являются непосредственно связанными с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей и поведение (как физическое, так и интеллектуальное).

Более детальная типология переводческих стратегий возможна за счет анализа тактик, реализующих те или иные стратегические задачи. Для их дифференциации В. В. Сдобников предлагает обратить внимание на тактики, использующиеся для достижения коммуникативно-равноценного перевода. К ним автор относит тактики **точной и полной передачи информации** (предусматривает использование эквивалента или создание нового соответствия в языке перевода), **передачи подразумеваемой информации** (обусловлена разным соотношением эксплицитного и имплицитного содержания в языках ИТ и ПТ), **стилистической адаптации** перевода посредством особых его преобразований, связанных со стилистикой ИТ, **воссоздания стилистических особенностей** ПТ в целях оказания прогнозируемого прагматического воздействия на его получателей, **корректной передачи информации** путем редактирования ПТ в соответствии с нормами языка перевода (метрические обозначения, кавычки, собственные имена и названия и т. п.), **прагматической адаптации** перевода (предполагает внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями ИТ и ПТ) [13, р. 863].

¹Ключанов И. Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Саратов, 1999. С. 23–26.

Разделение переводческих решений на стратегии и тактики можно использовать как исследовательский прием, позволяющий провести комплексный переводческий анализ текстов, относящихся к различным жанрам, и систематизировать известные решения, связанные с переводом, не ограничивая при этом число новых решений.

Результаты и обсуждение

Применительно к переводу документальных текстов, функционирующих в профессиональной сфере межкультурного делового общения, отметим, что разработка вопросов, связанных с его эффективностью и совершенствованием, является одной из ключевых задач лингвистов на фоне сложных интеграционных процессов, происходящих сегодня в жизни общества, и неуклонного роста международных деловых контактов. Современные языковеды часто выходят за рамки системного описания языка, вступая в междисциплинарную сферу социо-, прагма-, психолингвистики в поисках особенностей языковых картин мира и их связи с культурой, и предлагают свой вариант исследования межкультурного делового общения, выражающий лишь его определенный аспект. Результаты этих исследований служат основой для выявления возникающих в процессе межкультурного делового общения элементов неоднозначности, которые могут устраняться путем применения выделенных выше переводческих стратегий и тактик.

Тексты документов, являющиеся материалом данного исследования, классифицируются Н. Ю. Чигридовой как документные, рекламные и деловые эпистолярии. Выделенные жанры различаются самоназванием, сферой функционирования, формуляром и коммуникативным замыслом². В рамках диалогической переводческой концепции для дифференциации трех групп жанров, кроме указанных конститутивных признаков, релевантными являются межличностные отношения коммуникантов, которые формируются под влиянием различных социально-культурных факторов и могут быть «неравноправными» или «равноправными».

Первый «неравноправный» тип отношений (*адресант выше по статусу – адресат*) представлен в организационно-распорядительных документах, которые наглядно демонстрируют национальную специфику такого дискурсивного события, как решение организационно-административных вопросов. Прагмалингвистический анализ англо- и русскоязычных документных текстов, проведенный А. О. Стеблецовой, показал, что при решении организационно-административных вопросов используются только один тип англоязычного текста – письмо (*e-mail*), в котором «работают дискурсивные действия просьбы и напоминания», и три типа русскоязычных текстов – приказы, распоряжения и служебные записки, выбор каждого из которых определяется исключительно статусом адресанта³.

Различия в социальном статусе участников делового общения находят выражение в организационно-распорядительной документации и традиционно интерпретируются в связи с лингвокультурной категорией дистанции, которая является синонимичной понятиям «солидарность», «близость», «знакомство», «межличностные отношения». Дистанция по-разному воспринимается представителями индивидуалистических культур, которые характеризуются более низким индексом власти, и коллективистских культур, где этот индекс выше.

Носители английского языка, как представители выраженной индивидуалистической культуры, стремятся к сохранению социальной (или горизонтальной) дистанции, не допускающей тактильную коммуникацию, коммуникативное давление на адресата, прямолинейность при выражении тех или иных коммуникативных интенций и высокую степень формальности в общении. Дистанцированность (или дистантность) является ключевым концептом в общей системе мировосприятия англоязычной общности и, соответственно, одной из ее главных ценностных ориентаций [14, с. 197].

В коллективистских культурах, к числу которых принадлежит культура русскоязычная, межличностные деловые отношения выстраиваются по вертикальной шкале, поэтому функция установления соответствия между статусом адресанта/адресата и положением дел реализуется с помощью русскоязычных приказов, распоряжений и служебных записок, не имеющих аналогов среди англоязычных организационно-распорядительных документов. Данные тексты (наряду с текстами законов, местной прессой, объявлениями и пр.) отвечают специфическим потребностям аудитории ИЯ. Наглядным примером, демонстрирующим специальную предназначенность организационно-распорядительной документации для аудитории ИЯ, является следующий текст приказа об увольнении сотрудника с работы:

²Чигридова Н. Ю. Речевое поведение в жанре деловых эпистолярий : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Ростов н/Д, 1999. С. 46.

³Стеблецова А. О. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. Воронеж, 2015.

Об увольнении с работы

УВОЛИТЬ:

КОПЕЙКО Андрея Владимировича, юрисконсульта юридического отдела, 16.01.2016 за неоднократное нарушение нанимателем сроков выплаты заработной платы, установленных в трудовом договоре, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 35 Трудового кодекса Республики Беларусь с выплатой выходного пособия в размере двухнедельного среднего заработка (ч. 3 ст. 48 Трудового кодекса Республики Беларусь).

Трудовой отпуск использован по 31.12.2016.

Основания:

- 1) Заявление Копейко А. В. от 16.01.2016;*
- 2) трудовой договор Копейко А. В. от 01.02.2012 № 25;*
- 3) акт проведенной управлением Департамента государственной инспекции труда по г. Минску проверки от 14.01.2016 № 8-з.*

Директор общества

Начальник юридического отдела

Подпись

Подпись

(Источник: www.ilex-private.ilex.by)

Чтобы ответить на вопрос о том, можно ли воспроизвести текст данного приказа на другом языке, обратимся к лингвистической переводческой концепции. В рамках данной концепции постулируется некорректность теории непереводимости и отрицается необходимость воспроизведения с абсолютной полнотой языкового своеобразие ИТ, ориентированности его содержания на определенный языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими фоновыми знаниями и культурно-историческими особенностями, и, следовательно, создания тождественного текста. Главное, чтобы отсутствие тождественности не мешало переводу выполнять те же коммуникативные функции, для реализации которых был написан текст оригинала [15, с. 39]. Выполнение этих функций ПТ является главным требованием к переводу, предусматривает передачу коммуникативного эффекта ИТ и выделение ведущего прагматического уровня эквивалентности, включающего такие важные для перевода элементы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект и установка на адресата [1, с. 145]. Все эти элементы воссоздаются на фазе порождения ПТ в коммуникативной ситуации, не являющейся идентичной исходной, поскольку отправители ИТ и ПТ не могут, создавая их, не видеть за ними разных получателей. Поскольку коммуникативная интенция и коммуникативный эффект ИТ, как и установка на его адресата, не тождественны соответствующим элементам ПТ, при передаче ИТ на другой язык обязательной является его адаптация к вторичной коммуникативной ситуации.

С позиций диалогической концепции адаптация перевода к новым коммуникативным условиям, как отмечалось ранее, осуществляется путем «извлечения» субъективного смысла ИТ. При анализе русскоязычного приказа следует отметить высокую степень категоричности выраженного в нем побуждения к действию и облигаторность его выполнения для адресата. Использование инфинитива в функции маркера прямого побуждения к определенным действиям, имен собственных и отсутствие обращений, личных местоимений в приказе обуславливается прагматической установкой на управление действиями подчиненных, несущих персональную ответственность за надлежащее исполнение пунктов, которые их непосредственно касаются. Выделенные маркеры указывают на приоритетность социального статуса адресанта как представителя коллективистской культуры.

Оказание прогнозируемого коммуникативного эффекта русскоязычного текста приказа на представителя англосаксонской культуры, исключающей коммуникативное давление на адресата, требует воссоздания определенных стилистических особенностей ПТ при его передаче на английском языке. Результатом применения указанной тактики является замена жанрово-тематического типа ИТ при переводе. В конкретном случае гармоничным вариантом ПТ, в интересубъективном пространстве которого возможно истинное межкультурное взаимодействие представителей коллективистской и индивидуалистической культур, является следующий текст письма:

Termination of service

Dear Mr. ...

This is to inform you that your employment with... (the name of the Company) has been terminated since... (the date).

We had no other choice than terminating you from your employment as provided in... (clause, part, section No.) of... (document title) since the wage payment deadline stated in the Service Contract has been repeatedly missed. You will be paid a two-week salary as a last and final compensation (clause, part, section No.) of... (document title).

We wish you all the best for the future.

Enclosed:

1) Letter of Resignation of... (the date);

2) Service Contract of... (the date);

3) State Labor Inspectorate Department Administration's Inspection Certificate of... (the date).

Legal Department Manager;

Sincerely,

(the name).

Воссоздание жанрообразующих признаков ПТ в целях оказания прогнозируемого прагматического эффекта осуществляется при передаче текста на английском языке на всех трех уровнях – прагматическом, семантическом и структурном.

На прагматическом уровне отметим изменение речеактного содержания ИТ, которое достигается путем замены основного директивного речевого акта (*УВОЛИТЬ: КОПЕЙКО Андрея Владимировича, юриста юридического отдела, 16.01.2016 за...*) репрезентативом (*This is to inform you that your employment with... has been terminated since...*) и добавлением других репрезентативов (*We had no other choice than terminating you from your employment... You will be paid...*), направленных на информирование адресата о текущем состоянии дел. Благодаря употреблению данных речевых актов общая тональность межъязыковой деловой коммуникации становится более дружелюбной и располагающей к диалогу.

В качестве «точек контакта», отсылающих к ценностям принимающей культуры, можно выделить обращение *Dear* и завершающую формулу *Sincerely*. Использование обращения в контактоустанавливающей функции в англоязычном деловом письме является обязательным, в отличие от русскоязычных документов, в которых указанную функцию выполняет реквизитный блок с полными данными адресата и его фамилией в дательном падеже. Если к адресату в англоязычном документе обращаются по имени, то в завершающей части письма обязательно используется формула *Sincerely*.

Этикетными правилами англоязычного делового письма также обуславливается добавление речевой формулы *We wish you all the best for the future*, выражающей пожелание удачи в делах в будущем. Ее использование в контексте англоязычных писем об увольнении позволяет сгладить общее неприятное впечатление от их содержания.

Более полная передача информации ИТ при переводе на английский язык осуществляется путем создания новых соответствий в языке перевода, ср.: рус. *Управление Департамента государственной инспекции труда* – англ. *State Labor Inspectorate Department Administration*; рус. *акт проверки* – англ. *Inspection Certificate*. Наименования соответствующего органа управления и документа создаются при переводе путем замены цепочек существительных в родительном падеже атрибутивными препозитивными конструкциями. Использование последних характерно для английского языка, относящегося к группе аналитических языков, в которых грамматические отношения строятся через синтаксис, служебные слова и фиксированный порядок слов.

Ввиду разного соотношения эксплицитного и имплицитного содержания в русском и английском языках в ПТ опускается причастный оборот *проведенной по городу Минску*, поскольку адресату несложно предположить, что проводилась проверка по юридическому адресу компании, который обязательно указывается в ее реквизитах. По аналогии в английском словосочетании *a last and final compensation*, представляющем собой разновидность контекстуальной замены русского терминологического выражения с более узким значением *выходное пособие*, имплицитно содержится содержание исходного высказывания об использовании трудового отпуска и отсутствии необходимости дополнительных выплат по увольнению.

Десубъективизация ИТ предполагает использование тактики корректной передачи информации, которая реализуется при переводе путем редактирования исходных названий документов и должностей в соответствии с нормами английского языка, требующими написания всех компонентов с заглавной буквы, ср.: рус. *трудовой договор* – англ. *Service Contract*; рус. *акт проверки* – англ. *Inspection Certificate*; рус. *начальник юридического отдела* – англ. *Legal Department Manager*.

Личностно ориентированным характером англоязычного делового письменного общения обуславливаются адаптационные изменения ПТ, связанные с категорией лица, выражающей значение персональности. Посредством добавления местоимений *you* и *your* осуществляется прагматическая адаптация ПТ, направленная на сохранение лица в интересующем пространстве переводческого дискурса.

Таким образом, диалогические стратегии и тактики перевода русскоязычного приказа направлены на презентацию информации в ПТ с позиций предпочитаемого в англосаксонской культуре подхода.

Благодаря их использованию изменяется тип межличностных отношений автора оригинала и адресата перевода. Между ними нет дистанции: они осуществляют межкультурную деловую коммуникацию на равных. Такой тип отношений является характерным в целом для англоязычной деловой письменной коммуникации и предусматривает замену «ликоугрожающих» речевых актов, как, например, в предложенном ниже фрагменте перевода русскоязычного письма-требования на английский язык:

ИТ

Мы возвращаем Вам некондиционный товар отдельной, заранее оплаченной посылкой с тем, чтобы Вы заменили его как можно скорее...

(Источник: www.delo-angl.ru)

ПТ

*We are returning the defective dresses by separate mail, carriage forward, and **would ask you to replace them** as soon as possible...*

Речевой акт требования в ИТ, автор которого настаивает на замене некачественного товара, передается при переводе речевым актом просьбы путем **добавления** английского глагола *to ask* в форме сослагательного наклонения, благодаря чему снижается давление на адресата.

«Ликоугрожающими» в контексте англоязычного делового письменного общения являются главным образом речевые акты, выражающие высокую степень долженствования или негативную для адресата информацию. Их использование является неприемлемым как для участников деловой переписки, так и для сторон, взаимодействующих в рамках контрактной деятельности.

Контракты регламентируют взаимодействие между бизнесменами и поставщиками, работодателями и работниками, все маркетинговые операции, финансовую деятельность, что подчеркивает необходимость сохранения симметричных отношений между сторонами, представляющими различные национальные культуры.

На примере перевода следующего фрагмента русскоязычного контракта рассмотрим, каким образом «извлекается» субъективное содержание ИТ и выражается в переводе:

ИТ

*Если однозначно **не согласовано** иное, предоставляемое компанией «Avira» программное обеспечение **должно** соответствовать актуальному современному уровню развития технологии...*

(Источник: www.avira.com)

ПТ

*Unless expressly agreed otherwise, the Software provided by Avira **shall** be in line with the current-state-of-the-art technology...*

Десубъективизация содержания ИТ при передаче на английский язык осуществляется путем стилистической адаптации перевода, в котором вместо исходного придаточного предложения употребляется причастный оборот с союзом *unless*, имплицитующим отрицательное значение исходного высказывания. Использование **антонимического приема** переводчиком согласуется с тем, что стилисты называют *positive thinking* [16, p. 19]. Позитивная установка на решение проблемы, характерная для представителей англосаксонской культуры, проявляется в их стремлении по возможности избегать отрицательных характеристик.

Другим маркером субъективного содержания русскоязычного текста, отражающего отношение адресанта к сообщаемому, служит краткое прилагательное *должно*. Его прямым соответствием в английском языке служит модальный глагол *must*, употребление которого является не вполне уместным в англоязычном деловом общении, предусматривающем сведение коммуникативного воздействия до минимума [14, с. 256]. В связи с этим возникает необходимость ослабления значения долженствования путем **замены** русского прилагательного в ПТ английским модальным глаголом *shall*, областью применения которого являются приказ, обозначение обязанности, распоряжения или указания для третьего лица, но в более мягкой форме, чем с помощью *must*.

Особое значение для реализации не только внутриязыковых и межъязыковых, но и внутрикультурных и межкультурных закономерностей деловой письменной коммуникации играет адаптация темпорально-пространственных смыслов ИТ, возможная только при полном освоении переводчиком интертекстов родной и чужой культур.

На примере следующего перевода письма-претензии к составу полученной партии товара рассмотрим, как актуализируются темпорально-пространственные смыслы ИТ при передаче на английский язык:

ИТ

Уважаемые господа!

Наконец партия вашего товара была доставлена вчера из терминала в аэропорту.

Количество ящиков **соответствует** Вашему отгрузочному извещению, но мы были удивлены, увидев, что их содержимое соответствует позиции FFT в Вашем каталоге, а не 7FT, как мы заказывали. Вероятно, ошибка произошла из-за неправильного чтения нашего бланка заказа. Мы храним товар FFT **до получения Вашего распоряжения**, но просим Вас предоставить товар, заказанный нами, без промедления.

В случае если указанная проблема не будет Вами решена, мы вынуждены будем обратиться в суд для разрешения возникшего спора.

С уважением...

(Источник: www.delo-angl.ru)

ПТ

Dear Sirs,

Your shipment was **at last** delivered from the air freight terminal yesterday.

The number of cases **checked with** your advice note but we were surprised to find that their contents corresponded to item FFT of your catalogue and not the 7 FT's we had ordered. The mix-up is likely due to misreading our order sheet. We are holding the FFT's **at your disposal** but must urgently request that you **let us have** the items we did order without delay.

Should you not solve this problem, we will have to take the matter to the court to resolve this dispute.

Yours faithfully...

Как видно из ИТ и ПТ, их темпоральный план совпадает не полностью. Использование в начале предложения наречия *at last* неприемлемо, поскольку в данной позиции английские наречия времени употребляются исключительно в целях эмпазы и привлечения внимания адресата к сообщаемому. В контексте англоязычного письма-претензии, следуя известной позитивной установке, переводчик переставляет данное наречие в иную позицию, чтобы избежать акцентирования отрицательных эмоций, связанных с несвоевременной доставкой товара.

Различия в выражении темпорального смысла ИТ обнаруживаются в переводе высказывания, констатирующего соответствие количества полученных ящиков отгрузочной документации. В ПТ форма настоящего времени исходного предиката **заменяется** формой прошедшего времени ввиду присущего английскому языку явления согласования времен.

В результате несовпадения темпорально-пространственных полей ИТ и ПТ редуцированный предикат *до получения Вашего распоряжения* в функции обстоятельства времени **заменяется** словосочетанием *at your disposal* в функции обстоятельства места, расширяющего временные рамки выражаемого автором письма коммуникативного намерения. Такая функциональная замена способствует гармонизации темпорально-пространственных смыслов в intersubъективном пространстве переводческого дискурса.

Подводя итог данного исследования, отметим, что все выделенные в русле диалогической переводческой концепции стратегии (десубъективизация, сохранение лица и адаптация темпорально-пространственных смыслов) применяются в целях естественной интеграции ПТ в принимающую культуру и взаимопонимания коммуникантов. Использование данных стратегий для правильного решения переводческих проблем в процессе межкультурного делового общения предусматривается на фазах интерпретации ИТ и порождения ПТ. Тактики и способы реализации диалогических стратегий соотносятся с типом межличностных отношений, формирующихся в intersubъективном пространстве переводческого дискурса. Перспективным является дальнейшее изучение разноуровневых средств диалогизации в переводе текстов, относящихся не только к документным, но и к другим жанрам.

Библиографические ссылки

1. Швейцер АД. *Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты*. Москва: ЛИБРОКОМ; 2009.
2. Львовская ЗД. *Современные проблемы перевода*. Москва: ЛКИ; 2008.
3. Галеева НЛ. *Основы деятельностной теории перевода*. Тверь: Тверской государственный университет; 1997.
4. Волкова ТА. *Дискурсивно-коммуникативная модель перевода*. Москва: ФЛИНТА; 2010. Совместное издание с «Наука».
5. Gile D. *Basic Concepts and Models for Translator and Interpreter Training*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 1995.
6. Злобин АН. *Перевод в когнитивном формате знания*. Саранск: Издательство Мордовского университета; 2012.
7. Селиванова ЕА. Модель перевода в парадигмальном пространстве современной лингвистики. *Культура народов Причерноморья*. 2003;37:79–82.
8. Ковалевская ИИ. Диалогическая стратегия и основные приемы ее реализации при переводе деловых писем. *Вестник БДУ. Серія 4, Філологія. Журналістика. Педагогіка*. 2015;1:35–38.

9. Андриенко ТП. Стратегии перевода в системе переводческой деятельности. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія*. 2014;9:156–158.
10. Фесенко ТА. Лингвоментальная модель перевода. В: Красных ВВ, Изотов АИ, редакторы. *Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 20*. Москва: МАКС Пресс; 2001. с. 58–62.
11. Goffman E. *Interactional Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Doubleday & Company; 1967.
12. Brown P, Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
13. Sdobnikov VV. Strategy and Tactics of Translating Special Texts. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2012;5(6):861–867.
14. Ларина ТВ. Категория вежливости и стиль коммуникации. *Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2009.
15. Комиссаров ВН. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высшая школа; 1990.
16. Strunk JW, White EB. *The Elements of Style*. Massachusetts: Allyn & Bacon; 2000.

References

1. Shvejser AD. *Teoriya perevoda. Status. Problemy. Aspekty* [Theory of translation. Status. Problems. Aspects]. Moscow: LIBROKOM; 2009. Russian.
2. L'vovskaja ZD. *Sovremennye problemy perevoda* [Modern problems of translation]. Moscow: LKI; 2008. Russian.
3. Galeeva NL. *Osnovy deyatel'nostoi teorii perevoda* [The basics of activity translation theory]. Tver: Tver State University; 1997. Russian.
4. Volkova TA. *Diskursivno-kommunikativnaya model' perevoda* [Discourse and communication translation model]. Moscow: FLINTA; 2010. Co-published by the «Nauka». Russian.
5. Gile D. *Basic Concepts and Models for Translator and Interpreter Training*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 1995.
6. Zlobin AN. *Perevod v kognitivnom formate znaniya* [Translation in the cognitive format of knowledge]. Saransk: Mordovia State University; 2012. Russian.
7. Selivanova EA. The model of translation in the paradigm space of modern linguistics. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region]. 2003;37:79–82. Russian.
8. Kovalevskaya II. Dialogue strategy and main methods of implementation. *Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika* [Journal of the BSU. Series 4, Philology. Journalism. Pedagogics]. 2015;1:35–38. Russian.
9. Andrienko TP. Translation strategy in the system of translation activity. *Naukovij visnik Mizhnarodnogo humanitarnogo universitetu. Serija: Filologija* [International Humanitarian University Herald. Philology]. 2014;9:156–158. Russian.
10. Fesenko TA. [Linguistic and mental translation model]. In: Krasnykh VV, Izotov AI, editors. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Vypusk 20* [Language, consciousness, communication. Issue 20]. Moscow: MAKS Press; 2001. p. 58–62. Russian.
11. Goffman E. *Interactional Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Doubleday & Company; 1967.
12. Brown P, Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
13. Sdobnikov VV. Strategy and Tactics of Translating Special Texts. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2012;5(6):861–867.
14. Larina TV. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Politeness category and communication style. Comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi; 2009. Russian.
15. Komissarov VN. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola; 1990. Russian.
16. Strunk JW, White EB. *The Elements of Style*. Massachusetts: Allyn & Bacon; 2000.

Статья поступила в редколлегию 23.03.2018.
Received by editorial board 23.03.2018.

УДК 81'42

МОДЕЛИ РОЛЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ УСТНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

И. В. ТОЛСТОНОГОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется процесс взаимодействия участников устного академического дискурса, его слагаемых и детерминантов. Выявляются и описываются коммуникативные роли преподавателя и студентов, систематизируются закономерности их речевого поведения, выстраиваются соответствующие модели. Каждая модель ролевого взаимодействия участников устного академического дискурса подробно анализируется с точки зрения ее структуры, интенции коммуникантов, средств языковой и речевой репрезентации, частотности использования, объема речевой продукции коммуникантов. Материал исследования – записи практических занятий по английскому языку.

Ключевые слова: устный академический дискурс; коммуникативная роль; взаимодействие; модель; структура; языковые средства; речевой акт.

МАДЭЛІ РОЛЕВАГА ЎЗАЕМАДЗЕЯННЯ ЎДЗЕЛЬНІКАЎ ВУСНАГА АКАДЭМІЧНАГА ДЫСКУРСУ

І. В. ТАЛСТАНОГАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца працэс узаемадзеяння ўдзельнікаў вуснага акадэмічнага дыскурсу, яго складнікаў і дэтэрмінантаў. Выяўляюцца і апісваюцца камунікатыўныя ролі выкладчыка і студэнтаў, сістэматызуюцца заканамернасці іх маўленчых паводзін, будуецца адпаведныя мадэлі. Кожная мадэль ролевага ўзаемадзеяння ўдзельнікаў вуснага акадэмічнага дыскурсу падрабязна аналізуецца з пункта гледжання яе структуры, інтэнцыі камунікантаў, сродкаў моўнай і маўленчай рэпрэзентацыі, частотнасці выкарыстання, аб'ёму маўленчай прадукцыі камунікантаў. Матэрыял даследавання – запісы практычных заняткаў па англійскай мове.

Ключавыя словы: вусны акадэмічны дыкурс; камунікатыўная роля; узаемадзеянне; мадэль; структура; моўныя сродкі; маўленчы акт.

MODELS OF ROLE INTERACTION IN ORAL ACADEMIC DISCOURSE

I. V. TOLSTONOGOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the study of the process of interaction in oral academic discourse, its components and determinants, to the identification and description of communicative roles of a teacher and students, to the systematization

Образец цитирования:

Толстоногова ИВ. Модели ролевого взаимодействия участников устного академического дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3: 59–70.

For citation:

Tolstonogova IV. Models of role interaction in oral academic discourse. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:59–70. Russian.

Автор:

Ирина Викторовна Толстоногова – старший преподаватель кафедры английского языка и речевой коммуникации факультета журналистики.

Author:

Irina V. Tolstonogova, senior lecturer at the department of English language and speech communication, faculty of journalism. irina.tolstonogova.87@mail.ru

of their speech behaviour patterns and to the construction of corresponding models. Each model of role interaction is analyzed from the point of view of its structure, intentions of communicants, means of linguistic and speech representation, frequency of use and speech product volume of communicants. The material of the study is scripts of practical classes in English.

Key words: oral academic discourse; communicative role; interaction; model; structure; linguistic means; speech act.

Введение

Устный академический дискурс интерактивен по своей сути. Однако в лингвистике отдается предпочтение изучению ситуаций монологического характера, что обусловлено предсказуемостью действий адресанта и адресата в таких ситуациях по сравнению с непредсказуемыми, спонтанными, неподготовленными диалогами и тем более полилогами. Комплексное исследование устного академического дискурса с фокусом внимания на взаимодействии коммуникантов является важным и необходимым в настоящее время. Соответственно, **актуальность** данного исследования определяется недостаточной разработанностью **проблемы интеракции** коммуникантов в устном академическом дискурсе, неполным систематическим описанием **лингвокоммуникативных закономерностей** данной интеракции, а также необходимостью изучения **реальных дискурсов** и разработки **реальных моделей взаимодействия** в целях тщательного исследования коммуникативных процессов изучаемого дискурса и применения полученных результатов в образовательном процессе.

Изучение академической коммуникации – сравнительно молодое, но весьма актуальное направление лингвистических исследований. Уже довольно подробно изучены такие стороны академического дискурса, как его институциональный характер и ценности (Я. В. Зубкова), концепты (В. В. Максимов, Е. В. Найден, А. Н. Серебренникова), стратегии (Г. В. Димова, Е. Ю. Дьякова), интонационные особенности (М. Ю. Кушнир, А. Ю. Цымбал), эмоциональные характеристики (К. М. Шилихина), лингвосомиотическая система (Т. Н. Астафурова, И. К. Кириллова, А. В. Олянич), а также характерные черты академической коммуникации в различных странах (Н. Г. Бурмакина, Т. Я. Заглядкина, Ю. А. Мелихан, И. А. Стернин и др.). Развивается жанроведческое направление исследования академического дискурса, рассматривающее характеристики разных жанров и форматов, функционирующих внутри и вне пространства университета (К. С. Ращупкина, Т. А. Филоненко, Ю. Е. Чубарова и др.). Исследуются различные стороны коммуникативного поведения участников академического дискурса – студентов, преподавателей, администрации и т. д. (Т. В. Демидова, О. В. Сергеева, М. С. Силантьева, Ю. С. Фомина и др.). Академическая коммуникация широко изучается и зарубежными лингвистами. В США исследованию академического дискурса посвящены работы А. Морейнен, Р. Симпсон, Дж. М. Суэйльса, Э. Шлифа и других авторов; в Германии – труды Б. Висманн, Я. Кизендаль, Х. Лимберга, А. Реддер, В. Цегерс и др.

Целью настоящего исследования является выявление и описание лингвокоммуникативных моделей ролевого взаимодействия *преподаватель – студент(ы)* в рамках устного академического дискурса.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи**: 1) выявить пары коммуникативных ролей взаимодействия *преподаватель – студент(ы)* с учетом разных коммуникативных ситуаций устного академического дискурса; 2) определить структуру различных моделей взаимодействия *преподаватель – студент(ы)*, в основу которых легли выявленные пары коммуникативных ролей; 3) описать средства языкового выражения моделей ролевого взаимодействия *преподаватель – студент(ы)*; 4) установить речевые акты, при помощи которых репрезентируются модели ролевого взаимодействия *преподаватель – студент(ы)*.

Материалом для данного исследования выступает корпус устных академических текстов, полученный путем диктофонной записи практических занятий по английскому языку со студентами первого и второго курсов неязыковых специальностей различных учреждений высшего образования Республики Беларусь.

Настоящая работа выполнена в русле лингвистики дискурса с привлечением в качестве основных исследовательских методов транскрибирования, анализа коммуникативных ролей, анализа речевых актов, описательного метода, а также моделирования дискурса.

Результаты и обсуждение

В лингвистике сложилось традиционное понимание ролевой структуры коммуникации, в которой участвуют две основные прагматические категории, две базовые роли – говорящий и слушающий (пишущий и читающий). Изучение участников общения в рамках устного академического дискурса (да-

лее – УАД) вполне может укладываться в данную традиционную схему коммуникации. Однако следует учитывать тот факт, что всякая коммуникативная ситуация диктует свой стиль коммуникативного поведения и действий: в каждой из них преподаватель и студенты по-разному «подают» себя, а если эта самоподача неадекватна, взаимодействие затруднено.

Вслед за И. А. Стерниным под **коммуникативной ролью** мы понимаем поведение человека в той или иной коммуникативной ситуации; образ, который создается человеком в процессе общения для достижения определенной цели. Коммуникативная роль складывается из определенных действий, набора жестов, фраз, интонаций, внешности и даже одежды [1, с. 70–71]. Основными компонентами теории ролей являются субъект, объект коммуникации и коммуникативная ситуация, которые совместно уточняют ролевые проявления личности в интеракции [2].

Репертуар коммуникативных ролей гораздо шире, чем набор социальных ролей [1, с. 71]. Так, преподаватель и студенты – это в первую очередь **социальные роли**, связанные с конкретным набором обязанностей и прав. За ними закреплена целая совокупность **коммуникативных ролей**. Отношения социальных и коммуникативных ролей близки и взаимообусловлены в ситуации академической коммуникации. Однако кажущаяся близость между ними не должна заслонять их различия, особенно проявляющиеся в интерактивном плане, когда в процессе общения деятельность исполнителей данных ролей неодинакова [3, с. 15].

Коммуникативная роль – категория парная: каждой роли преподавателя соответствует определенная роль студента (студентов). При всем своем разнообразии набор коммуникативных ролей достаточно четко очерчен. Для изучаемого дискурса это следующие пары коммуникативных ролей:

- 1) инициатор – принимающие инициативу (начало интеракции);
- 2) супервизор – отвечающий (проведение контрольных процедур);
- 3) информатор – воспринимающие (объяснение нового материала);
- 4) организатор – исполнители (организация учебно-практической деятельности студентов);
- 5) наблюдатель – активные коммуниканты (самостоятельная парная или групповая работа студентов).

Речевая деятельность преподавателя и студентов в зависимости от того, какие коммуникативные роли они играют в данной коммуникативной ситуации, осуществляется по определенным моделям. Каждая из них имеет ряд особенностей в плане структуры, интенций, реализуемых средств языковой и речевой репрезентации, частотности использования, объема речевой продукции коммуникантов. Далее рассмотрим специфику каждой из выделенных моделей.

Модель взаимодействия *инициатор – принимающие инициативу*

Данный тип ролевой интеракции реализуется в ситуации перехода от предкоммуникативной фазы общения к непосредственному взаимодействию. **Цель инициатора** – организация рабочей атмосферы, формирование толерантной и комфортной образовательной среды, создание необходимого коммуникативного контекста, установление и поддержание контакта. **Цель принимающих инициативу** – показать готовность к работе.

Структура модели *инициатор – принимающие инициативу* включает в себя следующие компоненты: приветствие, сообщение темы, приглашение к совместной деятельности. Кроме того, могут присутствовать такие дополнительные компоненты, как обсуждение мировых и национальных событий, решение организационных вопросов и др. Рассмотрим подробнее каждый из названных компонентов.

Реализация компонента *приветствие* обычно проходит в ритуализованной форме. **Инициатор** здоровается со студентами, используя этикетные слова и обороты: *Hello!; Hey!; Good morning!; How are you?; Nice to see you; Glad to see you*. К этим словам могут присоединяться обращения: *everyone, guys, Ann*.

На уровне речевых актов реализация коммуникативной роли **инициатора** в этом компоненте происходит через экспрессивы, которые выражают эмоциональное состояние преподавателя (вежливость, радость от встречи со студентами и др.). Экспрессивы могут сопровождаться *вокалом*, который обозначает обращение преподавателя к студентам, разрешение участия в дискурсе, привлечение внимания и др.

Принимающие инициативу реагируют вставанием, что выражает ответное приветствие и готовность к взаимодействию, и иногда произносят хором ответную реплику типа *Fine, thank you! And what about you?* Иными словами, реакция принимающих инициативу преимущественно невербальная (вставание), но иногда она может сопровождаться ответными экспрессивами.

Компонент *сообщение темы* применяется **инициатором** для того, чтобы определить тему занятия, создать установку на восприятие материала и сконцентрировать внимание студентов. Данный компонент вербально проявляется в использовании конструкции *be going to*, слов *today (today's)* и *topic*:

And today we're going to work with... eh... technical English and... eh... to revise grammar 'А сегодня мы поработаем с... эээ... техническим английским и... эээ... повторим грамматику'.

На уровне речевых актов реализация коммуникативной роли **инициатора** в этом компоненте происходит через **к о н с т а т и в ы**, которые выражают утверждение, констатацию факта. Реакция **принимающих инициативу** невербальная.

Приглашение к совместной деятельности осуществляется через использование **инициатором** повелительного наклонения с глаголом *let* и инклюзивным местоимением *us*. Наличие инклюзивных местоимений является важным сигналом взаимодействия говорящего с целевой аудиторией [4] и указывает на активный совместный процесс познания и стремление к кооперации, так как предполагает коммуникативную и деятельностьную общность студентов и преподавателя в сфере близких, дружеских отношений взаимопонимания и взаимовыручки: *So let's begin* 'Итак, начнем'.

На уровне речевых актов реализация коммуникативной роли **инициатора** в этом компоненте происходит через директивный речевой акт – **и н в и т и в**, который выражает приглашение приступить к занятию. Используя инвитив, а не, например, требование, преподаватель ограничивает область прямого директивного воздействия и осуществляет побуждение косвенным путем. Реакция **принимающих инициативу** невербальная.

Далее рассмотрим дополнительные компоненты, которые также входят в структуру модели *инициатор – принимающие инициативу*, но присутствовали не на всех проанализированных занятиях.

В основе дополнительного компонента *обсуждение мировых и национальных событий* лежит ряд вопросно-ответных единств, которые разворачиваются в достаточно длинный полилог, содержащий общие и специальные вопросы преподавателя и краткие ответы студентов. При этом в речи всех коммуникантов присутствует большое количество устно-разговорных элементов, таких как разговорные слова (*yeah, cool*), явления хезитации (вокализация *eh*, незаконченные высказывания), реплики-реакции (междометия *wow, ah* со значением удивления и восторга), неполные предложения («потеря» подлежащего, конструкций *there is / there are*, вспомогательного глагола и др.), наложение реплик коммуникантов, наличие реплик-подхватов, паралингвистические компоненты (смех). Такое разнообразие устно-разговорных элементов говорит о том, что компонент *обсуждение мировых и национальных событий* представляет собой непринужденный и естественный разговор, в котором студенты свободно выражают свое эмоциональное отношение к происходящему.

На уровне речевых актов реализация коммуникативной роли **инициатора** в этом компоненте происходит через **и н т е р р о г а т и в ы**, с помощью которых преподаватель пытается «разговорить» студентов и тем самым создать комфортную атмосферу для дальнейшего взаимодействия. **Принимающие инициативу** реагируют с помощью **к о н с т а т и в о в**, коммуникативно-интенциональное содержание которых заключается в утверждении, констатации факта либо в выражении мнения по тому или иному обсуждаемому событию.

В основе дополнительного компонента *решение организационных вопросов* (например, выяснение, кто отсутствует и почему) также лежит ряд вопросно-ответных единств. Однако в отличие от предыдущего компонента данные единства не разворачиваются в полилог и не включают большого количества устно-разговорных элементов, а представляют собой краткий диалог, состоящий из специальных вопросов преподавателя и кратких ответов студента, обычно дежурного.

На уровне речевых актов реализация коммуникативной роли **инициатора** в этом компоненте происходит через **и н т е р р о г а т и в ы**, которые представляют собой организационные вопросы, направленные не только на получение преподавателем определенной информации, но и на создание рабочей атмосферы на занятии. **Принимающие инициативу** реагируют с помощью **к о н с т а т и в о в**, которые выражают утверждение, суждение студента, констатацию факта по решаемому организационному вопросу.

Частотность использования модели *инициатор – принимающие инициативу* составляет 100 %, на всех проанализированных занятиях в той или иной мере наблюдалась ее реализация. Соотношение объема речевой продукции (количество реплик) преподавателя и студентов составил 68,4 и 31,6 % соответственно.

Модель взаимодействия супервизор – отвечающий

Данный тип ролевого взаимодействия реализуется в коммуникативной ситуации обобщения учебного материала. В качестве примера можно привести опрос, эвристическую беседу, обобщающее повторение, работу на послетекстовом этапе, обсуждение просмотренного видеоролика, т. е. речь идет о коммуникативной ситуации, когда преподаватель выясняет, насколько успешно учебный материал был понят студентами, фактически правильно зафиксирован, адекватно воспринят.

Цель супервизора – контроль, оценка и коррекция деятельности студентов. **Цель отвечающего** – демонстрация уровня усвоения пройденного материала.

Структура модели *супервизор – отвечающий* включает в себя следующие компоненты: запрос информации, получение информации, оценивание.

Реализацию компонента *запрос информации* осуществляет супервизор, который задает вопросы студентам. При этом используется весь спектр вопросительных конструкций:

- специальные вопросы (51,9 % вопросительных конструкций): *So what is a colour wheel? When do we use it?* ‘Итак, что такое «цветовое колесо»? Когда мы используем его?»;
- общие вопросы (18,8 %): *Do you understand why?* ‘Вы понимаете почему?»;
- альтернативные вопросы (1,4 %): *Is it «a lot of words» or «sent to prison»?* ‘Какой вариант: «a lot of words» или «sent to prison»?»;
- разделительные вопросы (1,3 %): *Some of these words... eh... mmm... sound familiar, don't they?* ‘Некоторые из этих слов... эээ... ммм... кажутся знакомыми, не так ли?»;
- вопросы к подлежащему (2,3 %): *Who has translated this word at home?* ‘Кто перевел это слово дома?»

При реализации компонента *запрос информации* отмечается высокая частотность **эллиптических вопросительных предложений** (24,3 %) с пропуском подлежащего, конструкций *there is / there are*, вспомогательного глагола и т. д. Эти конструкции предназначены для экономии речевых средств, большинство из них понятны только в определенном контексте и типизированной ситуации занятия, когда достаточно вербализации немногих ключевых компонентов, чтобы осуществить коммуникацию.

Часто вопросительные конструкции сопровождаются **обращениями**, которые используются **супервизором** для побуждения к ответу определенных студентов. Практически во всех случаях это **обращения по имени**, что является показателем профессиональной компетенции преподавателя, обнаруживает его искреннюю заинтересованность в успехах студентов, веру в их возможности: *What do you mean by intelligence, Ann?* ‘Что вы понимаете под термином «интеллект», Анна?»

Компонент *запрос информации* может содержать побуждение в форме **повелительного наклонения**, которое помогает активизировать внимание и умственную деятельность студента, например, чтобы он вспомнил больше деталей, быстрее отвечал, не подсматривал при ответе, сконцентрировал внимание на чем-либо и т. д. В большинстве случаев данное побуждение представлено инфинитивом глагола без частицы *to* (часто в комбинации с междометием *please*, которое несколько смягчает прямое побуждение).

На уровне речевых актов реализация коммуникативной роли **супервизора** в компоненте **запрос информации** происходит через **интеррогативы**, с помощью которых преподаватель проверяет уровень усвоения студентами пройденного теоретического материала, качество выполнения индивидуальных и коллективных заданий, узнает личное мнение студента по той или иной проблеме, и, реже, **директивы** (требование и просьба), с помощью которых преподаватель активизирует внимание и текущую деятельность студента (студентов) во время осуществления контрольных мероприятий.

Как интеррогативы, так и директивы могут сопровождаться вокативом, который выражает обращение преподавателя к конкретному студенту во время осуществления контрольных мероприятий.

Компонент *получение информации* представляет собой обязательную реакцию отвечающего на вопросы и побуждения супервизора. Реализация данной задачи происходит обычно через следующие средства:

- краткие неразвернутые ответы, с помощью которых выражаются утверждения, суждения студента, констатируются факты и которые на уровне речевых актов представлены **констативами** (*Teacher: What is the function of blood in the respiratory?..* ‘**Преподаватель**: Какова роль крови в дыхательной?..’ (запрос информации). – *Student: Eh... it transport oxygen to-o-o all tissues* ‘**Студент**: Эээ... она транспортирует кровь ко-о-о всем тканям’ (получение информации). – *Teacher: To all tissues of the body. Ok. Good* ‘**Преподаватель**: Ко всем тканям организма. Хорошо’ (оценивание);

- развернутые ответы с использованием доказательств, которые на уровне речевых актов представлены **аргументативами** (по классификации А. А. Романова [5]) и интенционально обусловлены намерением студента убедить в истинности сообщаемого, обосновать какую-либо мысль или действие, разъяснить что-либо и т. д.: *Teacher: Do you have linguistic intelligence?* ‘**Преподаватель**: А у вас есть лингвистические способности?’ (запрос информации). – *Student: I think yes, because I like languages. And I am good at languages. English was my favourite subject at school. A-a-and now it's also one of my favourite subjects* ‘**Студент**: Думаю, да, потому что мне нравятся языки. И языки даются мне легко. Английский был моим любимым предметом в школе. И сейчас это один из моих любимых предметов’ (получение информации). – *Teacher: Good! I agree with you* ‘**Преподаватель**: Хорошо! Я согласна с вами’ (оценивание);

• повествование, рассказ или презентация по той или иной проблеме, которые представлены преподавателю и одногруппникам в виде последовательности образов и которые на уровне речевых актов выражаются *нарративами* (по классификации А. А. Романова [5]): *Teacher: Who can give an example? 'Преподаватель: Кто может привести пример?' (запрос информации). – Student: For example, eh... my teacher of English, till the 8th form, didn't praise me at all. She thought I was stupid, and I was very bad at English. And then I studied one year at... mmm... special school. I worked hard... hard... at my English there. My new teacher liked and praised me a lot. And I was interested in English more and more 'Студент: Например... эээ... моя учительница английского, до 8-го класса, совсем меня не хвалила. Она считала меня глупой, и я не успевала по английскому. А потом в течении года я занималась в... ммм... специализированной школе. И особое внимание я уделяла английскому. Моя новая учительница меня хвалила. И мне становилось все интереснее' (получение информации). – Teacher: So it's an example from the life. Good 'Преподаватель: Итак, это пример из жизни. Хорошо' (оценивание).*

Компонент *получение информации* характеризуется наличием большого количества явлений *хезитации*, которые дают возможность отвечающему сделать паузу, подобрать нужное слово и сформулировать мысль для поддержания дальнейшего общения. Такого рода явления реализуются почти автоматически. Следует отметить, что для изучаемого типа дискурса характерен весьма широкий спектр явлений *хезитаций*: *вокализация* (*eh, ah, mmm*), *удлинение звуков*, *лексико-семантические паузы* типа *well, I don't know*, *непреднамеренные повторы частей слов*, а также *целых слов и словосочетаний*, *незавершенные высказывания*, *самокоррекция*. Во время *хезитации* наблюдаются также *паралингвистические* изменения: *понижается громкость речи* отвечающего.

В компоненте *получение информации* отмечено также наличие достаточно большого количества **вводных конструкций**, функции которых довольно разнообразны: *выражение субъективного отношения* отвечающего к сообщаемому (*to my mind, I think, I guess, as for me*), *оценки достоверности информации* (*of course*), *смысловой связи* данного высказывания с предыдущими или последующими (*as I said, first of all*), *введение примеров* (*for example, in other words*), *обозначение важности* и др.

Существенной особенностью компонента *получение информации* являются *грамматические, лексические и фонетические неточности* в речи отвечающего, которые в большинстве случаев исправляются преподавателем либо самим студентом после замечания.

Преподаватель должен обязательно оценить деятельность студентов, иначе им будет непонятно, как работать дальше. Компонент *оценивание* обычно представляет собой *вербальное определение уровня учебных достижений* отвечающих. Для этого супервизор использует преимущественно *однообразные средства*, которые, с нашей точки зрения, не дают возможности студентам видеть конкретные результаты их деятельности: **специальные оценочные слова** (*ok, good, great, right*), **реплики-реакции** (междометия *uh-huh, aha, ah, oh* и реплики типа *I see*), **повтор слов студента, явление принятия** (*yes, yeah*) / **непринятия** (*no, I don't agree*) **ответа студента**. Во время оценивания наблюдаются также *паралингвистические* изменения: *увеличивается громкость речи* супервизора.

Часто оценивание включает в себя *благодарность*, которая выражается достаточно сдержанно, в основном короткой фразой *Thank you (very much)*. Мотивационная роль реплик благодарности не вызывает сомнения, так как они позволяют отвечающему поверить в свои силы и почувствовать себя более уверенно. Выражение благодарности сопровождается также *восклицательной интонацией*.

На уровне речевых актов реализация коммуникативной роли супервизора в этом компоненте проявляется в использовании речевого акта *оценки* (по классификации Дж. Синклера и М. Култарда – *evaluate* [6], по классификации Т. Ангеловой – *оценка* [7]), с помощью которого преподаватель определяет уровень учебных достижений студентов. Оценка часто комбинируется с *экспрессивом*, который выражает эмоциональное состояние преподавателя (*благодарность за правильный ответ, хорошую работу и др.*).

Результаты анализа показали, что модель *супервизор – отвечающий* является самой частотной в изучаемом типе дискурса.

Внутри данной модели целесообразно выделить три ее подтипа, основанных на реакции отвечающих. В первом подтипе отвечающий реагирует на стимул супервизора с помощью *констативов*. В данном случае соотношение объема речевой продукции (количества реплик) преподавателя и студентов составляет 63,2 и 31,8 % соответственно. Наблюдается явная диспропорция в сторону преподавателя. Это объясняется тем, что студенты чаще дают краткий, неразвернутый ответ, а супервизор, в свою очередь, вынужден задавать дополнительные вопросы, подсказывать, приводить собственные примеры, дополнять ответ студента, делать заключение, т. е. различными способами помогать студентам отвечать на вопросы.

Во втором подтипе рассматриваемой модели отвечающий реагирует на стимул супервизора с помощью *аргументативов*. В данном варианте объем речевой продукции (количество реплик) препода-

вателя и студентов практически равен и составляет 50,6 и 49,4 % соответственно. Это объясняется тем, что студенты дают более развернутые ответы, чем в первом случае, используя доказательства. Однако супервизор все еще играет значительную роль в данном взаимодействии.

В третьем подтипе модели отвечающий реагирует на стимул супервизора с помощью *на р р а т и в о в*. В данном случае соотношение объема речевой продукции (количество реплик) преподавателя и студентов составляет 34,8 и 65,2 % соответственно. Роль супервизора сводится к минимуму и ограничивается лишь краткими комментариями и оцениванием.

Модель взаимодействия *информатор – воспринимающие*

Данный тип ролевого взаимодействия реализуется в ситуации, когда происходит объяснение нового материала. **Цель информатора** – сообщение студентам информации о фактах и событиях объективной реальности. При этом преподаватель одновременно влияет на возможные будущие действия студентов, изменяет их информационное состояние. **Цель воспринимающих**, соответственно, заключается в восприятии и последующем усвоении предоставленной преподавателем информации.

Структура модели *информатор – воспринимающие* включает в себя следующие компоненты: вступление, сообщение информации, обратная связь. Рассмотрим подробнее каждый из названных компонентов.

На основе компонента *вступление у воспринимающих* формируются ожидания от дальнейшего развертывания дискурса. Компонент *вступление* включает одно, реже два предложения и реализуется обычно через следующие средства:

- **односоставные назывные предложения**, в которых **информатор** называет обсуждаемый предмет или явление без использования глагола: *Headline style* ‘Стиль заголовков’;
- глаголы в форме **повелительного наклонения с глаголом *let* и инклюзивным местоимением *us***, с помощью которого **информатор** приглашает студентов к совместному процессу ознакомления с тем или иным предметом или явлением: *Now let's continue. Today we'll speak about types of journalism* ‘Сейчас давайте продолжим. Сегодня мы поговорим о типах журналистики’;
- **предложения с конструкцией *there is / there are***, которую **информатор** употребляет для выражения наличия какого-либо факта или явления, еще неизвестного студентам: *Eh... there is a problem of giving the definition of definition... sorry... of intelligence* ‘Эээ... существует проблема в определении термина «определение»... извините... термина «интеллект»’.

На уровне речевых актов компонент *вступление* реализуется через *з а ч и н* – речевой акт, с помощью которого привлекается внимание к определенной проблеме (по классификации Дж. Синклера и М. Култарда – *starter* [6], по классификации Т. Ангеловой – начало, зачин [7]). Реакция **воспринимающих** невербальная.

Реализация компонента *сообщение информации* может осуществляться тремя различными способами.

Первый способ – передача студентам готовой информации. **Информатор** использует **развернутое нарративное высказывание** в форме рассказа, рассуждения, описания. Эта информация обычно представляет собой заранее подготовленное и обработанное преподавателем сообщение, на построение которого (структура предложений, выбор лексики, жанровое оформление) влияет уровень подготовленности **воспринимающих**.

Иногда передача студентам готовой информации может представлять собой и не запланированные заранее фрагменты текста: это справочная информация, актуальная в конкретный момент взаимодействия коммуникантов, например разъяснение значения незнакомой лексической единицы во время ответа студента.

На уровне речевых актов компонент *сообщение информации* в рассматриваемом случае проявляется в использовании преподавателем *на р р а т и в о в*.

Второй способ реализации данного компонента (наиболее частотный) – сообщение студентам источника информации. **Информатор** использует следующие средства:

- использование глаголов в форме **повелительного наклонения**, которое в большинстве случаев представлено инфинитивом глагола без частицы *to*, что выражает требование или просьбу (в последнем случае наблюдается также использование междометия *please*, которое несколько смягчает прямое побуждение к действию): *Now let's continue. Today we'll speak about types of journalism* ‘Сейчас давайте продолжим. Сегодня мы поговорим о типах журналистики’ (вступление). *So page 9. Please read the introduction by yourself* ‘Итак, страница 9. Пожалуйста, прочитайте самостоятельно вводную часть’ (сообщение информации);
- **сложное дополнение (*complex object*)**, которое выражает косвенное побуждение к ознакомлению с источником информации (*I'd like you to do smth, I want you to do smth* и др.), т. е. преподаватель

использует не повелительное, а изъявительное наклонение, что смягчает категоричность требования, увеличивает степень вежливости: *Different scientists, different famous people, give different definitions of intelligence. I'd like you now to read a text about the definition of intelligence and see, what the problem is, and what definitions... And see, how the... eh... how intelligence can be defined. Open your books at page 45* 'Разные ученые, разные известные люди дают разные определения термину «интеллект». Я бы хотела, чтобы вы сейчас прочитали текст об определении термина «интеллект» и посмотрели, в чем заключается проблема и какие определения... И посмотрели, как... эээ... какие определения интеллекта существуют. Откройте ваши учебники на странице 45';

- **модальные маркеры** *need, have to, should* и другие, с помощью которых преподаватель дает студентам инструкции по работе с источником информации: *We're going to watch a video that will help us discover some useful words. After watching you should do the test. So now find exercise number 7 and look through the questions of the test* 'Мы посмотрим видео, которое поможет нам узнать несколько полезных слов. После просмотра вам нужно будет выполнить тест. Поэтому сейчас найдите упражнение номер 7 и посмотрите вопросы теста'.

На уровне речевых актов компонент *сообщение информации* в этом случае проявляется в использовании преподавателем различных директивных речевых актов (требование, просьба или инструктив), которые направлены на максимальную активизацию внимания и умственной деятельности студентов.

Третий способ (наименее частотный) – добавление новой информации к уже известной. В этом случае используются **вопросно-ответные единства**, содержащие общие и специальные вопросы преподавателя, которые выделяются интонационно, и краткие ответы студентов, которые зачастую дополняются комментариями преподавателя. Иными словами, **информатор** предполагает, что **воспринимающие** уже частично знакомы с новым материалом (например, студенты это уже изучали на других предметах или знают из личного опыта). Развитие дискурса в этом случае происходит на основе чередования известной и неизвестной информации: *Teacher: «A dunce» means... eh... a person who's not intelligent, stupid. Тупица. Eh... «a menial type of job»* [пишет на доске]. *So what kind of job is it? – Student 1: Интеллектуальная, умственная. – Teacher: It's not mental, it's menial. An office guard is a menial type job. – Student 2: Maybe it's a job that doesn't require any specific qualification. – Teacher: Uh-huh. And which is not... eh... valued much. So «menial» means «черная, не требующая высокого мастерства»* 'Преподаватель: «A dunce» означает... эээ... неразумный человек, глупый человек. Тупица. Эээ... «a mental type of job» [пишет на доске]. Итак, это какая работа? – Студент 1: Интеллектуальная, умственная. – Преподаватель: Не «mental», а «menial». Охранник – это «menial» работа. – Студент 2: Может, это работа, которая не требует специальной квалификации. – Преподаватель: Угу. И которая не... эээ... очень ценится. Итак, «menial» означает «черная», не требующая высокого мастерства'.

На уровне речевых актов компонент *сообщение информации* в этом случае проявляется в использовании преподавателем **интеррогативов**, с помощью которых происходит выяснение фоновых знаний студентов, и **констативов**, с помощью которых дополняются и уточняются их ответы. Студенты употребляют **констативы**, которые сообщают о фактах или описывают ситуацию, обстоятельства и т. д.

Во всех перечисленных ситуациях (при передаче готовой информации, сообщении источника информации, добавлении новой информации к уже известной) для речи преподавателя характерны некоторые особенности:

- преподаватель делает акценты для выделения главного в общем потоке информации: использует **намеренные повторы** и такой паралингвистический элемент, как **логическое выделение** голосом ключевых моментов, просит воспринимающих записать и подчеркнуть важную информацию;

- информатор использует внутрифразовые и междфразовые **кодовые переключения** (с английского языка на русский) для объяснения языковых особенностей и трудностей, а также для перевода незнакомых слов и словосочетаний, что делается сознательно для экономии времени и речевых усилий;

- преподаватель использует достаточно большое количество **инклюзивных местоимений** *we, us, our*. Наличие данных лингвистических средств указывает на активный совместный процесс познания. В данном случае также наблюдается явление переноса некоторых особенностей национального коммуникативного стиля одного языкового сообщества на другое. Речь идет о белорусской культуре, представителям которой присущи коллективизм в поведении, совместная, интегративная стратегия, осознание себя частью коллектива, солидарность, общность с остальными. Именно поэтому в речи преподавателя достаточно много инклюзивных местоимений, что нехарактерно для Великобритании, которая относится к индивидуалистскому типу культуры [8].

Акт передачи информации предполагает и процесс декодирования сообщения, который определяется восприятием студентов. Далее следует вербальная и невербальная реакция **воспринимающих** –

обратная связь, – которая делает взаимодействие рассматриваемой пары коммуникативных ролей двусторонним процессом. Наличие обратной связи позволяет преподавателю контролировать результаты своего речевого воздействия на студентов, диагностировать понимание сообщаемой информации и т. д.

Реализация обратной связи обычно проходит с использованием следующих средств:

- **оборотов**, которые указывают на то, что речь идет о собственном мнении воспринимающего, например *to my mind, I think, I guess, as for me* и др. На уровне речевых актов компонент *обратная связь* в этом случае проявляется в использовании констативов, с помощью которых студент выражает свою позицию по поводу полученной информации, и аргументативов, с помощью которых данная позиция обосновывается: *Student: It's very old film [смех]. – Teacher: Yes. – Student: But I think, it's... it's very... mmm... mmm... actual, because we have the same problems today* ‘Студент: это очень старый фильм [смех]. – Преподаватель: Да. – Студент: Но я думаю что он... он очень... ммм... ммм... актуален, потому что и сегодня мы сталкиваемся с теми же проблемами’;

- **уточняющих вопросов**, когда воспринимающий просит о дополнительной информации. На уровне речевых актов компонент *обратная связь* в этом случае проявляется в применении интеррогативов, с помощью которых указывается непонятное место в сообщении или что-либо уточняется: *And what about «long»?* ‘А как образовать от «long»?’;

- **невербальной реакции** (наиболее частотный вариант).

Частотность использования модели *информатор – воспринимающие* составляет в среднем 5 раз на одном практическом занятии. Соотношение объема речевой продукции (количества реплик) преподавателя и студентов составляет 90,2 и 9,8 % соответственно.

Модель взаимодействия организатор – исполнители

Данный тип ролевого взаимодействия реализуется в ситуации организации учебно-практической деятельности студентов и управления ею. **Цель организатора** – основать и упорядочить процесс обучения и общения на практических занятиях, побудить студентов совершить определенные действия, а также объединить и сплотить участников дискурса для выполнения какой-нибудь совместной работы. Деятельность организатора в таком контексте является управленческой. **Цель исполнителей** – понять и выполнить указания организатора.

Структура модели *организатор – исполнители* включает в себя такие компоненты, как инструктирование и обратная связь. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Реализация компонента *инструктирование* осуществляется через императив общения: на практическом занятии **организатор** дает индивидуальные и коллективные задания, говорит **исполнителям**, что делать, предоставляет инструкции к выполнению заданий, предписания и рекомендации.

При осуществлении директивного воздействия **организатор** облакает свою интенцию в определенную вербальную форму:

1) используются глаголы в форме **повелительного наклонения**, которое образуется несколькими способами:

- с помощью инфинитива глагола без частицы *to* (48 % случаев употребления повелительного наклонения): *Discuss the ultimate aims and the established standards of the news journalism* ‘Обсудите основные цели и установленные стандарты новостной журналистики’;

- с помощью глагола *let* и инклюзивного местоимения *us* (24,5 %): *Here let's... let's make a list of positive adjectives* ‘Здесь давайте... давайте составим список положительных прилагательных’;

- с помощью инфинитива глагола без частицы *to* в комбинации с маркером вежливости *please*, который несколько смягчает прямое побуждение (21,7 %): *So do pre-listening exercises, please* ‘Итак, выполните подготовительные упражнения, пожалуйста’;

2) вводятся **модальные маркеры**, выражающие возможность (*can, could, may*): *You can do it together* ‘Вы можете делать это вместе’; долженствование (*must, should, need, have to, be to*): *You should fill in the following table* ‘Вам необходимо заполнить таблицу’;

3) активные структуры заменяются **пассивными**: *So after listening you're asked to complete the summary of the story* ‘А после прослушивания вас просят дополнить краткое изложение рассказа’;

4) употребляются побудительные конструкции, которые содержат глаголы в форме **будущего времени**: *Then... eh... somebody will... eh... speak on business and finance journalism. Somebody will speak about the challenges of investigative journalism* ‘Затем... эээ... кто-нибудь... эээ... расскажет о деловой журналистике. А кто-нибудь о проблемах журналистского расследования’.

В качестве маркеров побудительных высказываний может выступать **обращение** (как к одному лицу – по имени, так и к группе лиц – с использованием лексем *girls, guys, dear students*): *So one person... eh... will be responsible for the information on investigative reporting. Helen, give us just the major... the main information about investigative reporting. And why... Columbia School of... Columbia Graduate*

School of Journalism is good for... eh... studying this specialization 'Итак, один человек... эээ... будет отвечать за информацию по журналистскому расследованию. Елена, предоставьте нам лишь главную... основную информацию по журналистскому расследованию. И почему... Колумбийская школа... Колумбийская высшая школа журналистики хорошо подходит для... эээ... изучения этой специализации'.

Проведенный анализ показал, что иногда **организатор** повторяет свои инструкции несколько раз, а при необходимости особых разъяснений использует кодовые переключения (с английского языка на русский).

Эффективным приемом реализации компонента *инструктирование* являются вопросы типа *Is it ok?* (*Is it clear?*); *Any questions?* (перед выполнением задания). Они позволяют прояснить все непонятные моменты и стимулируют вербальную обратную реакцию студентов: *Are you ready?*; *Can we begin?*; *Have you done?* (после выполнения задания).

Организатор оказывает различного рода директивное воздействие на студентов, чередуя следующие речевые акты (расположены по убыванию частотности реализации в речи):

- **инструктив** (сообщение информации о рациональных способах выполнения задания, последовательности действий, этапах работы и др.);
- **требование** (выражает побуждение к действию в решительной, категорической форме, ему соответствует требовательный тон, нетерпимость к возражениям);
- **инвитутив** (приглашение к совместной работе с тем или иным материалом);
- **просьба** (в ситуациях повседневного общения исполнение просьбы зависит от волевого акта адресата; в изучаемом дискурсе предполагается обязательное выполнение студентами просьбы организатора; одним из способов повышения директивной иллюкутивной силы просьбы является, например, такое паралингвистическое изменение, как повышение громкости голоса);
- **разрешение** осуществления студентами какого-либо действия.

Все перечисленные речевые акты могут комбинироваться с **вокативом**, который выражает обращение преподавателя к студентам в целом или к конкретному студенту во время организации учебно-практической деятельности.

Возможно также наличие **интеррогативов**, с помощью которых преподаватель стимулирует вербальную обратную реакцию студентов.

Несмотря на кажущуюся однонаправленность, взаимодействие *организатор – исполнители* может реализовываться только в составе двустороннего акта коммуникации. Другими словами, роль студентов не ограничивается пассивным восприятием – они имеют право реагировать на полученную инструкцию, что ведет к возникновению диалога. Результаты восприятия, интерпретации и понимания заданий **организатора** проявляются в вербальной или невербальной реакции исполнителей.

Вербальная реакция проявляется в использовании **уточняющих вопросов**, когда исполнитель просит о дополнительной информации. На уровне речевых актов компонент *обратная связь* в этом случае проявляется в применении **интеррогативов**, с помощью которых указывается непонятное место в инструкции или что-либо уточняется: *Student: A pisat'ь kratko?* – *Teacher: Use English, please.* – *Student: Eh... should we write... eh...* – *Teacher: Yes, you should write briefly* 'Студент: А писать кратко? – Преподаватель: Говорите по-английски, пожалуйста. Студент: Эээ... мы должны писать... эээ... – Преподаватель: Да, вам следует писать кратко'.

При этом невербальная реакция является более частотным вариантом реализации компонента *обратная связь*.

Отмечено, что в большинстве случаев студенты некритично воспринимают речевое сообщение **организатора** и после компонента *обратная связь* приступают непосредственно к выполнению того или иного задания.

Модель *организатор – исполнители* использовалась в среднем 9 раз на отдельно взятом практическом занятии. Соотношение объема речевой продукции (количества реплик) преподавателя и студентов составляет 96,1 и 3,9 % соответственно. Наблюдается несомненный приоритет преподавателя, и это вполне предсказуемо, так как только преподаватель может организовать и упорядочить процесс обучения и общения на практическом занятии.

Модель взаимодействия *наблюдатель – активные коммуниканты*

Данный тип ролевого взаимодействия реализуется во время выполнения студентами самостоятельной парной или групповой деятельности. В данной коммуникативной ситуации преподаватель часто ходит по аудитории, тактично вмешивается в беседу, помогая студентам, делая замечания, подсказывая идеи и новые языковые единицы. Студенты, в свою очередь, в процессе самостоятельной совместной

работы обмениваются идеями, мнениями, информацией, учатся друг у друга, при этом активны все участники общения.

Цель наблюдателя – регулировать процесс протекания коммуникации, устранять «препятствия» на пути познавательной деятельности студентов. **Цель активных коммуникантов** – реализация планируемой познавательной деятельности путем активного общения в паре (группе).

Структура модели *наблюдатель – активные коммуниканты* включает в себя такие компоненты, как контроль над деятельностью и обратная связь. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Компонент *контроль над деятельностью* реализуется **наблюдателем**, который не принимает активного участия в общении, но тщательно фиксирует то, как происходит взаимодействие членов пары (группы), и при необходимости вмешивается в ход работы. Наблюдатель не навязывает студенту своих знаний, а лишь направляет его познавательную деятельность в нужное русло.

Речь наблюдателя отличается довольно разнообразным арсеналом языковых средств, употребление которых зависит от того, какую конкретную цель ставит перед собой преподаватель, вмешиваясь в работу студентов. Наблюдатель может иметь следующие цели:

1) требование выполнения действия, вербально проявляющееся в использовании глаголов в форме **повелительного наклонения**, которое образуется с помощью **инфинитива без частицы to**: *It's ok if you talk aloud. Absolutely ok. So share your ideas* 'Хорошо, если вы будете, говорите вслух. Очень хорошо. Делитесь своими идеями друг с другом';

2) просьба выполнить действие, выражаемая с помощью формы глагола **повелительного наклонения**, которое образуется с помощью **инфинитива глагола без частицы to в комбинации с междометием please**: *Are you speaking Russian? Speak English, please!* 'Вы общаетесь на русском? Говорите по-английски, пожалуйста';

3) эмотивная оценка, вербально проявляющаяся в употреблении различных конструкций, которые часто содержат эмоциональный подтекст, – **реплик-реакций** (междометие *uh-huh*), **слов положительной оценки** (*ok, good, great, right*), **конструкций, выражающих похвалу, восхищение** и др.: *Uh-huh. Good job!* 'Угу-угу. Молодцы!';

4) получение информации по поводу возникших у студентов проблем и разрешение различного рода вопросов с помощью **вопросно-ответных единств** (*Teacher: Any problems with translation? – Student: Yes. This word. – Teacher: Mmm... «prestine» means... eh... 'чистый, неиспорченный'. Uh-huh. Anything else? – Student: No 'Преподаватель: Есть вопросы? – Студент: Да. Это слово. – Преподаватель: Ммм... «prestine» значит... эээ... чистый неиспорченный. Угу. Что-нибудь еще? – Студент: Нет*');

5) выражение совета и рекомендации, вербально проявляющиеся в использовании следующих средств:

- предложений с **модальными глаголами и выражениями should, ought to и had better**: *You'd better put down your ideas* 'Будет лучше, если Вы запишете свои идеи';

- предложений с **глаголами recommend, advise** и др.: *I advise you to consult a dictionary about the meaning of this word* 'Я советую вам уточнить в словаре это слово'.

Речь наблюдателя обладает инвариантной речеактовой спецификой, в ней представлены следующие речевые акты (расположены по убыванию частотности реализации в речи):

- директивный речевой акт **требование** (выражает побуждение к действию в решительной, категорической форме);

- директивный речевой акт **просьба** (предполагает обязательное выполнение побуждения к действию);

- **экспрессив и оценка** (используются для стимулирования студентов к позитивной учебной деятельности);

- директивный речевой акт **совет** (с его помощью преподаватель дает различного рода рекомендации для того, чтобы сделать процесс совместной работы студентов более эффективным);

- **интеррогативы** (с их помощью происходит запрос информации по поводу возникших у студентов проблем во время самостоятельной парной или групповой работы) и **констативы** (помогают решить возникшие проблемы).

Как уже отмечалось выше, студенты в роли **активных коммуникантов**, работая самостоятельно в парах либо малых группах, свободно общаются друг с другом. Преподаватель в роли наблюдателя внимательно следит за работой студентов и при необходимости вмешивается в их беседу, осуществляя контроль за их деятельностью. Результаты данного «вмешательства» проявляются в действиях и вербальной либо невербальной реакции активных коммуникантов, что, в свою очередь, формирует компонент *обратная связь*.

В связи с тем, что во время реализации рассматриваемой модели все студенты говорят одновременно, фиксация конкретных примеров вербального проявления данного компонента затруднена. Однако очевидно, что главными участниками взаимодействия являются именно студенты, а преподаватель лишь поддерживает обсуждение уточняющими репликами, наводящими вопросами, обращает внимание на оригинальные мнения, спорные проблемы, снимает возникающее напряжение.

Частотность использования модели *наблюдатель – активные коммуниканты* невысокая: в среднем применяется три раза на отдельно взятом практическом занятии.

Заключение

Рассмотренные выше модели отражают неоднородность взаимодействия *преподаватель – студент (студенты)*, для которого характерны различные комбинации коммуникативных ролей в зависимости от коммуникативной ситуации общения. Такой анализ речевой активности участников общения способствует тщательному исследованию коммуникативных процессов и дает возможность увидеть и оценить как положительные, так и отрицательные стороны изучаемого взаимодействия и скорректировать деятельность преподавателя для осуществления более эффективной коммуникации на занятиях по иностранному языку в конкретной коммуникативной ситуации.

Библиографические ссылки

1. Стернин ИА. *Введение в речевое воздействие*. Воронеж: Издательство ВГУ; 2001.
2. Кравченко НК. Коммуникативная роль [Интернет] [процитировано 11 декабря 2016 г.]. URL: <http://discourse.com.ua/kommunikativnaya-rol/>.
3. Комина НА. Дискурсивная модель педагогической коммуникации. Тверь: Научная книга; 2009.
4. Hyland K. Authority and Invisibility: Authorial Identity in Academic Writing. *Journal of Pragmatics*. 2002;34(8):1091–1112. DOI: 10.1016/S0378-2166(02)0035-8.
5. Романов АА. *Системный анализ регулятивных средств диалогического общения*. Москва: Институт языкознания Академии наук СССР; 1988.
6. Coulthard M. *An Introduction to Discourse Analysis*. London: Longman; 1985.
7. Ангелова Т. Речевой акт в педагогической коммуникации (на материале болгарского языка). В: *Доклады международной конференции «Диалог-2003»* [Интернет] [процитировано 13 февраля 2018 г.]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2602/angelova.pdf>.
8. Чалдини Р. *Социальная психология*. Санкт-Петербург: ПРАЙМ-Еврознак; 2002.

References

1. Sternin IA. *Vvedenie v rechevoe vozdeistvie* [Introduction to linguistic manipulation]. Voronezh: VSU Publishing House; 2001. Russian.
2. Kravchenko NK. Communicative role [Internet] [cited 2016 December 11]. Available from: <http://discourse.com.ua/kommunikativnaya-rol/>. Russian.
3. Komina NA. *Diskursivnaya model' pedagogicheskoi kommunikatsii* [Discursive model of pedagogical communication]. Tver: Nauchnaya kniga; 2009. Russian.
4. Hyland K. Authority and Invisibility: Authorial Identity in Academic Writing. *Journal of Pragmatics*. 2002;34(8):1091–1112. DOI: 10.1016/S0378-2166(02)0035-8.
5. Romanov AA. *Sistemnyi analiz regulativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya* [System analysis of regulatory means of dialogical communication]. Moscow: Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of USSR; 1988. Russian.
6. Coulthard M. *An Introduction to Discourse Analysis*. London: Longman; 1985.
7. Angelova T. [Speech Act in Pedagogical Communication (on the material of the Bulgarian language)]. In: *Doklady mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2003»* [Reports of international conference «Dialogue-2003»] [Internet] [cited 2018 February 13]. Available from: <http://www.dialog-21.ru/media/2602/angelova.pdf>. Russian.
8. Cialdini R. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Saint Petersburg: Prime-Euroznak; 2002. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.03.2018.
Received by editorial board 21.03.2018.

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛОГИКИ И ЛИНГВИСТИКИ: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИНТЕЗА

В. Ю. КОСТЮЧЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечено, что модальные категории в логике и языкознании сопоставимы: категориям, выработанным в логике (значениям логической модальности), соответствует определенный состав языковых средств (грамматических и лексических). Показано, что пять крупных категорий модальной логики (познавательная, деонтическая, аксиологическая, телеологическая и метаязыковая модальность), которые коррелируют с предлагаемой систематизацией лингвистических разрядов модальных значений, различаются по своей лексической манифестации. Утверждается, что телеологическая модальность представлена в виде модально маркированных речевых актов и иллокутивных глаголов, называющих речевые акты. Выделены две подгруппы познавательной модальности: эпистемическая и алетическая модальность (первая выражается предикатами со значением мышления, знания, предположения, вторая – вводными (модальными) словами со значением уверенности, предположения, допущения, сомнения). Указано, что деонтическая модальность представлена словами с семантикой ‘можно’, ‘нельзя’, ‘надо’, ‘обязан’, ‘разрешено’, ‘запрещено’. Аксиологическая модальность выражается оценочными прилагательными и наречиями, вводными словами и оборотами, глаголами и предикатами, передающими эмоции и чувства, основанные на положительной или отрицательной оценке объекта. Метаязыковая модальность выражается особым классом вводных слов и оборотов, а также глаголами комментирования. Предлагаемый подход позволяет систематизировать разноречивые и в неодинаковой степени подробные классификации модальных значений с более широкими позициями, способствует выработке определенной системы модальности.

Ключевые слова: модальность; модальные категории в логике и лингвистике; познавательная модальность; алетическая модальность; эпистемическая модальность; деонтическая модальность; аксиологическая модальность; телеологическая модальность; метаязыковая модальность; модальные значения.

КАТЭГОРЫЯ МАДАЛЬНАСЦІ З ПУНКТА ГЛЕДЖАННЯ ЛОГІКІ І ЛІНГВІСТЫКІ: ПАДАБЕНСТВА, АДРОЗНЕННІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ СІНТЭЗУ

В. Ю. КАСЦЮЧЭНКА^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Адзначана, што мадальныя катэгорыі ў логіцы і мовазнаўстве супастаўляльныя: катэгорыям, выпрацаваным у логіцы (значэнні лагічнай мадальнасці), адпавядае пэўны склад моўных сродкаў (граматычных і лексічных). Паказана, што пяць буйных катэгорый мадальнай логікі (пазнавальная, дэантычная, аксіялагічная, тэлеалагічная

Образец цитирования:

Костюченко В.Ю. Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3:71–82.

For citation:

Kastsichenka VY. Category of modality from the point of view of logic and linguistics: similarities, differences and prospects for synthesis. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:71–82 Russian.

Автор:

Виктория Юрьевна Костюченко – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Б. Мечковская.

Author:

Viktoryia Y. Kastsichenka, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology. vk-82@tut.by

і метамоўная мадальнасць), якія карэлююць з прапанаванай сістэматызацыяй лінгвістычных разрадаў мадальных значэнняў, адрозніваюцца па сваёй лексічнай маніфестацыі. Прапанаваны падыход дазваляе сістэматызаваць супярэчлівыя і ў рознай ступені падрабязныя класіфікацыі мадальных значэнняў з больш шырокіх пазіцый, спрыяе выпрацоўцы пэўнай сістэмы мадальнасці.

Ключавыя словы: мадальнасць; мадальныя катэгорыі ў логіцы і лінгвістыцы; пазнавальная мадальнасць; эпістэмічная мадальнасць; алетычная мадальнасць; дэантычная мадальнасць; аксіялагічная мадальнасць; тэлеалагічная мадальнасць; метамоўная мадальнасць.

CATEGORY OF MODALITY FROM THE POINT OF VIEW OF LOGIC AND LINGUISTICS: SIMILARITIES, DIFFERENCES AND PROSPECTS FOR SYNTHESIS

V. Y. KASTSIUCHENKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Modal categories in logic and linguistics are comparable. Two aspects of the category of modality are correlated in such a way that a certain composition of language means (grammatical and lexical) corresponds to the categories developed in logic (meanings of modal logic). Thus, the five major categories of modal logic (cognitive modality, deontic modality, axiological modality, teleological and metalanguage modality) which correlate with the systematization of linguistic categories of modal meanings proposed in the article, differ in their lexical manifestation, namely, teleological modality is represented in two forms: modally marked speech acts; illocutionary verbs, which define speech acts. Cognitive modalities are divided into two subgroups: epistemic modality, which is expressed by predicates with the meaning of thinking, knowledge, assumption and alethic modality that is expressed by parenthetical words and phrases with the meaning of confidence, assumption, doubt. Deontic modality is represented by words with the semantics 'can', 'can not', 'must', 'allowed', 'prohibited'. The axiological modality is expressed by: evaluative adjectives and adverbs; parenthetical words and phrases; verbs and predicates expressing emotions and feelings based on positive or negative evaluation of the object. Metalanguage modality is expressed by a special class of parenthetical words and phrases, as well as verbs of commenting. The proposed approach allows to systematize contradictory and in various degree detailed classifications of modal meanings from a wider position, contributes to the development of a certain system of modality.

Key words: modality; modal categories in logic and linguistics; cognitive modality; alethic modality; epistemic modality; deontic modality; axiological modality; teleological modality; metalanguage modality; modal meanings.

1. Античные мыслители о модальности в жизни, познании и языке. Модальность (от лат. *modus* – мера, способ) – одна из базовых категорий языка, мышления и логики, выражающая то, каким, с точки зрения говорящего, является отношение содержания высказывания к действительности. В разных формах категория модальности присутствует в разных языках. Это положение на многие годы определило интерес к ней и способствовало ее многоаспектному изучению. Широта и разноплановость категории модальности связана с тем, насколько многолико она проявляется в нашей жизни. Когда люди планируют действия, строят догадки, высказывают предположения, отдают приказы и распоряжения, просят или советуют, выражают желания, упрекают, то делают как раз то, что имеет отношение к категории модальности. Она отражает различные взаимосвязи действий, событий и фактов к реальности: «Действия или события могут происходить в действительности; могут быть вероятны, возможны; некто может быть обязан (вынужден, должен) или может хотеть (желать, стремиться) осуществить действие или сделать так, чтобы действие осуществилось (попросить, приказать, вынудить, убедить, помочь, не препятствовать)» [1, с. 194].

Если обратиться к толкованиям лексемы «модальность» в общем словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, логическое и лингвистическое определения предстанут как очень близкие, но с одним четким различием. Модальность в логике – это «категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания»; модальность в лингвистике – это «грамматическая категория, выражающая формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т. п. отношение говорящего к содержанию высказывания» [2, с. 550]. Назначение категории модальности одинаково как для языковедов, так и для логиков, однако для лингвистов важен состав языковых средств, выражающих модальные значения.

Проблематика модальной логики зародилась в глубокой древности. Впервые о модальности, т. е. о том, какими, с точки зрения говорящего, бывают отношения их речей к реальности, еще до Аристотеля писал Протагор из Абдеры, «виднейший, а может быть и первый софист» [3, с. 467]. Его сочинение «Наука спора» не сохранилось, но спустя семь веков Диоген Лаэртский в энциклопедическом своде «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (рубеж II и III вв. н. э.) указывал, что «Протагор первым разделил речь на четыре (вида): *просьба, вопрос, ответ, приказание* – и назвал их разветвлениями речей» [4, с. 33]. «Разветвления» Протагора с точки зрения современной лингвопрагматики соответствуют широким модальным классам речевых актов, которые различаются по цели, которую говорящий осуществляет, сообщая то или иное высказывание. Это положило начало лингвистической прагматике задолго до появления термина «прагматика» в семиотике Чарльза Пирса и до бурного развития исследований языкового общения в современной истории. Профессор Н. Б. Мечковская подчеркивает, что «в истории осмысления коммуникации и языка принципиально важна сама идея разнообразия и варьирования речи, наличия разных целей, способов, манер, стилей общения» [5, с. 71]. Таким образом, еще до того, как человек обратил внимание на лексику и грамматику языка, его заинтересовал сам процесс общения, возник вопрос о том, как при помощи речи выражаются разные коммуникативные намерения (иллокуции).

В теории познания и логике основы учения о модальности были заложены Аристотелем в его работах «Аналитики», «Метафизика», в трактате «Об истолковании имен». Термин «модальность» в этих работах не встречается, Аристотель использовал слово *ἑκκλίσις* 'склонность, наклонность' и связывал его с тем, насколько говорящий *склонен* считать свою мысль (например, вывод из силлогизма) достоверной. В латинско-русском словаре термин *modus* в своем 11-м значении определяется как 'наклонение' [6, с. 490]. Позже в александрийских греческих грамматиках (II в. до н. э.) и затем в римских латинских и последующих средневековых грамматиках аристотелевское обозначение познавательных модальностей словом *ἑκκλίσις* стало основой представлений о наклонениях глаголов, понимаемых как разные по отношению к реальности «наклоны» действия, о котором сообщается в речи. Первое определение глагольного наклонения отмечено в анонимной александрийской грамматике: «Наклонением называется форма слова, показывающая, каково душевное движение» [4, с. 125] (ср. также близкую к нему дефиницию, построенную на внутренней форме определяемого термина: «Наклонение – душевное намерение, т. е. к чему наклонна душа» [4, с. 125]). В первой сохранившейся александрийской грамматике греческого языка Дионисия Фракийца (II в. до н. э.) категория глагольного наклонения не определяется, но зато дан перечень наклонений, вполне сопоставимый с современной лингвистической терминологией: «Наклонений пять – изъявительное, повелительное, желательное, подчинительное, неопределенное» [4, с. 125].

Аристотель выделял такие модальные значения, как «необходимо», «возможно», «невозможно», «случайно». Согласно подходу Аристотеля, «всякая посылка есть или посылка о том, что присуще; или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще; и из этих суждений в зависимости от того, приписывается ли что-либо в них или не приписывается, одни утвердительные, другие отрицательные; и далее, из утвердительных и отрицательных одни – общие, другие – частные, третьи – неопределенные» [7, с. 11]. Аристотель выделял аподиктические суждения (от греч. *apodeikticos* – доказательный, убедительный) – это безусловно достоверные, неопровержимые суждения, основанные на необходимости, и суждения диалектические, т. е. не исключающие возможности, противоположной тому, что в них утверждается, истинность которых устанавливается путем размышления и рассуждения, т. е., по Аристотелю, «диалектически». В современной теории познания противопоставление двух логических «наклонений» Аристотеля соответствует базовой оппозиции достоверного (доказанного) знания и предположения (допущения, гипотезы), а также коррелируют с эпистемическими и алетическими модальностями современной модальной логики. Таким образом, многие понятия современной логики берут свое начало в учениях античных и средневековых логиков: «Модальная логика – одно из направлений современной неклассической логики, в котором исследуются высказывания с такими функторами, как “необходимо” и “возможно” и др.» [8, с. 358]. Более широкий подход к категории модальности представлен в работах А. А. Ивина: «Модальность – оценка связи, устанавливаемой в высказывании, данная с той или иной точки зрения» [9, с. 516]. Модальная конкретизация осуществляется чаще всего путем использования понятий «необходимо», «возможно», «доказуемо», «опровержимо», «обязательно», «разрешено», «хорошо», «плохо» [9, с. 516]. В настоящее время модальная логика, ставшая с середины XX в. университетской дисциплиной, продолжает развиваться и обогащаться новыми модальными значениями и категориями: «В последние десятилетия модальная логика бурно разрастается, включая в свою орбиту все новые группы модальных понятий. Существенно усовершенствованы способы ее обоснования. Это придало модальной логике новый динамизм и поставило ее в центр современных логических исследований» [9, с. 516].

Состав и группировка видов модальности в разных логических работах варьируются. Как отмечали авторы «Словаря по логике», «из разнообразных возможных типов модальных оценок она (модальная логика. – В. К.) выбирает немногие, наиболее интересные» [10, с. 205]. В данной статье рассматриваются те виды модальности, которые регулярно присутствуют в повседневном общении: познавательная (алетическая и эпистемическая), деонтическая, аксиологическая, метаязыковая, телеологическая модальность.

2. Модальные значения в языке: множественность лингвистических классификаций и поиски объединяющих концепций. Под влиянием трудов Аристотеля в XIII–XIV вв. возникло направление, представители которого известны как модисты. Их важной заслугой является выделение диктума и модуса, т. е. объективной константы высказывания и его субъективной переменной: модисты «увидели, что в высказывании есть два содержательных плана – “сказанное” (лат. *dictum*), т. е. объективное содержание, которое относится к реальности непосредственно, и “отношение говорящего к сказанному” (лат. *modus* – ‘способ (отношения)’), т. е. субъективно-оценочный компонент содержания» [5, с. 137]. Различение диктума и модуса в логике схоластов оказало глубокое влияние на развитие логической и лингвистической мысли. Эти же термины в начале XX в. использовал для объяснения своей концепции Ш. Балли, развивая тем самым идеи модистов. Он писал о двух составляющих плана содержания высказывания: диктуме (предметно-информационная составляющая) и модусе (субъективно-эмоциональная составляющая), т. е. противопоставлял фактическое содержание и индивидуальную оценку излагаемых фактов. В модусе Ш. Балли видел «душу предложения», его «главную часть», «без которой вообще не может быть предложения» [11, с. 44]. В британской аналитической философии противопоставление диктума и модуса выражается терминами «пропозиция» и «пропозициональная установка». С ними связано и введенное А. Вежбицкой в концептуальный аппарат семантики понятие модальной рамки. Концепция Ш. Балли об обязательном соединении в высказывании объективных и субъективных элементов смысла представлена и в формуле Ч. Филлмора: *предложение* = *модальность* + *пропозиция* [11, с. 404].

В советском языкознании внимание к когнитивным и прагматическим аспектам модальности привело к постановке вопросов об универсальности категорий мышления и их соответствиях в языках мира (исследования И. И. Мещанинова 1940-х гг. о распространенных в языках мира грамматических значениях, которые вслед за О. Есперсеном советский ученый называл «понятийные категории»). По мнению И. И. Мещанинова, модальность относится к понятийным категориям, которые прослеживаются в самом языке (в его лексике, морфологии и синтаксисе), выражая мышление (сознание) людей и образуя определенную систему: «Всякое понятие, существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может быть передано семантикою отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать в ней определенную систему. В последнем случае выступает понятийная категория. Она передается не через язык, а в самом языке» [13, с. 15]. Понятийные категории дают возможность проследить связь между языковым материалом и общим строем человеческого мышления. Эти категории выражаются при помощи различных языковых средств: они могут иметь грамматическое оформление или передаваться лексическими средствами, однако разница в формальной стороне не обязательно приведет к семантическим различиям. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» приводится следующее определение: «Понятийные категории в языкознании – смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами» [14, с. 385]. Понятийный характер категории модальности во многом объясняет ее сложность и многоплановость. Таким образом, к середине XX в. появились работы о языковых категориях, которые меняют привычные границы между грамматическими разрядами и открывают связи между явлениями, принадлежащими разным языковым уровням. Пересматриваются принципы выделения базовых грамматических и синтаксических категорий.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. В. В. Виноградов в ряде работ показал функциональную общность четырех разноуровневых классов языковых явлений, объединенных своим модальным назначением: это, во-первых, грамматическая категория глагольного наклонения (впервые ее выделили еще александрийские грамматики); во-вторых, лексический класс так называемых вводных слов (это название отражает их синтаксическое своеобразие: они не являются членами предложения), объединенных своим модальным назначением (отсюда их второе название – «модальные слова»); в-третьих, слова категории состояния, выражающие возможность, необходимость действия или эмоциональное отношение к действию или объекту; в-четвертых, «частицы речи» (*дескать, мол, только, же*) – «полуслова», которые грамматики долгое время вообще «не хотели замечать» и не считали «полноценной» частью речи, пока не увидели их высокую частотность в живой речи и обязательную модально-эмоциональную нагруженность [15].

Трактовка модальности в современном языкознании необычайно широка, объем этого понятия и охват им языковых явлений не совпадают в концепциях разных авторов. В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) модальность представлена обширным классом разнообразных и разноуровневых средств выражения модальных значений (интонация, словопорядок, частицы, модальные слова, междометия, повторы, фразеологизированные предложения). Все эти модальные классы объединяет значение усиления (подчеркивания, акцентирования), экспрессивной оценки, уверенности или сомнения. В «Русской грамматике» (1980) категория модальности представлена более детально: в издании подробно описаны лексемы с семантикой желания, долженствования, необходимости или вынужденности, готовности, выражаемые посредством предикативов и кратких прилагательных, рассматривается вопрос об отнесенности значений утверждения/отрицания к категории модальности, проводится анализ модальных значений вопросительных высказываний. Особое внимание в издании уделяется оценочным высказываниям, которые делятся на оценочно-характеризующие и собственно-оценочные [16, с. 214–216]. Таким образом, в грамматике приводится подробное описание средств выражения модальных значений, однако эта классификация является максимально обобщенной. Еще больше варьируются количество и состав модальных значений, выделяемых исследователями модальности как в грамматике, так и в лексике. Количество семантических разрядов вводных слов в разных грамматиках различно: в работе В. В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» выделены 12 основных разрядов слов и частиц [15, с. 603–607]; в «Русской грамматике» (1980) среди «субъективно-модальных значений, выражаемых вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями» Н. Ю. Шведова указала семь «обобщенных значений» [16, с. 229–230].

Согласно концепции модальности, разработанной в исследованиях по функциональной грамматике представителями ленинградской (петербургской) школы А. В. Бондарко, в поле категории модальности входят следующие модальные значения: 1) оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/нереальности, выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола; 2) оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности, выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами; 3) оценка говорящим степени уверенности в достоверности сообщаемого; 4) значения, по которым дифференцируются различные виды коммуникации, т. е. сообщение, вопрос и побуждение; 5) утверждение и отрицание, по которым дифференцируются утвердительные и отрицательные предложения; 6) эмоциональное отношение говорящего к содержанию сообщения [17, с. 67–68]. Многие ученые не разделяют такое широкое понимание модальности. В частности, В. З. Панфилов писал, что эти разноплановые явления не могут быть объединены в пределах одной языковой категории: «Коммуникативная установка говорящего, его эмоциональное отношение к содержанию высказывания и субъективная модальность, хотя и могут быть отнесены к актуализирующим компонентам высказывания, однако их языковая природа и их роль в конституировании структуры предложения настолько различны, что объединять их в пределах одной грамматической или лексико-грамматической категории модальности не представляется возможным» [18, с. 47–48].

Внутри представленной классификации также нет однозначности. Отношение к категории оценочности разных лингвистов принципиально различается. Некоторые языковеды видят в ней семантическую основу модальности, так как соотнесение содержания с действительностью само по себе является оценкой этой действительности. Так, М. В. Ляпон отмечал, что «субъективно-оценочная основа категории модальности обязывает учитывать эмоциональный элемент в отношении субъекта к информации» [19, с. 232]. Сужая в некотором смысле значимость оценочности для категории модальности, А. В. Бондарко подчеркивает, что нельзя исключать оценочность при рассмотрении модальности, однако целесообразно рассматривать ее как особую семантико-прагматическую сферу, т. е. речь может идти лишь о периферии модальности [17]. Не включает оценочные модальные значения в область модальности А. Б. Шапиро: «Ничего общего со средствами выражения модальности в предложении не имеют те языковые средства, при помощи которых выражаются эмоции говорящего, а также экспрессивная окраска высказываний» [20, с. 26]. Значение утверждения/отрицания также не относится к числу модальных многими исследователями. Например, Б. А. Плотников утверждал, что явление утверждения/отрицания имеет область пересечения с модальным аспектом реальности/ирреальности, но его отнесение «к сфере модальности нельзя считать общепризнанным, поскольку оно находится как бы в другой плоскости, в ином измерении по отношению к позиции говорящего, которое и создает смысловое ядро рассматриваемой языковой категории» [21, с. 31]. Сложность классификации модальных значений состоит в том, что, выделяемые по разноаспектным признакам, они частично пересекаются, так что возможны случаи, когда одно и то же значение (в зависимости от того, в каком аспекте оно рассматривается) в рамках одной работы включается в разные ряды.

Лингвист А. В. Зеленщиков предлагает модель модальности, которая представлена взаимодействием трех противопоставлений, каждое из которых выполняет свою семантическую функцию: а) дескриптивность (отражает уровень достоверности высказывания) / креативность (нечто подлежащее осуществлению, способное к реализации); б) реальность (мир интерпретации одновременно является действительным миром) / ирреальность (мир совпадает с каким-либо возможным миром, принадлежащим множеству миров) / виртуальность (действительный мир не включается в множество миров); в) возможность (представляет описываемое положение дел как одно из многих, не менее возможных положений дел) / необходимость (описываемое положение дел как единственное из всех возможных, как неизбежное следствие или результат сложившихся обстоятельств) [22, с. 117, 129–130, 140]. Однако в данном представлении границы модальности довольно размыты, нет однозначного понимания этих оппозиций, составляющих основу категории модальности.

В английском языкознании исследования данной категории не менее многочисленны и разноречивы, чем в русской лингвистической традиции. Состав модальных категорий в концепциях разных авторов варьируется от двух до семи классов. В книге П. Портнера (*Paul Portner*) «Модальность» (*Modality*, 2009) отмечено, что наиболее распространенными являются два подхода: а) противопоставление эпистемической (*epistemic*) и неэпистемической (*root*) модальности (к последней относятся все остальные категории модальности); б) оппозиция трех категорий: эпистемической, деонтической (*deontic*) и динамической (*dynamic*) модальности, выражающей возможность [23, р. 136]. Сам П. Портнер полагает, что категория модальности представлена следующими классами: эпистемическая, деонтическая модальность, модальность желания, телеологическая, волевая (*volitional*) и квантификационная (*quantificational*) модальность (последние два класса выражают возможность) [23, р. 137]. Исследователи В. Абрахам и Э. Лайс (*Werner Abraham, Elisabeth Leiss*) выделяют сложные модальные модели (*complex patterns of modality*), которые еще не описаны в силу их сложности, и скрытую модальность (*covert modality*), к которой относятся бесспорно модальные категории (модальные глаголы, вводные слова и обороты) [24, р. 1–2]. Лингвист К. фон Финтель (*Kai von Fintel*) выделяет следующие модальные категории: алетическая (*alethic*), эпистемическая, деонтическая модальность, модальность желания (оптативная модальность (*bouletic modality*)), динамическая, телеологическая модальность [25, р. 21]. Исследователь В. Хаквард (*Valentine Hacquard*) предлагает классификацию, которая терминологически отличается от описанных выше, однако содержательно не выходит за их рамки: эпистемическая (*epistemic*), чисто деонтическая (*true deontic*) модальность, два модальных класса неэпистемической модальности, а именно модальность возможности (*ability*) и целеориентированная (*goal oriented*), или телеологическая, модальность [26].

Нет однозначного мнения среди лингвистов о количестве форм глагольного наклонения. Система наклонений английского языка, согласно подходу разных ученых, включает до 16 наклонений [27], при этом отдельные исследователи полностью отрицают существование данной категории [28]. Между этими крайностями существуют промежуточные взгляды, например, многие грамматисты придерживаются общепринятой в традиционной грамматике системы трех наклонений – изъявительного, повелительного и сослагательного. Профессор А. Смирницкий предложил систему из шести наклонений [29]. В работе Л. С. Бархударова «Очерки по морфологии современного английского языка» указано, что грамматическая категория наклонения «образуется противопоставлением двух категориальных форм – изъявительного наклонения и повелительного наклонения» [30, с. 134–135]. Теория речевых актов, разработанная Дж. Остином и Дж. Сёрлем во второй половине XX в., стала толчком для появления различных вариантов классификации речевых актов. Так, Дж. Сёрль выделил пять видов речевых актов исходя из их иллокутивной функции: репрезентативы (сообщения), директивы (побуждения), комиссивы (обещания), экспрессивы (выражение эмоционального состояния), декларативы (назначения). Лингвист Дж. Лич называл четыре разновидности иллокутивных актов, в то время как Д. Вундерлих – восемь, а В. В. Богданов – девять типов отличающихся по своей иллокуции речевых актов [31].

Многие исследователи языка обращают внимание на понятийный характер модальности. Аналогом понятийным категориям языка в учении А. В. Бондарко выступают «функциональные категории». Каждая из модальных категорий может быть представлена как функционально-семантическое поле (семантическое или семантико-прагматическое содержание, рассматриваемое в единстве со средствами его формального выражения в данном языке). Ученый выделяет следующие поля: 1) возможность; 2) необходимость; 3) достоверность; 4) оптативность; 5) повелительность. С этой точки зрения модальность может трактоваться как комплекс функционально-семантических полей с указанным содержанием. Соответственно, в рамках каждого модального поля могут анализироваться определенные типовые категориальные (модальные) ситуации – ситуации возможности, необходимости, оптативные, императивные ситуации и т. п. [17, с. 62]. Модальность понимается как группировка функцио-

нально-семантических полей, представляющих собой подсистемы модальных значений, выделяемых по разноаспектным признакам.

Таким образом, логика и язык объединяются в стремлении понять, как люди оценивают и характеризуют мысль и речь, знания и сообщения с точки зрения их достоверности, вероятности, надежности, реальности или нереальности, желательности, побудительности или долженствования. Многочисленные концепции категории модальности свидетельствуют о стремлении исследователей внести ясность в совокупность тех отношений, которые так или иначе связываются с понятием «модальность». Сложность и разноречивость концепций, путанность классификаций обусловлены стремлением охватить все новые факты, которые попадают в поле зрения, учесть новые оттенки, и это вынуждает перестраивать классификации и бесконечно уточнять концепции. Подчеркивая такое положение дел, А. В. Бондарко пишет: «Речь идет о попытках более четко выделить разные подсистемы в рамках охватываемого обобщениями широкого круга бесспорно модальных или “проблематично модальных” явлений, определить иерархию этих подсистем и эксплицитно описать отношения между ними» [17, с. 65]. Из этого следует, что одним из основных вопросов в характеристике модальности является возможность определения общемодального инварианта.

3. Категории модальной логики и их языковые соответствия. Поскольку в вопросе классификации модальных значений и их носителей наблюдаются расхождения и столкновения разных точек зрения, требуется поиск путей систематизации этих разнообразных взглядов и представлений. В ходе исследования мы нашли соответствия между модальными категориями в логике и языке, представили основания для синтеза логического и языковедческого понимания модальности путем установления корреляции между категориями модальности логики и разрядами языковых средств, используемых для выражения категории логической модальности в речи.

3.1. Познавательная модальность (алетическая и эпистемическая) и средства ее языкового выражения. Алетическая (греч. *aletheia* – истина) модальность как одна из разновидностей познавательной модальности была выделена еще в Античности. Аристотель, рассматривая суждения вида «А необходимо принадлежит В», «С возможно принадлежит D», говорил об алетической модальности в терминах современной логики: «Алетическая модальность – характеристика высказывания, включающего такие модальные операторы, как “необходимо”, “возможно”, “невозможно”» [8, с. 32]. Эпистемическая (греч. *epistēme* – знание) модальность связана с учением И. Канта, который выделял твердое знание, предположение и веру. Современная логика также сохранила это противопоставление (бином, в некоторых случаях трином), что стало содержательной основой эпистемической модальности: «Можно выделить, в частности, эпистемические модальные понятия, относящиеся к доказуемости: “доказуемо”, “опровержимо”, “неразрешимо”. Еще одну подгруппу эпистемических модальных понятий составляют понятия, относящиеся к убеждению: “убежден”, “сомневается”, “отвергает”» [32, с. 77–78]. Таким образом, в современной модальной логике эпистемическая модальность исследует высказывания, содержащие разного рода теоретико-познавательные процессы. Эпистемическая модальность изучается эпистемической логикой, в которой модальный оператор интерпретируется содержательно как «известно, что», «знаю, что» [33, с. 450]. Фактически эпистемическая и алетическая модальность происходит из осознания ограниченности знаний говорящего субъекта. В современной модальной логике названные разновидности не всегда различаются, поэтому термины «эпистемическая модальность» и «алетическая модальность» иногда заменяют друг друга, некоторыми исследователями используется только один из них, но для лингвистов различия двух видов модальности вполне ощутимы, потому что они выражаются разными классами языковых средств. Эпистемическая модальность (рефлексия над познавательным модусом субъекта (по)знания, обозначения того или иного вида ментального состояния субъекта действия (подлежащего)) обычно сосредоточена в сказуемом, выраженном эпистемическими глаголами (*знаю, допускаю, верю; consider* ‘считать’, *guess* ‘предполагать’). Между тем алетическая модальность (оценка истинности высказывания) выражается преимущественно за пределами высказывания как синтаксически организованного целого с помощью вводных слов и предложений (*возможно, конечно, скорей всего; obviously* ‘очевидно’, *probably* ‘возможно’), а также в некоторых случаях модальными предикатами *может, должно быть* в русском языке и *can, may, might, must* в английском. Эпистемическая модальность в лингвистике была замечена только в XX в. Исследованию глаголов мыслительной (интеллектуальной) деятельности посвящены работы таких авторитетных ученых, как Ю. Д. Апресян (1999), Е. В. Падучева (2006), М. А. Дмитриевская (1988). Эпистемические глаголы рассматриваются в статье И. Б. Шатуновского «Эпистемические предикаты в русском языке (коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика)» (сборник научных статей «Логический анализ языка: знание и мнение», 1988), а также в книге Е. И. Беляевой «Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках» (1985), которая, однако, объединяет эпистемическую и алетическую модальность в один класс эпистемической модальности.

3.2. Деонтическая модальность. Языковые средства выражения модальных значений долга, возможности, разрешения. Деонтическая модальность (греч. *deon* – долг, правильность) характеризует действия с точки зрения определенной системы норм. Нормативный статус действия обычно выражается понятиями «обязательно», «запрещено», «разрешено» и «безразлично» и изучается нормативной логикой. Вопрос о логической природе норм имеет многовековую традицию. Он рассматривался Аристотелем, стоиками, средневековыми философами, Г. Лейбницем, Д. Юмом. Однако первая попытка построить формальную теорию нормативных понятий принадлежит Э. Малли («Элементы логики волеизъявлений», 1926), на философские установки которого оказал влияние английский философ и юрист И. Бентам (1748–1832). Именно И. Бентаму принадлежит термин «деонтология», обозначающий раздел этики, в котором рассматриваются проблемы долга и моральных требований («Деонтология, или наука о морали», 1834). Серьезный импульс исследованию норм был дан работами 1950-х гг. Г. Х. фон Вригта, А. А. Ивина. Деонтическая модальность в языке (характеристика действия с точки зрения определенной системы норм) выражается предикативами *надо, нужно, необходимо, можно, нельзя, должно, запрещено, разрешено, воспрещается, допускается; can* ‘могу’, *must* ‘должен’, *to forbid* ‘запрещать’, *to allow* ‘позволять’, *to permit* ‘разрешать, позволять’, *have to* ‘должен’, *ought to, should* ‘следовало, должен’, *need* ‘нужно, надо’; в русском языке она часто передается посредством безличных предложений.

3.3. Аксиологическая модальность в жизни и речи. Аксиологическая, или оценочная, модальность (греч. *axios* – ценный, *logos* – понятие, учение) – оценка содержания сообщения с точки зрения определенной системы ценностей. Исследование добра и зла (хорошего и плохого), психической природы человека присутствует в учениях Т. Гоббса (1588–1679), Дж. Локка (1632–1704), Дж. Юма (1711–1776). Наиболее полная классификация оценок была предложена Г. Х. фон Вригтом (1916–2003). Однако эта категория логики появилась только на рубеже 1860–70-х гг. В настоящее время логика оценок (аксиологическая модальность) является одним из разделов модальной логики, который изучает структуру различных видов оценки, выявляет и обосновывает моральную ценность тех или иных феноменов (поступков, намерений и пр.), из которых складывается человеческая деятельность, выражает одобрение или неодобрение этих феноменов. В любом оценочном суждении обозначен объект оценки и выражено (посредством слов со значением ‘добро’, ‘зло’, ‘хороший’, ‘плохой’, ‘правильный’, ‘неправильный’ и др.) позитивное или негативное отношение к этому объекту [37, с. 183]. Логическое исследование аксиологических понятий осуществляется логикой оценок, слагающейся из логики абсолютных оценок (‘хорошо’, ‘плохо’) и логики сравнительных оценок (‘лучше’, ‘хуже’, ‘равноценно’, ‘предпочитается’). Аксиологические модальные понятия являются необходимыми структурными компонентами оценочных высказываний. Деонтическая модальность в логике часто выступает как частный случай аксиологической модальности. Нормативные понятия «обязательно», «разрешено» и «запрещено» могут быть определены через оценочные понятия (например, «обязательно» через «хорошо»), но в лингвистике эти две модальные категории представлены разными языковыми средствами. Аксиологическая модальность в языке выражается оценочными прилагательными и наречиями, предикатами, вводными словами и оборотами (хорошо, плохо, приятней, к счастью; *to my regret* ‘к моему сожалению’ и др.), а также глаголами, выражающими эмоции и чувства, основанные на положительной или отрицательной оценке объекта (*любить, нравиться, ненавидеть, скучать, надеяться, обожать, радоваться; like* ‘нравиться, любить’, *adore* ‘обожать’, *hate* ‘ненавидеть’). Лингвистический анализ аксиологических значений представлен в работах таких видных ученых, как Н. Д. Арутюнова («Язык и мир человека», 1999), Е. М. Вольф («Функциональная семантика оценки», 1988).

3.4. Модальные функции метаязыковых значений. Метаязык (греч. *meta* ‘после, через’) является одной из наиболее важных категорий современной логики. Однако данный термин возник в математической логике в конце XIX в.: его использовал в своих исследованиях известный логик и математик Г. Фреге. В теорию логического метаязыка ряд важных результатов внес Д. Гильберт, который различал математику и метаматерику (раздел математической логики, изучающий формализованные математические теории). Соответственно, металогика исследует логические принципы, на основе которых развивается логика. Понятие метаязыка сыграло выдающуюся роль в осмыслении социальных функций языка. Это было связано с открытием Р. Якобсоном метаязыковой функции речи (функция толкования, т. е. способности языка описывать самого себя) и ее органичности для коммуникативного акта [38].

Модально-метаязыковые значения в лингвистике выражаются посредством вводных слов, оборотов и частиц, а также при помощи глаголов комментирования. В первом случае они выполняют следующие функции: а) акцентирование, подчеркивание, желание привлечь внимание собеседника (*знаете, понимаете, в принципе; I mean* ‘я имею в виду’, *mainly* ‘главным образом’); б) отношение к стилю, манере речи, характеру и способу изложения (*мягко выражаясь, честно говоря; frankly speaking* ‘откровенно

говоря'); в) указание на источник информации (сообщения), ссылка на чужую речь (*как говорят, по мнению кого-нибудь; to my mind, to me* 'по-моему'); г) характеристика места высказывания (сообщения) в строе текста (*следовательно, таким образом; to begin with* 'во-первых', *on the whole* 'в общем'). Метаязыковой комментарий (суждение, оценка) по отношению к своей или чужой речи или по отношению к коммуникативному поведению кого-то из участников ситуации общения выражается с помощью глаголов речи (*прокомментировать, подчеркнуть; to comment* 'комментировать', *to underline* 'подчеркивать'). Все перечисленные значения объединяет функциональное сходство: они интерпретируют (поясняют) само высказывание или всю ситуацию общения, т. е. носят метаязыковой характер. С другой стороны, все эти значения модальны, так как коррелируют с основным назначением средств лексической модальности: выражают оценку, которую говорящий дает способу словесного представления действительности или избранному им способу вербализации мысли (оценка языковых средств, используемых в высказывании); подчеркивают, что сообщение относится не к самому говорящему, а к другому лицу; представляют обобщенно-абстрактное обозначение ситуации с точки зрения автора сообщения; стремятся привлечь внимание собеседника, убедить, вызвать его заинтересованность, т. е. многие метаязыковые значения выполняют основную модальную функцию – воздействие на адресата. Происходит особое переплетение модальных и метаязыковых значений, соответственно, есть основания объединить эти метаязыковые средства в особый вид модальности – метаязыковую модальность. О важности ее роли свидетельствует тот факт, что все классификации вводных слов содержат группы (разряды) метаязыковых средств (см. [15; 16]).

К средствам обозначения метаязыковой модальности относятся также иллокутивные глаголы, эксплицирующие телеологическую модальность речевых актов, о которых речь пойдет ниже.

3.5. Телеологическая модальность речевых актов и ее отображение в глаголах речи с иллокутивной семантикой. Телеологическая модальность (греч. *telos* – конец, цель, завершение) – это модальность цели, она непосредственно связана с теорией речевых актов, разработанной логиками Дж. Остином и Дж. Сёрлем. Теория речевых актов продемонстрировала важность учета подлежащей распознаванию цели (намерения говорящего) для объяснения прагматики речи. Подход к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели, рассмотрение используемых им языковых средств под этим углом зрения, конвенциональность речевых актов – главные составляющие данной теории. В процессе общения субъект речи не просто строит предложения, а использует их для совершения таких действий, как информирование, просьба, совет, вопрос, приказание, предупреждение. Ядро телеологической модальности составляют иллокутивные глаголы, которые могут эксплицировать разные намерения говорящих: побуждение (*советовать, требовать; recommend* 'рекомендовать', *ask* 'просить'), информирование (*сообщить, информировать; explain* 'объяснить', *tell* 'рассказывать'), выражение эмоций (*благодарить, извиняться; thank* 'благодарить', *wish* 'желать') и др. Таким образом, в рамках телеологической модальности рассматриваются речевые акты, которые различаются по иллокуции, и иллокутивные глаголы как вербальное отображение цели некоторых речевых актов. Речевые акты и иллокутивные глаголы информирования обладают как бы нулевой (нейтральной), немаркированной модальностью (что похоже на значимость изъявительного (немаркированного) наклонения в сопоставлении с маркированными ирреальными наклонениями – императивом и кондиционалом), их прагматическая функция минимальна, в то время как речевые акты, побуждающие к действию и выражающие эмоционально-оценочное отношение, представляют собой максимально модально маркированные высказывания. Подтверждением тому могут быть примеры комментариев пользователей интернета к ток-шоу «Мой герой» с участием актрисы театра и кино М. Куликовой: *У нее все по Чехову: прекрасно лицо, душа, талант, глаза!!!! Обожаю!!!; Светлячок в нашем кинематографе* (восхищение, положительная оценка); *Ведущая просто печаль полная. Плюс еще перебивает ее постоянно! Невозможно ее слушать; Это чисто зарабатывание бабла, для слабо развитого населения фильм, любителям «Дома 2», что там может цеплять...* (возмущение, недовольство); *Терпимее надо к чужому мнению быть; Хватит тут умничать* (побуждение).

Глаголы речи, обозначающие те или иные интенции говорящего, весьма разнообразны. Этот факт свидетельствует о стремлении людей подобрать слово или реплику, максимально точно относящуюся к ситуации общения, о желании дифференцировать свою речь в соответствии с коммуникативной интенцией, которая реализует то или иное коммуникативное намерение.

4. Категории модальной логики как «зонтичные» понятия, способные объединить разноразличные группы языковых модальных значений. Категория модальности сначала была выделена и изучена в логике. Именно логиками разработаны широкие модальные категории и тем самым задана смысловая область модальности. Основные виды модальных суждений в логике и модальные категории в языке в разное время имели различные названия, но всегда отражали похожие ситуации окружающей действительности, фиксировали степень реальности, достоверности и истинности ото-

бражаемого факта. Исследователь П. Портнер справедливо отмечал, что «базовое понимание предмета модальной логики неопределимо для лингвистов, изучающих модальность, потому что некоторые из первых теоретически точных представлений о семантике модальных выражений (высказываний) были разработаны в рамках модальной логики. Классическая модальная логика не является семантической теорией языковой модальности, но основные идеи модальной логики можно адаптировать в целях лингвистического анализа. При рассмотрении новых семантических теорий модальности модальная логика выступает важным эталоном оценки»¹ [23, p. 45–46].

Таким образом, модальная логика выступает как строгая дисциплина, которая представляет лингвистике свою систематизацию модальных значений. Сложилось своеобразное распределение работ. Лингвисты более отчетливо, чем логики, разграничивают разные виды модальности, принимая во внимание и семантику, и форму языкового выражения, а логики углубленно и выверенно представляют семантику инвариантов крупных модальных категорий и их логическую синтагматику. Логико-лингвистический подход в изучении категории модальности помогает справиться с основной и наиболее трудной задачей при изучении категории модальности – систематизировать (обобщить) разнообразные классификации модальных значений. Таким образом, представляется возможным объединить лингвистическое и логическое понимание модальности, но с одним различием: для лингвистов важен состав языковых средств, выражающих модальные значения. При таком подходе логическая и языковая модальность обогащают и дополняют друг друга.

Библиографические ссылки

1. Мечковская НБ. Модальность в словенском языке. В: Jachnow H, Mečkovskaja N, Norman B, Suprun A. *Modalität und Modus: Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen* = Модальность и наклонение: общие вопросы и реализация в славянских языках. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1994. с. 194–219.
2. Кузнецов СА, редактор. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт; 2000. 1536 с.
3. Ирмшер Й, Йоне Р, составители. *Словарь античности*. Кузищин ВИ, редактор. Москва: Эллис Лак; 1993. 704 с. Совместное издание с «Прогресс».
4. Фрейденберг ОМ, редактор. *Античные теории языка и стиля*. Ленинград, Москва: Соцэкгиз; 1936. 341 с.
5. Мечковская НБ. *Философия языка и коммуникации*. Москва: Флинта; 2017. 520 с. Совместное издание с «Наука».
6. Дворецкий ИХ. *Латинско-русский словарь*. 4-е издание, стереотипное. Москва: Русский язык; 1996. 490 с.
7. Аристотель. *Аналитики первая и вторая*. Ленинград: Госполитиздат; 1952. 439 с.
8. Кондаков НИ. *Логический словарь-справочник*. Москва: Наука; 1975. 720 с.
9. Ивин АА, редактор. *Философия: энциклопедический словарь*. Москва: Гардарики; 2004. 1072 с.
10. Ивин АА, Никифоров АЛ. *Словарь по логике*. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС; 1998. 384 с.
11. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. 2-е издание, стереотипное. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. 416 с.
12. Филлмор Ч. Дело о падеже. В: Звегинцев ВА, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика*. Москва: Прогресс; 1981. с. 369–495.
13. Мещанинов ИИ. Понятийные категории в языке. *Труды Военного института исследования языка*. 1945;1:5–15.
14. Булыгина ТВ, Крылов СА. Понятийные категории. В: Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь*. 2-е издание, дополненное. Москва: Большая российская энциклопедия; 2002. с. 385–386.
15. Виноградов ВВ. *Русский язык: грамматическое учение о слове*. Золотова ГА, редактор. 4-е издание. Москва: Русский язык; 2001. 720 с.
16. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 2. Синтаксис*. Москва: Наука; 1980. 709 с.
17. Бондарко АВ. Модальность. Вступительные замечания. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе. В: Бондаренко АВ, редактор. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Наука; 1990. с. 59–72.
18. Панфилов ВЗ. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения. *Вопросы языкознания*. 1977;4:47–48.
19. Ляпон МВ. К вопросу о языковой специфике модальности. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1971;3:230–239.
20. Шапиро АБ. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 1958;4:20–26.
21. Плотников БА. Языковая модальность и ее категоризация. В: Jachnow H, Mečkovskaja N, Norman B, Suprun A. *Modalität und Modus: Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen* = Модальность и наклонение: общие вопросы и реализация в славянских языках. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1994. с. 25–35.
22. Зеленщиков АВ. *Пропозиция и модальность*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 1997. 242 с.
23. Portner Paul. *Modality*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 288 p.
24. Abraham W, Leiss E. Introduction. In: Abraham W, Leiss E. *Covert Patterns of Modality*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing; 2012. p. 1–24.
25. Fintel von K. Modality and Language. In: Borchers MD, editor. *Encyclopedia of Philosophy*. 2nd edition. New York: Thomson Gale; 2006. p. 20–27.

¹Перевод наш – В. К.

26. Hacquard V. *Aspects of Modality*. Los Angeles: University of California; 2000. 214 p.
27. Deutschbein M. *System der neuenglischen Syntax*. Leipzig: Quelle & Meyer; 1928. 328 S.
28. Palmer FR. *Grammar*. Middlesex: Penguin Books; 1978. 200 p.
29. Смирницкий АИ. *Морфология английского языка*. Пассек ВВ, редактор. Москва: Издательство литературы на иностранных языках; 1959. 440 с.
30. Бархударов ЛС. *Очерки по морфологии современного английского языка*. 2-е издание, дополненное. Москва: URSS; 2009. 155 с. Совместное издание с «Либроком».
31. Сусов ИП. *Лингвистическая прагматика*. Москва: Восток – Запад; 2006. 200 с.
32. Ивин АА. *Логика*. Москва: Фаир-пресс; 2000. 320 с.
33. Костюк ВН. Эпистемическая логика. В: Стёпин ВС, редактор. *Новая философская энциклопедия. Том 4*. Москва: Мысль; 2010. с. 450–451.
34. Апресян ЮД. Основные ментальные предикаты состояния в русском языке. В: Левкиевская ЕЕ, редактор. *Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой*. Москва: ИНДРИК; 1999. с. 44–53.
35. Падучева ЕВ. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации. В: Молдован АМ, редактор. *Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова*. Москва: Языки славянской культуры; 2006. с. 498–514.
36. Дмитриевская МА. Знание и достоверность. В: Арутюнова НД, редактор. *Прагматика и проблемы интенциональности*. Москва: Наука; 1988. с. 166–187.
37. Максимов ЛВ. Оценка. В: Стёпин ВС, Гусейнов АА, Семигин ГЮ, редакторы. *Новая философская энциклопедия. Том 3*. Москва: Мысль; 2010. с. 183–184.
38. Якобсон РО. Лингвистика и поэтика. В: Басин ЕЯ, Полякова МЯ, редакторы. *Структурализм: «за» и «против»* [сборник статей]. Москва: Прогресс; 1975. с. 193–230.

References

1. Mechkovskaya NB. [Modality in Slovenian language]. In: Jachnow H, Mečkovskaya N, Norman B, Suprun A. *Modalität und Modus: Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen* [Modality and mood: general questions and realization in Slavic languages]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1994. p. 194–219. Russian.
2. Kuznetsov SA. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint; 2000. 1536 p.
3. Irmsher J, Johan R, compilers. *Slovar' antichnosti* [The dictionary of antiquity]. Kuzishchin VI, editor. Moscow: Ellis Lak; 1993. 704 p. Co-published by the «Progress». Russian.
4. Freidenberg OM, editor. *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Antique theories of language and style]. Moscow: Sotsekgiz; 1936. 341 p. Russian.
5. Mechkovskaya NB. *Filosofiya yazyka i kommunikatsii* [Philosophy of language and communication]. Moscow: Flinta; 2017. 520 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
6. Dvoretiskij IKh. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian dictionary]. 4th edition, stereotyped. Moscow: Russkii yazyk; 1996. 490 p. Russian.
7. Aristotle. *Analitiki pervaya i vtoraya* [Analitiki the first and the second]. Leningrad: Gospolitizdat; 1952. 439 p. Russian.
8. Kondakov NI. *Logicheskii slovar' -spravochnik* [The logical dictionary – reference book]. Moscow: Nauka; 1975. 720 p. Russian.
9. Ivin AA, editor. *Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy: encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki; 2004. 1072 p. Russian.
10. Ivin AA, Nikiforov AL. *Slovar' po logike* [Dictionary of logic]. Moscow: Humanitarian Publishing Center VLADOS; 1998. 384 p. Russian.
11. Bally Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. 2nd edition, stereotyped. Moscow: Editorial URSS; 2001. 416 p. Russian.
12. Fillmore C. [The matter of the case]. In: Zvegintsev VA, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk X. Lingvisticheskaya semantika* [New in foreign linguistics. Issue X. Linguistic semantics]. Moscow: Progress; 1981. p. 369–495. Russian.
13. Meshchaninov II. [Conceptual categories in language]. *Trudy Voennoogo instituta issledovaniya yazyka* [Works of the Military Institute of Foreign Languages]. 1945;1:5–15. Russian.
14. Bulygina TV, Krylov SA. [Conceptual categories]. In: Yartseva VN, editor. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. 2nd edition, supplemented. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya; 2002. p. 385–386. Russian.
15. Vinogradov VV. *Russkii yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language (grammatical studies of the word)]. Zolotova GA, editor. 4th edition. Moscow: Russkii yazyk; 2001. 720 p. Russian.
16. Shvedova NY, editor. *Russkaya grammatika. Tom 2. Sintaksis* [Russian grammar. Volume 2. Syntax]. Moscow: Nauka; 1980. 709 p. Russian.
17. Bondarko AV. [Modality. Introductory remarks. The main types of modal meanings distinguished in the linguistic literature]. In: Bondarko AV, editor. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka; 1990. p. 59–72. Russian.
18. Panfilov VZ. [Category of the modality and its role in the constitution of the sentence structure and judgments]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1977;4:47–48. Russian.
19. Lyapon MV. [On the language specificity of modality]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the Academy of Sciences, USSR. Series of literature and language]. 1971;3:230–239. Russian.
20. Shapiro AB. [Modality and predicativity as signs of a sentence in modern Russian]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological sciences. Scientific reports of the high school]. 1958;4:20–26. Russian.
21. Plotnikov BA. [Language modality and its categorization]. In: Jachnow H, Mechkovskaya N, Norman B, Suprun A. *Modalität und Modus: Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen* [Modality and mood: general questions and realization in Slavic languages]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1994. p. 25–35. Russian.

22. Zelenshchikov AV. *Propozitsiya i modal'nost'* [Proposition and modality]. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University; 1997. 242 p. Russian.
23. Portner P. *Modality*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 288 p.
24. Abraham W, Leiss E. Introduction. In: Abraham W, Leiss E. *Covert Patterns of Modality*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing; 2012. p. 1–24.
25. Fintel von K. Modality and Language. In: Borchers MD, editor. *Encyclopedia of Philosophy*. 2nd edition. New York: Thomson Gale; 2006. p. 20–27.
26. Hacquard V. *Aspects of Modality*. Los Angeles: University of California; 2000. 214 p.
27. Deutschbein M. *System der neuenglischen Syntax*. Leipzig: Quelle & Meyer; 1928. 328 S. German.
28. Palmer FR. *Grammar*. Middlesex: Penguin Books; 1978. 200 p.
29. Smirnitsky AI. *Morfologiya angliiskogo yazyka* [Morphology of the English language]. Passek VV, editor. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh; 1959. 440 p. Russian.
30. Barkhudarov LS. *Ocherki po morfologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [Essays on the morphology of modern English]. 2nd edition, supplemented. Moscow: URSS; 2009. 155 p. Co-published by «Librocom». Russian.
31. Susov IP. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Moscow: Vostok – Zapad; 2006. 200 p. Russian.
32. Ivin AA. *Logika* [Logic]. Moscow: Fair Press; 2000. 320 p. Russian.
33. Kostyuk VN. [Epistemic logic]. In: Styopin VS, editor. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 4* [New philosophical encyclopedia. Volume 4]. Moscow: Mysl'; 2010. p. 450–451.
34. Apresyan YD. [Basic mental predicates of the state in Russian language]. In: Levkievskaya EE, editor. *Slavyanskije etyudy. Sbornik k yubileyu S. M. Tolstoi* [Slavic etudes: collection for the jubilee of S. M. Tolstaya]. Moscow: INDRIC; 1999. p. 44–53. Russian.
35. Paducheva EV. [Introductory verbs: verbal and narrative mode of interpretation]. In: Moldovan AM, editor. *Verenitsa liter: k 60-letiyu V. M. Zhivova* [Verenitsa liter: to the 60th anniversary of V. M. Zhivov]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2006. p. 498–514. Russian.
36. Dmitrovskaya MA. [Knowledge and authenticity]. In: Arutynova ND, editor. *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and intensionality problems]. Moscow: Nauka; 1988. p. 166–187. Russian.
37. Maksimov LV. [Evaluation]. In: Stepin VS, Guseinov AA, Semigin GY, editors. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 3* [New philosophical encyclopedia. Volume 3]. Moscow: Mysl'; 2010. p. 183–184.
38. Jakobson RO. [Linguistics and poetics]. In: Basin EY, Polyakova MY, editors. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism «for» and «against»] [collection of articles]. Moscow: Progress; 1975. p. 193–230. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.06.2018.
Received by editorial board 08.06.2018.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ГЕРМАНИЗМОВ В БЕЛОРУССКИХ ФОЛЬКЛОРНО-ДИАЛЕКТНЫХ ЗАПИСЯХ XIX в.

В. В. ПАХИРКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются германизмы в белорусских фольклорно-диалектных записях XIX в. Анализируются особенности их фонетической адаптации в белорусском языке в системах вокализма (аканье, яканье, переход звуков [o] и [a] в звуки [ы] и [у]) и консонантизма (передача немецкого звука [ф] через звуки [п], [ф], [хв]; переход немецкого [х] в звуки [к] или [г]; передача немецкого [р] затвердевшим белорусским [р]; употребление мягкого [л'] на месте немецкого [л]; диссимилиация; озвончение начального звука [х] до [г]). При сопоставлении германизмов, которые закрепились в старобелорусском языке, с соответствующими единицами в фольклорно-диалектных записях XIX ст. отмечена фонетическая вариантность слов (как в разные промежутки времени, так и в пределах одного периода), что объясняется прежде всего продолжением фонетической адаптации и народным характером анализируемого материала.

Ключевые слова: фольклорно-диалектные записи; фонетическая адаптация; система вокализма; система консонантизма; ассимиляция; диссимилиация.

ФАНЕТЫЧНАЯ АДАПТАЦЫЯ ГЕРМАНІЗМАЎ У БЕЛАРУСКІХ ФАЛЬКЛОРНА-ДЫАЛЕКТНЫХ ЗАПІСАХ XIX ст.

В. У. ПАХІРКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца германізмы ў беларускіх фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. Ааналізуюцца асаблівасці іх фанетычнай адаптацыі ў беларускай мове ў сістэмах вакалізму (аканне, яканне, пераход гукаў [o] і [a] у гукі [ы] і [у]) і кансанантызму (перадача нямецкага гука [ф] праз гукі [п], [ф], [хв]; пераход нямецкага [х] у гукі [к] ці [г]; перадача нямецкага гука [р] беларускім зацвярдзелым [р]; ужыванне мяккага [л'] на месцы нямецкага [л]; дысіміляцыя; аэванчэнне пачатковага гука [х] да [г]). Пры супастаўленні германізмаў, якія замацаваліся ў старабеларускай мове, з адпаведнымі адзінкамі ў фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. выяўлена фанетычная варыянтнасць слоў як на розных адрэзках часу, так і ў межах аднаго перыяду, што тлумачыцца перш за ўсё працягам фанетычнай адаптацыі германізмаў і народным характарам аналізуюмага матэрыялу.

Ключавыя словы: фальклорна-дыялектныя запісы; фанетычная адаптацыя; сістэма вакалізму; сістэма кансанантызму; асіміляцыя; дысіміляцыя.

Образец цитирования:

Пахірка ВУ. Фанетычная адаптацыя германізмаў у беларускіх фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2018;3:83–91.

For citation:

Pakhirka VU. Phonetic adaptation of germanisms in XIX century Belarusian folklore and dialect records. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:83–91. Belarusian.

Автор:

Вероника Владимировна Пахирко – аспирантка кафедры истории белорусского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Г. Пригодич.

Author:

Veranika U. Pakhirka, postgraduate student at the department of the history of the Belarusian language, faculty of philology. veronicapachirko@gmail.com

PHONETIC ADAPTATION OF GERMANISMS IN XIX CENTURY BELARUSIAN FOLKLORE AND DIALECT RECORDS

V. U. PAKHIRKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article considers germanisms in XIX century Belarusian folklore and dialect records. It contains an analysis of the peculiarities of their phonetic adaptation in the Belarusian language according to its vowel-system (akanje, yakanje, transition of sounds [o] and [a] into sounds [y] and [u]) and consonant-system (transition of the sound [f] into sounds [p], [f], [hv]; transition of sounds combination [ch] into sound [k] or [g]; hard [r]; soft [r']; dissimilation; vocalization of the sound [h] to the sound [g]). When comparing germanisms in Old Belarusian and in XIX century folklore and dialect records, phonetic variability among word forms in different time intervals, as well as differences within the same period are observed which is largely attributed to further phonetic adaptation and folk nature of the analyzed material.

Key words: folklore and dialect records; phonetic adaptation; vowel system; consonant-system; assimilation; dissimilation.

Уводзіны

Другая палова XIX – пачатак XX ст. традыцыйна лічыцца перыядам станаўлення сучаснай (новай) беларускай літаратурнай мовы, паступовай выпрацоўкі і замацавання на практыцы яе графіка-арфаграфічных, марфалагічных і лексічных норм. На гэтым этапе яшчэ шырока прадстаўлена варыянтнасць форм, прычым не толькі ў літаратурна-пісьмовай разнавіднасці мовы, але і ў вусных гаворках, зафіксаваных у фальклорна-дыялектных запісах таго часу. Крыніцамі фактычнага матэрыялу для гэтага даследавання сталі зборнікі фальклорна-дыялектных запісаў Д. Г. Булгакоўскага, П. А. Бяссонава, М. В. Доўнар-Запольскага, І. І. Насовіча, Е. Р. Раманава, П. В. Шэйна.

Матэрыялы і метады даследавання

Зборнік П. А. Бяссонава «Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта» (далей – БПБ) выйшаў у 1871 г. У прадмове ўкладальнік падкрэсліваў: «Для нас теперь главное, и всегда, но теперь единственно главное, почти исключительно привлекающее весь интерес, – само произведение белорусского песнотворчества»¹ (тут і далей цытаты прыводзяцца ў адпаведнасці з нормаў сучаснай рускай мовы. – В. П.).

Аўтарству І. І. Насовіча належаць многія працы, прысвечаныя беларускаму фальклору. Навуковец быў адным з першых, хто, збіраючы мясцовы фальклорны матэрыял, заўважыў беларускую нацыянальную самабытнасць, адметныя рысы народнай творчасці, яе пераважна вусны характар. Мы прааналізавалі два зборнікі І. І. Насовіча: «Белорусские песни» 1873 г. (далей – БП) і «Сборник белорусских пословиц» 1874 г. (далей – СПб)².

У зборніку П. В. Шэйна «Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями» (далей – БНПШ), апублікаваным у 1874 г., прыводзяцца некаторыя агульныя заўвагі на конт характару беларускіх песень, пералічваюцца фанетычныя асаблівасці вымаўлення і марфалагічныя рысы «белорусского наречия»³.

Яшчэ адной крыніцай фальклорна-дыялектнага матэрыялу сталі першыя два выпускі «Белорусского сборника» Е. Р. Раманава (далей – БСР), апублікаваныя ў 1886 г. Аўтар зрабіў агляд некаторых тагачасных падобных выданняў і падкрэсліў неабходнасць хуткага агульнага цэнтралізаванага збору фальклорнага матэрыялу, патлумачыўшы гэта тым, што некаторыя жанры на той час пачалі знікаць: «Полагаем, что необходимо прежде собрать материалы во всех пяти белорусских губерниях и составить их общий свод... Но надо спешить. Сказки уже исчезают»⁴.

Зборнік Д. Г. Булгакоўскага «Пинчуки. Этнографический очерк. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь» (далей – ПЭС) быў выдадзены

¹Бессонов П. А. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М. : Тип. Бахметева, 1871. № 1. С. LVIII.

²Носович И. И. Белорусские песни. СПб. : Тип. Майкова, 1873 ; Носович И. И. Сборник белорусских пословиц. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1874.

³Шейн П. В. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. СПб. : Тип. Майкова, 1874.

⁴Романов Е. Р. Белорусский сборник. Т. 1, вып. 1–2. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1886. С. V–VI.

ў 1890 г. Аўтар звяртаў увагу на своеасаблівасць фальклору пінчукоў: «Нынешний живой говор пинчуков и памятники словесного творчества их старины свидетельствуют о том, что они далеко не в такой степени подпали влиянию чуждых элементов, как другие жители Минской губернии и вообще Северо-Западного края. <...> В языке заметен переход наречия малороссийского в белорусское, и оттого часто преобладает в нем то тот, то другой элемент»⁵.

Зборнік этнаграфічных матэрыялаў М. В. Доўнар-Запольскага «Песни пинчуков» (далей – ППДЗ) быў апублікаваны ў 1895 г. Аўтар разам з фальклорным матэрыялам ахарактарызаваў фанетычныя і марфалагічныя рысы гаворкі пінчукоў. Мэтай этнографа было запісаць матэрыял, які ў максімальнай ступені адлюстроўваў бы асаблівасці гаворак нават суседніх вёсак. Зразумела, геаграфічны арэал вывучаемага матэрыялу ахоплівае найперш Піншчыну, сам аўтар адзначаў: «Предлагаемый сборник пинских песен составляет сравнительно небольшую часть этнографического материала, собранного мною во время летних поездок в Белоруссию в 1890 (в Пинский, Мозырский и Речицкий уу.) и 1892 году (Бобруйский, Игуменский и Минский уу.)»⁶.

Колькасныя паказчыкі германізмаў у прааналізаваных тэкстах адлюстраваны ў табліцы.

Колькасць германізмаў у фальклорна-дыялектных зборніках

The number of Germanisms in folklore and dialect records

№	Умоўная назва крыніцы і год выдання	Агульная колькасць фальклорных адзінак	Колькасць фальклорных адзінак з германізмамі	Колькасць германізмаў
1	БНПШ, 1874	870	319	106
2	БПБ, 1871	181	58	57
3	ППДЗ, 1895	601	188	69
4	ПЭС, 1890	532	133	59
5	БСР, 1886	1657	409	115
6	БП, 1873	437	101	74
7	СБП, 1874	3823	282	87

Адаптацыя іншамовных слоў у мове, якая іх запазычвае, праходзіць у некалькі этапаў. Перш за ўсё гэта фармальная адаптацыя, якая адбываецца ў выніку графічнага, фанетычнага і марфалагічнага прыстасавання слова да норм мовы-рэцыпіента. Адметнасць працэсу адаптацыі запазычанняў у народна-дыялектнай мове ў параўнанні з засваеннем іншамовнай лексікі літаратурнай мовай заключаецца ў больш поўнай асіміляцыі, імкненні максімальна наблізіцца да фанетыка-граматычнай і лексіка-семантычнай сістэм пэўнай гаворкі, у выніку чаго назіраецца пастаяннае вар’іраванне знешняй формы слоў і іх значэнняў [1, с. 153].

Нягледзячы на тое, што ў акрэслены перыяд графічнае і фанетычнае афармленне фальклорных матэрыялаў часта залежала ад светапогляду этнографа, а таксама ад пануючай ідэалогіі і мэт, пастаўленых кіраўніцтвам перад збіральнікамі, усё ж можна вылучыць і асобныя агульныя рысы спосабаў перадачы германізмаў у беларускіх фальклорна-дыялектных зборніках XIX ст.

Вынікі і абмеркаванне

Фанетычная адаптацыя запазычанняў – гэта найперш замена нехарактэрных для беларускай мовы гукаў і спалучэнняў уласцівымі ёй фанетычнымі адзінкамі. У народных гаворках гэты працэс больш паслядоўны, хоць і характарызуецца шматварыянтнасцю і неўнармаванасцю [2, с. 27].

Паколькі фанетычныя змены ў дыялектных запазычаннях адлюстроўваюць іх прыстасаванне да гукавой сістэмы пэўнай гаворкі, то нярэдка адна і тая ж лексема ў розных рэгіёнах адаптавалася п-рознаму [1, с. 151]. Гэта выразна заўважаецца пры супастаўленні падобных песень са зборнікаў розных аўтараў.

Працэс запазычвання германізмаў беларускай мовай меў апасродкаваны характар, большасць слоў нямецкага паходжання трапіла ў беларускую мову праз пасрэдніцтва польскай мовы. У сувязі з гэтым пры аналізе фанетычнай адаптацыі германізмаў у беларускіх фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. трэба звяртаць увагу і на формы такіх слоў у польскай мове.

⁵Булгаковский Д. Т. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1890. С. V–VI.

⁶Довнар-Запольский М. В. Белорусское Полесье. Сборник этнографических материалов, собранных М. Довнаром-Запольским. Песни пинчуков. Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1895.

Фанетычная адаптацыя галосных. У ранніх помніках старажытнага беларускага пісьменства заўважаецца тэндэнцыя выпрацоўкі своеасаблівых узораў графіка-арфаграфічнага афармлення іншамойнай лексікі з улікам вусна-гутарковых асаблівасцей мясцовых гаворак [3, с. 77]. Гэта тэндэнцыя працягвалася і ў XIX ст., калі аўтары зборнікаў намагаліся перадаць фанетычныя асаблівасці народнай мовы на пісьме.

Найбольш распаўсюджанымі відамі фанетычнай адаптацыі ў сістэме галосных гукаў у фальклорных матэрыялах XIX – пачатку XX ст. з’яўляюцца аканне і яканне, а таксама пераход гукаў [o] і [a] у гукі [ы] і [у]. Разгледзім некаторыя прыклады гэтых фанетычных працэсаў.

1. Аканне. *Анадарак* (пол. *inanderarak* < ням. *Unterrock*); у старабеларускіх тэкстах гэты германізм сустракаецца ў формах *индеракь*⁷ (1569), *иньдоракь* (1593). У фальклорных матэрыялах XIX ст. ён ужо адлюстроўваў характэрнае для беларускай мовы аканне: *андаракь*, *андарачищами*, *андараки*, *въ андарачку* (*Противъ жонкинъ андаракъ*, / *Ходзиць милый, якъ дуракъ* (БП, с. 259)).

Будаваць (пол. *budować* < ням. *büden*); старабеларускія формы: *боудовал* (XV ст.), *будовати* (1529, 1568), *будовать* (1580), *будувать* (1667), *будоваль* (1690). У тэкстах XIX ст. назіраем пераход да сучаснай формы: *побудаваны* (*Хорошо на дворъ побудаваны свирны*, / *Гонтами побиваны, соболями покрываны* (БП, с. 97)).

Вандраваць (пол. *wędrować* < ням. *wandern*); старабеларускія формы: *вендроват* (XVII ст.), *венъдровати* (XVII ст.), *вендровали* (1692). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. пераважаюць формы, у якіх перадаецца аканне: *вандровати*, *мандровати*, *мандруваты*, *мандроваты*, *мандруючы*, *обвандруець*, *помандрую*, *помандрувала*, *мандруе*; аднак ужывалася і форма *повендрую* (*А не хочеш даровати*, / *Ходи зъ нами вандровати* (БПБ, с. 16)).

Ганак (пол. *ganek* < сяр.-в.-ням. *ganc*); старабеларускія формы: *кганокъ* (1556, 1571, 1580, 1595; XVII ст.), *ганокъ* (1629, 1653), *кганекъ* (1682). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. адзначаецца варыянтнасць: побач з формамі *гоначекъ*, на *ганачку* сустракаюцца напісанні *ганокъ*, *ганочекъ*, *кы ганочку*, *по ганочкахъ*, *ганычакъ*, на *ганычку*, на *ганыкъ* (*Адзинъ панычъ кравевичъ да / На новумъ ганачку пахаджаючи* (ППДЗ, с. 106)).

Гаплік (ст.-пол. *heftlik* < ням. *Heftel*); старабеларускія формы: *гаплики* (1516–1519), *гапликовъ* (1583, 1691, 1699). У запісах XIX ст. аканне таксама перадавалася: *гаплычки* (*Куплю жъ я ей черевычки – гаплычки*, / *Еще къ тому черевычки на ручки* (ППДЗ, с. 30)).

Жабрак (пол. *zebrak* < ням. *seffr*); старабеларускія формы: *жебрючи* (XV ст.), *жебраки* (канец XV ст.; 1568, 1596, 1616, 1647), *жебручи* (1568), *жебруючи* (каля 1580 г.), *жебровать* (1597), *жебракь* (1627, 1653), *жабраков* (пачатак XVII ст.), *жебрал* (пачатак XVII ст.), *жебрिति* (1603), *жебрати* (1635, 1638–1648). У фальклорных матэрыялах XIX ст. сустракаюцца напісанні *жабруець*, *жабруючи*, а таксама *жебруючы*, *жебруючи*, *жеброваци*, *жуброваць*, *нажубруюся*, *жыброваць* (*Ци яно горуюць, ци яно жабруець, ци коня не маець, ци дорожки не знаець?* (БСР, с. 387)).

Жаўнер (ст.-пол. *żoldnierz* < ням. *Söldner*); старабеларускія формы: *жолнерми* (канец XV ст.), *жолнеровъ* (1507, 1615), *желнерми* (1516–1519), *жолнеръми* (1539), *жолнеры* (каля 1580, 1597), *жолнэре* (пачатак XVII ст.), *зовнеров* (пачатак XVII ст.), *золнѣрь* (пачатак XVII ст.), *жольнере* (сярэдня XVII ст.), *жорнери* (другая палова XVII ст.), *жолнѣрь* (1653), *жовнеру* (1711). У тэкстах XIX ст. адзначаецца варыянтнасць у напісанні гэтага слова: *жаўнеръ* і *жоўнеръ*, *жовнеръ*, *жоўнеры*, *жувняры*, *жовнеры*, *жовнерки*, *жоўнерамъ*, *жовнерамъ*, *жувнярыю*, *жувняровъ*, *жовнерика*, *жоўнира* (*Ў не дзѣлю порана / Жаўнеръ дзѣўчыну намовя* (ППДЗ, с. 153)).

Рынак (пол. *rynek* < сяр.-в.-ням. *ring*); старабеларускія формы: *на рынокъ* (1588, 1593). У фальклорных запісах XIX ст. зафіксаваны наступныя варыянты напісання: *на рыначку* і *рынокъ*, *рыныкъ*, *рыночекъ*, *рыночакъ*, *серодъ рыночку*, *на рыночку*, *рынычкы* (*Ой ў Слуцку на рыначку пашла навина: / Наша панна вайтоўночка сына радзила* (ППДЗ, с. 106)).

Шанаваць (ст.-пол. *sza nować* < сяр.-в.-ням. *schônep*); старабеларуская форма: *шановати* (1544). Аканне ў гэтым слове паслядоўна перадавалася і ў фальклорных матэрыялах XIX ст.: *шановаць*, *шануваць*, *шановаци*, *шановати*, *шановаты*, *шануица*, *шануй*, *шановала*, *шануеши*, *шаную*, *шануешися*, *шануюць*, *шануючи* (*Ци будзиць яна / Нашу матухну шановаць* (БНПШ, с. 331)).

2. Яканне. *Маляваць* (ст.-пол. *malować* < ст.-в.-ням. *mâlôn*); старабеларускія формы: *малевати* (XV ст.; 1566), *малевали* (пачатак XVII ст., сярэдня XVII ст.), *маловати* (1618), *малеват* (сярэдня XVII ст.), *маліоваль* (1722). У фальклорных тэкстах XIX ст. яканне перадаецца непаслядоўна: *маляваные*, *муляваная*, *муляровъ*, *змудявавши* і *малеваные*, *мулевая*, *малевали*, *мулеваные*, *малеваная*, *малеваную*, *малеваненькимъ*, *малеванъ*, *малеваненькей*, *мулеванянъкій*, *малеванаго*, *малѣваными*, *малѣваны*, *малѣваную*, *вымалѣвала*, *мудѣване*, *малѣваны*, *мыливанинъкій*, *малованую*, *малованыхъ*, *малюва-*

⁷Тут і далей прыклады на старабеларускай мове прыводзяцца з «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы» (Мінск : Беларуская навука, 1982–2017. Т. 1–37).

нымъ, намулюемъ, мулюваны, мулюваныя, мулюванный, мулюваннымъ, мулювана, мулюваныя, измалювала, мулюваная (А ў тэй церкоўцы прастолы стояць, / Прастолы стояць **маляванныя** (БНПШ, с. 94)). Як сведчаць прыведзеныя прыклады, гэта слова вылучаецца высокай дэрывацыйнай актыўнасцю.

3. Пераход гукаў [o] і [a] у гукі [ы] і [у]. **Дзякаваць** (пол. *dziękować* < сяр.-в.-ням. *danken*); старабеларускія формы: **дзякуемъ** (1486), **дакоуюче** (канец XV ст.), **дакуеть** (1516–1519), **даковати** (1562, 1598, 1637), **дакуите** (каля 1580 г.), **дако́ю** (1588, 1627, 1653), **дако́ючы** (1616), **дако́ючы** (1653), **даковавъ** (1722). У фальклорных запісах XIX ст. пераважае традыцыйнае напісанне, аднак месцамі назіраецца пераход [o] у гук [у]: **дзенькуваць**; **дзяковаць**, **дзяковали**, **діньковавъ**, **подіньковавъ**, **дзякованый** (*Кинулиси бояры подымаць, а ёнъ имъ дзенькуваць: дзенькуй вамъ, подружки* (БСР, с. 336)).

Коштаваць (пол. *kosztować* < сяр.-в.-ням. *kosten*); старабеларускія формы: **коштовати** (каля 1580 г.; 1627, 1637; другая палова XVII ст.), **коштоваль** (каля 1580 г.), **коштоуючы** (1598), **коштовал** (пачатак XVII ст., сярэдзіна XVII ст.), **коштовали** (пачатак XVII ст.), **кошто́ючы** (пачатак XVII ст.), **кошто́еть** (1627), **кошто́ю** (1653), **коштоват** (другая палова XVII ст.). У фальклорных матэрыялах XIX ст. ужывалася форма **скуштовавши** (*Горевавиши, горевавиши, да й умирай, не скуштовавши* (СБП, с. 27)).

Крухмал (пол. *krochmal* < ням. *Kraftmehl*); у старабеларускіх тэкстах сустракаецца напісанне **крахмалъ** (1713). У запісах XIX ст. зафіксаваны наступныя формы: **отъ крухмалу**, **крухмалемъ** (*Накрухмалено крухмалемъ, капъ яно стояло колясомъ подъ сужаньковымъ поясомъ* (БСР, с. 339)).

Мардаваць (ст.-пол. *mordować* < сяр.-в.-ням. *mort*); старабеларуская форма: **мордоваль** (1617). У дыялектных гаворках у розных раёнах гэта слова змяніла сваё гучанне, што адлюстравалася ў некаторых фальклорных запісах XIX ст.: **мурдья**, **мурдуй**; **замордую**, **взмордоваўся** (*Хоць мурдуй, не мурдуй, будзець табѣ Наталька выдздзена, за праву ручаньку вывядзена* (БСР, с. 328)).

Маршалак (ст.-пол. *marszałek* < с.-в.-ням. *marschal*); старабеларускія формы: **маршалка** (канец XVI – пачатак XVII ст.), **маршало** (1653), **маршалка** (1697). У фальклорных запісах XIX ст. сустракаецца форма **мыршалки**, аднак пераважаюць напісанні праз а: **маршало**к, **сѣ маршалкомъ**, **маршалочки**, **маршалочекъ**, **маршалыкъ**, **со маршалкамы** (*Свацьцюнька не сястрица, мыршалки не брахнейки, подрушнички не дзядзеньки* (БСР, с. 329)).

Ратаваць (пол. *ratować* < ням. *retten*); старабеларуская форма: **ратовали** (1615). У некаторых выпадках ужывання гэтага германізма ў фальклорных запісах XIX ст. адбываецца змена ў напісанні слова: **ратуваци**, **ратувала**, **ратуваты**, **ретоваць**, **ратовати**, **ратовала**, **отратовавъ**, **ратовала**, **ратоваты**, **ретованый**; але **ретовали** (*Ой рада бѣ я ратуваты, / Кобѣ мнѣ човенъ и веселье* (ПЭС, с. 82)).

Рахаваць (пол. *rachować* < сяр.-в.-ням. *rechen*); старабеларускія формы: **рахует** (пачатак XVII ст.), **рахую** (1653). У XIX ст. зафіксавана напісанне **рахувалиси**, аднак ужываліся і варыянты **раховалиси**, **роховаўся** (*А ў тэй церкви ўсі празьнічкі, усі святочкі рядовалиси, рахувалиси* (БСР, с. 426)).

Дадзены фанетычны працэс таксама назіраецца і ў апісаных вышэй германізмах.

Сярод старабеларускіх форм слова **вандраваць** такія пераход не прадстаўлены, аднак у фальклорных тэкстах XIX ст. зафіксаваны наступныя формы: **мандруваты**, **помандрувала** (*Ой, тыхій Дунаю, яжѣ тебе не знала, / Да теперъ за Ясемъ да помандрувала* (ППДЗ, с. 130)).

Лексема **ганак** у фальклорна-дыялектных матэрыялах XIX ст. мела варыянты напісання **ганычакъ**, **на ганычку**, **на ганыкъ** (*Ай выйдзі молайчыкъ на ганычакъ, послухай, молайчыкъ, приданычакъ* (БСР, с. 326)).

У фальклорных матэрыялах XIX ст. таксама сустракаюцца напісанні **жуброваць**, **нажубруюся**, **жыброваць** (*Ай прѣдзѣ, брацець, у мою буду – хуць жѣ я молода жуброваць буду* (БСР, с. 359)); **жувняры**, **жувняровъ**, **жувнярю** (*Дзевяры – жувняры – сусѣдзі мое, золовки – чачоткі – госці мое, госці мое* (БСР-2, с. 345)); **мыливанінкый**, **мулевая**, **мулеваныя**, **муляваная**, **муляровъ**, **намулюемъ**, **змулявавши**, **мулюваная**, **мулёване**, **мулюя**, **мулюваны**, **мулюваныя**, **мулюванный**, **мулеванянкый**, **мулюванымъ** (*Сѣ ноченкымы шовковымы / Коромысилъ мыливанінкый* (БНПШ, с. 76); *На синемъ мори лоточка плыве, рисоная, муляваная* (БСР, с. 34); *Зѣ нами, дзѣвка, зѣ нами, вѣ мулюваныя сани: сани наши мулюваныя, кони наши гудуваныя* (БСР, с. 322); *Исписала, измалювала / На білы бумазѣ славны* (ПЭС, с. 144)); **рыныкъ**, **рынычыкъ** (*Приѣхаўши на рыныкъ, / Пытаецца ў гыспыдахъ* (БНПШ, с. 146)); **шануваць** (*Якъ я маю цѣловаць, / Ня умѣла сястра шануваць* (БНПШ, с. 343)).

Фанетычная адаптацыя зычных. Шэраг фанетычных змен адбыўся і ў сістэме кансанантызму германізмаў падчас іх адаптацыі ў дыялектнай мове. Разгледзім некаторыя з іх.

1. Перадача нямецкага гука [ф] праз [п], [ф], [хв]. **Вухналь** (пол. *hufnal* < ням. *Hufnagel*); старабеларускія формы: **за ухнали** (1688), **уфналевъ** (1689), **уфналовъ** (1690), **ухналовъ** (1691), **ухналей** (1699). У фальклорных матэрыялах XIX ст. зафіксавана напісанне **вухнали** (*Есць у мене тацянкины крали, / Будуць кѣ подковкамъ вухнали* (БП, с. 222)).

Граф (пол. *graf* < ням. *Graf*); старабеларускія формы: **грабею** (1508), **кграбе** (1567), **грабство** (1582), **граби** (1582; пачатак XVII ст.), **кграби** (1597; пачатак XVII ст.), **кграбѣ** (1628), **грабѣ** (1663). У XIX ст.

форма слова працягвала адаптавацца, аднак захоўваўся і варыянт з гукам [ф]: *грань*, *графь* (*Грань Пашкевич разговаривавъ: не журигесея, ребятушки, бѣлаго цара солдатушки* (БСР, с. 68)).

Пляшка (ст.-пол. *Flasza* < сяр.-в.-ням. *vlasche*); старабеларускія формы: *полуфляшковъ* (1555–1556), *фляшъ* (1555–1556, 1598, 1616, 1699), *фляшу* (каля 1580 г.), *пляш* (1582), *полпляшгковъ* (1582), *фляшша* (1626), *до фляши* (1627), *фляше* (1710). У запісах XIX ст. зафіксаваны формы з гукам [п]: *пляшка*, *пляшачку*, *съ пляшкою*, *пляшки* (*До иниции ходыть, / По чотыры пляшки горелицы носыть* (ППДЗ, с. 103)).

Трапіць (ст.-пол. *trefić* < сяр.-в.-ням. *treffen*); старабеларускія формы: *трафил* (канец XV ст.; каля 1580 г.; пачатак XVII ст.), *трафили* (1598; пачатак XVII ст.), *трахвиль* (1598), *трафивиши* (1618), *трафивиши* (1627), *трапиль* (1627), *трапиши* (пачатак XVII ст.), *трафлю* (1637), *трафилъ* (1697). У фальклорных матэрыялах XIX ст. гэта слова і яго дэрываты паслядоўна перадаюцца праз [п]: *трапляюцца*, *утрапенню*, *траплю* (*Муха и съ пчалою упоила цаплю, бѣдна жъ моя головонька – до дому не траплю* (БСР, с. 214)).

Фалда (пол. *fald* < сяр.-в.-ням. *valde*); старабеларуская форма: *фалды* (1653). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. сустракаюцца напісанні *хваўды*, *хванды* (*А на туй сукни друбные хванды, / Люблять ее ненарыкомъ – запраўды* (ППДЗ, с. 49)).

Фартух (пол. *fartuch* < сяр.-в.-ням. *vortuoch*); старабеларускія формы: *фартухъ* (1540, 1556–1557, 1681, 1685, 1688), *фартуховъ* (1625), *безъ фартуха* (1640), *фартохъ* (1653), *хвартуховъ* (1663), *на фартуки* (1695). У XIX ст. тэндэнцыя замены [ф] на [хв] працягваецца: *хвартушокъ*, *хвартушиночку*, *хвартунонька*, *хвартукомъ*, *хвартухъ*, *хвартукъ*, *хвартуха*; аднак фіксуецца таксама напісанні *фартушокъ*, *фартушки* (*Сховала чарочку подъ хвартухъ, / На свайго милаго миргала* (БНПШ, с. 129)).

Фарэйтэр (< нем. *Vorreiter*); старабеларуская форма: *форитаръ* (1653). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. знаходзім напісанне *хвалеторъ* (*Веробей – кучаръ, соловей – хвалеторъ, сычикъ – гобурнаторъ* (БСР, с. 201)).

Фурман (пол. *furman* < нем. *Fuhrmann*); старабеларускія формы: *фурманомъ* (1500, 1540, 1597, 1711), *хормономъ* (1516), *у хурманевъ* (1558), *черезъ фурмана* (1583), *фурьмани* (1593), *форманомъ* (1620), *форман* (1653), *фурмановъ* (1679), *хурману* (1686), *хурманови* (1692). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. паралельна ўжываюцца формы *хурманку*, *хурманство*, *хурманъ*, *за хурманчика*, *хурманчики* і *фурманушку*, *фурманы*, *фурманеньку*, *фурманъ* (*Рычка рые, скача: беражись рычка, – хурманъ догоняе* (БСР, с. 302)).

Штоф (< нова.-в.-ням. *Stauf*); старабеларуская форма: *штофы* (1587). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. фіксуецца напісанні *полуштопъ*, *полуштохъ*, *полушокъ* (*Вынимала красная дѣвочка водки полуштопъ – / Вынимала сы карманчика сладкой водочки, водки полуштохъ* (БСР, с. 131)).

2. Пераход нямецкага [х] у гукі [к] ці [г]. *Шлях* (пол. *szlach* < чэш. *šlak* < сяр.-в.-ням. *slag*); старабеларускія формы: *на шляхохъ* (1585), *на шляху* (пачатак XVII ст.), *шляхъ* (1593). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. адзначаюцца розныя напісанні: *шлякамы*, *шлягамы* і *шляхи*, *шляху*, *шляхъ*, *шляхомъ* (*Да възытэ пняиченьку шлякамы, / Щобъ занэсло чорны очи пескамы* (ПЭС, с. 130); *Тэмнымі лѣсамы, / Битымі шлягамы* (ПЭС, с. 132)).

Як і ў старабеларускай мове, у XIX ст. назіралася варыянтнасць пры напісанні слова *фартух*: *хвартукъ*, *хвартукомъ* і *хвартухъ*, *хвартуха* (*Кабъ цябе кадукъ порваў, / Якъ ты мой хвартукъ подраў* (БНПШ, с. 271)).

3. Адлюстраванне зацвярдзелага [р]. *Румка* (< нем. *Röter*); у старабеларускай мове слова не зафіксавана. У XIX ст. ужывалася форма з цвёрдым [р] (*Одну румку за цябе, / А другую за сябе* (БНПШ, с. 282)).

Рэшта (ст.-пол. *reszta* < нем. *Rest*); старабеларуская форма: *решта* (1691). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. зацвярдзелы [р] перадаваўся непаслядоўна: *рэшто*, *решту*, *решты* (*Што за што, а рэшто въ ноги* (СБП, с. 188)).

Талерка (< нем. *Teller*); старабеларускія формы: *талерокъ* (1540, 1588, 1690), *тарелок* (1578, 1579, 1656), *тарелокъ* (1593), *толерок* (1596), *талерекъ* (1598), *талерки* (пачатак XVII ст.; 1688), *телерокъ* (1626). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. назіраецца варыянтнасць у напісанні гэтага слова: *на тарэцы*, *на тарэлку*, але *тарелкою*, *на тарелку*, *съ тарелки*, *тарелка*, *тарелкой*, *на талеречки*, *на талеронци*, *на тарелочкахъ*, *на талеронцы*, *на тарелочкѣ*, *талерки*, *на тареўки*, *на тарелоцы*, *на тарилочку*, *на тарелцѣ*, *на тарѣлку*, *на талерцѣ*, *за тарелочку* (*Дамъ по чарцы горѣлки, а хозяйка сырѣ на тарэцы* (БСР, с. 416)).

4. Змякчэнне нямецкага гука [л] да беларускага [л']. *Гандаць* (пол. *handel* < нем. *Handel*); старабеларускія формы: *гандлевъ* (1565), *гандлюють* (1566), *кгандлевать* (1582), *гандель* (1588, 1623), *гандлевать* (1591), *гандлевати* (1591, 1621), *до гандлю* (1627), *гандлюючи* (1645), *гандліомъ* (1722), *гандлевали* (1722). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. зафіксавана напісанне *гандливаць* (*Самъ поѣхаў на мора / Ў кораблѣхъ гандливаць* (БНПШ, с. 259)).

Гэбель (пол. *hebel* < ням. *Hobel*); старабеларускія формы: *гэбли* (1588), *гэблем* (пачатак XVII ст.). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. паслядоўна перадаецца мяккі [л']: *гэбля, гэблемъ* (*Ци гэблемъ, ци скоблею, все ровно* (СБП, с. 179)).

Дыль (пол. *dyl* < ням. *Diele*); старабеларускія формы: з *дылев* (пачатак XVII ст.), *дыль* (1617), *дыл* (1653). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. фіксуецца форма з мяккім [л']: *по дылю, дыль* (*Попівна хороша / По дылю скакала* (ПЭС, с. 149)).

Клёцка (пол. *kłosek* < сяр.-в.-ням. *klôz*); старабеларуская форма: *клець* (1653). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. фіксуюцца формы *клецаньки, клёцки, клецки, по клёцкахъ* (*Спасибо за клёцки, поливка въ зубы навязла* (СБП, с. 154)).

Кляма (ст.-пол. *klama* < с.-в.-ням. *klam*); старабеларускія формы: зь *клямкою* (1571), *клямка* (1586, 1592), *кламка* (1653), за *клямку* (1681, 1710), *клямьки* (1697). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. зафіксавана напісанне *клямка* (*Запала клямка* (СБП, с. 46)).

Куля (пол. *kula* < сяр.-в.-ням. *kule*); старабеларускія формы: *куле* (1517), *куля* (1552, 1578), с *кулею* (1566), для *куль* (каля 1580 г., 1604), *кулю* (1684). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. слова фіксуюцца толькі з мяккім [л']: *кули, куля* (*Оженила его куля быстрая, / Удружила его шабля острая* (ПЭС, с. 138)).

Лёх (ст.-пол. *loch* < сяр.-в.-ням. *loch*); старабеларускія формы: *лехи* (1539), *лехъ* (1552, 1571), *леха* (1582). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. ужыта форма *лёшки* (*Посёю я три лёшки цыбули, / Кабъ мои осуднички судзили да поснули* (БНПШ, с. 194)).

Пыталь (пол. *pytel* < чэш. *pytel* < ст.-в.-ням. *būtil*), старабеларуская форма: *пытлованои* (1653). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. зафіксавана напісанне *пытляваныя* (*За яго хлябы пытляваныя, / За яго лыжки посрибрыныя* (БПБ, с. 2)).

Сталь (пол. *stal* < нова-в.-ням. *Stahl*); старабеларускія формы: *сталь* (пачатак XVI ст.; 1685, 1686, 1692), *стал* (1579), *стали* (1583, 1684), *сталю* (1682). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. паслядоўна перадаваўся мяккі [л']: *сталь, со стали, сталенные, сталёнъ, сталистыя, сталёвыя, сталёвую, сталяныя, сталяну, сталяной, сталеная, сталяными, сталевые, сталеня, шталевые* (*Охъ дѣвочка, дѣвочка, сошій менѣ чахмянечакъ со голаньскій стали* (БСР, с. 165)).

Хвіля (пол. *chwila* < ст.-в.-ням. *hwila*); старабеларускія формы: *хвилю* (пачатак XVII ст.), *хвили* (XVII ст.). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. зафіксаваны формы *хвили, хвиля* (*Поднялася хвиля – буре, / Казакову гречку здула* (БСР, с. 193));

Шляхта (пол. *szlachta* < сяр.-в.-ням. *slahte*); старабеларуская форма: *шляхту* (1566). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. ужываліся формы *шляхта, шляхетскаго, шляхецки, шляхциць, шляхцюцьки* (*Маці шнуроўку купила, / Кабъ мяне шляхта любила* (БНПШ, с. 271)).

Шэлег (пол. *szelag* < сяр.-в.-ням. *schillinc*); старабеларуская форма: *шелегами* (1598). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. фіксуюцца толькі формы з мяккім [л']: *шелегъ, шеляжокъ, шеляжечки, шележки, шелега, по шелягу* (*Богу – шеляжокъ, / А намъ – пирожокъ* (БНПШ, с. 49)).

Аналагічная фанетычная з'ява заўважаецца і ў напісанні германізмаў, якія разглядаліся вышэй: *вухнали* (*Есць у мене тацянкины крали, / Будуць къ подковкамъ вухнали* (БП, с. 222)); *пляшка, пляшачку, съ пляшкою, пляшки* (*За пляшачку возьметца – горѣлычка льетца, за чарычку возьметца – горѣлычка пьетца* (БСР, с. 274)); *шлякамы, шлягамы, шляхи, шляху, шляхъ, шляхомъ* (*Бытымъ шляхомъ солдаты идутъ, / Мого дружка коне ъдутъ* (ПЭС, с. 137)).

5. Дысіміляцыя. **Пампушка** (пол. *ratupisch* < ням. *Ratupkischen*); старабеларуская форма: *пампѣшок* (1653). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. зафіксавана напісанне *панпушки* (*И посцелю сцелиць, – водли мяне молодэя! Вячера – панпушки, посцеля подушки* (БСР, с. 269)).

Явар (< ст.-в.-ням. *ahorn*); старабеларуская форма: *яворъ* (1516–1519). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. адзначаюцца формы *ягоръ, ягоро, ягора, у ягорѣ, яуръ, яворъ, яворове, яворецъ, на яворѣ, на явори, зъ явору* (*Одчини матынька новы дворъ! / Вязу табѣ нявѣсту якъ яворъ* (БНПШ, с. 348); *Останови коничка подъ ягорой, / Ягоро дзерево счастливоя* (БНПШ, с. 472); *На сыну порось зяленый яуръ, на нявѣстуньки бѣлая бяроза* (БСР, с. 372)).

Ярмарка (пол. *jarmark* < сяр.-в.-ням. *jârmarket*); старабеларуская форма: *ярморокъ* (1498). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. адзначаюцца напісанні *ярмолокъ, по ярмалку, на ярмалцы* (*А дѣдъ баби санки лада, / На ярмалку выпровадя* (БСР, с. 228)).

Сярод апісаных вышэй слоў таксама выяўлены выпадкі дысіміляцыі: *мандровати, помандрую, мандруваты, мандроваты, помандрувала, мандруе, мандруючы* (*А личинко помалую / И съ тобою помандрую* (ПЭС, с. 128)); *хвалеторъ*.

6. Азванчэнне пачатковага гука [х] да [г]. **Гартаваць** (пол. *hartować* < ням. *härten*); старабеларускія формы: *гартовала* (пачатак XVII ст.), *гартовати* (сярэдня XVII ст.). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. ужываецца форма *гартуюць* (*Яны куюць и гартуюць, / Чи штабы жалѣзы* (БНПШ, с. 379)).

Гетман (пол. *hetman* < сяр.-ням. дыял. *hāuptmann*); старабеларускія формы: *гетманъ* (1507, 1516, 1578, 1653), *гетманомъ* (1534; XVII ст.; 1697), *гетмана* (1668), *гэтьмановъ* (1566), *гэтманове* (каля 1580 г.), *hetmana* (канец XVI – пачатак XVII ст.). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. паслядоўна перадаецца звонкае [г]: *при гетману, гатьманъ* (*А два служить при гетману, / А два служить нашему пану* (ПЭС, с. 94)).

Гурт (пол. *hurt* < с.-в.-ням. *hurt*), старабеларуская форма: *гуртомъ* (1588, 1696, 1698). У фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. зафіксавана форма *гурты* (*Охъ вы уставайте, хлопцы гайдарочки, собирайте свое гурты – мы погонимъ воловъ у Москву* (БСР, с. 58)).

Выпадкі такога азванчэння назіраюцца і ў некаторых словах, якія разглядаліся вышэй: *гандливаць* (*Самъ поѣхаѹ на мора / Ё кораблѣхъ гандливаць* (БНПШ, с. 259)); *гаплычкі* (*Куплю жъ я ей черевычки – гаплычкі, / Еще къ тому черевычки на ручки* (ППДЗ, с. 30)); *гебля, геблемъ* (*Послѣ гебля топоромъ* (СБП, с. 134)).

У фальклорна-дыялектных зборніках XIX ст. можна адзначыць і іншыя адметныя формы германізмаў. Так, у напісанні слова *сталь* у адным выпадку перадаваліся асаблівасці нямецкага вымаўлення: *Его сошнечки да италевые, / Его полычки да яловыя* (ПЭС, с. 44). У вивучаемы перыяд таксама заўважаецца неаднастайнасць у адлюстраванні на пісьме гукаў [дз] (*Дякуй Богу, дякуй Богу и нашему цару, / Що выгнаѹ вонъ тую паныщину изъ нашего краю* (ППДЗ, с. 133); *Да дзякуй, дзякуй Бѣлый Царь, / Да дзякуй, дзякуй за красную панну* (БНПШ, с. 104)), [ў] (*Сѣѹ на коня, якъ жоўнеръ, / Ёзяѹ Сцяпутку за коўнеръ* (БНПШ, с. 472); *Хоць жовнерамъ дали плату / Штобъ брехали тамъ Пилату* (БП, с. 86); *На ей сукня въ друбненькіе хваўды, / Да любили ее не нарокомъ, по правды* (БПБ, с. 26); *Да на ихъ сукни – дрыбненькія хванды, / Да любяць ихъ да хорошіе паны* (ППДЗ, с. 52)), [ц] (*Ой рада бѣ я ратовати, да не умѣю усплывати; коли бѣ лоточка, весельцо – ратовала бѣ моѣ серца* (БСР, с. 12); *А рада бѣ я ратуваѹ, ды ня умѣю я плываѹ* (БСР, с. 392); *Буду рыбку вариѹ, буду шумоваѹ, / Буду мужа любѹ, буду шановаѹ* (БП, с. 101); *Буде мене мой родъ шановаѹ, я буду по повной вытываѹ* (БСР, с. 25)).

Германізмы ў народных гаворках падпалі пад мадыфікацыі і на акцэнталагічным узроўні [11, с. 61]. У нямецкай мове ў большасці выпадкаў націск падае на першы склад у слове, у той час як у беларускай мове націск не мае пастаяннага месца. Падчас адаптацыі некаторыя германізмы захавалі націск, уласцівы нямецкай мове (*гáндаль* < *Hándel*, *гэбелъ* < ням. *Hóbel*), іншыя яго змянілі (*гаплі́к* < *Héftel*, *жаўне́р* < *S'öldner*, *ліхтáр* < *Léuchter*).

Заклучэнне

Паміж сучаснай беларускай літаратурнай мовай і старабеларускай пісьмовай мовай, як вядома, няма прамой сувязі і пераемнасці па той прычыне, што старая пісьмовая мова выйшла з ужытку ў канцы XVII ст., а новая літаратурная мова складалася ў XIX ст. на базе жывых народных гаворак [5, с. 120].

Пры аналізе германізмаў у старабеларускай пісьменнасці і народных гаворках часта прыходзіцца назіраць, што зафіксаваныя ў помніках паасобныя формы германізмаў указваюць на магчымасць існавання такой формы, якая пакуль што не выяўлена, але павінна з'яўляцца неабходнай, асноўнай часткай, звязанай у ланцугу форм адной сям'і, аднаго семантычнага гнязда [6, с. 84]. Дапамогай пры высвятленні формы такой нявыяўленай у старабеларускай мове лексемы можа стаць аналіз выкарыстання і адаптацыі гэтага германізма ў фальклорна-дыялектных запісах XIX ст.

Такім чынам, германізмы займаюць значную частку ў складзе лексікі фальклорна-дыялектных запісаў XIX ст. Аналіз фактычнага матэрыялу дазволіў выявіць асаблівасці фанетычнай адаптацыі слоў нямецкага паходжання ў галіне вакалізму (аканне, яканне, пераход гукаў [o] і [a] у гукі [ы] і [у]) і кансанантызму (пераход нямецкага гука [ф] у гукі [п], [хв]; пераход нямецкага гука [х] у беларускія [к] ці [г]; перадача зацвярдзелага [р] на пісьме; перадача нямецкага [л] мяккім гукам [л']; дысіміляцыя; азванчэнне пачатковага нямецкага гука [х] да беларускага [г]). Пры супастаўленні германізмаў у старабеларускай мове і фальклорна-дыялектных запісах XIX ст. выяўляецца фанетычная варыянтнасць форм слова ў розных адрэзкі часу і ў межах аднаго перыяду, што тлумачыцца перш за ўсё далейшым засваеннем германізмаў у беларускай мове.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Станкевіч АА. Лексіка іншамовнага паходжання ў беларускіх народных гаворках. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Беларускае слова: дыялектнае і запазычанае. Зборнік артыкулаў на матэрыялах навуковых чытанняў, прысвечаных памяці дацэнта Еўдакіі Сцяпанавы Мясельскай; 26–27 красавіка 2011 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2011. с. 149–158.
2. Бубновіч П. *Засваенне іншамовных слоў беларускаю літаратурнаю моваю*. Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы; 2000.

3. Прыгодзіч АА. З гісторыі графіка-арфаграфічнага афармлення іншамовнай лексікі. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Беларуская арфаграфія: здабыткі і перспектывы. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю БДУ; 20–21 кастрычніка 2011 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ; 2011. с. 75–77.
4. Масленікава СС. *Германізмы ў дыялектнай мове Гродзеншчыны*. Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы; 2013.
5. Жураўскі АІ. Запозычаная лексіка ў старабеларускай мове. У: Баханькоў АЯ, Жураўскі АІ, Суднік МР, рэдактары. *Гістарычная лексікалогія беларускай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка; 1970. с. 81–160.
6. Чартко ІІ. Германізмы народнай беларускай мовы і іх адпаведнікі ў нямецкай мове. У: Прыгодзіч АА, Прыгодзіч МР, Генцэль Г, укладальнікі. *Германізмы ў беларускай мове*. Прыгодзіч МР, рэдактар. Мінск: БДУ; 2015. с. 79–85.

References

1. Stankevich AA. [Lexis of foreign origin in Belarusian folk]. In: Prygodzich MR, editor. *Belaruskae slova: dyjalektnae i zapazychanae. Zbornik artykulaw pa matjeryjalah navukovyh chytannjaw, prysvechannyh pamjaci dajenta Ewdakii Scjapanawny Mjajcel'skaj; 26–27 krasavika 2011 g.; Minsk, Belarus'* [Belarusian word: dialectal and borrowed. Collection of articles based on scientific readings in memory of docent Ewdakija Scjapanawna Mjajcel'skaja; 2011 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2011. p. 149–158. Belarusian.
2. Bubnovich II. *Zasvaenne inshamownyh slow belaruskaju litaraturnaju movaju* [Assimilation of foreign words by Belarusian literary language]. Hrodna: Janka Kupala HrSU; 2000. Belarusian.
3. Prygodzich AA. [From the history of graphic and orthographic realization of foreign vocabulary]. In: Prygodzich MR, editor. *Belaruskaja arfagrafija: zdabytki i perspektyvy. Matjeryjaly rjespublikanskaj navukova-praktychnaj kanferjencyi, prysvechanaj 90-goddzju BDU; 20–21 kstrychnika 2011; Minsk, Belarus'* [Belarusian spelling: achievements and prospects: materials of republican scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of BSU; 2011 October 20–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Publishing House of BSU; 2011. p. 75–77. Belarusian.
4. Maslenikava SS. *Germanizmy w dyjalektnej move Grodzenshchyny* [Germanisms in the dialect language of Grogno region]. Hrodna: Janka Kupala HrSU; 2013. Belarusian.
5. Zhurawski AI. [Borrowed words in Old Belarusian]. In: Bahan'kow AJ, Zhurawski AI, Sudnik MR, editors. *Gistarychnaja leksikalogija belaruskaj movy* [Historical lexicology of the Belarusian language]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1970. p. 81–160. Belarusian.
6. Chartko II. [Germanisms of the folk Belarusian language and their equivalents in German]. In: Prygodzich AA, Prygodzich MR, Genchjel' G, compilers. *Germanizmy w belaruskaj move* [Germanisms in the Belarusian language]. Prygodzich MR, editor. Minsk: Belarusian State University; 2015. p. 79–85. Belarusian.

Артыкул настуніў у рэдкалегію 20.04.2018.
Received by editorial board 20.04.2018.

УДК 811.581'373.46:621.31

ТИПОЛОГИЯ НОМИНАЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ)

ФАНЬ ЧЖИИ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные модели и способы образования китайских терминов, анализируются их структурно-семантические особенности. В качестве материала исследования избраны официальные документы на китайском языке по реализации проектов «Реконструкция Минской ТЭЦ-2 и Минской ТЭЦ-5» и «Строительство АЭС в Республике Беларусь. Выдача мощности и связь с энергосистемой», а также перечень часто используемой китайской терминологической лексики в области электроэнергетики. Охарактеризованы способы образования терминов в китайском языке, раскрыта роль терминологизации и метафоризации в процессе терминообразования. Рассматривается проблема синонимии терминов. Материал впервые исследуется через призму комбинаторной семантики, в рамках которой термин представлен как номинативная единица, состоящая из модификатора и актуализатора. Предлагается систематизация китайских терминов в зависимости от количества знаков в терминологической единице. Обозначены основные модели порождения китайских терминов. Проведено сопоставление китайских терминов с русскими эквивалентами. Выделены наиболее продуктивные модели терминообразования в китайском языке. Полученные результаты можно применять при создании китайско-русского словаря электроэнергетических терминов.

Ключевые слова: термин; китайский язык; терминообразование; комбинаторная семантика; номинативная единица; терминологизация; метафоризация; энергосистема.

ТЫПАЛОГІЯ НАМІНАЦЫІ Ў КІТАЙСКОЙ МОВЕ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ТЭРМІНАЎ ЭЛЕКТРАЭНЕРГЕТЫКІ)

ФАНЬ ЧЖЫІ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца асноўныя мадэлі і спосабы ўтварэння кітайскіх тэрмінаў, аналізуюцца іх структурна-семантычныя асаблівасці. У якасці матэрыялу даследавання абраны афіцыйныя дакументы на кітайскай мове па рэалізацыі праектаў «Рэканструкцыя Мінскай ТЭЦ-2 і Мінскай ТЭЦ-5» і «Будаўніцтва АЭС у Рэспубліцы Беларусь. Выдача магутнасці і сувязь з энергасістэмай», а таксама пералік пашыранай кітайскай тэрміналагічнай лексікі ў галіне электраэнергетыкі. Ахарактарызаваны спосабы ўтварэння тэрмінаў у кітайскай мове, раскрыта роля тэрміналогізацыі і метафарызацыі ў працэсе тэрмінаўтварэння. Закранаецца праблема сінаніміі тэрмінаў.

Образец цитирования:

Фань Чжи. Типология номинации в китайском языке (на примере терминов электроэнергетики). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3: 92–99.

For citation:

Fan Zhiyi. Nomination typology in the Chinese language (case study of electric power terms). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:92–99. Russian.

Автор:

Фань Чжи – аспирант кафедры теории и практики китайского языка факультета китайского языка и культуры. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. Н. Гордей.

Author:

Fan Zhiyi, postgraduate student at the department of theory and practice of the Chinese language, faculty of Chinese language and culture.
zhiyifan2005@163.com

Матэрыял упершыню даследуецца праз прызму камбінатарнай семантыкі, у межах якой тэрмін разглядаецца як намінацыйная адзінка, якая складаецца з мадыфікатара і актуалізатара. Прапануецца сістэматызацыя кітайскіх тэрмінаў у залежнасці ад колькасці знакаў у тэрміналагічнай адзінцы. Абзначаны асноўныя мадэлі ўтварэння кітайскіх тэрмінаў. Праведзена супастаўленне кітайскіх тэрмінаў з рускімі эквівалентамі. Вылучаны найбольш прадукцыйныя мадэлі тэрмінаўтварэння ў кітайскай мове. Атрыманыя вынікі можна выкарыстоўваць пры стварэнні кітайска-рускага слоўніка электраэнергетычных тэрмінаў.

Ключавыя словы: тэрмін; кітайская мова; тэрмінаўтварэнне; камбінатарная семантыка; намінацыйная адзінка; тэрміналагізацыя; метафарызацыя; энергасістэма.

NOMINATION TYPOLOGY IN THE CHINESE LANGUAGE (CASE STUDY OF ELECTRIC POWER TERMS)

FAN ZHIYI^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The article goes into research on the basic models and ways of term structure in the Chinese language, contains the analysis of the structure and semantics features of Chinese terms. The source of terminology includes official papers of NCPE company on Minsk CHPP-2, Minsk CHPP-5, complex construction of the object «NPP construction in the Republic of Belarus» and the list of the most frequently used terminological vocabulary in the electric power industry. Power delivery and communication with energy system» and the list of the most frequently used terminological vocabulary in the electric power industry. The article outlines the ways of formation of terminological vocabulary in the Chinese language, shows the role of terminologization and metaphorization in the process of term formation, depicts the problem of terms synonymy. The article is the first work which investigates terms on the basis of the combinatory semantics theory approach, where a term is considered to be a nominative unit with modifier and actualizer as its main components. The author provides the classification of the Chinese terms based on the number of characters in the term unit. As a result, the author outlines the basic models of term formation in the Chinese language, clarifies the regularities of formation of terminological units of the same type, makes comparison with the Russian equivalents, points out the most productive models of Chinese terminology, proves the high degree of compliance with the basic requirements for terminology. The results obtained can be helpful in the process of compiling the dictionary of electric power terms.

Key words: term; Chinese language; term formation; combinatory semantics; nominative unite; terminologization; metaphorization; power system.

Введение

Лексический состав научного стиля речи является объектом активных лингвистических исследований, поскольку способы терминологической номинации, с одной стороны, отражают общие принципы развития языка, с другой – имеют свои ограничения, обусловленные спецификой научной сферы общения. Выработка единой теоретической базы для углубленного анализа способов образования терминов и их структурно-семантических особенностей может способствовать стандартизации и взаимодополняемости терминологических систем различных языков. Предлагаемое исследование китайской терминологии имеет прикладное значение и ориентировано на составление китайско-русского словаря электро-энергетических терминов. В качестве материала исследования выступает официальная документация на китайском языке по реализации проектов «Реконструкция Минской ТЭЦ-2 и ТЭЦ-5» и «Строительство АЭС в Республике Беларусь. Выдача мощности и связь с энергосистемой»¹, а также перечень часто используемых электроэнергетических терминов китайского языка, включающий 80 единиц [1].

Слово «термин» произошло от лат. *terminus*, что означает «предел, граница, пограничный знак» [2, с. 556]. В ходе развития его семантика эволюционировала, и в некоторых языках слово до сих пор используется в значении ‘срок, период, точно указанное время’ (например, бел. *тэрмін*, англ. *term* и др.).

¹Заключение РУП «Белнипиэнергопром»: техническое решение по реконструкции Минской ТЭЦ-2, представленное Китайской народной корпорацией по зарубежному экономическому сотрудничеству, 20 апреля 2005 г. Минск, 2005. 2 с. ; Спецификация комплектации. Поставка КНР: приложение № 1 к контракту от 14 ноября 2007 г. Минск: РУП «Минскэнерго»; 2007. с. 71–84.

В современном русском языке лексема «термин» обозначает «слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [3, с. 472]. В логике под термином понимается «субъект или предикат суждений, входящих в состав силлогизма» [4, с. 1318].

В китайском языке слово «термин» обозначается биномом 术语 (*shù yǔ*), где 术 (*shù*) – техника, метод, способ, 语 (*yǔ*) – язык, слово [5, с. 86, 319], и имеет только одно значение: 某门学科中的专门用语 ‘специальная лексика, используемая в некоторой отрасли знания’² [6, с. 1269].

Проблемам общей теории терминологии посвящены работы Д. С. Лотте, Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, Р. Г. Пиотровского, Б. Л. Головина, В. М. Лейчика, А. В. Суперанской, С. В. Гриневой, Б. Ю. Городецкого и др. Среди исследователей терминологии китайского языка можно назвать В. В. Иванова, И. Д. Кленина, О. П. Фролову, А. А. Григорьеву, О. Р. Очирова, Д. Б. Нечипорук и др. Достаточно активно проводятся исследования терминологии и в Китае. С 1985 г. выходит журнал «Китайская научно-техническая терминология» (中国科技术语). Вопросы терминологии стали предметом изучения таких китайских ученых, как Чжан Чунсинь, Фэн Чживэй, Гао Минкай, Лю Чжэнтань и др.

Основная часть

В теории словообразования производное слово (дериват) обычно понимается как результат соединения производящей базы и словообразовательного форманта. В зависимости от характера словообразовательного форманта выделяются морфологический и неморфологический способы словообразования (аффиксальный и неаффиксальный). К неморфологическим способам словообразования относятся аббревиация, сложение, субстантивация [7, с. 33–34]. В китайском языке самым распространенным способом словообразования является корнесложение, так образованы 96,5 % производных слов [8, с. 35–36]. Среди других моделей словообразования в китайском языке выделяются аббревиация, редупликация и конверсия. Аффиксальное словообразование также встречается, но нечасто, поскольку число суффиксов и префиксов в китайском языке невелико [8, с. 97, 99].

Терминообразование, как правило, представляет собой вторичную номинацию, т. е. переосмысление уже существующих слов. При этом единицы общеупотребительной лексики подвергаются семантической деривации и начинают использоваться в качестве терминов. Так, в китайском языке слово 组织 (*zǔzhī*) ‘ткать’ стало употребляться в значении ‘организация’. Примером вторичной номинации служит и использование даосских терминов для обозначения буддийских понятий на раннем этапе распространения буддизма в Китае [9, с. 31–32].

Процесс терминологизации часто происходит посредством метафоризации – переноса значения по сходству. Например, слово *лапа* стало частью технической терминологии во многих языках. В китайском языке это значение приобрел знак 爪 (*zhǎo*) ‘когти’, ‘лапа’: 锚爪 (*máozhǎo*) ‘лапа якоря’; 牙轮爪 (*yá lún zhǎo*) ‘лапа долота’; 支承爪 (*zhī chéng zhǎo*) ‘опорная лапа’. Китайский иероглиф 花 (*huā*) ‘цветок’ имеет метафорическое значение ‘искра’: термин 电火花 (*diàn huǒ huā*) ‘электрическая искра’ буквально переводится как ‘цветок электрического света’.

Широко распространенным способом терминообразования в китайском языке являются фонетические заимствования, передающие звучание слова (например, кит. 雷达 (*léi dá*) ‘радар’ произошло от англ. *radar*), и семантические кальки, когда новое слово возникает в результате перевода составных компонентов (洗涤器 (*xǐdíqì*) ‘скруббер’ – досл. ‘промывочное устройство’). Встречаются и так называемые полукальки, возникшие посредством комбинирования транскрипции и семантической кальки, когда одна часть компонентов раскрывает значение термина, а другая отражает его звучание (например, 千瓦 (*qiānwǎ*) ‘киловатт’, 文丘里除尘器 (*wénqūlǐ chúchénqì*) ‘пылеуловитель Вентури’). Разновидностью полукальки является использование иноязычных элементов, как правило представленных аббревиатурами, например AVR屏 ‘панель AVR’ (автоматический ввод резерва).

В ряде случаев в китайском языке возникает проблема синонимии терминов, когда одно и то же понятие имеет несколько аналогов, образованных разными способами. Например, слово *локомотив* передается посредством метафорического термина 火车头 (*huǒchētóu*), имеющего буквальный перевод ‘голова огненной повозки’, а также лексемы 机车 (*jīchē*) ‘механизм + повозка’, являющегося заимствованием из японского языка [9, с. 133]. Встречаются примеры сосуществования фонетического заимствования и семантической кальки для обозначения одного и того же понятия, но в силу слогового характера китайского языка, стремления к лаконичности и осмысленному использованию каждого слова более предпочтительным способом терминообразования оказывается семантическое калькирование.

²Здесь и далее перевод наш. – Ф. Ч.

Так, слово 披亚言诺 (*pīyà yán nuò*) ‘пианино’, представляющее собой фонетическое заимствование из английского языка (*piano*), было полностью вытеснено словом 钢琴 (*gāngqín*) ‘стальная цитра’. Некоторые термины-синонимы могут быть образованы одним способом, но отражать различные аспекты передаваемого понятия. Например, слово «барометр» в китайском языке имеет два аналога, образованных путем семантического калькирования: 风雨表 (*fēngyǔ biǎo*) ‘измеритель ветра и дождя’ и 气压表 (*qì yā biǎo*) ‘измеритель воздушного давления’ [9, с. 133].

Для проведения анализа структурных особенностей терминов мы используем теорию двухкомпонентности языкового знака, предложенную Я. Розвадовским и получившую развитие в трудах В. В. Мартынова [10; 11] и А. Н. Гордея [12] в рамках комбинаторной семантики. Согласно теории двухкомпонентности языкового знака человек осуществляет номинацию какой-либо новой реалии посредством добавления отличительного (модифицирующего) признака к уже известному понятию. Как пишет В. В. Мартынов, «описательное обозначение должно опираться на уже известное, поэтому оно неизбежно превращается сначала в двухкомпонентный знак (модификатор + знак), а при предсказуемости второго компонента может наступить свертывание» [10, с. 76]. Таким образом, в комбинаторной семантике слово рассматривается как свернутая номинативная единица, а сама номинативная единица – как «устойчивая последовательность знаков, в которой один знак (модификатор) определяет другой (актуализатор)» [12, с. 33]. Например, слово *летчик* является результатом свертки номинативной единицы *летающий человек*, где *летающий* – модификатор, *человек* – актуализатор. Поскольку модификатор добавляет новый признак к уже имеющемуся понятию, представленному актуализатором, то свертывание происходит в пользу модификатора, в итоге актуализатор *человек* выражается суффиксом *-чик*. Иногда возникает полное свертывание актуализатора в пользу модификатора. Например, слово *наличные* является результатом свертывания номинативной единицы *наличные деньги*.

Двухкомпонентность знака может быть явной, свернутой и скрытой. В случае явной двухкомпонентности эксплицированы и актуализатор, и модификатор, как, например, в словосочетании *большая дорога*. В свернутой номинативной единице актуализатор усечен в пользу модификатора: *большак*. Для восстановления скрытой двухкомпонентности (например, для слова *тракт*) необходимо метаязыковое определение (*тракт – большая дорога*) [11, с. 133].

Согласно положениям комбинаторной семантики номинативные единицы, называющие предметы – субъекты и объекты, являются тайгенами, а номинативные единицы, обозначающие качества предметов и процессы (акции), в которых они участвуют, являются ёгенами: «Тайгены и ёгены не следует смешивать с позиционными тайгенами или ёгенами как результатами реализаций одних номинативных единиц в структурах других. <...> В китайских тайгенах модификатор занимает левую маргинальную позицию, актуализатор – правую, в китайских ёгенах обратная зависимость: модификатор занимает правую маргинальную позицию, актуализатор – левую» [12, с. 36–37].

Наименование объекта (например, оборудования) всегда является тайгеном, а наименование процесса – ёгеном. Это характерно и для китайского языка: 器 (*qì*) ‘аппарат’; 门 (*mén*) ‘клапан’ – тайгены; 升 (*shēng*) ‘подниматься’; 旋 (*xuàn*) ‘вращаться’ – ёгены.

Вместе с тем один знак может быть и тайгеном, и ёгеном. Например, лексема 计 (*jì*) в значении ‘мерить’ является ёгеном, в значении ‘прибор для измерения’ – тайгеном; 泵 (*bèng*) в значении ‘качать (жидкость или газ)’ – ёген, в значении ‘насос (оборудование для выкачивания жидкости или газа)’ – тайген. Это типичное для раннего глоттогенеза явление семантического синкретизма, когда одно и то же слово может использоваться для обозначения как самого индивида, так и его постоянного признака (свойства) либо переменного признака (процесса): в древнем китайском языке знак 書 служил наименованием и процесса ‘писать’, и его результата – ‘письмена’, позже у него появилось значение ‘книга’; в древнерусском языке «лексема *опась* означала как *боязнь*, *страх*, так и избавление, защиту от страха – *охрана*, *защита*» [13].

В китайском языке отдельный знак также представляет собой номинативную единицу. Подавляющее большинство китайских иероглифов (до 90 %) принадлежат к категории фоноидеограмм, т. е. состоят из ключа (детерминатива), указывающего на конкретную смысловую область, и фонетика, определяющего чтение (хотя в ряде случаев фонетик также имеет большое значение для формирования семантики иероглифа). Таким образом, ключ выступает в роли актуализатора, а фонетик – в роли модификатора [6, с. 38–39].

При составлении парадигмы китайских электроэнергетических терминов мы исходим из понимания термина как номинативной единицы и опираемся на теорию двухкомпонентности языкового знака. Основанием для выделения данной парадигмы служит количество знаков, входящих в состав терми-

нологической единицы. Процесс наращивания семантики осуществляется от простого к сложному, что достигается посредством постепенного дополнения актуализатора модификаторами.

Унарные термины представляют собой микроскопические номинативные единицы: 机 (*jī*) ‘машина’, 炉 (*lú*) ‘котел’, 轴 (*zhóu*) ‘вал’ – тайгены; 灭 (*miè*) ‘гасить’, 除 (*chú*) ‘удалять’, 积 (*jī*) ‘накапливать’ – ёгены. Их можно разложить на актуализатор и модификатор, осуществив анализ компонентов иероглифа. Например, знак 炉 (*lú*) ‘котел’ состоит из детерминатива 火 (*huǒ*) ‘огонь’, играющего роль актуализатора, и фонетика 户 (*hù*) ‘двор’, выполняющего функцию модификатора.

В **бинарных терминах** актуализатор и модификатор вычленяются на уровне компонентов структуры знаков. Согласно положениям комбинаторной семантики «в китайских тайгенах в позиции модификатора тайгены и ёгены реализуются как ёгены, в позиции актуализатора – как тайгены» [9, с. 37]. В терминах-тайгенах актуализатор занимает правую маргинальную позицию. Рассмотрим несколько примеров:

- 主轴 (*zhǔzhóu*) ‘главный вал’ = ‘главный’ (модификатор (М)) + ‘вал’ (актуализатор (А)). В роли модификатора знак 主 (*zhǔ*) ‘главный’ реализуется как ёген, в роли актуализатора знак 轴 (*zhóu*) ‘вал’ – как тайген;

- 风机 (*fēngjī*) ‘вентилятор’ = ‘ветряная’ (М) + ‘машина’ (А). В роли модификатора тайген 风 (*fēng*) ‘ветряной’ реализуется как ёген, в роли актуализатора 机 (*jī*) ‘машина’ – как тайген.

В терминах-ёгенах актуализатор занимает левую маргинальную позицию, при этом «в позиции актуализатора тайгены и ёгены всегда реализуются как ёгены, в позиции модификатора – как ёгены или тайгены» [10, с. 37]: 灭火 (*mièhuǒ*) ‘гашение’ = ‘гасить’ (А) + ‘огонь’ (М) (знак 灭 (*miè*) ‘гасить’ реализуется как ёген, знак 火 (*huǒ*) ‘огонь’ – как тайген); 吊挂 (*diàoguà*) ‘висеть’ = ‘висеть’ + ‘висеть’ (знак 吊 (*diào*) реализуется как ёген, знак 挂 (*guà*) – как ёген).

Унарные и бинарные номинативные единицы служат базой для построения более сложных терминологических единиц. Согласно произведенным нами расчетам бинарные термины составляют 12,5 % исследуемого перечня часто используемых электроэнергетических терминов китайского языка [1].

Далее мы сосредоточим наше внимание на анализе терминов-тайгенов, поскольку большинство терминологических единиц китайского языка являются тайгенами, построенными по атрибутивной модели.

Тернарные термины состоят из бинарного модификатора и унарного актуализатора. Модификатор, в свою очередь, можно разложить на собственные модификатор (М₀) и актуализатор (А₀).

Если в роли бинарного модификатора выступает тайген, А₀ занимает в нем правую маргинальную позицию: М [М₀ + А₀] + А:

- 蛇形管 (*shéxíngguǎn*) ‘змеевик’ = М [змеиная + форма] + А [труба];
- 大板梁 (*dàbǎn liáng*) ‘хребтовая балка’ = М [большая + доска] + А [балка].

Если в роли бинарного модификатора находится ёген, А₀ занимает в нем левую маргинальную позицию: М [А₀ + М₀] + А:

- 沸腾炉 (*fēitēnglú*) ‘котел с кипящей топкой’ = М [кипеть + подниматься вверх] + А [котел];
- 下降管 (*xiàjiàngguǎn*) ‘опускная труба’ = М [вниз + опускать] + А [труба].

Часто роль А₀ играет ёген, а роль М₀ – тайген:

- 磨煤机 (*mòméijī*) ‘мельница’ = М [молоть + уголь] + А [машина] (букв. ‘машина для размолва угля’);
- 减温器 (*jiǎnwēnqì*) ‘охладитель’: М [уменьшать + температура] + А [аппарат] (букв. ‘аппарат для уменьшения температуры’);
- 防爆门 (*fángbào mén*) ‘взрывной клапан’ = М [предотвращать + взрыв] + А [клапан] (букв. ‘клапан, предотвращающий взрыв’).

Номинативные единицы, образованные по данной модели, могут составлять ряд однотипных номинативных единиц с различными М₀, например 补水门 (*bǔshuǐ mén*) ‘клапан добавочной воды’, 补油门 (*bǔyóu mén*) ‘клапан добавочного масла’, 补氢门 (*bǔqīng mén*) ‘клапан добавочного водорода’.

Аналогичная закономерность проявляется и в отношении номинативных единиц, в которых роль бинарного модификатора (М) играет комбинация унарных тайгенов: 一次风 (*yīcì fēng*) ‘первичный воздух’ (букв. ‘воздух первого раза’); 二次风 (*èrcì fēng*) ‘вторичный воздух’ (букв. ‘воздух второго раза’); 三次风 (*sāncì fēng*) ‘третичный воздух’ (букв. ‘воздух третьего раза’). Подобные номинативные единицы также различаются собственными модификаторами М₀.

Согласно произведенным нами расчетам тернарные номинативные единицы составляют 22,5 % часто используемых китайских терминологических единиц [1].

Для **квартернарных терминов** характерна комбинация бинарных знаков в роли модификатора и актуализатора:

- 双速风机 (*shuāngsù fēngjī*) ‘двухскоростной вентилятор’ = двухскоростной [двойная + скорость] + вентилятор [ветряная + машина];
- 伞型齿轮 (*sǎnxíng chīlún*) ‘коническое зубчатое колесо’ = конический [зонт + форма] + шестерня [зубчатый + колесо].

Номинативные единицы подобного типа построены по модели $M [M_0 + A_0] + A [M_0 + A_0]$. Иногда встречаются и другие модели, например комбинация тернарного модификатора и унарного актуализатора: 省煤器管 (*shěngméiqìguǎn*) ‘труба экономайзера’ = экономайзер [[экономить + уголь] + аппарат] + труба. Термин *экономайзер* буквально обозначает ‘аппарат для экономии угля’. Модель построения номинативной единицы в данном случае выглядит следующим образом: $M [M_0 [A_{0.0} + M_{0.0}] + A_0] + A$.

Квартернарные номинативные единицы составляют 37,5 % часто используемых китайских терминологических единиц [1].

Полиарные термины представляют собой лексические единицы, состоящие из пяти и более знаков, для которых типична комбинация актуализатора с несколькими модификаторами.

Термин из пяти знаков может быть построен по модели $M [M_{0.1} [M_{0.0.1} + A_{0.0.1}] + M_{0.2} [M_{0.0.2} + A_{0.0.2}]] + A$: 立式深井泵 (*lìshì shēnjǐng bèng*) ‘вертикальный артезианский насос’ = вертикальный [вертикальный + тип] + артезианский [глубокий + колодец] + насос.

Термин из шести знаков образуется по модели $M [M_{0.1} [M_{0.0.1} + A_{0.0.1}] + M_{0.2} [M_{0.0.2} + A_{0.0.2}]] + A [M_0 + A_0]$: 高压调速汽门 (*gāoyà tiáosù qì mén*) ‘регулирующий клапан высокого давления’ = высокое давление [высокое + давление] + регулирующий скорость [регулирующий + скорость] + клапан [паровой + клапан].

Термин из семи знаков строится по модели $M [M_{0.1} [A_{0.0.1} + M_{0.0.1}] + M_{0.2} [A_{0.0.2} + M_{0.0.2}]] + A [M_0 [A_{0.0} + M_{0.0}] + A_0]$: 轴封抽汽冷却器 (*zhóufēng chōuqì lěngquè qì*) ‘охладитель для отбора пара валоплотнения’ = валоплотнение [вал + уплотнение] + отбор пара [отбор + пар] + охладитель [[охлаждать + отступать] + аппарат].

Термин из восьми знаков создается по модели $M [M_{0.1} [M_{0.0.1} + A_{0.0.1}] + M_{0.2} [M_{0.0.2} + A_{0.0.2}] + M_{0.3} [M_{0.0.3} + A_{0.0.3}]] + A [M_0 + A_0]$: 汽包水位工业电视 (*qìbāo shuǐwèi gōngyè diànshì*) ‘промышленный телевизор для контроля уровня воды в барабане’ = барабан [пар + узел] + уровень воды [вода + место] + промышленный [работа + дело] + телевизор [электрический + видеть].

Термин из девяти знаков образуется по модели $M [M_{0.1} [A_{0.0.1} + M_{0.0.1}] + M_{0.2} [A_{0.0.2} + M_{0.0.2}] + M_{0.3} [A_{0.0.3} + M_{0.0.3}] + M_{0.4} [A_{0.0.4} + M_{0.0.4}]] + A$: 直流试验放电装置柜 (*zhíliú shìyàn fàngdiàn zhuāngzhì guì*) ‘шкаф устройства разряда для опробования постоянного тока’ = постоянный ток [прямой + поток] + испытание [пробовать + проверять] + разряд [разряжать + электричество] + устройство [устанавливать + класть] + шкаф.

Термин из десяти знаков может строиться по модели $M [M_{0.1} [M_{0.0.1} + A_{0.0.1}] + M_{0.2} [M_{0.0.2} + A_{0.0.2}]] + M_{0.3} [M_{0.0.3} + A_{0.0.3}] + A [M_0 + A_0]$: 全厂工业电视监视系统 (*quánchǎng gōngyè diànshì jiānshì xìtǒng*) ‘система повсеместного промышленного телевизионного контроля электростанции’ = общезаводской [весь + завод] + промышленный [работа + дело] + телевизор [электрический + смотреть] + контроль [контролировать + смотреть] + система [связывать + вместе].

Согласно произведенным нами расчетам терминологические единицы, состоящие из пяти знаков, составляют 8,75 % часто используемых электроэнергетических китайских терминов; из шести знаков – 12,5; из семи – 2,5; из восьми – 1,25; из девяти – 1,25; из 10 – 1,25 % [1].

Анализ китайских электроэнергетических терминов свидетельствует о том, что актуализатор и модификатор представлены в них в явном виде, в отличие от русских аналогов, в которых актуализатор может подвергаться свертыванию. Например, термин *питатель угля* в китайском языке представляет собой номинативную единицу 给煤机 (*gěiméijī*) ‘машина, дающая уголь’. Если в китайском языке актуализатор и модификатор эксплицированы, то в русском языке термин *питатель угля* возник в результате свертывания актуализатора в пользу модификатора: *устройство (актуализатор) для питания угля (модификатор)* → *питатель угля*. Термин *зажим* также возник в результате свертывания актуализатора (*зажимное приспособление* → *зажим*). В китайском термине 卡具 (*qiǎjù*) ‘зажимный инструмент’ актуализатор сохраняется. Причина отсутствия свертывания, вероятно, заключается в морфематической значимости слогоделения в китайском языке, позволяющей китайским терминам обладать, с одной стороны, точностью, с другой – краткостью. В синтетических языках требования точности и краткости часто вступают в противоречие.

Заключение

Изучение типологии номинации в китайском языке помогает выявить универсальные принципы, свойственные процессам словообразования, а также специфические черты, присущие китайской

терминологической лексике. В китайском языке самыми распространенными способами терминообразования являются вторичная номинация, фонетическое заимствование и семантическое калькирование.

Мы предлагаем рассматривать термин как номинативную единицу, состоящую из двух компонентов – модификатора (определяющий компонент) и актуализатора (определяемый компонент), которые выделяются на уровне семантической структуры как отдельного иероглифа, так и лексемы, состоящей из нескольких иероглифов, а также на уровне сочетания лексем. Процесс наращивания семантики осуществляется от простого к сложному, что достигается посредством постепенного дополнения актуализатора модификаторами. Унарные и бинарные номинативные единицы составляют основу для построения более сложных терминологических единиц. Проанализировав часто используемые китайские электроэнергетические термины, мы пришли к выводу о том, что наиболее продуктивные модели терминообразования в китайском языке включают кватернарную номинативную единицу, представляющую собой сочетание двух бинарных номинативных единиц ($M [M_0 + A_0] + A [M_0 + A_0]$; 37,5 %), а также тернарную номинативную единицу, представляющую собой сочетание бинарной и унарной номинативных единиц ($M [M_0 + A_0] + A$; 22,5 %). Полиарные номинативные единицы являются комбинациями нескольких модификаторов и актуализатора (например, $M [M_{0.1} [M_{0.0.1} + A_{0.0.1}] + M_{0.2} + [M_{0.0.2} + A_{0.0.2}] + \dots] + A [M_0 + A_0]$).

В отличие от терминов русского языка, в которых актуализатор часто подвергается свертыванию, в китайских терминах актуализатор и модификатор представлены в явном виде. Благодаря прозрачной структуре, мотивированности и лаконичности китайские термины способны обеспечивать эффективную коммуникацию в научной и производственной сферах.

Библиографические ссылки

1. 火力发电厂常用词汇汇总 = Словарь часто используемой лексики в области ТЭС [Интернет] [процитировано 11 февраля 2018 г.]. URL: <http://wenku.baidu.com/view/a5a26662a6c30c2258019e24.html>.
2. Розенталь ДЭ, Теленкова МА. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Москва: Астрель; 2001. 623 с. Совместное издание с «АСТ».
3. Ахманова ОС. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия; 1966. 605 с.
4. Кузнецов СА, редактор. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт; 2003. 1536 с.
5. *Китайско-русский словарь*. Пекин: Шанву иншугуань; 1992. 1250 с.
6. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆; 2005. 1871页 = Современный словарь китайского языка. Пекин: Шанву иншугуань; 2005. 1871 с.
7. Карасева КВ. *Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики*. Минск: РИВШ; 2014. 202 с.
8. Сунь Кэвэнь. *Типология словообразования китайского и русского языков*. Минск: РИВШ; 2009. 112 с.
9. Иванов ВВ. *Терминология и заимствования в современном китайском языке*. Москва: Наука; 1973. 173 с.
10. Мартынов ВВ. *В центре сознания человека*. Минск: БГУ; 2009. 272 с.
11. Мартынов ВВ. *Категории языка*. Москва: Наука; 1982. 191 с.
12. Гордей АН. *Принципы исчисления семантики предметных областей*. Минск: Белгосуниверситет; 1998. 156 с.
13. Черепанова ОА. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка [Интернет] [процитировано 10 мая 2017 г.]. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/8_01.htm.

References

1. *Huoli fadianchang changyong cihui huizong* [Vocabulary of electric power terms] [Internet] [cited 2018 February 11]. Available from: <http://wenku.baidu.com/view/a5a26662a6c30c2258019e24.html>. Chinese.
2. Rozental' DE, Telenkova MA. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary and reference book of linguistic terms]. Moscow: Astrel; 2001. 623 p. Co-published by the «AST». Russian.
3. Ahmanova OS. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1966. 605 p. Russian.
4. Kuznetsov SA. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint; 2003. 1536 p. Russian.
5. *Kitaisko-russkii slovar'* [Chinese-Russian dictionary]. Beijing: Shangwu yinshuguan; 1992. 1250 p. Chinese, Russian.
6. *Xiandai hanyu cidian* [Modern dictionary of the Chinese language]. Beijing: Shangwu yinshuguan; 2005. 1871 p. Chinese.
7. Karasiova KV. *Printsipy dekodirovaniya kitaiskikh logogramm i rekonstruktsiya ikh semantiki* [Principles of decoding Chinese logograms and reconstruction of their semantics]. Minsk: NIHS; 2014. 202 p. Russian.

8. Sun Kewen. *Tipologiya slovoobrazovaniya kitaiskogo i russkogo yazykov* [Typology of word formation in the Chinese and Russian languages]. Minsk: NIHS; 2009. 112 p. Russian.
9. Ivanov VV. *Terminologiya i zaimstvovaniya v sovremennom kitaiskom yazyke* [Terminology and derivation in modern Chinese language]. Moscow: Nauka; 1973. 173 p. Russian.
10. Martynov VV. *V tsentre soznaniya cheloveka* [In the center of human conscience]. Minsk: Belarusian State University; 2009. 272 p. Russian.
11. Martynov VV. *Kategorii yazyka* [The categories of language]. Moscow: Nauka; 1982. 191 p. Russian.
12. Hardzei A. *Printsipy ischisleniya semantiki predmetnykh oblastei* [The principles for semantics calculus of subject domains]. Minsk: Belarusian State University; 1998. 156 p. Russian.
13. Cherepanova OA. On the relationship between the concepts of «semantic syncretism» and «lexico-semantic group» applied to the lexical system of the Old Russian language [Internet] [cited 2017 May 10]. Available from: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/8_01.htm. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.05.2018.
Received by editorial board 01.05.2018.

УДК 81'367.628=811.16

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИ НЕЧЛЕНИМОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ «ХОРОШО» (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

А. П. ЛАТУШКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены коммуникативные функции синтаксически нечленимого высказывания *Хорошо* в белорусском, украинском, чешском и болгарском языках. Создана классификация видов согласия и описаны группы, в которые может входить это высказывание (например, торопливое согласие, согласие-успокаивание, одобрение, согласие-сомнение и т. д.). Синтаксически нечленимое высказывание *Хорошо* представлено вместе с вариантами и семантическими эквивалентами в четырех славянских языках, приведены контексты его употребления, обнаруженные на материале драматургических и прозаических произведений. Сделаны выводы о близости функций этой синтаксической единицы в славянских языках, выявлены особенности ее образования и употребления, продемонстрирована полифункциональность указанного высказывания. Результаты работы сведены в таблицу, где представлены синтаксически нечленимое высказывание *Хорошо* и его варианты в группах согласия, в которых они были зафиксированы, для каждого анализируемого языка.

Ключевые слова: коммуникативная функция; междометие; речевой акт согласия; синтаксис; синтаксически нечленимое высказывание; славянские языки; согласие.

КАМУНІКАТЫЎНЫЯ ФУНКЦЫІ СІНТАКСІЧНА НЯЧЛЕННАГА ВЫКАЗВАННЯ «ДОБРА» (НА МАТЭРЫЯЛЕ СЛАВЯНСКІХ МОЎ)

Г. П. ЛАТУШКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разгледжаны камунікатыўныя функцыі сінтаксічна нячленнага выказвання *Добра* ў беларускай, украінскай, чэшскай і балгарскай мовах. Створана класіфікацыя відаў згоды і апісаны групы, у якія можа ўваходзіць гэта выказванне (паспешлівая згода, згода-супакойванне, адабрэнне, згода-сумненне і г. д.). Сінтаксічна нячленнае выказванне *Добра* прадстаўлена разам з варыянтамі і семантычнымі эквівалентамі ў чатырох славянскіх мовах, прыведзены кантэксты яго ўжывання ў драматургічных і пражаных творах. Зроблены высновы пра блізкасць функцый гэтай сінтаксічнай адзінкі ў славянскіх мовах, выяўлены адметнасці яе ўтварэння і ўжывання, прадэманстравана поліфункцыянальнасць выказвання. Вынікі работы зведзены ў табліцу, дзе рэпрэзентаваны сінтаксічна нячленнае выказванне *Добра* і яго варыянты ў групах згоды, у якіх яны сустраляліся, для кожнай аналізуемай мовы.

Ключавыя словы: выклічнік; камунікатыўная функцыя; згода; маўленчы акт згоды; сінтаксіс; сінтаксічна нячленнае выказванне; славянскія мовы.

Образец цитирования:

Латушка Г.П. Камунікатыўныя функцыі сінтаксічна нячленнага выказвання «Добра» (на матэрыяле славянскіх моў). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2018;3:100–109.

For citation:

Latushka H.P. Communicative functions of syntactically indivisible utterance «Good» (based on the material of the Slavic languages). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:100–109. Belarusian.

Автор:

Анна Петровна Латушко – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Б. Ю. Норман.

Author:

Hanna P. Latushka, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
sirotkina_ann@mail.ru

COMMUNICATIVE FUNCTIONS OF SYNTACTICALLY INDIVISIBLE UTTERANCE «GOOD» (BASED ON THE MATERIAL OF THE SLAVIC LANGUAGES)

H. P. LATUSHKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Communicative functions of syntactically indivisible utterance *Good* in the Belarusian, Ukrainian, Czech and Bulgarian languages were considered. The classification of agreement was created and the groups of agreement that include *Good* (for example, hurried agreement, agreement with reassurance, approval, agreement with doubt, etc.) were described. Syntactically indivisible utterance *Good* together with alternants and semantic equivalents was presented. Contexts of usage *Good* based on the material of dramaturgic works were adduced also. The features of *Good* usage in each of the analyzed language were described. Conclusions about similarity and differences of *Good* functioning in the Slavic languages were made, polyfunctionality of utterance was demonstrated. The results of the work were summarized in the table which represent syntactically indivisible utterance *Good*, its alternants and the groups of agreement in which they were detected for each of the analyzed language.

Key words: agreement; communicative function; interjection; Slavic languages; speech act of agreement; syntactically indivisible utterance; syntax.

Аб'ектам нашага даследавання выступаюць сінтаксічна нячленныя выказванні (далей – СНВ) з лексемай *добра* (укр. *добре*, чэш. *dobře*, балг. *добре*) у славянскіх мовах. Пад СНВ мы разумеем кароткія інтанацыйна аформленыя выказванні, якія звычайна ўжываюцца ў дыялогу, складаюцца з аднаго слова ці ўстойлівага спалучэння слоў і служаць для выражэння мадальных і экспрэсіўных адносін, напрыклад: *Так; Яшчэ чаго; Абавязкова; Канечне; Без пытанняў* і г. д. Акрэсленая тэма пакуль не так шырока распрацавана ў беларускай лінгвістыцы, але існуюць асобныя работы па названай праблеме і сумежных з ёй пытаннях [1–7]. У рускай лінгвістыцы СНВ актыўна вывучаюцца, ствараюцца слоўнікі названых адзінак, манаграфіі, дысертацыі, публікуюцца шматлікія артыкулы, прысвечаныя іх даследаванню (гл., напрыклад, [8–10]). Тым не менш многія праблемы, якія датычацца СНВ, застаюцца нявырашанымі.

У межах гэтай работы мы параўналі СНВ згоды, ядзернай лексемай у якіх з'яўляецца слова *добра*, у беларускай, украінскай, чэшскай, балгарскай мовах і паспрабавалі высветліць, у чым заключаюцца іх падабенства і адрозненні. Матэрыялам для даследавання паслужылі тэксты драматургіі і прозы на названых мовах апошніх 50 гадоў (гл. дадатак). У кожнай аналізуемай мове намі былі сабраны каля 1000–1100 мікрадыялогаў, у якіх ужыты СНВ для выражэння згоды і нязгоды.

СНВ для выражэння згоды мы раздзялілі на некалькі семантычных груп у залежнасці ад паўнаты згоды, а таксама ад таго, якая эмоцыя ці адценне значэння спадарожнічаюць выказванню. СНВ з лексемай *добра* зафіксаваны намі ў наступных групах згоды:

- паспешлівая згода (адрасат як мага хутчэй намагаецца заверыць адрасанта ў патрэбнай інфармацыі);
- згода-супакойванне (моўца намагаецца супакоіць, падтрымаць суразмоўцу);
- самапацвярджэнне (ужываецца ў маналагічным маўленні для пацвярджэння ўласных слоў ці думак);
- адабрэнне (перадае станоўчую ацэнку, падтрымку, адабрэнне);
- згода-пабуджэнне (ужываецца для падбадзёрвання, падштурхоўвання да дзеяння);
- згода-кантакт (выкарыстоўваецца не столькі для перадачы згоды, колькі для падтрымання кантакту ў дыялогу, стымулюе моўцу весці аповед далей, дэманструе, што слухач застаецца на сувязі і бярэ сказанае да ўвагі; можа сведчыць пра з'яўленне ў свядомасці моўцы новай думкі, ідэі, пра змену тэмы, завяршэнне дыялогу);
- згода-сумненне (моўца выказвае згоду, але ў ёй адчуваецца сумненне, няўпэўненасць, якія спадарожнічаюць (папярэднічаюць) СНВ);
- згода-дапушчэнне (моўца лічыць варыянт, прапанаваны суразмоўцам, дапушчальным, дарэчным, але выказвае пэўнае сумненне, ваганне);
- вымушаная згода (пагадзіцца насуперак уласнаму жаданню моўцу вымушаюць абставіны ці суразмоўца);
- згода-прымірэнне (моўца пагаджаецца, каб захаваць добрыя адносіны з суразмоўцам, не разлаваць і не пакрыўдзіць яго, супакоіць);

- згода-задуменнасць (характарызуецца няўважлівасцю; моўца часта выказвае такую згоду, думаючы пра нешта сваё, не слухаючы, пра што гаворыць суразмоўца, для падтрымання кантакту);
- згода-пагроза (перадае не столькі згоду, колькі вымушанае прыняцце інфармацыі, якая суправаджаецца негатыўнай рэакцыяй і жаданнем прыстрашыць суразмоўцу, напалохаць яго);
- згода-незадаволенасць (адначасова з пацвярджэннем перадае незадаволенасць, раздражненне моўцы);
- згода-абыякавасць (адлюстроўвае незацікаўленасць моўцы разам са згодай або без яе).

СНВ *Добра* было намі зафіксавана таксама ў падгрупе «перарыванне камунікацыі (дзеяння)», у якой гэтыя моўныя адзінкі ўжываюцца для перапынення (часта рэзкага, грубага, прастамоўнага) рэплікі суразмоўцы і якая адносіцца да **нязгоды**.

Разгледзім прыклады ўжывання СНВ згоды ў вылучаных групках у розных мовах, а таксама варыянты названай адзінкі і некаторыя эквівалентныя выразы.

У беларускай мове СНВ *Добра* фігуруе ў 8 групках:

- **паспешлівая згода**: <Ну,> добра, добра (*Кірыла зразумеў, што зрабіў не той паварот і не так, як трэба, злісліў перад жонкай. – «Ну, добра, добра. Не злуй»* (І. Шамякін. Сэрца на далоні));
- **згода-супакойванне**: <Ну,> добра, добра (*Мне страшна адной... – Ну, добра, добра, я з табой пабуду* (А. Макаёнак. Пагарэльцы));
- **адабрэнне**: Добра (*Сёння ж выпраўлю дачку ў замак з падарункамі. – Добра. Будзем чакаць* (У. Сіўчыкаў. Філасофскі камень); <О> то добра (*«Трохі счакаем, – сказаў я. – Зараз прынясуць закуску».* – *«То добра»* (В. Быкаў. Пакахай мяне, салдацік); Ну то добра, калі так (*Яны не крыўдзяць. Яны для мяне як бацькі. – Ну то добра, калі так* (В. Быкаў. Пакахай мяне, салдацік); <Ну,> вось і добра/слаўна/цудоўна (*Паднімуся... (Устае з падлогі.) – Вось і добра* (А. Петрашкевіч. Напісанае застаецца));
- **згода-дапушчэнне**: Ну добра (*«Грошай амаль не было, фрау заклала ў банк свае завушніцы, брошку. Тут, праўда, спадчыну атрымалі».* – *«Ну добра, – сказаў я. – А мова? Дзе ты так навучылася па-нямецку? У школе?»* (В. Быкаў. Пакахай мяне, салдацік));
- **вымушаная згода**: Ну добра (*У гэты аўтобус ты ўсё адно не ўваб'ешся. А ўлезеш – патрушчаць рэбры. – Ну добра. Пайшлі* (І. Шамякін. Сэрца на далоні));
- **згода-прымірэнне**: Ну, добра, (добра) (*Я яе [кабылу] у цыганоў купіў! – Гэта? Ну, добра, Хведзя, не будзем спрачацца* (П. Васючэнка. Хведар Набілкін – беларускі касінер));
- **згода-пагроза**: Добра (*Вярніцеся! Чуеце? Добра... Мы зробім з гэтай выхадкі пэўны вывад* (М. Матукоўскі. Амністыя));
- **згода-абыякавасць**: Ну і добра (*Уцёк, спрытнюга! – Ну і добра. Значыцца, жывы* (С. Кавалёў. Хохлік)).

У семантычным плане СНВ *Добра* – вельмі складаная адзінка, бо па форме яна выражае адабрэнне, але ў дыялогу звычайна набывае іншыя функцыі. Паводле нашых назіранняў, яна часцей ужываецца ў значэнні пацвярджэння, дазволу, таму яе аднесенасць да групы адабрэння дастаткова ўмоўная. Кажучы *Добра*, моўца быццам бы наважваецца на нешта. Так, у дыялогу *Я паеду з табой! – Добра. Ідзі збірай валізу* – вылучанае СНВ, хутчэй, перадае не ўхваленне ('Гэта добра, што ты са мной паедзеш'), а дазвол ('Я згодны, я дазваляю табе са мной ехаць'). Праблема заключаецца не толькі ў тым, што мы не можам дакладна ведаць, што хацеў сказаць адрасат, але і ў тым, што даволі часта адабрэнне, пацвярджэнне, дазвол яднаюцца ў СНВ, прычым у адным выпадку можа выражацца большая доля адабрэння, у другім – згоды. Акрамя таго, гэтыя значэнні часта пераплятаюцца з іншымі: СНВ *Добра* можа сведчыць аб прыняцці да ўвагі пачутай інфармацыі, з'яўленні ў свядомасці моўцы новай думкі, аб падтрыманні кантакту і г. д. Увогуле ж СНВ *Добра* – дастаткова спрэчная адзінка, бо знешне станоўчая форма можа выражаць і нязгоду, крыўду, незадаволенасць ды іншыя негатыўныя эмоцыі.

У беларускай мове да лексемы *добра* часта дадаецца часціца *ну*, якая можа прыўносіць значэнне сумнення, вагання, вымушанасці, змякчэння, прымірэння і інш. Узмацненне адзінкі звычайна адбываецца або з дапамогай пунктуацыі (клічнік) ці правапісу (вялікія літары), або ў выніку падвойнага (рэдка – патройнага) ужывання адзінкі (такія ж прыныцы ўзмацнення дзейнічаюць і ў іншых аналізуемых мовах). Найбольш распаўсюджаныя ўстойлівыя адзінкі, у якія ўваходзіць лексема *добра*, – *Вось і добра; Ну і добра; Ну добра; Ну добра, калі так*.

Ва ўкраінскай мове СНВ *Добре* і яго варыянты былі зафіксаваны намі ў наступных 9 групках:

- **згода-супакойванне**: Добре, добре (*Але у таких кампаніях ёсць дрэс-код. Дотрымуйся яго. Я тебе рэкамендував, і я не хочу, щоб потім мене вичитували як двієчника. – Добре, добре. Буду старатися. Одяг на крайняк у Ольки візьму* (Н. Уварова. Шахрайки));
- **адабрэнне**: Добре (*Марія Романівна, я до вас. – Добре* (Н. Уварова. Коли настане весна)); Дуже добре (*Пан Томаш, я повідомив панові Роману ваше рішення. – Дуже добре* (Н. Уварова. Коли настане

весна); От/ото і/й добре/прекрасно/чудово (*Ми вже працюємо над цим. – От і добре* (В. Тарасенко. Купіть місячну доріжку); Це/то <вже> добре (*Я буду чинити опір! – Це добре* (С. Щученко. Релікт));

• **згода-кантакт:** Добре (*Ти ж, напевно, обіцяв одружитися? – (Зітхає, розводячи руками.) А тепер невідомо, що з нею робити. – Добре, давай про більш погане* (А. Наумов. Кава для чудовиська));

• **вимушана згода:** Добре (*Де дві такі жінки, як ми з Вікою, – там подвійні стіни. – Добре, переконали* (А. Наумов. Пацієнтка найкращого хірурга));

• **згода-задуменнасць:** Добре (*Три літери. Т. А. К. Так. А? – Ну, знаєш... Хоча, все одно зворушливо. ТАК. Три літери. Одне слово. Маленьке, але симпатичне (Посміхається.) Добре. Дарую* (С. Щученко. *Help*));

• **згода-пагроза:** Добре (*Йди. – (Зіскакує з постаменту, зло.) Добре. Я піду* (С. Щученко. Без коня));

• **згода-абыякавасць:** Ну <то> й добре (*Хочеш шоколадку? – Що таке шоколадка? – Ну то й добре* (С. Щученко. Релікт)).

Українське СНВ *Добре* уживається у тих же ситуаціях і виконує ті ж функції, що і беларуська адзінка. Да яго дадаюцца падобныя часціцы (*ну, о*), утвараюцца аналогічныя маўленчыя формулы: *Дуже добре; Це добре; То добре; От і добре; Добре-добре – Дужа добра; Гэта добра; То добра; Вось і добра; Добра-добра*.

Сваю функцыю СНВ *Добре* страчвае ў групе «згода-кантакт». Падобныя выразы ўжываюцца ва ўсіх аналізаваных мовах (у беларускім матэрыяле сярод 1100 мікрадыялогаў такі прыклад мы не зафіксавалі, але яго можна лёгка сканструяваць). Адносна падобных адзінак у рускай мове Г. Я. Крэйдлін і А. М. Баранаў адзначалі: «Некоторые семантически однозначные слова и сочетания слов приобретают в диалоге чисто синтаксические функции. Они маркируют выполнение отношений иллокутивного вынуждения (или самовынуждения) в предшествующей МДЕ (минимальной диалогической единице. – Г. Л.)» [11, с. 87]. Даследчыкі прыводзяць вядомы анекдот: *Хворы, як вы сябе адчуваеце? – Дрэнна, доктар. – Ну, добра...* Выраз *Ну, добра* ў гэтым кантэксце абазначае прыняцце інфармацыі да ўвагі і завершанасць папярэдняга мінімальнага дыялогу.

Значнае адрозненне паміж беларускімі і ўкраінскімі адзінкамі згоды выяўляецца ў тым, што ва ўкраінскай мове ёсць два паралельныя выразы для перадачы згоды – *Добре* і *Гаразд*, якія не адрозніваюцца па стылі ўжывання, функцыях і частотнасці. Абедзве адзінкі былі зафіксаваны намі прыблізна ў аднолькавай колькасці дыялогаў у творах розных аўтараў у маўленні персанажаў рознага ўзросту. Лексема *гаразд* ужываецца ў такіх групах згоды, як паспешлівая згода, адабрэнне, згода-кантакт, згода-дапушчэнне, вимушаная згода, згода-пагроза. Адзінае адрозненне, якое можна заўважыць паміж дзвюма лексемамі, заключаецца ў тым, што слова *гаразд* не ўтварае ўстойлівых выказаў і не так актыўна далучае да сябе часціцы (мы выявілі спалучэнні *Ну гаразд* і *О, гаразд*). Лексема *добре* валодае большай спалучальнасцю, яна можа ўваходзіць у склад СНВ разам з іншымі словамі.

У чэшскай мове СНВ *Dobře* і яго прастамоўныя варыянты *Dobrá* і *Dobry* выступаюць у 7 групах згоды:

• **паспешлівая згода:** <No> dobře, dobře (*Chápejte mě – pamatuji vás jako tříletého caparta, – sama děti nemám. – No dobře, dobře, děkuji vám za vaši starost, chápu ji a vážím si ji, myslím ale, že v tomhle případě skutečně není na místě* «Зразумейце мяне – памятаю вас як трохгадовага карапуза, – у мяне самой дзяцей няма». – «**Ну добра, добра**, я дзякую вам за вашу турботу, разумею яе і паважаю, але думаю, што ў дадзеным выпадку яна сапраўды не да месца»¹ (V. Havel. Pokoušení));

• **згода-супакойванне:** Dobře! Dobře! («*Chceš tedy krvavou svatbu?*» – *křičel otec. – «Dobře! Dobře!»* «Ты хочаш крывавае вяселле?» – крычаў бацька. – «**Добра! Добра!**»» (M. Viewegh. Báječná léta pod psa));

• **згода-адабрэнне:** <No/tak> dobře (*Poradím si sama. – Tak dobře. (Obejme ji a dlouze políbí.)* «Я спраўлюся сама». – «**Ну добра**». (Абдымае яе і доўга цалуе.)» (M. Uhde. Balada pro banditu));

• **згода-кантакт:** <Tak> dobře (*Zemská správa řekla: živého nebo mrtvého. – Dobře, nechme toho. Kolik měl u sebe?* «Абласная адміністрацыя сказала: жывога ці мёртвага». – «**Добра**, пакінем гэта. Колькі ў яго было з сабой?»» (M. Uhde. Balada pro banditu));

• **згода-дапушчэнне:** No dobře (*Ono je to těžký soudit, tehdy tady panovaly naprosto nepředstavitelný podmínky. – No dobře, ale pořád kvůli tomu nemusím schvalovat vraždy, ne?* «Цяжка судзіць, тут былі проста неймаверныя ўмовы». – «**Ну добра**, але ж я праз гэта не павінен падтрымліваць забойствы, не?»» (M. Uhde. Balada pro banditu));

• **вимушаная згода:** <No/ tak> dobře (*V očích měla netajený odpor, ale její ústa se téměř usmívala. «Dobře,» řekla bezbarvě. «Pojeďu s vámi»* «У яе вачах быў непрыхаваны супраціў, але яе вусны амаль усміхаліся. «**Добра**, – сказала яна абыякава. – Я паеду з вамі»» (M. Urban. Nastrman)).

¹Тут і далей пераклад наш. – Г. Л.

Варыянт СНВ *Dobrá* ўжываецца паралельна з адзінкай *Dobře*:

• **згода-супакойванне:** *Dobrá, dobrá (Tak sakra! Říkám ti, že – (Chlácholivě.) Dobrá, dobrá, klid... Co dělá Páco? «Ах чорт! Кажу табе, што...» – (Супакойваючы.) «Добра, добра, спакойна... Што робіць Пака?» (M. Viewegh. Báječná léta pod psa));*

• **згода-адабрэнне:** *<Nuže/tak> dobrá (Prosíte? Opravdu prosíte? – No jo. – Tak dobrá. Kde jsem to přestal? «Вы просіце? Сапраўды просіце?» – «Ну так». – «Тады добра. На чым я спыніўся?» (M. Kundera. Jakub a jeho pán));*

• **згода-кантакт:** *Dobrá (Pořád ještě nerozumíte? – Ne. – Dobrá, tak vám to řeknu přímo... «Вы ўсё яшчэ не разумееце?» – «Не». – «Добра, дык я вам скажу наўпрост...» (V. Havel. Pokoušení));*

• **згода-сумненне:** *Dobrá (Doporučuji vám třetí alternative. (Foustka přechází zamyšleně po místnosti, posléze usedne za svůj stůl a pohlédne na Fistulu.) – Dobrá, přijímám ji, ovšem s dodatkem, že se nemusím v hovoru s vámi nijak kontrolovat či omezovat, protože u mne nepřipadá v úvahu, že bych si mohl myslet a tím spíš vyslovit něco, co by bylo proti mně jakkoli použitélné «Раю вам трэцюю альтэрнатыву». (Фоўстка праходзіцца задумліва на пакой, пасля ўсаджаецца за свой стол і глядзіць на Фістулу.) – «Добра, прымаю яе, аднак з дадаткам, што я не мушу ў размове з вамі сябе ніяк кантраляваць ці абмяжоўваць, таму што мне не спадае на розум, каб я мог думаць і тым больш сказаць штосьці, што магло б неяк ужывацца супраць мяне» (V. Havel. Pokoušení));*

• **вымушаная згода:** *No dobrá (Domů si přátele nezvu a knihy zásadně nikomu nepůjčuji. – No dobrá «Да сябе дамоў прыцяляў не клічу і кнігі прыныпова нікому не пазычаю». – «Ну добра» (V. Havel. Pokoušení)).*

Варыянт СНВ *Dobry* сустраўся толькі ў адной групе:

• **згода-дапушчэнне:** *No dobrý («Jenomže kdo rodí děti? Ženský!» Významně se nad tou moudrostí zasměju, nicméně Mojmir o Felixově myšlenkovém výronu vážně přemítá. Náhle pochopím, kam Felixova tiráda směřuje – a nemůžu uvěřit vlastním uším. «No dobrý – a co máj teda český ženský v genech?» ptá se mezitím Mojmir Felixe «Толькі ж хто нараджае дзяцей? Жанчыны!» Я з гэтай мудрасці шчыра засмяюся, зрэшты, Моймір над усплёскам думак Фелікса разважае. Нечакана я разумею, куды трыяда Фелікса скіроўваецца – і не магу паверыць уласным вушам. «Ну добра, а што ж маюць чэшскія жанчыны ў генах?» – запытваецца між тым Моймір у Фелікса» (M. Viewegh. Biomanžel)).*

Вусная і пісьмовая формы маўлення ў чэшскай мове прадстаўлены дзвюма асноўнымі разнавіднасцямі – літаратурнай мовай (*spisovná čeština* – больш строгая форма, якая ўжываецца ў афіцыйных зносінах) і прастамоўем (*obecná čeština* – форма чэшскай мовы, якая ўжываецца ў неафіцыйных сферах): «Обиходно-разговорный чешский язык отличается от литературного чешского языка рядом особенностей – фонетических, морфологических, синтаксических и лексических. Эти особенности характеризуют не только устную разговорную речь, но нередко (в разной степени) проникают и в язык художественных произведений, главным образом в язык персонажей из народа» [12, с. 339]. Варта таксама дадаць, што літаратурная чэшская мова мае прамежжавую, пераходную форму на шляху да так званага чэшскага прастамоўя – гэта размоўная форма мовы (*hovorová čeština*). Як *obecná čeština*, так і *hovorová čeština* значна адрозніваюцца ад літаратурнай мовы і маюць асаблівасці на розных моўных узроўнях. Чэшскае прастамоўе (*obecná čeština*) часта сведчыць пра больш даверлівыя, таварыскія адносіны паміж суразмоўцамі або пра тое, што яны прынамсі знаёмыя. Дзякуючы выкарыстанню дзвюх гэтых разнавіднасцей чэшскай мовы павялічваецца і колькасць варыянтаў СНВ. Часам яны могуць адрознівацца лексічна, а часам фанетычна і (ці) граматычна: *Dobře – Dobrá, Dobry*. Названыя формы чэшскай мовы могуць чаргавацца ў размове ў залежнасці ад таго, хто з’яўляецца суразмоўцам, часам коды могуць пераплятацца, што прыводзіць да пранікнення размоўных элементаў у афіцыйную сферу зносін [13, с. 81].

Больш строгія правілы пабудовы сказа ў чэшскай мове (прынамсі, у яе літаратурнай разнавіднасці) абумоўліваюць тое, што для перадачы згоды ў ёй часцей ужываюцца члянныя выказванні ў тых выпадках, дзе ва ўсходнеславянскіх мовах выкарыстоўваецца СНВ [14, с. 237–238]. Гэта звязана і з тыпалагічнымі адрозненнямі паміж славянскімі мовамі [15, с. 206–207]. Названыя фактары ўплываюць на наяўнасць у чэшскай мове паралельных форм выказвання – члянныя і нячленныя, напрыклад: *To je dobré – Dobře (Havíři mu říkali Popelka. – To je dobré, řekl redaktor «Шахцёры клікалі яго Папялуш-кай». – «Гэта добра», – сказаў рэдактар» (M. Viewegh. Báječná léta pod psa).*

У прааналізаваных чэшскіх творах мы не зафіксавалі ўстойлівых спалучэнняў з лексмай *dobře*. Найбольш часта да яе дадаюцца часціцы *no, tak*.

Балгарскія СНВ з лексмай *добре* фігуруюць у 13 групах згоды:

• **паспешлівая згода:** *Добре, <де> добре; добре, добре-добре (Гащите! Бързо! (Тика пис-толета в корема му.) Айде! – Добре, добре! (Събува си гащите) «Штаны! Хутка! (Тыкае пісталетам*

яму ў жывоце.) Ну-ка!» – «**Добра, добра!**» (Здымае штаны.)» (С. Кисьов. Гларуси));

• **згода-супакойванне:** Добре <де>, (добре) (Това беше най-хубавият ми спомен... А сега ти ми го отне. – Да, добре, добре, извинявай... «Гэта быў мой найлепшы ўспамін... А зараз ты ў мяне яго адняў». – «Так, **добра, добра**, выбачай...»)» (П. Антоў. Само една малка смърт));

• **самапацвярджэнне:** Добре (Чакайте, не казахте нищо! – Нали трябваше да извадя делото – извадих го. Много интересно дело. Всичко наред ли е вече? Да? **Добре**. Всичко хубаво. Имам да пазарувам... Да. Довиждане «Чакайце, вы нічога не казалі!» – «Я ж павінен быў дастаць справу – я дастаў яе. Вельмі цікавая справа. Зараз усё ў парадку? Так? **Добра**. Усяго добрага. Мне трэба за пакупкамі... Так. Да пабачэння!»» (М. Донева. Пепеляшка));

• **адабрэнне:** <А-а-а/е> добре <бе/де>; добре, добре (Попитах – как? – Чрез гласуване. – **Добре**... Точен отговор!.. «Я запытаўся – як?» – «Галасаваннем». – «**Добра**... Гэта дакладны адказ!»» (Б. Ценоў. Разкованият човек));

• **згода-пабуджэнне:** <Много> добре, <много> добре (Свирех... Биех дузпи... – (Като психиатър.) Така, така... Значи бием дузпи... **Много добре, много добре**... «Я граў... Біў штрафныя...» – (Тонам псіхіятра.) «Так, так... Значыцца штрафныя б'ём... **Вельмі добра, вельмі добра**...»)» (Н. Нанков. Дворчето));

• **згода-кантакт:** <Ами> добре <де> (Беше обещал да ми помогне, но ме измами. – Как? (Елена поклаща глава. Бъчваров въздъхва.) – **Добре де**, защо трябваше да го следим? «Ён абяцаў мне дапамагчы, але падмануў». – «Як гэта?» (Алена круціць галавой. Бычвараў уздыхае.) – «**Ну добра**, а чаму нам трэба было за ім сачыць?»» (В. Топлийски. Из «Кутията на Пандора, или свалая гащите»));

• **згода-сумненне:** Добре (Трябва да бъдеш категорична и сигурна, че искаш да чуеш откровеното ми мнение. Ако не го искаш категорично, по-добре да не казвам нищо. – (Колебае се.) **Добре**. (Повуверено) **Добре**. Готова съм «Ты павінна быць катэгарычнай і ўпэўненай, што хочаш пачуць маё шчырае меркаванне. Калі катэгарычнае табе не падабаецца, лепш я не буду казаць нічога». – (Вагаецца.) «**Добра**. (Больш упэўнена.) **Добра**. Я гатовая»» (Г. Милев. Безхарактерност));

• **згода-дапушчэнне:** Добре (Внимавай! (Взема от ръцете на приятеля си ралника и показва.) Така! Ръката – над реzeца преминава, а не налита срещу него... Земята това най-много чака!.. А чопленето на пръстта с играчки от дърво (Върти глава.) – само мька и тегло, нищо повече! – **Добре**... но докога така!... Реколтата все по-слаба, а смъртните? Отписали ли сме го? «Глядзі! (Бярэ з рук прыяцеля нарог і паказвае.) Вось так! Рука – праходзіць над вастрыём, а не цісне на яго... Зямля гэтага больш за ўсё чакае!.. А калупаць зямлю драўлянымі цацкамі (круціць галавой) – толькі мука і пакута, нічога больш!» – «**Добра**... але да якіх часоў так? Ураджаі ўсё горшыя, а людзі?»» (Б. Ценоў. Разкованият човек));

• **вымушаная згода:** <Е> добре <де> (Млъкни, безпризорно псе! – **Добре**, млъквам «Змоўкні, беспародны сабака!» – «**Добра, змаўкаю**»» (А. Стойчев. Плебеи и аристократи));

• **згода-прымірэнне:** <Е> добре <де>; добре, добре (Престорих се, че не съм чул или не съм обърнал внимание на думите ти. А по-късно, когато останах сам, плаках. – **Добре де**, казах вече, че съжалявам «Я зрабіў выгляд, што не чуў ці не звярнуў увагі на твае словы. А пасля, калі застаўся адзін, я плакаў». – «**Ну добра**, я ўжо казаў, што шкадую»» (П. Антоў. Само една малка смърт));

• **згода-пагроза:** Добре (Отвсякъде се вижда какво точно е Пандора, без съмнение. – **Добре**... Другояче ще попитам: кой принуди боговете на Олимп да откъснат от своите дарби, да ги прибавиш към вода и пръст и да замесиш невиджано тесто? «Гэта адусюль бачна, што ўяўляе сабой Пандора, сумнення няма». – «**Добра**... Запытаюся па-іншаму: хто прымусіў багоў на Алімпе адшчыкнуць ад сваіх талентаў, каб дадаць гэта да вады і гліны ды замясіць незвычайнае цеста?»» (Б. Ценоў. Разкованият човек));

• **згода-незадаволенасць:** Добре (Това си е жив тероризъм! Нали правят така непрекъснато и още по-лошо става. – **Добре**, ти кво предлагаиш? «Гэта сапраўдны тэрарызм! Яны ж гэта робяць бесперастанку, і становіцца ўсё горш». – «**Добра**, што ты прапануеш?»» (Е. Андреев. Да убиеш премиер));

• **згода-абыякавасць:** Добре (Кажми ми как стигна дотук? – Майната ти. – **Добре**, не ми казвай «Скажи мне, як да гэтага дайшло?» – «Каб цябе халера». – «**Добра**, не кажы»» (Г. Михалков. Игра на просяци));

Балгарскае СНВ *Добре* таксама было зафіксавана сярод адзінак для выражэння нязгоды:

• **перарыванне камунікацыі (дзеяння):** Добре, добре ((До този момент са наблюдавали новата игра, сега и те искат да пият от стомничката.) Пиууу! Пиу-пиу-пиууу! Пи-пи-пи-пи! – **Добре, добре, Пивенца! Разбрах, че и вие искате да пиете водичка!** «Да гэтага моманту яны сачылі за новай гульнёй, а зараз і яны хочуць папіць з пасудзіны.» «Пиууу! Пиу-пиу-пиууу! Пі-пі-пі-пі!» – «**Добра, добра, птушачкі! Я зразумела, што і вам хочацца вадзічкі!**»» (Т. Шелхорн. Черното биволче)).

На фарміраванне балгарскай літаратурнай мовы паўплывала народнае маўленне, што абумовіла наяўнасць вялікай колькасці прэпазітыўных і постпазітыўных часціц пры СНВ. У іншых разгледжаных намі мовах такія часціцы таксама ёсць (напрыклад, бел. *ах, ой, эх, о, а, ну*), але ў балгарскай мове яны сустракаюцца часцей і часам надаюць амаль незаўважныя адценні значэнняў. Напрыклад, шырока ўжываюцца лексемы, якія ўзмацняюць выказванне: *ама, ами, е, де* і г. д. Яны могуць дадавацца і да СНВ згоды. Больш за тое, як сведчыць слоўнік, названыя часціцы могуць далучаць да сябе і іншыя часціцы, якія не ўплываюць на значэнне, напрыклад: *ама де, ама че, ама а, ама че а, ама ха, ама па* [16, с. 238], *ами сега, ами че и, ами че как* [16, с. 246]. У прааналізаваных кантэкстах часцей за іншыя сустракаюцца выразы *Добре де; Е, добре*. Ужываецца таксама ўстойлівае спалучэнне *Много добре*.

Як заўважна з прыкладаў на балгарскай мове, часам СНВ *Добре* можа функцыянаваць не толькі як згода-кантакт, але і для заканчэння дыялогу (дзеяння). Такія сітуацыі можна сустрэць і ў іншых аналізуемых мовах.

Функцыі СНВ *Добра* ў беларускай, украінскай, чэшскай і балгарскай мовах супастаўлены ў табліцы.

Сінтаксічна нячленныя выказванні з лексмай *добра* ў славянскіх мовах

Syntactically indivisible utterances with lexeme *good* in the Slavic languages

Від згоды/нязгоды	Мова			
	беларуская	українська	чэшская	балгарская
Поўная згода				
Паспешлівая згода	<Ну,> добра, добра	–	<No> dobře, dobře	Добре, <де> добре; Добре, добре-добре
Згода-супакойванне	<Ну,> добра, добра	Добре, добре	Dobře! Dobře!; Dobrá, dobrá	Добре <де>, (добре)
Самапацвярджэнне	–	–	–	Добре
Адабрэнне	Добра; <О> то добра; Ну то добра, калі так; <Ну,> вась і добра/ слаўна/цудоўна	Добре; Дуже добре; От/ото і/й добре/ прекрасно/чудово; Це/то <вже> добре	<No/tak> dobře; <Nuže/tak> dobrá	<А-а-а/е> добре <бе/де>; Добре, добре
Згода-пабуджэнне	–	–	–	<Много> добре, <много> добре
Згода-кантакт	–	Добре	<Tak> dobře; Dobrá	<Ами> добре <де>
Няпоўная згода				
Згода-сумненне	–	–	–	Добре
Згода-дапушчэнне	Ну добра	–	–	Добре
Вымушаная згода	Ну добра	Добре	–	<Е> добре <де>
Згода-прымірэнне	Ну, добра, (добра)	–	–	<Е> добре <де>; Добре, добре
Згода-задуменнасць	–	Добре	–	–
Згода-пагроза	Добра	Добре	–	Добре
Згода-незадаволенасць	–	–	–	Добре
Згода-абьякавасць	Ну і добра	Ну <то> й добре	–	Добре
Поўная нязгода				
Перарыванне камунікацыі (дзеяння)	–	–	–	Добре, добре

Такім чынам, СНВ *Добра* (укр. *Добре*, чэш. *Dobře*, балг. *Добре*) у дыялогу звычайна цалкам ці часткова дэсемантызуецца, перадаючы не столькі адабрэнне, колькі пацвярджэнне, дазвол і іншыя віды згоды. Названая адзінка мае мноства значэнняў – ад паспешлівай згоды да поўнай нязгоды (перарыванне камунікацыі/дзеяння). Часам з дапамогай СНВ *Добра* можа выражацца неадабрэнне, пагроза, абьякавасць і іншыя негатыўныя эмоцыі. У некаторых мовах гэта выказванне мае эквіваленты (напрыклад, цалкам эквівалентнае ўкраінскае СНВ *Гаразд*; чэшскія СНВ *Dobrá*, *Dobry*), якія стылістычна адрозніваюцца ад нейтральнага варыянта *Dobře*. Найбольш блізкімі сярод аналізуемых з'яўляюцца беларускія і ўкраінскія маўленчыя формулы. Чэшская мова вылучаецца паралельным існаваннем члянімых і нячленных выказванняў для выражэння згоды. У кожнай мове да лексемы *добра* могуць дадавацца іншыя словы (пераважна часціцы). У балгарскай мове гэта адбываецца часцей. І калі ў астатніх аналізуемых мовах новае значэнне перадаецца з дапамогай іншых СНВ, у балгарскай мове вялікая колькасць значэнняў укладваецца ў часціцы, якія далучаюцца да формул згоды і нязгоды.

Дадатак

Крыніцы

1. Быкаў В. Пакахай мяне, салдацік // Сямнацатай вясной. Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. С. 22–87.
2. Васючэнка П. Хведар Набілкін – беларускі касінер // Сучасная беларуская драматургія: традыцыі і наватарства. Мінск : ТАА «Сэр-Віт», 2003. С. 621–638.
3. Кавалёў С. Хохлік // Шлях да Бэтлеему. Мінск : Мастацкая літаратура, 2009. С. 3–15.
4. Макаёнак А. Пагарэльцы // Зацюканы апостал. Мінск : Мастацкая літаратура, 2006. С. 213–269.
5. Матукоўскі М. Амністыя // П'есы. Мінск : Мастацкая літаратура, 1979. С. 5–76.
6. Петрашкевіч А. Напісанае застаецца // Напісанае застаецца. Мінск : Мастацкая літаратура, 2011. С. 3–75.
7. Сіўчыкаў У. Філасофскі камень // Сучасная беларуская драматургія: традыцыі і наватарства. Мінск : ТАА «Сэр-Віт», 2003. С. 588–620.
8. Шамякін І. Сэрца на далоні. Мінск : Мастацкая літаратура, 2008.
9. Havel V. Pokoušení. Praha : Národní divadlo v Praze, 2004.
10. Kundera M. Jakub a jeho pán. Pocta denisi diderotovi. Brno : Atlantis, 2007.
11. Uhde M., Štědroň M. Balada pro banditu. Ostrava : Národní divadlo moravskoslezské, 2012.
12. Urban M. Hastman: zelený roman. Praha : Argo, 2001.
13. Viewegh M. Báječná léta pod psa. Brno : Petrov, 1997.
14. Viewegh M. Biomanžel. Brno : Druhé město, 2015.
15. Андреев Е. Да убиеш премиер [Электронны рэсурс]. URL: https://litenet.bg/publish13/e_andreev/premier/index.html (дата звароту: 31.07.2018).
16. Анто П. Само една малка смърт [Электронны рэсурс]. URL: https://litenet.bg/publish11/p_antov/samo.htm (дата звароту: 31.07.2018).
17. Донева М. Пепеляшка [Электронны рэсурс]. URL: <https://litenet.bg/publish7/mdoneva/pepeliashka.htm> (дата звароту: 31.07.2018).
18. Кисъов С. Глазуси [Электронны рэсурс]. URL: <https://litenet.bg/publish3/skisiiov/glarusi/content.htm> (дата звароту: 31.07.2018).
19. Милев Г. Безхарактерност [Электронны рэсурс]. URL: <https://litenet.bg/publish5/gmilev/piesi/bezharakternost.htm> (дата звароту: 31.07.2018).
20. Михалков Г. Игра на просяци [Электронны рэсурс]. URL: https://litenet.bg/publish13/g_mihalkov/igra.htm (дата звароту: 31.07.2018).
21. Нанков Н. Дворчето [Электронны рэсурс]. URL: https://litenet.bg/publish13/n_nankov/dvorcheto.htm (дата звароту: 31.07.2018).
22. Наумов А. Кава для чудовиська [Электронны рэсурс]. URL: http://ukrdrama.at.ua/load/anatolij_naumov_kava_dlja_chudoviska_abo_kava_dlja_perevirjajuchogo/5-1-0-37 (дата звароту: 31.07.2018).
23. Наумов А. Пациентка найкращого хірурга [Электронны рэсурс]. URL: http://ukrdrama.at.ua/load/anatolij_naumov_rasientka_najkrashhogo_khirurga/5-1-0-41 (дата звароту: 31.07.2018).
24. Стойчев А. Плеbei и аристократи [Электронны рэсурс]. URL: <https://litenet.bg/publish28/atanas-stoychev/plebei.htm> (дата звароту: 31.07.2018).
25. Тарасенко В. Купить місячну доріжку [Электронны рэсурс]. URL: http://ukrdrama.at.ua/load/viktor_tarasenko_quot_kupit_misjacheu_dorizhku_quot/3-1-0-12 (дата звароту: 31.07.2018).
26. Топлийски В. Из «Кутията на Пандора или свалей гащите» [Электронны рэсурс]. URL: <https://litenet.bg/publish26/viktor-toplijski/pandora.htm> (дата звароту: 31.07.2018).
27. Уварова Н. Коли настане весна [Электронны рэсурс]. URL: <http://ukrdrama.at.ua/load/0-0-0-4-20> (дата звароту: 31.07.2018).
28. Уварова Н. Шахрайки [Электронны рэсурс]. URL: <http://ukrdrama.at.ua/load/3-1-0-1> (дата звароту: 31.07.2018).
29. Ценов Б. Разкованият човек [Электронны рэсурс]. URL: <https://litenet.bg/publish30/blagoj-cenov/razkovaniiat.htm> (дата звароту: 31.07.2018).
30. Шелхорн Т. Черното биволче [Электронны рэсурс]. URL: https://litenet.bg/publish14/t_shelhorn/vuper/chernoto_bivolche/content.html (дата звароту: 31.07.2018).

31. Шуценк С. Без коня [Электронны рэсурс]. URL: http://dramaturg.org.ua/%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%86%D1%96%D1%8F-%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%BF%D1%94%D1%81-%D0%B2%D1%96%D0%B4-%D1%81%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B3/#.WywGM7xl_IU (дата звароту: 31.07.2018).

32. Шуценко С. Релікт // Придурки [Электронны рэсурс]. URL: http://dramaturg.org.ua/%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%86%D1%96%D1%8F-%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%BF%D1%94%D1%81-%D0%B2%D1%96%D0%B4-%D1%81%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B3/#.WywGM7xl_IU (дата звароту: 31.07.2018).

33. Шуценко С. Help [Электронны рэсурс]. URL: <http://dramaturg.org.ua/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%BF%D1%94%D1%81%D0%B0-%D1%81%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B4%D1%80%D0%B0/#axzz5J9HwB2qA> (дата звароту: 31.07.2018).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Норман БЮ. *Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков)*. Минск: БГУ; 2009.
2. Рамза ТР. *Беларускае гутарковае маўленне: сучасны стан*. Минск: Вышэйшая школа; 2011.
3. Доўгаль АВ. *Сродкі выражэння эмоцый у сучаснай беларускай мове*. Мінск: Тэхналогія; 2008.
4. Зур ГІ. Інтэр'ектыўныя выказванні беларускай мовы ў святле лінгвапрагматыкі. *Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А: Гуманітарныя навукі*. 2013;10:111–114.
5. Лянкевіч АУ. *Беларускі выклічнік у Сеціве*. Мінск: Права і эканоміка; 2009.
6. Киселев ИА. *Частицы в современных восточнославянских языках*. Минск: БГУ; 1976.
7. Латушка ГП. Нязгода ў кантэксце эфектыўнай камунікацыі (на матэрыяле беларускіх драматургічных твораў). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2017;3:73–78.
8. Меликян ВЮ. *Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. Москва: ФЛИНТА; 2001. Совместное издание с «Наука».
9. Земская ЕА. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва: ФЛИНТА; 2011. Совместное издание с «Наука».
10. Шаронов ИА. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания. *Русистика сегодня*. 1996;2:89–111.
11. Баранов АН, Крейдлин ГЕ. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов. *Вопросы языкознания*. 1992;3:84–93.
12. Широкова АГ, Адамец П, Влчек И. *Чешский язык*. Москва: Высшая школа; 1988.
13. Karlík P, Nekula M, Pleskalová J. *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Lidové noviny; 2002.
14. Матезиус В. О системном грамматическом анализе. В: Кондрашов НА, составитель, редактор. *Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс; 1967. с. 226–238.
15. Матезиус В. Попытка создания теории структурной грамматики. В: Кондрашов НА, составитель-редактор. *Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс; 1967. с. 196–209.
16. Чолакова К. *Речник на българския език. Том 1. А–Б*. София: Издателство на БАН; 1977.

References

1. Norman BJ. *Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov)* [Linguistic pragmatics (based on the material of Russian and other Slavic languages)]. Minsk: Belarusian State University; 2009. Russian.
2. Ramza TR. *Belaruskae gutarkovae mawlenne: suchasny stan* [Belarusian colloquial speech: the current state]. Minsk: Vyshejshe-shaja shkola; 2011. Belarusian.
3. Dougal AV. *Srodki vyrzhennja jemocyj u suchasnej belaruskaj move* [Ways to express emotions in the modern Belarusian language]. Minsk: Tjehnalogija; 2008. Belarusian.
4. Zur GI. [Interjection utterances of the Belarusian language through the prism of lingua-pragmatics]. *Vesnik Polackaga dzjar-zhawnaga universitjeta. Seryja A: Gumanitarnyja navuki* [Vestnik of Polotsk State University. Series A: Humanities]. 2013;10: 111–114. Belarusian.
5. Lyankevich AU. *Belaruski vyklichnik u Secive* [Belarusian interjection on the web]. Minsk: Prava i jekanomika; 2009. Belarusian.
6. Kiselyov IA. *Chastitsy v sovremennykh vostochnoslavjanskikh yazykakh* [Particle in the modern East Slavic languages]. Minsk: Belarusian State University; 1976. Russian.
7. Latushka HP. Disagreement in the context of effective communication (based on the material of Belarusian dramaturgic works). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2017;3:73–78. Belarusian.
8. Melikyan VY. *Emotsional'no-ekspressivnye oboroty zhivoi rechi* [Emotional-expressive locutions in live speech]. Moscow: Flinta; 2001. Co-published by the «Nauka». Russian.
9. Zemskaya EA. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech. Linguistic analysis and learning problems]. Moscow: Flinta; 2011. Co-published by the «Nauka». Russian.
10. Sharonov IA. Communicatives as a functional class and an object of lexicographic description. *Rusistika segodnya* [Russian philology today]. 1996;2:89–111. Russian.

11. Baranov AN, Krejdlin GE. The structure of the dialogue: lexical markers of the minimal dialogues. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 1992;3:84–93. Russian.
12. Shirokova AG, Adamec P, Vlcek I. *Cheshskii yazyk* [The Czech language]. Moscow: Vysshaya shkola; 1988. Russian.
13. Karlík P, Nekula M, Pleskalová J. *Encyklopedický slovník češtiny* [Encyclopedic dictionary of the Czech Language]. Praga: Folk newspaper; 2002. Czech.
14. Mathesius V. [About systematic grammatical analysis]. In: Kondrashov NA, compiler, editor. *Pražskii lingvisticheskii kruzhok* [Prague school]. 1967. p. 226–238. Russian.
15. Mathesius V. [An attempt to create theory of structural grammar]. In: Kondrashov NA, compiler, editor. *Pražskii lingvisticheskii kruzhok* [Prague school]. 1967. p. 196–209. Russian.
16. Cholakova K. *Rechnik na búlgarskiya ezik. Tom 1. A–B* [Dictionary of the Bulgarian language. Volume 1. A–B]. Sofia: Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences; 1977.

Артыкул наступіў у рэдкалегію 14.08.2018.
Received by editorial board 14.08.2018.

УДК 811.161.1'373.42

ПОНЯТИЯ «СОБСТВЕННОСТЬ», «СИЛА», «ВЛАСТЬ» В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ 'СОБСТВЕННОСТЬ' (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Ю. С. ИВАНЧИКОВА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 98, 246000, г. Гомель, Беларусь

Исследуется специфика когнитивной связи понятий «собственность», «сила», «власть» в составе такого объединения, как семантико-этимологическое поле. Отмечено, что рассматриваемые концепты имеют базовый для носителей русского языка характер (вероятнее всего, являются универсальными). На материале русского языка выявлен ряд этимологических гнезд, входящих в семантико-этимологическое поле 'собственность', компоненты которых обнаруживают синкретизм понятий «собственность», «сила», «власть» (гнезда с корнями *seb-/sob-, *vel-/vol-, *im-, *bog-, *tæg-). В результате анализа языкового материала сделан вывод о регулярности и метонимическом характере связи указанных понятий.

Ключевые слова: семантико-этимологическое поле; понятие; концепт; собственность; сила; власть; семантическая связь; этимологическое гнездо; рефлекс корня.

ПАНЯЦЦІ «ЎЛАСНАСЦЬ», «СІЛА», «УЛАДА» Ў СЭНСАВАЙ СТРУКТУРЫ СЕМАНТЫКА-ЭТЫМАЛАГІЧНАГА ПОЛЯ 'ЎЛАСНАСЦЬ' (НА МАТЭРЫЯЛЕ РУСКАЙ МОВЫ)

Ю. С. ІВАНЧЫКАВА^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 98, 246000, г. Гомель, Беларусь

Даследуецца спецыфіка кагнітыўнай сувязі паняццяў «уласнасць», «сіла», «улада» ў складзе такога аб'яднання, як семантыка-этымалагічнае поле. Адзначана, што гэтыя канцэпты маюць базавы для носьбітаў рускай мовы характар (хутчэй за ўсё, з'яўляюцца ўніверсальнымі). На матэрыяле рускай мовы выяўлены шэраг этымалагічных гнёздаў, якія ўваходзяць у семантыка-этымалагічнае поле 'уласнасць', кампаненты якіх выяўляюць сінкрэтызм паняццяў «уласнасць», «сіла», «улада» (гнёзды з каранямі *seb-/sob-, *vel-/vol-, *im-, *bog-, *tæg-). У выніку аналізу моўнага матэрыялу зроблена выснова аб рэгулярнасці і метанімічным характары сувязі названых паняццяў.

Ключавыя словы: семантыка-этымалагічнае поле; паняцце; канцэпт; уласнасць; сіла; улада; семантычная сувязь; этымалагічнае гняздо; рэфлекс караня.

Образец цитирования:

Иванчикова ЮС. Понятия «собственность», «сила», «власть» в смысловой структуре семантико-этимологического поля 'собственность' (на материале русского языка). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2018;3:110–119.

For citation:

Ivanchikova JS. The concepts of «property», «strength», «power» in the semantic structure of the semantic-etymological field 'property' (on the material of the Russian language). *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2018;3: 110–119. Russian.

Автор:

Юлия Сергеевна Иванчикова – аспирантка кафедры русского, общего и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е. И. Тимошенко.

Author:

Julia S. Ivanchikova, postgraduate student at the department of Russian, general and Slavic linguistics, faculty of philology. ivanchikova_yuliya@mail.ru

THE CONCEPTS OF «PROPERTY», «STRENGTH», «POWER» IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE SEMANTIC-ETYMOLOGICAL FIELD 'PROPERTY' (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

J. S. IVANCHIKOVA^a

^a*Francysk Skaryna Homel State University, 98 Savieckaja Street, Homel 246000, Belarus*

The article is devoted to revealing and researching the specifics of the cognitive connection between the concepts of «property», «strength», «power» in the structure of such an association as a semantic-etymological field. The concepts under consideration have a basic character for Russian speakers (most likely, they are universal). The material of the Russian language reveals a number of etymological nests entering the semantic-etymological field of 'property', the components of which reveal the syncretism of the concepts «property», «strength», «power» (nests with the roots **seb-/sob-*, **vel-/vol-*, **im-*, **bog-*, **teg-*). As a result of the analysis of linguistic material, a conclusion is made about the regularity and metonymic nature of the connection of these concepts.

Key words: semantic-etymological field; concept; property; strength; power; semantic connection; etymological nest; root reflex.

Введение

Изучение условий, в которых происходит формирование семантической структуры слова, является одной из важнейших проблем современной лингвистики. В рамках исследований, посвященных истории семантики отдельных лексем и групп слов, устанавливаются время возникновения лексической единицы, причины и условия трансформации ее семантической структуры. Марк Бишофсбергер отмечал: «Заниматься исторической семантикой – все равно что производить исторические раскопки, но не с целью найти определенные отправные точки и линии развития, а в надежде воссоздать общую картину, утраченную во времени»¹ [1, p. 7].

В современных лингвистических исследованиях одним из ведущих способов изучения словарного состава языка является полевой подход, предполагающий объединение лексических единиц на основе интегральных и дифференциальных признаков. В рамках данного подхода выделяют разнообразные виды полей: функционально-семантические, морфемные, фонемные, словообразовательные, лексемные, семантические, понятийные и др. [2, с. 21].

Изучение парадигматических отношений между лексическими единицами в синхронии и диахронии позволило нам выделить семантико-этимологическое поле – совокупность этимологических гнезд, восходящих к корням, рефлексy которых объединены общим, выступающим как ядерное понятие значением в современном языке и обнаруживают регулярные семантические связи в истории языка и на синхронном срезе. Для семантико-этимологического поля характерна система узловых понятий, представленных лексическими единицами каждого из этимологических гнезд, образующих его. Изучение подобных связей демонстрирует особенности осмысления человеком окружающего мира и в целом закономерности человеческого мышления.

Семантико-этимологическое поле 'собственность' представлено совокупностью этимологических гнезд с корнями **seb-/sob-*, **vel-/vol-*, **im-*, **bog-*, **teg-* и другими, к которым восходят номинации *собственность*, *владение*, *имущество*, *богатство*, *стяжание*, репрезентирующие понятие «собственность» на синхронном срезе. Рефлексы указанных этимологических корней в истории языка и на синхронном языковом срезе обнаруживают регулярные семантические (преимущественно метонимические) связи между рядом узловых понятий, среди которых основными являются *собственность*, *власть*, *сила*. Новизна настоящего исследования и заключается в том, что связь рассматриваемых понятий выявлена в рамках такого объединения, как семантико-этимологическое поле.

Целью данной работы является выявление специфики когнитивной связи понятий «сила», «власть» и «собственность» в рамках семантико-этимологического поля 'собственность'. Исследование проводится на материале этимологических гнезд с корнями **seb-/sob-*, **vel-/vol-*, **im-*, **bog-*, **dob-*, в составе которых обнаруживается связь между указанными понятиями.

¹Перевод наш. – Ю. И.

Результаты и обсуждение

Понятия «собственность», «власть» и «сила» в рамках лингвокультурологического подхода, представленного многочисленными и фундаментальными работами таких исследователей, как Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев, В. В. Колесов, В. А. Маслова, С. Х. Ляпин, В. Н. Телия, И. А. Стернин, В. И. Карасик, могут рассматриваться в качестве концептов. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру» [3, с. 42].

Каждая этнокультура включает в себя ряд базовых концептов, которые отражают представления носителей данной этнокультуры о мире.

Как полагает Т. Н. Ильинская, сила «является одним из основных концептов картины мира», который «связан с характеристикой человека, имеет сложную структуру и отражает важный фрагмент мировидения человека» [4, с. 7]. Данный концепт есть представление человека «об абстрактной энергии, стихии, силах природы, в разные эпохи соотносимых с божественной силой, а в научной картине мира – с непознанными свойствами материи или с паранормальными явлениями» [5, с. 446]. Он занимает значимое место в сознании человека, так как любые исторические социокультурные и экономико-политические события происходят при участии разнообразных движущих сил.

Одно из наиболее ранних представлений о силе, отразившихся в памятниках древнерусской и старорусской письменности, связано со свойствами, возможностями, имеющими божественную природу: сила ‘сила, мощь’ (*Въсь народъ искааше прикасатися емь, яко сила из него [Христа] исхождааше и исцѣляаше вся* (Евангелие от апостола Луки 6:19) [6, с. 133]); ‘свойство, качество чего-либо, способность к чему-либо; потенция, сила’ (*Не можетъ ть ицѣлити отъ врачевъ, небонъ зрачная сила в немъ изгыбла есть* (Патерик Синайский) [6, с. 134]). Эти же представления отражаются в таких значениях, как ‘силы небесные’, ‘падшие ангелы, силы тьмы’, ‘магическая сила’. Одновременно значение слова *сила* включает в себя компонент ‘физические качества, физическая способность живого существа’ (*Князь Мстиславъ Мстиславичъ... бѣ самъ крѣпокъ и мужественъ, и великую силу имѣа и усердьство, и въ руцѣ имѣа топоръ и сѣчае нещадно* (Никоновская летопись) [6, с. 134]). Таким образом, в семантической структуре слова наблюдался синкретизм полярных представлений: *Бог – человек; сила физическая (осязаемая) – сила божественная (неосязаемая)*. Единство противоположностей, заключенное в семантике лексемы, отражало особенности человеческого мышления раннего периода. Семантическая структура слова *сила* сложилась не в результате непосредственного формирования вторичного наименования, а благодаря расщеплению единого смыслового целого, по терминологии Б. А. Ларина, «семантического конгломерата» [7, с. 98].

Уже в этот период обнаруживается метонимическая связь понятий «сила» и «власть» как проявлений воли, желания: *сила* – произвол, притеснение, насилие (*А кто почьнетъ въступатися въ тое землю, и въ воду, и въ пожьни или князь или епискупъ, или хто иметъ силу дѣяти, и онъ въ второе пришествие станеть тяжатися съ святымъ Пантелеимономъ* (грамоты Великого Новгорода и Пскова) [6, с. 135]), т. е. сила выступает в качестве противоправного способа достижения преимущественно неблагоприятной цели. Как следует из словарных дефиниций, признак физической способности лежит в основе значений слова в современном языке: ‘способность живых существ напряжением мышц производить физические движения, действия; физическая энергия человека, животного’; в современном языке сохраняется также переносное значение ‘физическое воздействие, насилие’ [8, с. 1184; 9, с. 787; 10, с. 91].

Исходя из данных письменных памятников можно говорить о том, что к XV в. представления об абстрактном божественном начале силы трансформируются в представления о человеке как «носителе» этого начала: формируется значение ‘духовная сила человека, духовные возможности’ (*Испытай умно вънутрь въ утробѣ обрѣсти мѣсто срдчное, идеже убо вмѣстишася вся дивныя силы, и первѣе убо тму обрящеши* (О молитве СНБ) [6, с. 134]). Возникновение этого лексико-семантического варианта, вероятно, обусловлено сменой философской парадигмы. Место христианского теоцентризма занимает антропоцентризм, целью всякого познания, мышления становится человек. Появляется понимание того, что человек бывает сильным не только физически, но и духовно.

Общеславянский корень **sila*, по одной из версий, является продолжением и.-е. **sē(i)-*, **sai-*, **si-* и соотносится с названиями души, духа в других индоевропейских языках: лит. *siela* ‘душа, дух, чувство’ [11, с. 621], гот. *saivala* ‘душа’, др.-н.-нем. *sēla*, *sila* ‘душа’, англосакс. *sāwol* ‘душа, жизнь’, англ. *soul*, др.-в.-нем. *sēle*, *sēula* [12, с. 285].

По поводу происхождения лексемы *сила* существует и иная точка зрения. Так, П. Я. Черных склонен считать, что общеслав. **sila* представляет собой производное с суффиксом *-l-a* от корня **si-*, подобно общеславянскому **zila* (рус. *жила*), образованному от **ziti* [13, с. 162]. В древнерусском языке XI–XVII вв. лексема *жила* имела значения ‘жила; сила, бодрость, крепость’ [14, с. 272]. Далее, можно

возвести *si- к и.-е. *sē(i)-, *sai- ‘соединять, связывать’, более раннее значение – ‘соединение, связь’ → ‘множество’ → ‘сила’: др.-в.-нем. *seid* ‘веревка’, *seil* ‘канат’; гот. *insailjan* ‘вводить на веревках’; др.-инд. *sināti*, *syāti* ‘связывать’; лит. *siėti*, *sejti* ‘связывать’; латыш. *siet*, *sieni*, *sēju* ‘связывать’; общеслав. **sidlo* (**sitlo*-), *silo* ‘трос, канат, веревка’; пол. *sido* ‘петля, силок, аркан, лассо’; укр. *сильце*; болг. *сіло*; чеш. *osidlo* ‘силок, удавка’ [13, с. 162]. На наш взгляд, эта гипотеза выглядит более убедительной, если принять во внимание тот факт, что в древнерусском языке для существительного *сила* зафиксированы значения ‘множество, огромное количество’ (*И въпросиша колодникъ, глице: како вась толика сила и иноег множество не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгосте* (Ипатьевская летопись) [6, с. 136]) и ‘воинство, войско, армия’, ‘небесное воинство, ангелы всех чинов’ (*Всѣволодъ идее на Чърниговъ съкупивъ силу свою и половъчьску силу приведе* (I Новгородская летопись) [6, с. 136]).

Связь понятий «сила» и «власть», обнаруживаемая в семантической структуре слова *сила*, является одной из наиболее частых и устойчивых для соответствующего концепта в лексико-семантической подсистеме языка. Феномен власти принадлежит к числу «таких ключевых архетипических сверхуниверсалий, таких укорененных общечеловеческих бытийных констант, как *род, жизнь, смерть, человек, мир, война, любовь*» [15, с. 58], без которых немислимо целостное представление человека о себе и об окружающей действительности. «В обыденной речи понятие “власть” используется для определения различных категорий: мы можем иметь в виду влиятельного человека и определенные отношения между людьми, политический режим, могущество и право командовать» [16, с. 91]. Выражение *человек обладает властью* характеризует и его политические возможности (способность влиять на судьбы народов, государств и отдельных людей), и физические возможности, и личные характеристики, и формальный статус.

Лексема *сила* с переносным значением ‘власть, могущество’ зафиксирована в текстах XI в. (*Богу убо подобное словословие и благодарие въсьли, съвршающууу силу свою въ немощи* (Пандект Антиоха) [6, с. 135]). Возникновение данного лексико-семантического варианта и в целом синонимично-ассоциативной пары *сила – власть* видится достаточно предсказуемым, поскольку *сила* предполагает влияние и распространение своей воли, желания на кого-, что-либо. Власть представляет собой синкретичную энантиосемичную (амбивалентную) сущность, базирующуюся на двух противоположных взаимообусловленных началах – господстве и подчинении.

Подобная связь обнаруживается и в этимологическом гнезде с корнем **vel-/vol-*: исторически родственные лексемы *владеть, власть, владыка, обладать* в церковнославянском языке зафиксированы со следующей семантикой: *владѣти* ‘управлять с верховной властью’, ‘иметь в своем владении’ [17, с. 132]; *власть* ‘право поступать по собственному произволу’, ‘право повелевать и управлять другими’, ‘начальство’ [17, с. 133] (ср. **voldti* > **volst* ‘право’ [17, с. 157]); *владыка* ‘верховный повелитель, обладатель, государь’, ‘владелец, господин’ [17, с. 132]; *обладати* ‘иметь в своей власти, властвовать, царствовать’ [19, с. 15]. Этимологически данные лексемы связаны с понятием «сила», являющимся одним из основных компонентов семантики реконструированной индоевропейской основы *ual-d(h)-* ‘иметь силу; быть сильным’, ‘желать, хотеть’, к которой восходит общеславянский корень **vold-* [18, с. 157]. Продолжения индоевропейского корня прослеживаются в разных языках: лат. *valēo* ‘быть сильным; иметь силу; быть в состоянии’, др.-ирл. *conall*, др.-вал. *cinovali* ‘сильный как волк’, др.-ирл. *fal-n-* ‘править’, *flaith* (**ylati-*) ‘власть’, *flaithem* ‘правитель’ [20, с. 79].

Понятия «власть» и «сила» семантически взаимообусловлены: *власть* предполагает наличие субъекта, обладающего ею, и объекта, который «подвластен», подвергается влиянию, воздействию и приложению некоторых сил (ср. *завладеть* ‘**взять силой** в результате военных действий; присвоить, сделать своей собственностью’, ‘**подчинить** своему воздействию, влиянию’ [21, с. 503–504]). Власть – сила, дающая преимущество над другими (господство, могущество). Следует также отметить, что в древнерусском языке лексема *власть* употреблялась со значением ‘сила, могущество’ (*Съ властяѣ бѣ слово юго* (Евангелие от апостола Луки, 4:32) [22, с. 273]).

Производными от общеславянского корня **vold-* являются существительные *волость* и *область*, в современном русском языке возглавляющие отдельные словообразовательные гнезда [23, с. 187, 682] (на синхронном срезе существительное *волость* является устаревшим). В настоящее время в сознании носителей языка данные лексемы не связаны с понятием «власть», положенным в основу исконного значения. Первоначально др.-рус. *волость* и ц.-сл. *область* (др.-рус. *оболость*) имели значение ‘власть, сила, право на что-либо’ [22, с. 293; 19, с. 16]. Как результат метонимического переноса возникло второе значение лексем: *волостью* и *областью* стали называть местность, подчиненную одной *власти*; позже, вследствие исторических изменений морфо-фонетического характера, затемнения внутренней формы слов, прямая связь с понятием «власть» была утрачена, в результате чего слова *область* и *волость* стали определением административно-территориальной единицы в составе какой-либо страны, государства (*волость* – в России до 1929 г.) [24, с. 537–538].

Обращает на себя внимание параллелизм семантической структуры др.-рус. *власть* и др.-гр. *arche* 'власть'. Древнегреческому существительному были свойственны значения 'суверенитет' и 'начало'. Глагол *archein* имел значения 'властвовать', 'править' и 'начинать' ('стартовать') [16, с. 94]. Семантика 'начало, причина, начальство' свойственна церковнославянской лексеме *власть* [25, с. 80]. В свою очередь, лексема *начало* в церковнославянском языке функционировала как в привычном значении 'первое начало, причина, повод', так и со значением 'страна, область', 'начальство, власть' [25, с. 338]. В диалектах русского языка существительное *начало* функционирует с семантикой 'межа, грань, рубеж, край, предел вещи', 'начальство, власть, старейшина, как сила, как право и как лицо' [26, с. 1287]. Выявленная семантическая связь мотивирует значения лексем *начальник*, *начальство*, употребляющихся для наименования человека (группы людей), в руках которого (которых) сосредоточена власть. В диахронии данные значения формируются как результат метонимического переноса.

Таким образом, производные общеславянского корня **vold-* обнаруживают тесную взаимосвязь семантических компонентов 'управлять', 'обладать', 'осуществлять право собственности в отношении чего-либо'. Семантический компонент 'управление' метонимически связан с понятиями 'сила', 'господство', 'могущество', 'способность подчинять кого-, что-либо себе'.

Единое семантическое наполнение рефлексов праславянского корня позволяет говорить о безусловной метонимической связи между понятиями «власть» и «сила» с понятием «собственность»: право собственности – основное вещное право, оно предоставляет собственнику «в принципе полную *власть* над вещью» [27, с. 318]. Со времени возникновения человеческого общества теснейшим образом взаимосвязаны понятия «власть» и «собственность» – основополагающие феномены, которые в совокупности определяют сущностные, системообразующие характеристики любого общества и любой государственно-политической системы. Без преувеличения можно утверждать, что такие категории, как *свобода*, *равенство*, *рабство*, при помощи которых мы характеризуем тот или иной тип общественного устройства, тесно взаимосвязаны с концептами «собственность» и «власть». В главном труде по политической экономии «Капитал» К. Маркс утверждал: «Ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности» [28, с. 43]. В то же время без государства, власти и обязательных для всех членов сообщества законов не было бы и собственности. Из этого следует, что собственность и власть в их взаимосвязи и взаимодействии представляют собой не только исключительно экономические и правовые, но и исторические, социальные, политические, социокультурные и иные категории, теснейшим образом связанные с государством, формой его устройства, институтами, ценностями.

Сущность понятия «собственность» – одного из базовых концептов, обладающих ключевым статусом в жизни человека [29], – раскрывается через бинарную оппозицию *свой* – *чужой*, при помощи которой архаическое сознание человека представляло и упорядочивало мир. Как отмечал Ю. С. Степанов, «это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В том числе, конечно, и русского» [3, с. 126]. Понятие «собственность» определяется как исторически развивающиеся общественные отношения, которые характеризуют распределение (присвоение) вещей как элементов материального богатства общества между различными лицами (отдельными индивидуумами, социальными группами, государством).

Базовый концепт «собственность» отражает отношения между субъектом и непосредственно объектом собственности. «При взгляде на культуру как на “свой” комплекс представлений, отношений, навыков применительно к себе и к окружающему миру становится доступнее мысль о важности не только эксплицитной, но и имплицитной, всепроникающей культурной дихотомии “свое” – “не свое”» [30, с. 157].

Ключевым семантическим компонентом в структуре концепта «собственность» является компонент 'власть'. По мнению Дж. Локка, человек по природе *обладает властью* охранять свою *собственность*, т. е. свою жизнь, свободу и имущество, и верховная власть не может лишить какого-либо человека какой-либо части его собственности без его согласия [31, с. 721].

По замечанию А. П. Михайлова, «власть приводит к собственности, богатству, деньгам, в свою очередь, деньги дают власть (*деньги правят миром*)» [32]. Как для получения власти, так и для накопления имущества, богатства требуется приложить немалые физические и умственные усилия. Во все периоды развития человечества достаточное количество сил, умений, способностей обеспечивало результат, выражаемый в материальном благополучии. Одновременно с этим как физическая, так и умственная сила приобретается, расходуется, тратится, измеряется как нечто, находящееся в наличии, то, чем человек обладает (например, *не хватило сил*, *тратить силы попусту*). С другой стороны, наличие имущества обеспечивает большие возможности, способность к решению сложных вопросов, требующих применения власти.

Рассматриваемая связь понятий «сила», «власть», «собственность» реализуется также в рефлексах ряда других этимологических корней.

Прилагательным *мочный* в конце XVI в. называли сильного властью, богатством, могущественного человека [33, с. 283–284]. В словаре В. И. Даля зафиксирован ряд однокоренных лексем: *мога* ‘могута, мочь’, ‘сила, власть’, ‘достаток, богатство’; *могач*, *-чка* ‘сильный, богатый человек’; *могич* ‘сын могача, богатый наследник’; *могутный*, *могучий*, *могущий*, *могущный*, *могущественный* ‘мочный, мощный, сильный; дюжий, крепкий, здоровый; богатый; знатный, властный’; *могутник*, *могучан*, *могучник* ‘силач, богатырь; великан, волот; сильный и рослый человек’; *моженье* ‘сила, власть, богатство, возможность’ [26, с. 871–873]. *Мощь* можно рассматривать как источник преобладания, господства. В производных реализуются в равной степени два основных семантических компонента: ‘наличие силы’, в первую очередь физической, и ‘наличие власти, средств, богатства’.

Соответственно, субъект, обладающий физической силой, способен не только производить активные действия, но и противостоять внешнему влиянию, таким образом значения ‘крепость’, ‘прочность’ развиваются на основе значения ‘физическая сила’. При обозначении субъекта (объекта), обладающего большим физическим потенциалом, способного его реализовать, понятие «сила» сопряжено с представлениями о значительном размере, что стало причиной развития семантики по следующей схеме: *сильный*, *могучий* > *большой*, *крупный* (размер, вес) > *значительный*, *весомый* > *влиятельный*, *состоятельный*, *богатый*.

Связь понятий «сила», «власть» и «собственность» обнаруживается в рефлексах индоевропейской основы **ten-gh* ‘тянуть’ [13, с. 278].

Ряд производных непосредственно связан с понятием «сила»: *тянуть* ‘взяв, ухватив край, конец чего-либо, перемещать, приближать к себе с силой, усилием’ [10, с. 439], *тяга* ‘сила, вызывающая перемещение чего-либо, а также источник такой силы’ [10, с. 435], диал. *тяжити* ‘прилагать силы’ [26].

Понятие «перемещение», являющееся ядром лексического значения корня, предполагающее одностороннее движение к себе и подразумевающее переход объекта в собственность «тянущего» лица (субъекта), послужило базой для формирования в рефлексах корня семантического направления ‘приобретать, делать своей собственностью’. Заимствованная из церковнославянского языка лексема *стяжание* [34, с. 243] обозначает как действие по глаголу *стяжать* ‘нажить (наживать), приобрести (приобретать) деньги, имущество’, т. е. процесс приобретения имущества, так и само приобретенное ‘имущество’ [8, с. 1285]. В древнерусском языке старославянскому глаголу *стѣжати* соответствовала лексема *прѣстѣжати* ‘приобретать’, ‘иметь, держать’, ‘получать в доход’ [35, с. 1485–1486].

В церковнославянском языке зафиксированы производные от глагола *стѣжати* имена существительные, называющие лицо (*стѣжатель* ‘приобретатель; обладатель, владелец’, *стѣжательница* ‘приобретательница; обладательница, владелица’), и имя прилагательное (*стѣжательный* ‘пристрастный к стяжанию; корыстолюбивый’) [34, с. 243]. В современном русском языке функционируют как указанные старославянские лексемы, так и новые слова: прилагательное *стяжательский* (современный дублет ст.-сл. *стяжательный*) и существительное *стяжательство*. Однако семантика данных слов на синхронном срезе несколько отлична от первоначальной. Имена существительные *стяжатель* и *стяжательница* используются в значении ‘корыстолюбивый, стремящийся к наживе человек’, *стяжательство* – ‘алчное накопление денег, имущества, страсть к наживе, приобретательству’ [10, с. 297], прилагательные *стяжательский* и *стяжательный* – ‘имеющий отношение к стяжательству’ [8, с. 1285]. Так, в лексемах сохраняется ядерная сема приобретения, обладания чем-либо и одновременно в лексическом значении современных слов усиливается сема ‘желание владеть, стремление приумножить свое имущество’ любыми способами, честными и нечестными.

Зафиксированная в диалектах русского языка лексема *нетяглый* употребляется при характеристике человека, не имеющего земли, не выплачивающего подати (ср. диал. *тяга* ‘повинность’), и человека слабосильного, маломочного [36, с. 897–900]. Таким образом, оно совмещает в своем значении два компонента: ‘сила’ и ‘собственность’.

Взаимосвязь понятий «сила», «власть», «собственность» обнаруживается в семантической структуре производных индоевропейского корня **bhagh-* ‘наделять, раздавать’, ‘кормить’ [18, с. 98] (значение ‘кормить’ нашло отражение в гр. φαγεῖν ‘есть, пожирать’ [37, с. 182–183]).

Слово *богатство* может быть определено как ‘материальные предметы, принадлежащие человеку’, ‘обилие материальных ценностей, денег’ [21, с. 101]. Безусловно, представление о богатстве сводится не только к отражению его материальной составляющей, но и к осознанию его духовной ценности. Для русского менталитета характерно «сочувствие бедным и негативное отношение к богатым, материальному богатству и процессу его накопления» [38].

Имя прилагательное *богатый* ‘обладающий большим имуществом, большими материальными ценностями, зажиточный’, ‘пышный, роскошный’, ‘обильный’, перен. ‘содержащий много ценных ка-

честв' [21, с. 101] восходит к праславянскому прилагательному **bogatъ*, образованному посредством суффикса *-at-* со значением 'обладающий чем-либо', вероятно с оттенком обилия содержащегося признака (ср. *волосатый*), от существительного **bogъ* [18, с. 99].

Праславянская полисемантическая лексема **bogъ* 'податель блага, даритель участи, ниспосылающий благодать', 'назначенная часть, доля, участь, удел, свое счастье, благодать' [14, с. 69] восходит к корню **bhagh-* 'наделять, раздавать' [18, с. 98], происхождение которого не имеет надежной этимологии. В фонетическом и семантическом отношении общеслав. **bogъ* родственно др.-инд. *bhāgas* 'достояние, счастье', 'одаряющий, господин', др.-инд. *bhājati, bhājatē* 'наделяет, делит' [37, с. 182–183]; др.-инд. *bhāgas* употреблялось также как эпитет для наименования некоторых богов (ср. *bagha* – добрые духи в Иране, *Baga* – один из представителей небесного света у индусов), *bhāga-li* 'благосостояние, счастье', *bhagavant* 'блаженный великий' [18, с. 98] (ср. также др.-перс. *baga-* 'владыка, бог' [39, с. 33]; авест. *baγa* 'господь', 'бог', 'доля, участь', *baḫšaiti* 'участвует' [37, с. 182–183]; санскр. *bhaga-s* 'податель, господин, владыка, богатый', 'богатство, счастье' [39, с. 33]).

Значения 'богатство', 'имущество' корневой морфемы **bog-* нашло отражение в славянских языках: укр. *збіжжя* 'хлеб в зерне; имущество'; пол. *zboże* 'хлеб в зерне', раньше – 'богатство'; в.-луж. *zbože* 'достаток', 'скот' [40, с. 36]; чеш. *zboží* 'состояние' [37, с. 182].

По мнению О. Н. Трубачева, словообразовательная деривация **bogъ* → **bog-atъ*, **u-bogъ*, **sъ-bož-ъje* «исключает какие бы то ни было сомнения», но семантическая деривация не столь очевидна: «Считать значения 'богатый', 'нищий', 'имущество' производными от исторического или современного значения 'бог' – бессмысленно. Элементарная семантическая реконструкция в состоянии свести значения 'имущество', 'богатый', 'нищий' к первоначальному 'материальное благо ~ божество – податель материальных благ', которое кажется архаичнее, чем более абстрактное значение-идея 'божество вообще / верховное божество'. Выходит, семантическая деривация может быть передана схемой **bogъ* ← **bog-atъ*, **u-bogъ*, **sъ-bož-ъje*, т. е. ее направление прямо противоположно словообразовательной» [41, с. 153].

Основываясь на данных этимологических словарей, можно сделать вывод о том, что семантика древнего корня претерпела ряд изменений вследствие метонимического переноса. Так, на базе «конкретного» значения индоевропейского корня **bhagh-* 'делить, раздавать (пищу)' возникло значение, подразумевающее участников: 'принимать участие в делении' (авест. *baḫšaiti* 'участвует'). Процесс надделения участника чем-либо предполагает выделение *частей* или *долей* (ср. значения авест. *baγa* 'доля, участь', санскр. *bhagas* 'счастье, удел', ср.-перс. *bag* 'доля, участие'). Затем сформировалось значение 'тот, кто распределяет долю, податель счастья', т. е. Бог.

Представление о связи понятий «сила» и «богатство» («собственность») отражается и в семантике существительного *богатырь* (диал. южн. 'богатый имуществом человек; зажиточный, состоятельный, денежный' [42, с. 250–251]).

Одной из основных черт славянского фольклора считается наделение персонажа сверхчеловеческой силой и воинской доблестью, неукротимой энергией и свободолубием, в связи с чем распространенным образом в фольклоре славян является образ исполина-богатыря. Как верно заметил А. Х. Давлеткулов, согласно основной концепции героического эпоса, имеющей универсальный характер, богатыри – это единственная и исключительная сила, на которую может опереться «свой» социум в кризисных обстоятельствах, чтобы противостоять «чужому», сохранить или восстановить себя [43, с. 28].

При этом обладание силой предопределено вмешательством божественных, природных сил, в связи с чем понятие «сила» оказывается связанным не только с физическими возможностями, но и с божественной, духовной силой, распространением власти, влияния.

С учетом этимологических характеристик слова *богатырь* (восходит к перс. *bahadur* [39, с. 33]) говорить о его прямой отнесенности к гнезду с корнем **bhagh-* не представляется возможным, однако исследователи не исключают более позднего влияния указанного корня на формирование семантики лексемы.

Заключение

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что связь понятий «сила», «власть» и «собственность» носит регулярный характер и обнаруживается в составе этимологических гнезд с корнями **seb-/sob-*, **vel-/vol-*, **im-*, **bog-*, **teg-* входящих в семантико-этимологическое поле 'собственность'. Связь рассматриваемых понятий, которые раскрывают и дополняют содержание друг друга, носит метонимический характер, что особенно наглядно раскрывается на историческом и диалектном языковом материале. Вербализаторы данных концептов зачастую встречаются в совместном употреблении: *обладать властью, влиятельный владелец, преумножить накопления, усиление власти*.

Библиографические ссылки

1. Bischofsberger M. *Sémantique historique et cognition. SCOLIA: Sciences cognitives, Linguistique et Intelligence Artificielle*. 1996;9:7–22.
2. Щур ГС. *Теории поля в лингвистике*. Москва: Наука; 1974. 255 с.
3. Степанов ЮС. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: Академический проект; 2004. 992 с.
4. Ильинская ТН. *История формирования и эволюция концепта «сила» во французском и русском языках* [автореферат диссертации]. Томск: Томский политехнический университет; 2006.
5. Колесник ВА. *Сила и стихийность*. Москва: Наука и образование; 2007. 167 с.
6. Богатова ГА, редактор. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 24*. Москва: Наука; 2000.
7. Ларин БА. *История русского языка и общее языкознание*. Москва: Просвещение; 1977. 224 с.
8. Кузнецов СА, редактор. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт; 2000. 1536 с.
9. Галаванова ГА, Сороколетов ФП, редакторы. *Словарь современного русского литературного языка. Том 13*. Москва, Ленинград: Издательство АН СССР; 1962.
10. Евгеньева АП, редактор. *Словарь русского языка. Том 4*. Москва: Русский язык; 1988.
11. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. Том 3*. Трубачев ОН, перевод и дополнение. Москва: Прогресс; 1987.
12. Преображенский АГ, составитель. *Этимологический словарь русского языка. Том 2*. Москва: Типография Г. Лиснера и Д. Совко; 1914.
13. Черных ПЯ. *Историко-этимологический словарь современного русского языка. Том 2*. Москва: Русский язык; 1999.
14. Шапошников АК, составитель. *Этимологический словарь современного русского языка. Том 1*. Москва: Флинта; 2010.
15. Прозоров ВВ. О семантических горизонтах понятия «власть». *Логос*. 2003;4–5:58–64.
16. Ледаев ВГ. *Власть: концептуальный анализ*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2001. 384 с.
17. *Словарь церковнославянского и русского языка. Том 1*. Составило 2-е отделение Императорской академии наук. Москва: Литература; 1995. Репринтное издание, 1847 г.
18. Черных ПЯ. *Историко-этимологический словарь современного русского языка. Том 1*. Москва: Русский язык; 1999.
19. *Словарь церковнославянского и русского языка. Том 3*. Составило 2-е отделение Императорской академии наук. Москва: Литература; 1995. Репринтное издание, 1847 г.
20. Федько М. Лексико-семантическая группа 'власть' в восточногерманских и скандинавских языках: формирование и развитие. *Zmogus ir žodis*. 2014;16(3):77–83. DOI: 10.15823/zz.2014.014.
21. Евгеньева АП, редактор. *Словарь русского языка. Том 1*. Москва: Русский язык; 1985.
22. Срезневский ИИ. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том 1*. Москва: Книга; 1958. Репринтное издание, 1893 г.
23. Тихонов АН. *Словообразовательный словарь русского языка. Том 1*. Москва: Русский язык; 1990.
24. Евгеньева АП, редактор. *Словарь русского языка. Том 2*. Москва: Русский язык; 1999.
25. Дьяченко Г, составитель. *Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений)*. Москва: Издательский отдел Московского Патриархата; 1993. 1159 с. Репринтное издание, 1899 г.
26. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2*. Бодуэн де Куртенэ ИА, редактор. Москва: Цитадель; 1998 г. Репринтное издание, 1905 г.
27. Покровский ИА. *История римского права*. Санкт-Петербург: Летний сад; 1998. 560 с.
28. Маркс К. Производство. В: Маркс К. *Капитал*. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2014. с. 38–44.
29. Бабаева ЕВ. *Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков)* [диссертация]. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет; 1997. 210 с.
30. Трубачев ОН. *Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования*. Москва: Индрик; 1991. 272 с.
31. Локк Д. *Избранные философские произведения. Том 2*. Москва: Соцэкгиз; 1960. 532 с.
32. Михайлов АП. *Моделирование концепта «власть» в русской языковой картине мира* [диссертация]. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет; 2010. 233 с.
33. Филин ФП. *Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 9*. Москва: Наука; 1982.
34. *Словарь церковнославянского и русского языка. Том 4*. Составило 2-е отделение Императорской академии наук. Москва: Литература; 1995. Репринтное издание, 1847 г.
35. Срезневский ИИ. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том 2*. Москва: Литература; 1958. Репринтное издание, 1902 г.
36. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том 4*. Бодуэн де Куртенэ ИА, редактор. Москва: Русский язык; 1998. Репринтное издание, 1909 г.
37. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. Том 1*. Трубачева ОН, перевод и дополнение. Москва: Порогресс; 1987.
38. Клементьева ЕВ. *Концепт «богатство»: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков)* [диссертация]. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2008.
39. Преображенский АГ, составитель. *Этимологический словарь русского языка. Том 1*. Москва: Типография Г. Лиснера и Д. Совко; 1910.
40. Цыганенко ГП. *Этимологический словарь русского языка*. Киев: Радянська школа; 1989. 511 с.
41. Трубачев ОН. *Этимологические исследования и лексическая семантика*. В: Ярцева ВН, Колшанский ГВ, Телия ВН, редакторы. *Принципы и методы семантических исследований*. Москва: Наука; 1976. с. 147–180.
42. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1*. Бодуэн де Куртене ИА, редактор. Москва: Русский язык; 1998. Репринтное издание, 1903 г.
43. Давлеткулов АХ. *Проблемы художественно-эстетического осмысления истории этноса в башкирском эпосе. Опыт социально-философского анализа*. Уфа: Башгоспединститут; 1998. 214 с.

References

1. Bischofsberger M. Semantic history and knowledge. *SCOLIA: Sciences cognitives, Linguistique et Intelligence Artificielle*. 1996;9:7–22. French.
2. Schur GS. *Teorii polya v lingvistike* [Field theories in linguistics]. Moscow: Nauka; 1974. 255 p. Russian.
3. Stepanov US. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2004. 992 p. Russian.
4. Ilyinskaya TN. *Istoriya formirovaniya i evoliutsiya kontsepta «sila» vo frantsuzskom i russkom yazykakh* [History of the formation and evolution of the concept of power in French and Russian languages] [dissertation abstract]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University; 2006. Russian.
5. Kolesnik VA. *Sila i stikhiinost'* [The force and spontaneity]. Moscow: Nauka i obrazovanie; 2007. 167 p. Russian.
6. Bogatova GA, editor. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vypusk 24* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 24]. Moscow: Nauka; 2000. Russian.
7. Larin BA. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [History of the Russian language and general linguistics]. Moscow: Prosveshchenie; 1977. 224 p. Russian.
8. Kuznetsov SA, editor. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint; 2000. 1536 p. Russian.
9. Galavanova GA, Sorokoletov FP, editors. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Tom 13* [Dictionary of modern Russian literary language. Volume 13]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of USSR; 1962. Russian.
10. Evgenyeva AP, editor. *Slovar' russkogo yazyka. Tom 4* [Dictionary of the Russian language. Volume 4]. Moscow: Russkii yazyk; 1988. Russian.
11. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Tom 3* [Etymological dictionary of the Russian language. Volume 3]. Trubachev ON, translator, editor. Moscow: Progress; 1987. Russian.
12. Preobrazhenskiy AG, compiler. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Tom 2* [Etymological dictionary of the Russian language. Volume 2]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko; 1914. Russian.
13. Chernykh PY. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Tom 2* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. Volume 2]. Moscow: Russkii yazyk; 1999. Russian.
14. Shaposhnikov AK, compiler. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Tom 1* [Etymological dictionary of the modern Russian language. Volume 1]. Moscow: Flinta; 2010. Russian.
15. Prozorov VV. Semantic of concept «authority» in Russian national cultural traditions. *Logos*. 2003;4–5:58–64. Russian.
16. Ledyayev VG. *Vlast': kontseptual'nyi analiz* [Power: a conceptual analysis]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2001. 384 p. Russian.
17. *Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo yazyka. Tom 1* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language. Volume 1]. Moscow: Literatura; 1995. Reprinting edition, 1847. Russian.
18. Chernykh PY. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Tom 1* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. Volume 1]. Moscow: Russkii yazyk; 1999. Russian.
19. *Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo yazyka. Tom 3* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language. Volume 3]. Moscow: Literatura; 1995. Reprinting edition, 1847. Russian.
20. Fedko M. Lexico-semantic group power in East German and Scandinavian languages: formation and development. *Man and the World*. 2014;16(3):77–83. Russian. DOI: 10.15823/zz.2014.014.
21. Evgenyeva AP, editor. *Slovar' russkogo yazyka. Tom 1* [Dictionary of the Russian language. Volume 1]. Moscow: Russkii yazyk; 1985. Russian.
22. Sreznevskiy II. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. Tom 1* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from Written Monuments. Volume 1]. Moscow: Kniga; 1958. Reprinting edition, 1893. Russian.
23. Tikhonov AN. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka. Tom 1* [Word-formative dictionary of the Russian language. Volume 1]. Moscow: Russkii yazyk; 1990. Russian.
24. Evgenyeva AP, editor. *Slovar' russkogo yazyka. Tom 2* [Dictionary of the Russian language. Volume 2]. Moscow: Russkii yazyk; 1999. Russian.
25. Dyachenko G, compiler. *Polnyi tserkovnoslavianskii slovar'* [Full Church Slavonic dictionary]. Moscow: Izdatel'skii otdel Moskovskogo Patriarkhata; 1993. 1159 p. Reprinting edition, 1899. Russian.
26. Dal' VI. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Tom 2* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Volume 2]. Baudouin de Courtenay IA, editor. Moscow: Tsitadel'; 1998. Reprinting edition, 1905. Russian.
27. Pokrovskiy IA. *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. Saint Petersburg: Letnii sad; 1998. 560 p. Russian.
28. Marx K. [Production]. In: Marx K. *Kapital*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2014. p. 38–44. Russian.
29. Babaeva EV. *Kul'turno-yazykovye kharakteristiki otnosheniya k sobstvennosti (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov)* [Cultural-linguistic characteristics of the attitude to property (on the basis of German and Russian languages)] [dissertation]. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University; 1997. 210 p. Russian.
30. Trubachev ON. *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavian: lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of the most ancient Slavs: linguistic research]. Moscow: Indrik; 1991. 272 p. Russian.
31. Lokk D. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 2* [Selected philosophical works. Volume 2]. Moscow: Sotsekgis; 1960. 532 p. Russian.
32. Mikhaylov AP. *Modelirovanie kontsepta «vlast'» v russkoi yazykovoi kartine mira* [Modeling the concept of «power» in the Russian language picture of the world] [dissertation]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University; 2010. 233 p. Russian.
33. Filin FP, editor. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vypusk 9* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 9]. Moscow: Nauka; 1982. Russian.
34. *Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo yazyka. Tom 4* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language. Volume 4]. Moscow: Literatura; 1995. Reprinting edition, 1847. Russian.

35. Sreznevskiy II. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. Tom 2* [Materials for the dictionary of the Old Russian language from written Monuments. Volume 2]. Moscow: Literatura; 1958. Reprinting edition, 1902. Russian.
36. Dal' VI. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Tom 4* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Volume 4]. Baudouin de Courtenay IA, editor. Moscow: Russkij yazyk; 1998. Reprinting edition, 1909. Russian.
37. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Tom 1* [Etymological dictionary of the Russian language. Volume 1]. Trubachev ON, translator, editor. Moscow: Progress; 1987. Russian.
38. Klement'eva EV. *Kontsept «bogatstvo»: kognitivno-pragmaticheskij aspekt (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* [The concept of «wealth»: a cognitive-pragmatic aspect (based on Russian and English)] [dissertation]. Krasnodar: Kuban State University; 2008. Russian.
39. Preobrazhenskij AG, compiler. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Tom 1* [Etymological dictionary of the Russian language. Volume 1]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko; 1910. Russian.
40. Tsyganenko GP. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Kiev: Radjans'ka shkola; 1989. 511 p. Russian.
41. Trubachev ON. [Etymological studies and lexical semantics]. In: Yartseva VN, Kolshanskij GV, Teliya VN, editors. *Printsipy i metody semanticheskikh issledovanij* [Principles and methods of semantic research]. Moscow: Nauka; 1976. p. 147–180. Russian.
42. Dal' VI. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Tom 1* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Volume 1]. Baudouin de Courtenay IA, editor. Moscow: Russkij yazyk; 1998. Reprinting edition, 1903. Russian.
43. Davletkulov AH. *Problemy khudozhestvenno-esteticheskogo osmysleniya istorii etnosa v bashkirskom epose. Opyt sotsial'no-filosofskogo analiza* [Problems of artistic and aesthetic interpretation of the history of ethnos in the Bashkir epic. Experience of social and philosophical analysis]. Ufa: Bashgospedinstitut; 1998. 214 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.02.2018.
Received by editorial board 18.02.2018.

УДК 81'373.2:811.161.3

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА)

Н. А. ЛЕВЧЕНКО¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

На материале белорусского языка исследуются механизмы фразеобразования в сфере ономастической фразеологии. Установлено, что наиболее продуктивным способом фразеобразования является фразеолого-синтаксический. Отмечается, что основными способами актуализации внутренней формы фразеологизмов выступают метафорический и метонимический переносы. Выявлено, что путем экспликации образуются сочетания с псевдособственными именами, подавляющее большинство которых являются эвфемистическими фразеологизмами. Определены основные разновидности фразеобразования в рамках собственно фразеологического способа образования. Установлено, что ономастические фразеологизмы могут образовываться в результате эллипсиса пословицы. Отмечается, что образование фразеологизмов с компонентом – именем собственным обусловлено лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: фразеологизм; ономастический компонент; метафорическое переосмысление; метонимическое переосмысление; гипербола; персонификация; псевдооним; перифраза; фразеологизм-эвфемизм; эллипсис.

СПАСАБЫ ЁТВАРЭННЯ АНАМАСТЫЧНЫХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ)

Н. А. ЛЕЎЧАНКА^{1*)}

^{1*)}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Э. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

На матэрыяле беларускай мовы даследуюцца механізмы фразеаўтварэння ў сферы анамастычнай фразеалогіі. Вызначана, што найбольш прадуктыўным спосабам фразеаўтварэння з'яўляецца фразеалагічна-сінтаксічны. Паказана, што асноўнымі спосабамі актуалізацыі ўнутранай формы фразеалагізмаў выступаюць метафарычны і метанімічны пераносы. Выяўлена, што шляхам эксплікацыі ўтвараюцца выразы з псеўдаўласнымі імёнамі, пераважная большасць якіх з'яўляюцца эўфемістычнымі фразеалагізмамі. Акрэслены асноўныя разнавіднасці фразеаўтварэння ў межах унутрыфразеалагічнага спосабу. Сцвярджаецца, што анамастычныя фразеалагізмы могуць утварацца ў выніку эліпсіса прыказкі. Адзначаецца, што ўтварэнне фразеалагізмаў з кампанентам – уласным імем абумоўлена лінгвістычнымі і экстралінгвістычнымі фактарамі.

Ключавыя словы: фразеалагізм; анамастычны кампанент; метафарычнае пераасэнсаванне; метанімічнае пераасэнсаванне; гіпербала; персаніфікацыя; псеўдаонім; перыфраза; фразеалагізм-эўфемізм; эліпсіс.

Образец цитирования:

Леўчанка НА. Спосабы ўтварэння анамастычных фразеалагізмаў (на матэрыяле беларускай мовы). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2018;3: 120–126.

For citation:

Leuchanka NA. Ways of formation of onomastic phraseological units (on the material of the Belarusian language). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:120–126. Belarusian.

Автор:

Наталья Александровна Левченко – аспирантка кафедры белорусской филологии филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. А. Данилович.

Author:

Natalia A. Leuchanka, postgraduate student at the department of Belarusian philology, faculty of philology.
natalia-alex21@yandex.ru

WAYS OF FORMATION OF ONOMASTIC PHRASEOLOGICAL UNITS (ON THE MATERIAL OF THE BELARUSIAN LANGUAGE)

N. A. LEUCHANKA^a

^a*Janka Kupala State University of Hrodna, 22 E. Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus*

The paper is devoted to the study of mechanisms of onomastic phraseological units derivation in the Belarusian language. The analysis showed that the most productive way of phraseologism formation is the phraseological-syntactical one. The main methods of renewing the inner form of idioms are metaphor and metonymy. Pseudoproper names are formed due to explication. The main mechanisms of phraseologism formation within the inner phraseological method are estimated. It is established that onomastic phraseological units can be formed as a result of ellipsis of proverbs. It is noted that the formation of phraseological units with the onomastic component is due to linguistic and extralinguistic factors.

Key words: phraseological unit; onomastic component; metaphor; metonymy; hyperbole; personification; pseudo-proper name; periphrasis; euphemism; ellipsis.

Праблема фразеаўтварэння – адна з цэнтральных у фразеалогіі. Ёю займаліся такія вядомыя вучоныя, як Ю. А. Гваздароў, А. М. Ермакова, У. І. Коваль, Н. С. Лалаян, І. Я. Лепешаў, В. М. Макіенка, У. Д. Ужчанка, Ю. А. Фірсава і інш.

Яшчэ ў пачатку станаўлення фразеалагічнай навукі Н. М. Амосава адзначала: «Назіранні над формамі функцыянавання фразеалагічных адзінак, над семантычнымі сувязямі паміж іх кампанентамі, над выпадкамі вылучэння аднаго з кампанентаў фразеалагічнай адзінкі, з узнікшым у выніку такога вылучэння зрухам яго семантыкі пад уздзеяннем цэласнага значэння зыходнага слоўнага комплексу – адкрываюць перад даследчыкамі новы аспект праблемы пераасэнсавання слоў. І механізм яго аказваецца тут іншым, заснаваным не на супастаўленні дэнататаў, а на сувязях паміж самімі словамі; і прычыны яго аказваюцца не экстралінгвістычнымі, а інтралінгвістычнымі»¹ [1, с. 8].

Даследчыкі заўважылі, што «ўтварэнне фразеалагізмаў падпарадкавана аб'ектыўным заканамернасцям мовы» [2, с. 6] і «для апісання фразеаўтваральнага працэсу неабходна выяўляць, на базе якога матэрыялу і пад уплывам якіх прычын узнікае новая фразеалагічная адзінка» [3, с. 20].

Мэтай гэтага артыкула з'яўляецца класіфікацыя і характарыстыка спосабаў утварэння фразеалагізмаў з анамастычным кампанентам у беларускай мове.

Аб'ектам даследавання сталі фразеалагізмы з уласным імем і кампанентам-ад'ектонімам, выяўленыя метадам суцэльнай выбаркі з фразеалагічных і лексічных слоўнікаў беларускай літаратурнай і дыялектнай мовы, фальклорных і лінгвістычных зборнікаў, картатэкі «Фразеалагічнага слоўніка Гродзеншчыны».

Найбольш прадуктыўным, паводле назіранняў У. І. Коваля, з'яўляецца першаснае фразеаўтварэнне [2, с. 7], або, у тэрміналогіі А. М. Ермакавай, «знешняе фразеаўтварэнне», у межах якога вылучаюцца фразеалагічна-сінтаксічны і фразеалагічна-лексічны спосабы. Сутнасць першага з іх заключаецца ў тым, што ўтварэнне фразеалагізмаў адбываецца на аснове сінтаксічных адзінак (свабодных словазлучэнняў і састаўных тэрмінаў) у выніку іх пераасэнсавання [4, с. 17].

Утварэнне фразеалагізмаў «рэгулюецца» іх унутранай формай [5, с. 112]. Пад унутранай формай разумеецца «вобраз, які ляжыць у аснове фразеалагізма, “вобразнае ўяўленне, якое спадарожнічае значэнню” (В. У. Вінаградаў) фразеалагічнай адзінкі» [6, с. 26]. Даследчык В. І. Зімін вызначае ўнутраную форму як «сувязь, якая існуе паміж фразеалагічным значэннем звароту і рэальнымі (сучаснымі або гістарычнымі) значэннямі кампанентаў, якія складаюць выраз» [7, с. 85].

Асноўныя механізмы актуалізацыі ўнутранай формы фразеалагізмаў, якая служыць важнай крыніцай вобразнасці, – гэта метафарызацыя і метанімізацыя. Найбольш прадуктыўным механізмам з'яўляецца метафарычнае пераасэнсаванне – перанос назвы з адной з'явы на другую на аснове падабенства паміж імі [4, с. 17]. Так, фразеалагізм *заводзіць (завесці) катрынку* са значэннем ‘дакучліва гаварыць пра адно і тое’ (Ков., ФС) узнік у выніку метафарычнага пераасэнсавання свабоднага словазлучэння, звязанага з іграй на катрынцы – «пераносным механічным аргане ў выглядзе невялікай скрынкі, на якім ігралі вандроўныя музыканты» [8, с. 37]. Калі заводзілі гэты музычны інструмент, чулася працяглае і нуднае гучанне, што і паслужыла асновай для пераасэнсавання значэння адпаведнага выразу. Першай мелодыяй, якая выконвалася вандроўнікамі-немцамі, была песня *Charmante Catherine* («Прыгожая Кацярына»). Ад другога кампанента гэтай назвы паходзіць апелятызаваны антрапонім *катрынка* [8, с. 37].

¹Тут і далей пераклад наш. – Н. Л.

Паводле І. Я. Лепешава, «найбольшы “каэфіцыент вобразнасці” (У. П. Жукаў) маюць фразеалагізмы, якія могуць быць супрацьпастаўлены адпаведнаму свабоднаму словазлучэнню і на яго фоне ўспрымаюцца як разгорнутая метафара» [6, с. 27–28]. Так, унутраная форма фразеалагізма *божая кароўка* ‘1) жучок чырвонай, жоўтай або белай афарбоўкі з плямкамі; 2) ціхі, бяскрыўдны чалавек, які не ўмеє пастаяць за сябе’ (СФ-1) становіцца зразумелай на фоне падабенства гэтага жучка з кароўкай: «...калі яго перавярнуць і пакратаць брушка, то на нагах у насякомага выступаюць ярка-ружовыя кроплі (“малачко”). Жучок зусім бяскрыўдны і безабаронны, што і стала падставай для развіцця ў фразеалагізме яшчэ аднаго значэння» (ЭСФ, с. 14). Вобразная аснова фразеалагізма (*стары*) як *Гродна* ‘вельмі (стары хто-н.), вельмі (старое што-н.)’² (СДФГ) пераасэнсоўваецца і прыводзіць да развіцця асацыяцый са старажытнасцю (Гродна – горад, першая пісьмовая згадка якога датуецца 1128 г.).

Разгледзім некаторыя анамастычныя выразы, утвораныя шляхам метафарычнага пераасэнсавання, вобразнасць якіх засноўваецца на рэальных сітуацыях. У гаворках Брэстчыны зафіксаваны выраз (*адзецца, апрануцца*) як *Амялян на Пакровы* (Зайка, ФСК). Аўтэнтычную этымалагічную даведку, дзякуючы якой вобразнасць фразеалагізма становіцца празрыстай, змясціў у сваім слоўніку А. Зайка: *Некалі жыў у вёсцы дзядзька на імя Амялян. На Пакрову ён апрануўся па-святоточнаму, але ў адным пралічыўся: ні так, як трэба, зашпіліў пінжак. Выйшло адно крысо вышэй, а другая ніжэй. С таго часу пайшла гэтая покаска* (Зайка). Падобным чынам утварыліся і наступныя фразеалагізмы: (*пагуляць*) як *Асей у студні* ‘зусім не (пагуляць)’ (НКАМ), (*спацець*) як *Аўгустын над кісялём* ‘вельмі (спацець)’ (КФСГ), (*збірацца*) як *Баўтрук да мадленя* ‘вельмі павольна, марудна’ (КФСГ), (*разысціся*) як *Ігналя на вечарынцы* ‘вельмі, празмерна (разысціся)’ (БНП, Высл.). Метафарычны перанос, які ляжыць у аснове значэнняў гэтых фразеалагізмаў, звязваецца з вядомымі рэальнымі жыццёвымі сітуацыямі, якія паслужылі крыніцай іх утварэння.

Метанімічны перанос заснаваны на сумежнасці дзвюх з’яў, якія непасрэдна звязаны адна з адной пастаяннымі адносінамі [4, с. 19]. Так, у выніку метанімічнага пераносу склаліся выразы, якія маюць тэмпаральную семантыку: *на святэй (святый)* Адам ‘ніколі’ (Юрч.-1974), *на польскія Акцябарскія* ‘невядома калі; ніколі’ (СДФГ), <як> *ад куцці да каляд* ‘нядоўга, кароткі прамежак часу’ (СДФГ).

Прасторавая семантыка рэалізуецца ў эўфемістычных фразеалагізмах са значэннем ‘хаваць, пахаваць (нябожчыка)’: *вынесці за Бэкіша* (КФСГ), *вынесці за Бэлька* (КФСГ), *вынесці за Трышын* (Янк.-1979), *вынесці за Пуціса* (КФСГ), *панесці пад Харытона* (КФСГ). Тут уласнае імя абазначае сядзібу гаспадара, за якой знаходзяцца могілкі.

Такім чынам, анамастычныя фразеалагізмы, якія з’яўляюцца метафарычнымі ці метанімічнымі ўтварэннямі, характарызуюцца яркай вобразнасцю, жывой унутранай формай.

Пры ўтварэнні фразеалагізмаў на метафарычныя ці метанімічныя пераносы часта накладваюцца іншыя сродкі моўнай выразнасці. Паводле І. Я. Лепешава, «камаль усе фразеалагізмы – своеасаблівыя, мастацкія мініяцюры», экспрэсіўнасць якіх ствараецца або «толькі эўфанічнымі прыёмамі, або ў сукупнасці з іншымі мастацкімі прыёмамі» [6, с. 31]. Найбольш пашыранымі сродкамі стварэння выразнасці ў анамастычнай фразеалогіі выступаюць гіпербала і персаніфікацыя.

Прывядзём прыклады фразеалагізмаў, вобразнасць якіх грунтуецца на гіпербале: *вярста каломенская* ‘чалавек вельмі высокага росту’ (СФ-1), *вавілонскае стоўпатварэнне* ‘поўная незбярыха, беспарадак, гармідар’ (СФ-2), (*доўгі*) як *Алекшыцкая грэбля* ‘хто-н. вельмі высокага росту’ (Fed., Высл., БНП).

Дадатковым прыёмам утварэння фразеалагізмаў з анамастычным кампанентам можа выступаць персаніфікацыя, заснаваная на выкарыстанні ўласнага імя ў значэнні апелятыва: *іван-ды-мар’я* ‘травяністая трохколерная расліна сямейства фіялкавых; браткі’ (СФ-1), *Міцькам звалі* ‘хто-н. хутка знік, збег, схаваліся’ (СДФГ).

Вобразнасць многіх фразеалагізмаў з уласным імем падмацоўваецца рыфмай, якая выступае як сродак мастацкай выразнасці і прымае ўдзел пры іх утварэнні [9, с. 104]: *пашлі ў сваты да сляпой Агаты* [без тлумачэння] (Рап., ПП), *ні к Сідару ні к Хведару* ‘пра няздатнага, няўмелага чалавека’ (Горл.-1975, Ков.), *ад Анаша да Кайпаша* ‘адаслаць з адной інстанцыі да іншай’ (Fed.), (*прыбрацца*) як *дама з Амсцёрдама* [без тлумачэння] (Высл.), *з Пінска да Мінска* ‘усюды’ (КФСГ), *Гуры Мацкі двор гervяцкі* ‘вялікую тэрыторыю, вялікую адлегласць (абысці, аб’ехаць)’ (СДФГ).

Анамастычныя фразеалагізмы могуць утварацца фразеалагічна-лексічным спосабам, гэта значыць на базе асобных слоў, напрыклад шляхам эксплікацыі, у выніку якой адбываецца «расшчапленне» пэўных лексем [2, с. 7]. Да гэтай групы належаць фразеалагізмы са штучна ўтворанымі ўласнымі імёнамі.

Даследчык У. І. Коваль адзначаў: «Найбольш “адкрытую” ўнутраную форму маюць фразеалагізмы, утвораныя ў выніку “разгортвання” слоў, якія з’яўляюцца іх дэрывацыйнай базай, ва ўстойлівае слова-

²Тут і далей напісанне і значэнні фразеалагізмаў, а таксама прыклады іх ужывання прыводзяцца ў адпаведнасці з іх афармленнем у крыніцах. – Н. Л.

злучэнне, якое ўключае ў свой склад няправільна арыентуючае ўласнае імя» [10, с. 162]. Так, у выразе *ажаніцца з Пясоцкім (Пясэцкім)* ‘памерці’ (СДФГ, ЗНФ) «зашыфраваны» вобраз смерці, які зыходзіць ад псеўдаўласнага імя *Пясоцкі (Пясэцкі)*, утворанага ад апелятыва пясок у значэнні ‘зямяля, якой закопваюць магілу’. Штучнае прозвішча *Пясоцкі (Пясэцкі)* з’яўляецца звязном паміж дэнататам і «ілюзорнай» унутранай формай фразеалагізма, «намякае на яе несапраўднасць» [11, с. 42].

Спецыфіка псеўдаўласных імёнаў заключаецца ў тым, што «фармальна яны суадносяцца са словамі актыўнага слоўнікавага запasu, а ўнутрана, зместава яны, падпадаючы пад метафарызацыю... суадносяцца са сваёй дэрывацыйнай базай на аснове гукавога падабенства» [10, с. 161]. Фразеалагізм *чытаць Храпавіцкага* ‘моцна спаць, звычайна храпучы, пахрапваючы’ (СДФГ) утрымлівае гульню слоў, якая пабудавана на падабенстве ў гучанні антрапоніма *Храпавіцкі* і апелятыва *храп*. Выраз *адпраўляць у Магілёўскую губерню (каго)* (СФ-1) ‘забіваць, знішчаць’ набывае фразеалагічнае значэнне дзякуючы гукавому падабенству адтапонімнага прыметніка *магілёўскі* і назоўніка *магіла*.

Прыкладзём яшчэ некалькі аналагічных прыкладаў: *хлеб з Тарбатова* ‘рэшткі яды, прывезенай дадому, якую прапануюць дзецям; зайцаў хлеб’ (Fed.) (*Тарбатова* < *торба*), *пайсці да Святога спаса* ‘памерці’ (Fed.) (*Спас* < *спасенне*), *Сасноўскі абнімае (каго)* ‘хіліць на сон каго-н.’ (СДФГ) (*Сасноўскі* < *сон*), *паехаць у Ложкаўцы* ‘заснуць, спаць’ (СДФГ) (*Ложкаўцы* < *ложак*), *пайсці за Клепацкага* ‘памерці’ (Fed.) (*Клепацкі* < *кляпаць* ‘забіваць накрыўку ў труне’), *выйсці замуж за Лапатэцкага* ‘памерці’ (КФСГ) (*Лапатэцкі* < *лапата*), *Галадніцкі ўбіўся ў хату* ‘няма чаго есці, наступіў голад’ (СДФГ) (*Галадніцкі* < *голад*).

Многія фразеалагізмы з анамастычным кампанентам з’яўляюцца эўфемістычнымі выразамі, якія ўтвараюцца ў выніку эксплікацыі перыфрастычнага тыпу. Даследчык В. П. Масквін тлумачыць тэрмін «эўфемізм» як «выкарыстанне слоўных зашыфровак з мэтай змякчыць, завуаліраваць, прыгожа “сказаць” прадмет паведамлення, пакінуўшы ўсё ж такі магчымасць любому носьбіту мовы здагадацца, пра што ідзе гаворка» [12, с. 60]. Падобнае вызначэнне сустракаем у працы Ю. С. Арсенцэвай, якая тлумачыць гэта паняцце як замену «слова або выразу, грубага, непрыстойнага па той ці іншай прычыне, словам або выразам мяккай або завуаліраванай канатацыі» [13, с. 5]. Даследчыца заўважае, што ўнутраная форма, вобраз, закладзеныя ў аснову значэння фразеалагізма, «з’яўляюцца прычынай змякчэння і вуаліравання падобных паняццяў, паколькі фразеалагізмы-эўфемізмы ў дадзеным выпадку выступаюць як спосабы непрамога, перыфрастычнага і змякчальнага абазначэння» [13, с. 7].

Інтэнсіўна эўфемізуецца значэнне ‘памерці’: *пайсці да Абрама* (СДФГ), *пайсці за Абрама замуж* (СДФГ), *пайсці да Абрама гавечкі пасвіць* (Fed.), *пайсці да Абрама на піва* (Fed.), *пойты в хвошчыны* (ЖНС-2001), *пойці на Выхторову гору* (НС). Вобраз смерці, які ляжыць у аснове другаснай намінацыі, не з’яўляецца грубым і не выклікае непрыябных асацыяцый.

Даволі вялікі ў беларускай мове пласт анамастычных фразеалагізмаў-эўфемізмаў, якія выкарыстоўваюцца з мэтай завуаліраваць значэнне ‘напіцца, быць п’яным’: як *Валера Вацеў* (КФСГ), з *Лейзарам прывітацца (бачыцца)* (Fed., Высл.), *напіцца (набрацца)* як *(шчо) (тая) бэля (бэйля)* (СДФГ, Зайка, НС), як *Бронька Станілкава* (КФСГ). Такого роду эўфемістычныя фразеалагізмы І. У. Мілева называе «маскіровачнымі». Яны выкарыстоўваюцца з мэтай «прадухіліць камунікатыўны канфлікт, не стварыць для суразмоўцы пачуцця дыскамфорту» [14, с. 8].

Разнавіднасцю маскіровачных фразеалагізмаў з’яўляюцца табуіраваныя назвы хвароб, мэта якіх, паводле вызначэння Б. А. Ларына, заключаецца ў «зацяжненні, прыкрыцці непрыябных з’яў жыцця» [15, с. 110]. Напрыклад, у выразях *Аляксей спарваў (сханіў)* ‘хто-н. хварэе на панос’ (ЗНФ) і *Аляксей праняў* ‘захворванне страўніка, парушэнне стрававання’ (Янк. ДС-3) антрапонім *Аляксей* з’яўляецца псеўдаўласным імем, утвораным ад дыялектнага апелятыва польскага паходжання *лякса* ‘панос’ (пол. *laksa*) [11, с. 42]. Прыкладзём яшчэ некалькі падобных прыкладаў: *антонаў агонь* ‘заражэнне крыві, гангрэна’ (СФ-1, Раст., Высл.), *дзядзька Апанас пастукаўся* ‘хто-н. захварэў на панос’ (БД-2010), *ехаць (паехаць) на Рыгу* ‘ванітаваць’ (ФСК), з *прусоў да Рыгі ездзіць* ‘ванітуе, калі п’яны’ (Fed.), *швыдкі Іван* ‘паслабленне страўніка’ (ЖНС-2001).

Адзначым выпадкі, калі з дапамогай эўфемістычных фразеалагізмаў называюць інтымныя дзеянні і з’явы, якія адносяцца да палавой сферы. Напрыклад, у фразеалагізме *нябожчык Ціхон бяду нарабіў* са значэннем ‘цяжарная дзяўчына не хоча прызнавацца, ад каго яна зацяжарыла’ (Fed.) экспрэсіўнасць каламбура ствараецца за кошт гукавога збліжэння ўласнага імя *Ціхон* і апелятыва *ціхі*. Выраз *Вавілён зарос* са значэннем ‘у каго-н. страцілася палавая актыўнасць’ (БД-2010) узнік у выніку пераасэнсавання біблейнага сюжэта, звязанага з вавілонскім стоўпатварэннем. На думку М. А. Даніловіча, на развіццё выразу таксама аказаў уплыў фразеалагізм *вавілонская блудніца* са значэннем ‘вельмі разбэшчаная, распусная жанчына’ [11, с. 43].

У якасці эўфемістычных замяняльнікаў зафіксаваны нейтральныя перыфразы са значэннем ‘дурны, неразумны чалавек’: *ці дурны ці з Едзіч* (ППФВ), *ці з Монькаўцаў ці з Баяраў* (КФСГ), з *Наві-*

нак (КФСГ), з *Мэштавіч уцёк* (СДФГ). Тапонімы ў прыведзеных прыкладах з’яўляюцца назвамі вёсак, дзе знаходзяцца псіхіятрычныя бальніцы.

Такім чынам, выкарыстанне псеўдаўласных імёнаў з мэтай «кадзіравання» выказаў, якія могуць выклікаць адмоўную эмацыянальную рэакцыю, з’яўляецца агульнамоўнай заканамернасцю [10, с. 141].

Пры другасным фразеаўтварэнні, або ўнутраным фразеаўтварэнні (А. М. Ермакова), другаснай транспазіцыі (Ю. А. Гваздароў), унутрыфразеалагічным спосабе ўтварэння фразеалагізмаў (І. Я. Лепешаў), выразы будуцца на аснове ўжо існуючых фразеалагізмаў [2, с. 13]. Як адзначае А. М. Ермакова, фразеалагізмы, якія ўзніклі ў выніку ўнутранага фразеаўтварэння «знаходзяцца ў адносінах фармальна-структурнай і семантычнай вытворнасці з зыходнымі выразамі» [16, с. 11]. Такі тып фразеаўтварэння ажыццяўляецца некалькімі спосабамі: дэрывацыйай, кантамінацыйай і мадэляваннем.

У межах унутрыфразеалагічнага спосабу ўтварэння фразеалагізмаў І. Я. Лепешаў і Л. М. Якшук вылучалі ўтварэнне назоўнікавых выказаў ад дзеяслоўных шляхам усячэння дзеяслоўнага кампанента [4, с. 27; 9, с. 114]. Як заўважыў І. Я. Лепешаў, «“абломак” дзеяслоўнага выразу захоўвае “долю” семантыкі ўсяго фразеалагізма» [4, с. 27]: *надзець (прымерыць) шапку Манамаха* ‘стаць адзіным, поўнаўладным кіраўніком дзяржавы’ (СФ-2) – *шапка Манамаха* ‘1) галаўны ўбор як сімвал царскай улады ў Расіі; 2) адзінае, поўнаўладнае кіраўніцтва дзяржавай’ (СФ-2); *секчы (сячы) гордзіеў вузел* ‘смела і рашуча вырашаць якія-н. цяжкасці, супярэчнасці’ (СФ-2) – *гордзіеў вузел* ‘забытая справа, складаныя абставіны’ (СФ-1). Змена катэгарыяльнага статусу фразеалагізма дае падставы гаварыць пра ўтварэнне новага выразу.

Спосабам фразеалагічнай кантамінацыі – аб’яднання частак двух фразеалагізмаў у адзін [4, с. 26], «змешвання, узаемапрапіннення, гібрыдызацыі асобных фразеалагічных адзінак і іх кампанентаў» [11, с. 58] – утвораны фразеалагічны дыялектызм з кампанентам-аронімам *звесці з панталыку* (СГВ) (параўн. *звесці з тропу* (СБНФ), *збіць з панталыку* (СДФГ)). Такі тып кантамінацыі А. А. Алтыбаеў услед за Л. І. Райзензонам называе аплікацыйай, сутнасць якой заключаецца ў перакрываванай субстытуцыі кампанентаў, «у накладанні аднаго фразеалагізма на іншы» [17, с. 120].

Адным са спосабаў утварэння анамастычных фразеалагізмаў з’яўляецца мадэляванне – «стварэнне новых выказаў па гатовай мадэлі на ўзор тых, якія ўжо ёсць у мове» [4, с. 25]. Як паказвае прыклад з СДФГ, дыялектны выраз як у *Нёман кануў* ‘прапаў, знік, не паяўляецца куды-н.’ быў створаны па мадэлі фразеалагізма як *(нібы, што) у ваду кануў* ‘нечакана прапаў, знік’: *Як пашла замуш, ні разочку дахаты ні было, як у Нёман канула* (в. Гудзевічы Мастоўскага р-на). У структуры фразеалагізма *каб яно возерам стала!* ‘выказанне пачуцця незадаволенасці, распачы, адчаю і пад.’ кампанент *возерам* заменены лімнанімам *Кроманню*, у выніку чаго ўзнік выраз *каб яно Кроманню стала (правалілася)* (СДФГ): *Бывало, чалавек незадаволен, то скажа: каб яно Кроманню правалілася* (в. Балотца Навагрудскага р-на). Тут замена традыцыйных кампанентаў фразеалагізма ўласнымі назвамі адбываецца для ажыўлення вобразнай асновы выразу, ўзмацнення яго экспрэсіўнасці, а таксама ўтварэння мясцовага каларыту. Падобныя замены знаходзім і ў наступных прыкладах, дзе замест агульнага назоўніка *гара* выкарыстаны мясцовыя састаўныя мікратапонімы *Дамянішкаўская гара*, *Лысая гара* з мэтай «ажыўлення ўнутранай формы фразеалагізма» [18, с. 230]: як *рак на гары свісне* – як *рак на Дамянішкаўскай гары свісне*; як *рак на Лысай гары засвішча* (СДФГ) ‘ніколі ці невядома калі’ (*І калі ўжэ, Толічак, я на тваём вяселі трохо тупну?* – *А во як рак на Дамянішкаўскай гарэ свьісьня, тады начынаіця грошы на падарак збіраць*; *Ну, калі ш ты жаніцца, Рысёк, думаіш?* – *А знаіш, цёця Гэня, як рак на Лысай гары засьвішча, тады адразу буду жаніцца* (в. Навасяды Ашмянскага р-на; СДФГ)).

Прадстаўнічай у анамастычнай фразеалогіі беларускай мовы з’яўляецца структурна-сінтаксічная схема, у межах якой фразеалагізмы рэалізуюць значэнне ‘зусім не (зарабіць)’: *(зарабіць) як Аўгуст на петушках* (СГВ), *(зарабіць) як Даніла на лісічках, як Меер на Кузьме* (Высл.), як *Мацей на яйках* (КФСГ), як *Саўка на барсуку* (СМН), *што (як) Хама на воўне* (Высл.), як *Хама на вайне* (Ройз.), як *Марцэля на цыбулі* (Высл.). Значэнне ‘без толку, без справы (хадзіць)’ перадаецца выразамі і іх варыянтамі як *Дара з Ваняю* (КФСГ), як *Валуй з Разалю* (КФСГ), як *Мірон з Чычырындаю* (Зайка), як *Саўка з рэшатам* (КФСГ), як *поп (Хомка) з балалайкаю* (НМ).

Эліптычны спосаб утварэння фразеалагізмаў грунтуецца на скарачэнні прыказак, што з’яўляецца «адной з праяў прынцыпу моўнай эканоміі, які ўласцівы ўсім узроўням мовы» [19, с. 99]. У навуковай літаратуры сустракаем таксама тэрміны «фразеалагічная рэдукцыя» (Ю. А. Гваздароў), «згушчэнне думкі» (А. А. Патабня), «імпліцытнасць» (В. М. Макіенка).

Аналіз фактычнага матэрыялу паказаў, што фразеалагізмы з уласным імем могуць утварацца ў выніку скарачэння другой часткі прыказкі, «якая фактычна з’яўляецца сродкам канкрэтызацыі, расшыфроўкі папярэдняга вобраза або паказвае на вынік таго, пра што гаворыцца ў першай прыказкавай частцы» [20, с. 60]. Так, фразеалагізм *хітрук Змітрук* (Fed.) утварыўся ад прыказкі *Хіцёр Зміцёр (хітрук Змітрук), але і Саўка не дурак* у выніку адпадання паясняльнай часткі. Аналагічным споса-

бам утварыліся і адпрыказкавыя фразеалагізмы *на святыя (на свентыя) Мігды* ‘невядома калі; ніколі’ (СДФГ) (з прыказак *На святыя Мігды, што не бываюць нігды; На святыя (свентыя) Мігды, а можа і (альбо, або, або і) нігды*), як *Дашкавіча бычок* ‘нязграбна, няўдала’ (СДФГ) (з прыказкі *Як Дашкавіча бычок – тылам, тылам і ў студню*). У выніку скарачэння прыказкі *Не адзін Гаўрыла (Гаўрылька) <што> ў Полацку* ‘хто-н. ці што-н. не з’яўляецца адзіным прадметам размовы’ ўзнік фразеалагізм *Гаўрыла з Полацка* (Fed., ПП). Вобразная аснова прыказкі *Бойцеся данайцаў, што прыносяць дарункі* стала дэрывацыйнай базай фразеалагізма *данайскія дарункі (дары)* ‘каварная паслуга з мэтай прычыніць зло’ (СФ-1).

Такім чынам, анамастычная фразеалогія беларускай мовы ўвесь час колькасна і якасна ўзбагачаецца. Найбольш прадуктыўным спосабам утварэння ўстойлівых выразаў з уласным імем з’яўляецца першаснае фразеаўтварэнне, у межах якога вылучаюцца фразеалагічна-сінтаксічны (на аснове сінтаксічных адзінак) і фразеалагічна-лексічны (на базе асобных слоў) спосабы. Метафарычнае і метанімічнае пераасэнсаванне свабодных словазлучэнняў, стварэнне эўфемізмаў і каламбураў – асноўныя спосабы ўзбагачэння фразеалагічнага складу мовы. Пры другасным фразеаўтварэнні назіраюцца структурна-семантычныя мадыфікацыі фразеалагізмаў. У межах унутрыфразеалагічнага спосабу вылучаюцца дэрывацыйны, мадэляваны і кантамінацыйны. Анамастычныя фразеалагізмы могуць узнікаць і ў выніку эліпсацыі – скарачэння прыказак, што тлумачыцца імкненнем да эканоміі маўленчых сродкаў.

Скарачэнні

БД-2010 – Беларуская дыялекталогія: матэрыялы і даследаванні : зб. навук. арт. / рэдкал.: В. М. Курцова [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2010; **БНП** – Янкоўскі Ф. Беларускія народныя параўнанні. Мінск : Выш. шк., 1973; **Высл.** – Выслоўі / рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]. Мінск : Навука і тэхніка, 1979; **Горл.-1975** – Горленка В. 3 гаворак Гомельшчыны // Полымя. 1975. № 9. С. 248–251; **ЖНС-2001** – Жывое наша слова : дыялектал. зб. (да 90-годдзя чл.-кар. НАН Беларусі Ю. Ф. Мацкевіч) / пад рэд. Л. П. Кунцэвіч, І. Я. Яшкіна. Мінск : Беларус. навука, 2001; **Зайка** – Зайка А. Прыказкі і прымаўкі, жарты і каламбуры, прыгаворкі і языкамкі, вясельныя прыгаворы пры дзяльбе карава, вітанні і зычэнні, ветлівыя і ласкавыя выразы, засцярогі і прысягання, праклёны і адкляцці, жартоўныя праклёны і дражнілікі-кепікі, зневажання і параўнанні, прыкметы народнага календара з Косаўшчыны. Мінск : Тэхналогія, 2015; **ЗНФ** – Лепешаў І. Я. 3 народнай фразеалогіі : дыферэнц. слоўнік. Мінск : Выш. шк., 1991; **КФСГ** – Картатэка «Фразеалагічнага слоўніка гаворак Гродзеншчыны», складзеная М. А. Даніловічам; **Ков.** – Кароткая інструкцыя па зборы фразеалогіі ў беларускіх гаворках (па курсе «Дыялекталогія» для студэнтаў 2-га курса спецыяльнасцей «Беларуская мова і літаратура, руская мова і літаратура» і «Руская мова і літаратура») / склад. У. І. Коваль. Гомель, 1979; **НКАМ** – Народныя казкі-байкі, апавяданні і мудраслоўі / уклад. і рэд. Н. С. Гілевіч. Мінск : Выд-ва БДУ; 1983; **НМ** – Юрчанка Г. Ф. Народнае мудраслоўе : слоўнік. Мінск : Беларус. навука, 2002; **НС** – Народныя скары: дыялектал. зб. (да 80-годдзя А. А. Крывіцкага) / пад рэд. Л. П. Кунцэвіча. Мінск : Права і эканоміка, 2008; **ПП** – Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / рэдкал.: А. С. Фядосік (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1–2; **ППФВ** – Сцяшківіч Т. Ф. Прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы, выслоўі народных гаворак Гродзенскай вобласці. Гродна : ГрДУ, 1968; **Ран.** – Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / склад. Я. Рапановіч. 2-е выд., перапрац. і дап. Мінск : Выш. шк., 1974; **Раст.** – Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: материалы для истории словарного состава говоров / под ред. Е. М. Романович. Минск : Наука и техника, 1973; **Ройз.** – Ройзензон Л. И., Баляснкова А. В., Шугурова З. А. Словарь белорусской диалектной фразеологии деревни Гребени (Лельчицкого района Гомельской области) // Тр. Самарканд. ун-та. Вопр. Фразеологии. 1975. Вып. 272, № 8. С. 67–81; **СБНФ** – Мяцельская Е. С., Камароўскі Я. М. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск : Выд-ва БДУ, 1972; **СГВ** – Сцяшківіч Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск : Навука і тэхніка, 1993; **СДФГ** – Даніловіч М. А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны. Гродна : ГрДУ, 2000; **СМН** – Ліцвінка В. Д., Царанкоў Л. А. Слова міма не ляціць: беларускія народныя прыказкі і прымаўкі. Мінск : Універсітэцкае, 1985; **СФ-1** – Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Мінск : Беларус. энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2008. Т. 1; **СФ-2** – Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Мінск : Беларус. энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2008. Т. 2; **ФС** – Гаўрош Н. В., Лепешаў І. Я., Янкоўскі Ф. М. Фразеалагічны слоўнік: для сярэдняй школы. Мінск : Нар. асветы, 1973; **ФСК** – Зайка А. Фразеалагічны слоўнік. Брэст : ААТ «Брэсцкая друкарня», 2014; **ЭСФ** – Лепешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск : Беларус. энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2004; **Юрч.-1974** – Юрчанка Г. Ф. І сячэ і паліць: устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны / пад рэд. А. А. Крывіцкага. Мінск : Навука і тэхніка, 1974; **Янк. ДС-3** – Янкоўскі Ф. Дыялектны слоўнік. Вып. 3. Мінск : Навука і тэхніка, 1970; **Янк.-1979** – Янкоўскі Ф., Тамашэвіч Т., Аляхновіч М. Яшчэ з народнай фразеалогіі // Слова, фразеалагізм і кантэкст : зб. арт. / пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1979. С. 42–57; **Fed.** – Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. Т. 4.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Амосова НН. Значение фразеологии как особой отрасли языкознания. В: Попов РН, редактор. *Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Доклады конференции*. Вологда: Северо-западное книжное издательство; 1967. с. 5–12.
2. Коваль ВИ. *Образование фразеологических единиц и фразеологический анализ* [автореферат диссертации]. Минск: Белорусский государственный университет; 1982.
3. Гвоздарев ЮА. *Основы русского фразеологического образования*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета; 1974.
4. Лепешаў ІА. *Фразеалогія сучаснай беларускай мовы*. Мінск: Вышэйшая школа; 1998.
5. Жуков ВП., Жуков АВ. *Русская фразеология*. Москва: Высшая школа; 2006.

6. Лепешаў ІА. *Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы*. Мінск: Навука і тэхніка; 1984.
7. Зимин ВИ. К вопросу об образовании фразеологизмов из числа свободных словосочетаний. *Вопросы стилистики русского языка. Труды Университета дружбы народов имени П. Лумумбы*. 1972;58(8):80–91.
8. Лепешаў ІА. *Чаму мы так гаворым*. Гродна: ГрДУ; 2003.
9. Якшук ЛМ. *Назоўнікавыя фразеалагізмы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове*. Лепешаў ІА, рэдактар. Гродна: ГрДУ; 2008.
10. Коваль ВИ. *Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение*. Минск: РИВШ; 2011.
11. Данилович МА. *Слова і фразеалагізм у беларускай мове*. Гродна: ЮрСаПрынт; 2015.
12. Москвин ВП. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. *Вопросы языкознания*. 2001;3:58–70.
13. Арсентьева ЮС. Сигнификативно-денотативный компонент значения фразеологизмов-эвфемизмов английского и русского языка. *Филология и культура*. 2012;1:5–8.
14. Мілева ІВ. *Матэрыялы да эвфемістычнага фразеалагічнага слоўніка східнослабазжанскіх і східностэпавых гаворак*. Луганськ: Альма-матер; 2010.
15. Ларин БА. Об эвфемизмах. В: Богородский БА, Мещерский НА, составители. *История русского языка и общее языкознание*. Москва: Просвещение; 1977.
16. Ермакова ЕН. *Фразо- и словообразование в сфере фразеологии* [автореферат диссертации]. Тюмень: Челябинский государственный университет; 2008.
17. Алтыбаев АА. К изучению природы фразеологической контаминации. *Труды Самаркандского университета имени А. Навои. Новая серия. Вопросы фразеологии*. 1976;10:110–122.
18. Данилович МА. *Беларуская дыялектная фразеалогія і яе лексічная аснова*. Гродна: ГрДУ; 2003.
19. Мокиенко ВМ. *Славянская фразеология*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Фолио-Пресс; 1989.
20. Лепешаў ІА. *Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства*. Гродна: ГрДУ; 2006.

References

1. Amosova NN. [The meaning of phraseology as a special branch of linguistics]. In: Popov RN, editor. *Problemy frazeologii i zadachi ee izucheniya v vysshei i srednei shkole. Doklady konferentsii* [Problems of phraseology and the tasks of its study in higher and secondary schools. Conference reports]. Vologda: Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo; 1967. p. 5–12. Russian.
2. Koval' VI. *Obrazovanie frazeologicheskikh edinit i frazeologicheskoi normy* [Formation of phraseological units and phraseological analysis] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State University; 1982. Russian.
3. Gvozdev YA. *Osnovy russkogo frazeologizma* [Basics of Russian phraseology formation]. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University; 1974. Russian.
4. Lepeshaw IY. *Frazeologija suchasnoj belaruskaj movy* [Phraseology of the modern Belarusian language]. Minsk: Vyshejsjaja shkola; 1998. Belarusian.
5. Zhukov VP, Zhukov AV. *Russkaya frazeologija* [Russian phraseology]. Moscow: Vyshejsjaja shkola; 2006. Russian.
6. Lepeshaw IY. *Problemy frazeologicheskoi stylistiki i frazeologicheskoi normy* [Problems of phraseological stylistics and phraseological norm]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1984. Belarusian.
7. Zimin VI. [To the question of formation of phraseological units from free phrases]. In: *Voprosy stilistiki russkogo yazyka. Trudy universiteta Druzhy narodov imeni P. Lumumby* [Questions stylistics of the Russian Language. Proceedings of the Patrice Lumumba University of Peoples' Friendship]. 1972;58(8):80–91. Russian.
8. Lepeshaw IY. *Chamu my tak gavorym* [Why do we talk like that]. Hrodna: HrSU; 2003. Belarusian.
9. Yakshuk LM. *Nazovnikavyya frazealogizmy w suchasnoj belaruskaj litaraturnaj move* [Noun phraseological units in the modern Belarusian literary language]. Hrodna: HrSU; 2008. Belarusian.
10. Koval' VI. *Frazeologija narodnoi dukhovnoi kul'tury: sostav, semantika, proiskhozhdenie* [Phraseology of folk spiritual culture: composition, semantics, origin]. Minsk: NIHS; 2011. Russian.
11. Danilovich MA. *Slova i frazealogizm u belaruskaj move* [Word and idiom in the Belarusian language]. Hrodna: JurSaPrynt; 2015. Belarusian.
12. Moskvina VP. [Euphemisms: system connections, functions and methods of formation]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2001;3:58–70. Russian.
13. Arsent'eva YS. [Significative-denotative component of the meaning of phraseological units-euphemisms of the English and Russian languages]. *Philology and culture*. 2012;1:5–8. Russian.
14. Mileva IV. *Materialy do evfemistichnogo frazeologicheskogo slovnika shidnoslobozhans'kih i shidnostepovih govirok* [Materials for phraseological vocabulary of euphemisms of eastern slobozhansky and eastern steppe dialects]. Lugansk: Alma mater; 2010. Ukrainian.
15. Larin BA. [About euphemisms]. In: Bogorodskii BA, Meshcherskii NA, compilers. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [History of the Russian language and general linguistics]. Moscow: Prosveshchenie; 1977. Russian.
16. Ermakova EN. *Frazo- i slovoobrazovanie v sfere frazeologii* [Phraseology and word formation in phraseology] [dissertation abstract]. Tyumen: Chelyabinsk State University; 2008. Russian.
17. Altybaev AA. [To the study of nature of phraseological contamination]. In: *Trudy Samarkandskogo universiteta imeni A. Navoi. Novaya seriya. Voprosy frazeologii* [Proceedings of A. Navoi Samarkand State University. New series. Questions of the phraseology]. 1976;10:110–122. Russian.
18. Danilovich MA. *Belaruskaja dyjalektная frazeologija i jae leksichnaja asnova* [Belarusian dialectal phraseology and its lexical base]. Grodna: HrSU; 2003. Belarusian.
19. Mokienko VM. *Slavyanskaya frazeologija* [Slavic phraseology]. 2nd edition, supplemented. Moscow: Folio-Press; 1989. Russian.
20. Lepeshaw IY. *Parjemijalogija jak asobny razdzel movaznavstva* [Paremiology as a separate branch of linguistics]. Hrodna: HrSU; 2006. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 27.06.2018.
Received by editorial board 27.06.2018.

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ЗАТРУДНЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО В ДИАЛОГЕ

Р. В. ЛЕБЕДЕВИЧ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Анализируются особенности речевого поведения участников диалога в ситуации возникновения и вербализации коммуникативного затруднения говорящего. Выделены основные направления развития диалога в подобных случаях: игнорирование проблемы (по инициативе адресата или адресанта), попытка ее преодоления (самим говорящим либо при участии слушающего). Рассмотрены наиболее распространенные способы преодоления таких затруднений. Определены факторы, влияющие на выбор того или иного способа преодоления коммуникативного затруднения говорящего.

Ключевые слова: коммуникативное затруднение; диалогическое взаимодействие; говорящий; слушающий; игнорирование коммуникативного затруднения; преодоление коммуникативного затруднения; тактики преодоления коммуникативного затруднения.

СПАСАБЫ ПЕРААДОЛЕННЯ КАМУНІКАТЫЎНЫХ ЦЯЖКАСЦЕЙ МОЎЦЫ Ў ДЫАЛОГУ

Р. В. ЛЕБЯДЗЕВІЧ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца асаблівасці моўных паводзін удзельнікаў дыялогу ў сітуацыі ўзнікнення і вербалізацыі камунікатыўных цяжкасцей моўцы. Вылучаны асноўныя напрамкі развіцця дыялогу ў падобных выпадках: ігнараванне праблемы (па ініцыятыве адрасата або адрасанта), спроба яе пераадолення (самім моўцам або пры ўдзеле слухача). Разгледжаны найбольш распаўсюджаныя спосабы пераадолення такіх цяжкасцей. Вызначаны фактары, якія ўплываюць на выбар таго ці іншага спосабу пераадолення камунікатыўнай цяжкасці моўцы.

Ключавыя словы: камунікатыўная цяжкасць; дыялагічнае ўзаемадзеянне; моўца; слухач; ігнараванне камунікатыўнай цяжкасці; пераадоленне камунікатыўнай цяжкасці; тактыкі пераадолення камунікатыўнай цяжкасці.

MOODS OF OVERCOMING COMMUNICATIVE DIFFICULTIES OF THE SPEAKER IN DIALOGUE

R. V. LEBEDEVICH^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article analyzes the features of speech behavior of the dialogue participants in the situation of the origin and verbalization of the communicative difficulty of the speaker. The main directions of dialogue development in such cases are highlighted: ignoring the problem (at the initiative of the addresser or addressee) and attempting to overcome it (by

Образец цитирования:

Лебедев РВ. Способы преодоления коммуникативного затруднения говорящего в диалоге. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3:127–136.

For citation:

Lebedevich RV. Moods of overcoming communicative difficulties of the speaker in dialogue. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:127–136. Russian.

Автор:

Роксана Викторовна Лебедев – аспирантка кафедры общего языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Г. Задворная.

Author:

Roksana V. Lebedevich, postgraduate student at the department of general linguistics.
roksana19@list.ru

the speaker himself or with the participation of the listener). The most common ways of overcoming such difficulties are considered. Factors influencing the choice of this or that way of overcoming the communicative difficulty of the speaker are determined.

Key words: communicative difficulty; dialogue interaction; speaker; listener; ignoring the communicative difficulty; overcoming communicative difficulty; tactics to overcome communicative difficulties.

Введение

В живом, спонтанном речевом общении нередки ситуации, когда говорящий испытывает затруднения при реализации своего коммуникативного намерения. Анализируя процесс перехода внутренней речи во внешнюю, И. И. Жинкин, один из основателей советской психолингвистики, подчеркивал, что «содержание мысли больше, чем шаблонно-узуальные возможности языка. Именно поэтому зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде: представление так же, как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний. Это затрудняет речь, но побуждает к высказыванию» [1, с. 36]. Интересно, что подобные проблемы могут стать объектом рефлексии самого говорящего: по словам Л. С. Выготского, «так как прямой переход от мысли к слову невозможен, а всегда требует прокладывания сложного пути, возникают жалобы на несовершенство слова и ламентации по поводу невыразимости мысли» [2, с. 329]. Иными словами, трудности, возникающие в процессе порождения высказывания, могут получить вербальную фиксацию, осуществляемую говорящим с помощью метакоммуникативных маркеров типа *не знаю, как это сказать*; *не знаю, как выразиться*; *у меня нет слов* и под. Такого рода контексты интересны во многих отношениях: на наш взгляд, изучения заслуживают и причины возникновения подобных затруднений, и их статус в кругу сходных коммуникативных явлений, и способы их вербализации. Одним из важных аспектов анализа данного феномена является исследование основных моделей развития диалогического взаимодействия в случае возникновения у одного из собеседников коммуникативного затруднения.

Цель настоящей работы – выявить возможные сценарии развития диалога в случае возникновения и вербализации коммуникативного затруднения говорящего (далее – КЗГ). Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) выявить основные типы коммуникативного поведения говорящего при возникновении затруднения;
- 2) определить основные типы реакции слушающего на КЗГ;
- 3) зафиксировать количественное соотношение типов реакций коммуникантов на возникновение КЗГ в диалоге для выявления более частотных (распространенных);
- 4) установить основные факторы, влияющие на выбор той или иной модели коммуникативного поведения собеседников.

Способы преодоления КЗГ еще не становились объектом специального анализа, однако при их изучении важно учитывать результаты некоторых исследований, посвященных сходным коммуникативным феноменам. В первую очередь это работы, посвященные преодолению трудностей при речепорождении на иностранном языке. Автором наиболее развернутой классификации стратегий преодоления коммуникативных затруднений при использовании иностранного языка является А. А. Залевская [3, с. 340], чья концепция, в свою очередь, опирается на труды ведущих специалистов в области методики преподавания языка (А. А. Пойменова, Р. Эллис (*R. Ellis*), К. Фаерх (*C. Faerch*), Дж. Каспер (*G. Kasper*), Т. Ларсен-Фримен (*D. Larsen-Freeman*), М. Лонг (*M. Long*) и др.). В своей работе А. А. Залевская предлагает подробную схему вариантов преодоления коммуникативных затруднений при порождении высказываний на иностранном языке с использованием различных компенсаторных ресурсов при отсутствии необходимой речевой единицы в идиолекте говорящего. Закономерно предположить, что некоторые такие ресурсы могут быть востребованы и при преодолении коммуникативного затруднения на родном языке, хотя, разумеется, нетождественность ситуаций КЗГ в процессе речепорождения на родном и иностранном языке обуславливает и различия в способах преодоления соответствующих коммуникативных проблем. Кроме того, в концепции А. А. Залевской не рассматривается участие в преодолении коммуникативного затруднения адресата (слушающего), которое, как показывает наш материал, может быть весьма активным и плодотворным.

Исследования ведутся и в русле изучения стратегий преодоления коммуникативных неудач. Как известно, коммуникативная неудача понимается как «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящих» [4, с. 31], что отчасти сближает ее с КЗГ. В то же время ком-

муникативные сложности связаны не столько с проблемами говорящего, сколько с непониманием (не-точным, неполным пониманием) соответствующего высказывания (или его фрагмента) слушающим, что обуславливает трактовку коммуникативной неудачи и коммуникативного затруднения говорящего как принципиально различных феноменов. Тем не менее в работах, посвященных преодолению коммуникативных неудач, выделяются и систематизируются способы корректировки конверсационных ошибок различной природы (имплицитные и эксплицитные) [5], определяются типы реакций собеседников на возникшую неудачу (игнорирование, тактика выражения минимального сигнала непонимания, прямая констатация непонимания) [6], рассматриваются способы разрешения эпистемических сбоев в коммуникации (конструктивные, неконструктивные сбои и их подтипы) [7]. Эти результаты также могут быть полезны при выявлении способов преодоления КЗГ.

Наиболее интересным и содержательным с точки зрения поставленных нами задач является анализ вербальных заполнителей пауз хезитации, выполненный в работах Н. В. Богдановой-Белгарян и В. И. Подлесской [8–10]. В частности, в исследованиях В. И. Подлесской выделяются некоторые стратегии, реализуемые при помощи хезитативных речепроизведений. Так, автор разграничивает стратегии, используемые говорящим для коррекции собственных ошибок *online* и *offline* [9]. Аналогичные стратегии могут быть зафиксированы и в ситуации КЗГ: здесь говорящий также может эксплицитировать свое затруднение проспективно, а может зафиксировать возникшие у него сложности после более или менее удачной попытки вербализации своего коммуникативного намерения.

Кроме того, В. И. Подлесская выделяет стратегии замещения и стратегии совмещения, которые предполагают наличие в них «маркеров нечеткой номинации», или «аппроксиматоров», используемых вместо искомой номинации или совместно с необходимым наименованием [10].

При всей эвристической ценности этих идей важно подчеркнуть, что в названных работах проблема путей преодоления сложностей, наблюдаемых в ситуациях хезитативных пауз и, в частности, ситуациях КЗГ, скорее намечена, чем решена, что обуславливает необходимость ее дальнейшей тщательной разработки.

Материалы и методы исследования

Материалом данного исследования послужили 850 диалогических единств, включающих эксплицитную фиксацию факта КЗГ, отобранных из Национального корпуса русского языка.

В рамках работы применялся метод контекстуального анализа, предполагающий опору на вербальный контекст, а также учет доступных исследователю факторов прагматического контекста произнесения высказывания.

Результаты и обсуждение

Анализ исследуемых контекстов позволил выделить два основных направления развития ситуации при возникновении КЗГ в ходе диалога: игнорирование КЗГ и преодоление коммуникативной проблемы.

1. Игнорирование КЗГ. Под игнорированием КЗГ понимается дальнейшее развитие диалога, не содержащее попыток решить возникшую проблему и оставляющее соответствующую лакуну невосполненной. Рассмотрим отдельно ситуации, когда подобный сценарий предлагается самим адресантом и когда решение об игнорировании затруднения принимается адресатом.

1.1. Игнорирование КЗГ по инициативе адресанта. Проигнорировать возникшее КЗГ адресант может в случаях, когда он имеет основания полагать, что его коммуникативный замысел в целом будет верно интерпретирован адресатом благодаря контекстным и (или) фоновым знаниям (иными словами, КЗГ не станет препятствием для взаимопонимания):

– *Да если это услышит Сергей Георгиевич Лапин (Лапин С. Г. возглавлял комитет по радиовещанию и телевидению. – В. Ш.), нас же всех с работы поснимают. А если дойдет до Михаила Андреевича Суслова (фамилия члена Политбюро произносилась шепотом, с придыханием, опаской), то и, просто не знаю, как сказать, то и, да что говорить...*¹ (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№ 1–500)).

В данном контексте остается невыраженным предикат первого высказывания приведенной реплики, но говорящий не предпринимает попыток разрешить возникшую проблему, по-видимому полагая, что КЗГ вряд ли мешает адресату понимать общий смысл всей реплики и в любом случае не препятствует эффективному развитию диалогического взаимодействия.

¹Здесь и далее сохранены языковые особенности первоисточника. – Р. Л.

1.2. Игнорирование КЗГ по инициативе адресата. Принять решение об игнорировании затруднения говорящего может и слушающий. В подобных случаях адресат, как правило, выступает инициатором дальнейшего развития диалога, давая понять, что заминка несущественна и не мешает ему в целом понимать собеседника:

- *А что тебе доверили надеть на себя на показе?*
- *Сначала на мне была рубашка с глубоким вырезом и зауженные штаны на «молниях». А потом – даже не знаю, как объяснить...*
- *Сама бы такое носила?*
- *Спрашиваешь!*
- *А моделью как стала? (С. Тыркин. Джорджо Армани: «Держите руки в карманах и не носите красного!»).*

В приведенном контексте слушающий подхватывает коммуникативную инициативу и вначале смещает смысловые акценты, а затем переходит к новому тематическому блоку диалога.

Как видно на рис. 1, доля высказываний, в которых вербализованное КЗГ осталось без какого-либо комментария, относительно невелика (11,3 %), причем инициатором игнорирования в таких ситуациях значительно чаще выступает сам говорящий (9,5 %).

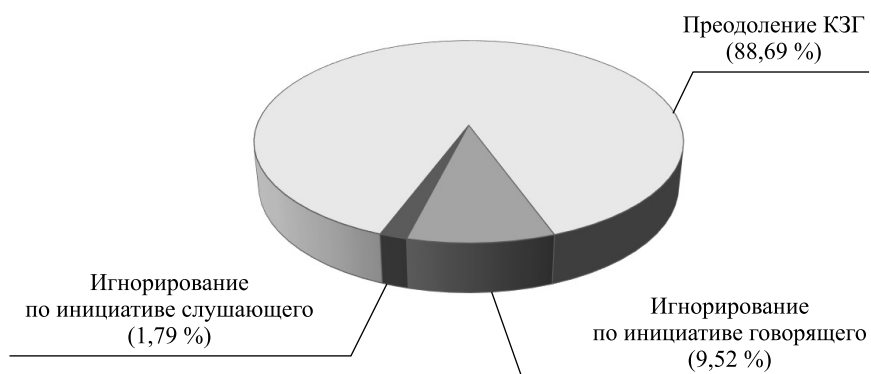

Рис. 1. Доля игнорирования собеседниками вербализованного КЗГ в диалоге

Fig. 1. The share of ignoring of the verbalized communicative difficulty of the speaker by the interlocutors in the dialogue

2. Преодоление КЗГ. Если собеседники считают, что возникшее затруднение препятствует дальнейшему успешному развитию диалогического взаимодействия, то они могут попытаться разрешить коммуникативную проблему. Как было показано выше, такое коммуникативное поведение собеседников характерно для большинства ситуаций возникновения и вербализации КЗГ (более 88 % высказываний).

В таких случаях как адресантом, так и адресатом может применяться довольно широкий репертуар тактик преодоления КЗГ.

2.1. Попытка самостоятельного преодоления затруднения говорящим. Данная тактика реализуется в одном из следующих вариантов.

В случае возникновения КЗГ возможно оперативное (в рамках той же реплики) нахождение нужного элемента высказывания и реализация изначального коммуникативного замысла говорящего:

- *По-моему, это называется «порочный круг»...*
- *Нет! <...> Никакой не порочный круг! Я просто не знаю, как сказать. Лента Мебиуса – это когда одно переходит в другое. А, вот! Придумал, как объяснить!* (В. Белоусова. Второй выстрел).

Характерным индикатором того, что автор находит необходимую формулировку и успешно справляется с затруднением, в данном случае является частица *вот*, фиксирующая удовлетворительный итог поисков нужной номинации.

При условии, что точная номинация необходимого элемента не найдена говорящим, он может использовать приемы замены или модификации фрагмента, вызвавшего проблему при речепроизводстве (около 70 % выявленных случаев). Наиболее типичными из них являются следующие:

- аппроксимация, т. е. передача трудновербализуемой информации с помощью номинации, которую говорящий рассматривает как не вполне точную, но в целом приемлемую для приблизительной передачи своей мысли: *Не два мотива, а два... не знаю, как назвать... два типа мотивов, что ли* (В. Белоусова. По субботам не стреляю). Индикатором того, что говорящий использовал именно прием аппроксимации, является употребление частицы *что ли*, подчеркивающей приблизительность «заместителей» не найденной говорящим точной номинации;

- словотворчество, т. е. создание индивидуально-авторских неологизмов (окказионализмов): *Ну спасибо тебе, моя хорошая. Ты мой главный доктор, можно сказать... Как это сказать? Нефро-терапевт практически, нефротерапевт!* (Домашние разговоры). Повторение изобретенного адресантом термина *нефротерапевт* и восклицательная интонация свидетельствуют о том, что автор неологизма считает (по-видимому, совершенно справедливо) решение возникшей конверсационной проблемы вполне успешным;

- описание, т. е. замена точной номинации более или менее развернутой «рабочей» дефиницией: *...а также тебя пускают в такой, даже не знаю, как это сказать, вольерчик, где пасутся маленькие пятимесячные, четырехмесячные лосята* (К. Мильчин. О том, как я съездил в Кострому в лосиный заповедник!);

- синонимическая замена, т. е. употребление слов или словосочетаний с близким значением: *Среди моих, не знаю, как сказать: подруг? возлюбленных? сожителей? – были и лучшие ее, но ни с одной и призрака супружества не возникало...* (А. Найман. Любовный интерес);

- использование эвфемизмов, т. е. употребление нейтрального с оценочной и (или) эмоциональной точки зрения слова или выражения: *Джюльярд – хорошая консерватория, а MSM не идет ни в какое сравнение с Кэртис. Джюльярд принимает слишком много студентов... Как бы это сказать? Средне-го качества* (В. Нузов. И. Солженицын: Без музыки жизнь для меня не имеет смысла...). Выбор подобного приема преодоления КЗГ обычно обусловлен необходимостью сообщить болезненную, неприятную, негативно-оценочную информацию;

- обобщение, т. е. фиксирование общего смысла информации, вербализация которой вызывает затруднения: *Игра со звездами «Спартак» – это в первую очередь отличная игровая практика. У нас все ребята молодые, 18–20 лет. Мне 18. Для игры против кумиров – это... сложно подобрать слова. В общем, мне очень понравилась игра* (Д. Егоров. Голкипер Александр Селихов: «Направление удара Парфенова попросту угадал»). Такие высказывания, как правило, сопровождаются маркерами генерализации (словом, в общем, короче и т. п.), указывающими на то, что автор выбрал обобщенный способ объяснения понятия, вызвавшего затруднение при вербализации.

Использование описанных приемов² способствует преодолению КЗГ, но не гарантирует, что соответствующая проблема будет решена. В ряде случаев неуспешность (или относительная успешность) предпринятых попыток осознается самим говорящим:

– *Веселая. Хотя...*

– *Что «хотя»?*

– *Не знаю, как сказать, вот ей богу, не знаю... Веселая, но какая-то заводная... нет, не заводная, а заведенная... как будто на взводе, что ли... Вот чудеса какие! Я ведь знаю, о чем я, а сказать не могу!* (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный).

Иногда о ней сигнализирует коммуникативное поведение слушающего, который в силу недостижения понимания может предложить собеседнику продолжить объяснения:

– *...но как бы это сказать... игрок он очень болезненный.*

– *В каком смысле?*

– *В прямом. Подходит ко мне перед матчем: «Владо, я заболел» (Главный тренер «Динамо» и сборной России Владимир Янко: «Лучше воздержаться от прогнозов»).*

Наиболее употребительными способами преодоления КЗГ являются описание и аппроксимация, существенно опережающие прочие способы по частотности (рис. 2).

2.2. Преодоление КЗГ адресатом. Если говорящий не может или не считает необходимым преодолеть возникшее затруднение, то соответствующую инициативу может проявить слушающий.

Этот коммуникативный способ поведения избирается слушающим довольно редко, что, на наш взгляд, объясняется объективным отсутствием у него коммуникативно-когнитивных ресурсов решения соответствующей задачи (понятно, что реципиенту не всегда легко строить какие-либо интерпретационные гипотезы в ситуации, когда затруднение испытывает сам продуцент высказывания) (рис. 3).

² Аналогичные способы (но на другом исследовательском материале) предлагаются среди прочих в исследованиях А. А. Залевской [1] и И. Н. Софроновой [5].

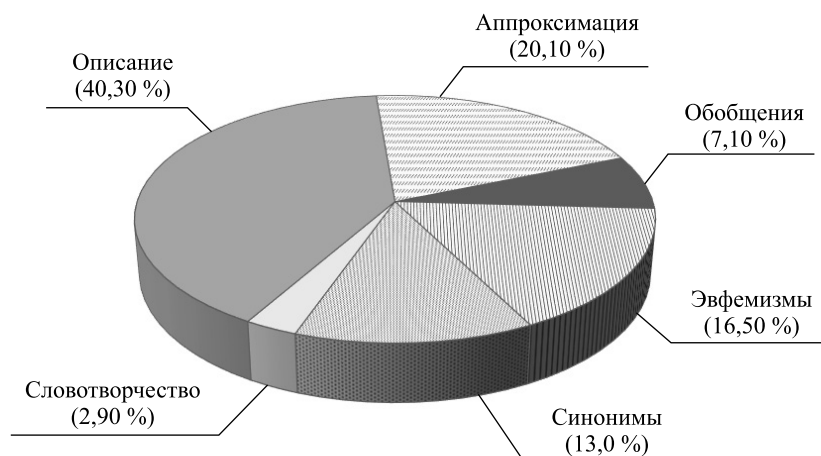

Рис. 2. Доли различных приемов модификации искомого элемента, используемых говорящим при выходе из ситуации КЗГ
Fig. 2. The shares of ignoring of the verbalized communicative difficulty of the speaker by the interlocutors in the dialogue

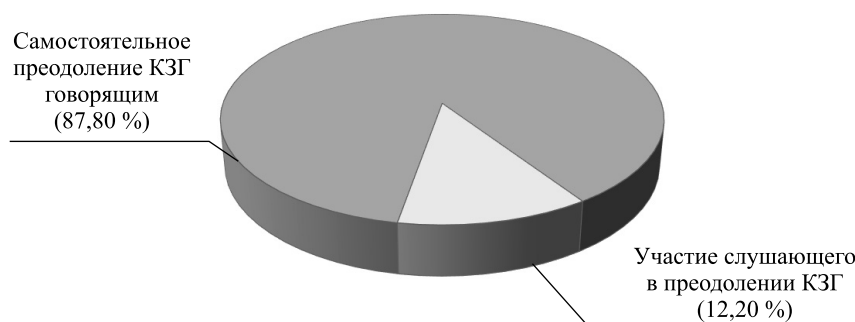

Рис. 3. Доля участия слушающего в преодолении КЗГ
Fig. 3. The share of participation of the hearer in overcoming the verbalized communicative difficulty of the speaker

Способы коммуникативного содействия говорящему слушающим, в свою очередь, можно разделить на два вида тактик:

- а) тактики, включающие выражение поддержки и понимания;
- б) тактики поиска невербализованного фрагмента высказывания.

Первая группа тактик не связана непосредственно с поиском способов вербализации элемента, вызвавшего КЗГ, а направлена на выражение понимания, поддержку адресанта, поощрение к развитию диалога. К данной группе относятся тактики выражения понимания и поощрения к продолжению.

Выражение понимания применяется в ситуации, когда слушающий уловил замысел говорящего либо смысл высказывания и для дальнейшего диалогического взаимодействия достаточно демонстрации понимания:

- Да. Мне трудно говорить высокие слова. Язык не поворачивается...
- У меня тоже... **Я все понимаю, и не надо слов** (В. Михальский. Храм Согласия).

Поощрение к продолжению – выражение поддержки, готовности участвовать в преодолении возникшей проблемы, что особенно актуально в случаях затруднений, носящих морально-этический характер и (или) связанных со специфичностью вербализуемой информации, обстоятельствами диалога. Помощь адресата в таких случаях может заключаться в использовании кооперативных тактик одобрения и поддержки коммуникативной инициативы собеседника:

- Наверное, мне не следует этого говорить, это глупо с моей стороны... И самонадеянно... Я даже не знаю, как сказать.
- **Говори, Зоенька... не стесняйся, мы ведь друзья с детства** (А. Маринина. Иллюзия греха).

Вторая группа тактик предполагает непосредственное участие адресата в преодолении КЗГ, а именно в поисках нужной номинации.

В ряде случаев такое участие мотивировано прямым запросом со стороны говорящего, который формулирует факт коммуникативного затруднения в интеррогативной форме:

– *И-и Альясан Санч считал, что моя мать, несмотря на петербургское свое так сказать... Как это сказать?*

– *Происхождение* (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект).

Однако слушающий может оказать помощь и без эксплицитного запроса со стороны говорящего. Особенно это характерно для ситуаций, когда индикатор КЗГ расположен в финальной позиции реплики: то, что говорящий, обозначив факт своего затруднения, не продолжает реплику, естественным образом интерпретируется адресатом как передача коммуникативной инициативы и имплицитный запрос о помощи:

– *То есть... может, не столько пристрастное [отношение], не знаю, как это сказать...*

– *Немного конъюнктурное.*

– *Да* (В. Д. Дувакин. Беседы с Михаилом Михайловичем Бахтиным).

Соответственно, если адресат считает нужным помочь собеседнику преодолеть возникшее затруднение, то в его распоряжении оказывается несколько вариантов решения разговорной проблемы.

Если адресат уверен в правильности решения, он, как правило, озвучивает искомую номинацию в асертивной форме:

– *Потому, что если сегодня можно без закона забрать Вас и меня, то через месяц придет очередь секретаря райкома или главы городской администрации, и очень скоро члена Политбюро, или как это называется в сегодняшней России...*

– *Члена Госсовета* (М. Дорфман, В. Дмитрий. Об Израиле, войне в Ираке, Сталине и кое-чем другом...).

Если адресат допускает, что нашел правильное решение, он, как правило, предлагает свой вариант в интеррогативной форме:

– *...мы готовили их не борьбе с Америкой, не с высокотехнологическими странами, а в основном, ну между собой там... противостоянию в плане, как это сказать...*

– *Народного восстания, что ли?* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва)).

Если у слушающего нет варианта решения, он формулирует наводящие вопросы, сужая тем самым «зону поиска»:

– *Об организации я сейчас сформулирую... давно это было... Как сказать-то...*

– *Ну из области какой?* (Открытое судебное заседание по делу Г. П. Грабового).

Процентное соотношение речевых тактик-реакций слушающего на вербализацию КЗГ приблизительно одинаково и представлено на рис. 4.

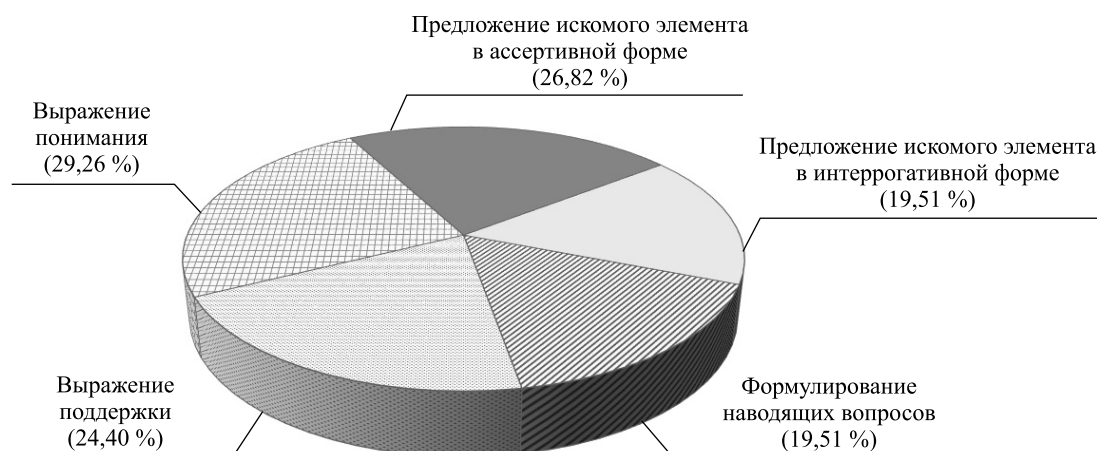

Рис. 4. Доля реплик-реакций слушающего на вербализованное КЗГ

Fig. 4. The share of remarks-reactions of the listener to the verbalized communicative difficulty of the speaker

Попытка помощи может оказаться как эффективной (собеседник действительно помогает говорящему справиться с затруднением), так и неудачной. Соответственно, это определяет дальнейшее развитие коммуникативной ситуации.

Говорящий может выражать согласие при помощи реплик типа *да-да, вот-вот, именно*, повторением предложенного собеседником варианта с утвердительной интонацией и т. п.:

– *Я не берусь в отличие от моего, как бы это сказать, от моего противника, что ли...*

– **Визави.**

– **Визави...** рассуждать о том, что думают вот эти люди, которые принимают решения (Дебаты главы Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального и телеведущего Владимира Познера на тему «Замалчивание важных событий – цензура или выбор редактора?»).

Говорящий может выражать несогласие при помощи реплик типа *нет; не совсем*, за которыми следует необходимая коррекция:

– *Как вы понимаете, время сейчас другое, и девушки тоже другие. Они и свободнее, и... как это сказать...*

– **Раскованнее.**

– **Нет, не раскованнее – увереннее в самих себе: они крепче стоят на ногах** (Г. Галкина. Тимур Бекмамбетов: «После вампирских историй захотелось сделать что-то человеческое»).

Кроме того, говорящий может высказывать несогласие и предлагать так или иначе завершить интеракцию, оставив попытки преодолеть коммуникативное затруднение:

– *Он стал совсем уж невнимательный, как это сказать...*

– **Равнодушный?**

– **Нет не то... Ай, ладно, не будем сейчас** (Разговоры московских школьников).

Некооперативным вариантом развития диалога может стать отказ от помощи, когда собеседник выражает более или менее очевидное неодобрение речевого поведения партнера и инициирует прекращение соответствующего блока диалога:

– **Я не знаю, как объяснить...**

– **Ну тогда не говори, если не знаешь, как это объяснить** (Телефонный разговор старшеклассников).

Заключение

Таким образом, модель развития ситуации при возникновении коммуникативного затруднения можно представить в виде схемы (рис. 5).

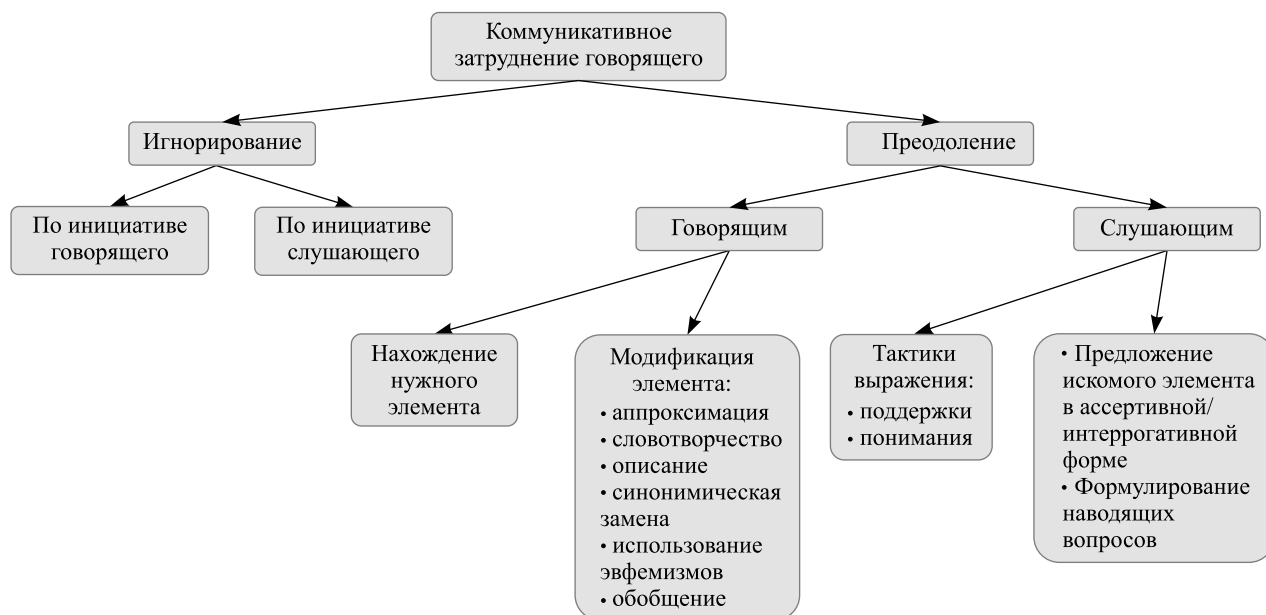

Рис. 5. Модель развития диалогического взаимодействия при возникновении КЗГ

Fig. 5. Dialogic interaction development model as a result of the communicative difficulty of the speaker

Из проведенного анализа следует, что такое многообразие вариантов поведения собеседников при возникновении и вербализации КЗГ обуславливается тремя основными факторами:

1) оценкой коммуникантами произошедшего сбоя как релевантного или нерелевантного для дальнейшего продолжения диалогического взаимодействия (в случае оценки КЗГ как малосущественного высоковероятно использование стратегии игнорирования, в случае его оценки как препятствующего достижению взаимопонимания, скорее всего, будет использована стратегия преодоления);

2) степенью кооперативности коммуникативного поведения собеседников (в случае кооперативности коммуникативных установок слушающего его участие в решении проблемы является более активным и эмпатийным);

3) уровнем коммуникативно-когнитивной компетентности собеседников и ее взаимной оценкой (в случае высокого уровня такой компетентности у говорящего он может самостоятельно справиться с затруднением; в случае высокой оценки компетентности партнера возрастает вероятность обращения за помощью).

В зависимости от этих факторов воздействие КЗГ на ход диалога варьируется от минимальной (в случае игнорирования или оперативного нахождения необходимого элемента) до весьма заметной, когда вербализация КЗГ обуславливает либо существенное усложнение диалогического единства за счет дополнительных метакоммуникативных ходов, либо даже прекращение интеракции в рамках соответствующего тематического блока.

Библиографические ссылки

1. Жинкин НИ. О кодовых переходах во внутренней речи. *Вопросы языкознания*. 1964;6:26–38.
2. Выготский ЛС. *Мышление и речь*. 5-е издание, исправленное. Москва: Лабиринт; 1999. 352 с.
3. Залевская АА. *Введение в психолингвистику*. Москва: РГГУ; 2000. 559 с.
4. Ермакова ОН, Земская ЕА. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога). В: Земская ЕА, Шмелев ДН, редакторы. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва: Наука; 1993. с. 30–64.
5. Кънева НК. Условия успешности коммуникативного акта. В: Сусов ИП, редактор. *Язык и дискурс: когнитивный и коммуникативный аспекты*. Тверь: ТГУ; 1997. с. 26–33.
6. Смирнова МН. *Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка)* [автореферат диссертации]. Москва: Российская академия образования; 2003.
7. Софронова ИН. Эпистемический сбой и его национально-культурная специфика. В: Градинарова АА, Алексеева ТИ, редакторы. *Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ; 17–23 сентября 2007 г.; Варна, Болгария. Том 1. Новое в системно-структурном описании современного русского языка. Речевая деятельность: современные аспекты исследования*. Sofia: Heron press; 2007. с. 374–381.
8. Богданова-Бегларян НВ, Кутруева НГ. Об одном из вербальных хезитативов русской устной речи: как его (ее, их) в различных функциональных разновидностях. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2013;4:7–18.
9. Подлеская ВИ. «То есть, не убили, а зарезали саблей»: самоисправления говорящего в устных рассказах. В: Селегей ВП, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»; 4–8 июня 2014 г.; Бекасово, Россия. Выпуск 13*. Москва: РГГУ; 2014. с. 547–561.
10. Подлеская ВИ. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. В: Селегей ВП, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»; 29 мая – 2 июня 2013 г.; Бекасово, Россия. Выпуск 12, том 1*. Москва: РГГУ; 2013. с. 631–643.

References

1. Zhinkin NI. [On code transitions in internal speech]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1964;6:26–38. Russian.
2. Vygotsky LS. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. 5th edition, revised. Moscow: Labirint; 1999. 352 p. Russian.
3. Zalevskaia AA. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow: Russian State University for Humanities; 2000. 559 p. Russian.
4. Yermakova ON, Zemskaya EA. [To the construction of a typology of communicative failures (based on the natural Russian dialogue)]. In: Zemskaya EA, Shmelev DN, editors. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka; 1993. p. 30–64. Russian.
5. Kneva NK. [Conditions for the success of a communicative act]. In: Susov IP, editor. *Yazyk i diskurs: kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty* [Language and discourse: cognitive and communicative aspects]. Tver: TSU; 1997. p. 26–33. Russian.
6. Smirnova MN. *Kommunikativnye neudachi v neofitsial'nom dialoge (na materiale angliiskogo yazyka)* [Communicative failures in the informal dialogue (on the material of the English language)] [dissertation abstract]. Moscow: Russian Academy of Education; 2003. Russian.

7. Sofronova IN. [Epistemic malfunction and its national and cultural specificity]. In: Gradinarova AA, Alekseeva TI, editors. *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire. Materialy XI Kongressa MAPRYaL; 17–23 sentyabrya 2007 g.; Varna, Bolgariya. Tom 1. Novoe v sistemno-strukturnom opisanii sovremennogo russkogo yazyka. Rechevaya deyatel'nost': sovremennye aspekty issledovaniya*. [The world of the Russian word and the Russian word in the world: Proceedings of the 11th Congress MAPRYaL; 2007 September 17–23; Varna, Bulgaria. Volume 1. New in the system-structural description of the modern Russian language. Speech: modern aspects of the study]. Sofia: Heron press; 2007. p. 374–381. Russian.

8. Bogdanova-Beglarian NV, Kutruieva NG. [On a hesitation marker of Russian speech: various functional types of *как ego* (ee, ux)]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University herald. Russian and foreign philology]. 2013;4:7–18. Russian.

9. Podlesskaya VI. [«They killed him, no, they cut him with a sabre»: Self-repair in speech]. In: Selegei VP, editor. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»; 4–8 iyunya 2014 g.; Bekasovo, Rossiya* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International conference «Dialog»; 2014 June 4–8; Bekasovo, Russia. Issue 13]. Moscow: Russian State University for Humanities; 2014. p. 547–561. Russian.

10. Podlesskaya VI. [Vague reference in Russian: evidence from spoken corpora]. In: Selegei VP, editor. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»; 29 maya – 2 iyunya 2013 g.; Bekasovo, Rossiya. Vypusk 12, tom 1* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International conference «Dialogue»; 2013 May 29 – June 2; Bekasovo, Russia. Issue 12]. Moscow: Russian State University for Humanities; 2013. p. 631–643. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.06.2018.
Received by editorial board 20.06.2018.

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

CHRONICLE, INFORMATION

XVI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ (БЕЛГРАД, 20–27 АВГУСТА 2018 г.)

XVI МІЖНАРОДНЫ З'ЕЗД СЛАВІСТАЎ (БЯЛГРАД, 20–27 ЖНІЎНЯ 2018 г.)

XVI INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS (BELGRADE, 20–27 AUGUST 2018)

Як заўсёды на з'ездах славістаў, на бялградскім форуме пераважала філалагічная праблематыка.

Мовазнаўчая тэматыка групавалася вакол сямі напрамкаў: 1) этымалогія і параўнальна-гістарычныя даследаванні славянскіх моў; 2) гісторыя славянскіх моў; 3) дыялекталогія; 4) граматыка сучасных славянскіх літаратурных моў; 5) семантыка, прагматыка і стылістыка сучасных славянскіх моў; 6) міждысцыплінарныя даследаванні; 7) стандартызацыя і норма. Лінгвістычныя даклады былі прачытаны ў рамках 28 секцый. Ад з'езда да з'езда можна назіраць развіццё праблематыкі славістычных даследаванняў і прыярытэты, устаноўленыя арганізатарамі канкрэтных форумаў. Напрыклад, у параўнанні з XIV Міжнародным з'ездам славістаў у Охрыдзе ў 2008 г. у Бялградзе ў асобныя напрамкі не выдзяляліся анамастыка (фігуравала ў рамках напрамку «Гісторыя славянскіх моў»), стылістыка (была аб'яднана з семантыкай і прагматыкай) і корпусная лінгвістыка. Што датычыцца анамастыкі, то яе праблемы ў Бялградзе асэнсоўваліся не толькі на пасяджэннях адпаведнай секцыі, але і ў рамках блока «Анамастыка і сучасная культура» (арганізатар – Артур Галкоўскі, Польшча). Што да стылістыкі, то на з'ездзе адбылося пасяджэнне тэматычнага блока «Медыякультура і стыль» (арганізатары – Станіслаў Гайда з Польшчы і Наталля Клушына з Расіі), а таксама пасяджэнне круглага стала «Інтэрнэт-стылістыка» (арганізатар – Бранка Тошавіч, Аўстрыя). Корпусная лінгвістыка была

прадстаўлена на з'ездзе ў межах напрамкаў «Міждысцыплінарныя даследаванні», у рамках якога фігуравалі як традыцыйныя секцыі («Сацыялінгвістыка», «Моўная палітыка»), так і зусім новыя («Моўная і адукацыйная палітыка Еўрапейскага саюза і вывучэнне славянскіх моў як замежных», «Нейралінгвістыка»).

Падобна да ранейшых з'ездаў, у Бялградзе была арганізавана спецыяльная секцыя, прысвечаная гісторыі славістыкі, якая гэтым разам працавала ў межах больш шырокага напрамку «Пытанні славістыкі». Персонамі гэтага з'езда сталі Вук Караджыч і Аляксандр Беліч, у гонар якіх былі праведзены пасяджэнні спецыяльных круглых сталоў. Даклады круглага стала ў гонар Вука Караджыча (арганізатар – Любінка Радэнкавіч, Сербія) аб'ядноўваліся вакол выдадзенага 200 гадоў таму назад «Сербскага слоўніка». Удзельнікаў круглага стала, прысвечанага Аляксандру Белічу (арганізатар – Драгана Мршэвіч-Радавіч, Сербія), цікавіла роля гэтага выдатнага сербскага лінгвіста ў гісторыі славістыкі. Спецыяльнае пасяджэнне круглага стала было прысвечана 200-годдзю ўкраінскіх дзеячаў Мікалая Кастамарава і Панцеляймоны Куліша (арганізатар – Аляксей Анішчанка, Украіна).

На з'ездзе таксама былі праведзены пасяджэнні круглых сталоў «Корпусная лінгвістыка» (арганізатар – Марэк Лазіньскі, Польшча), «Становішча славянскіх моў, літаратур і культур ва ўніверсітэтах у свеце» (арганізатар – Ліляна Баіч, Сербія), «Сла-

вянская фразеалогія ў сучасным свеце» (арганізатар – Валерый Макіенка, Расія) і інш.

Прысвечаныя гісторыі славістыкі даклады вылучаліся і сярод пленарных пасяджэнняў з’езда, на якія былі вынесены тэмы «Сербская народная літаратура ў святле Вукавага “Р’ечніка”» (Нада Мілошавіч Джорджавіч, Сербія), «Тэзіс Пражскага лінгвістычнага гуртка аб царкоўнаславянскай мове (1929) і яго лёс у славістыцы» (Гельмут Кайперт, Германія; даклад не быў прачытаны), «Сучасныя кірыла-мяфодзіеўскія даследаванні ў Еўропе – напямкі, вынікі, перспектывы» (Святліна Нікалава, Балгарыя), «Мова ў кантэксце культуры» (Ежы Бартміньскі, Польшча), «Аб сербскай лінгвістычнай славістыцы другой паловы XX ст.» (Прэдраг Піпер, Сербія).

На з’ездзе была перанята эстафета ад папярэдніх форумаў у правядзенні тэматычных блокаў. Усяго ў праграме фігуравалі 32 блокі, 20 з якіх былі мовазнаўчымі, 10 – літаратуразнаўчымі, а 2 трактавалі праблемы гісторыі славістыкі.

Адбыліся рабочыя пасяджэнні (камісій), акрэдытаваных пры Міжнародным камітэце славістаў (іх усяго 39), прэзентацыі новых публікацый (праходзілі ў гарадской бібліятэцы Бялграда). Так, былі арганізаваны прадстаўленні збору твораў Блажэ Канескага, двух чэшскіх палеаславістычных выданняў, шасцітомнай шаўчэнкаўскай энцыклапедыі, кніжнай спадчыны Францыска Скарыны, выданняў Інстытута македонскай мовы, публікацый «Сербскай маціцы», каталога славянскіх рукапісаў афонскіх манастыроў і інш. На філалагічным факультэце Бялградскага ўніверсітэта адбылася прэзентацыя бібліятэкі «Сербскага семінара» (*Српски семинар*), а ў сядзібе Вукавага фонду (*Вукава задужбина*) у рамках круглага стала ў гонар Вука Караджыча былі прэзентаваны чатыры перакладныя кнігі з назвай «Вук Стафанавіч Караджыч. Сербская вусная народная спадчына» на нямецкай, рускай, англійскай і французскай мовах.

На з’ездзе была арганізавана традыцыйная выстава славістычнай літаратуры, якая выйшла ў прамежку паміж мінскім і бялградскім з’ездамі, а ў галерэі навукі і тэхнікі Сербскай акадэміі навук і мастацтва працавала выстава «Сербская лексікаграфія ад Вука да сёння».

Напярэдадні з’езда выйшаў зборнік рэзюмэ дакладаў у двух тамах: першая частка была аддадзена лінгвістычным працам, а другую склалі рэзюмэ дакладаў па літаратуры, культуры, фальклору і пытаннях славістыкі. У другім томе зборніка надрукаваны таксама рэзюмэ дакладаў удзельнікаў круглага стала, прысвечанага слоўніку Вука Караджыча.

Вынікі супрацоўніцтва навукоўцаў Германіі з даследчыкамі з Беларусі, Украіны і Расіі былі прадстаўлены на пасяджэнні тэматычнага блока «Ван-

дроўныя словы: германізмы ва ўсходнеславянскіх мовах, якія маюць адпаведнікі ў польскай мове» (арганізатар – Герд Генцэль, Германія; дыскусант – Андраш Золтан, Венгрыя).

Новая праблематыка, якая толькі пачынае даследавацца, асэнсоўвалася на пасяджэннях блока, прысвечанага ўзаемазразумеласці славянскіх моў (арганізатар – Роланд Марці, Германія). У абмеркаванні былі ўключаны наступныя пары: славацкая і чэшская, кашубская і польская, балгарская і руская, славенская і сербскахарвацкая мовы, таймырскі рускі паджын і руская мова.

Фарміраванне моўнай свядомасці і адносіны да мовы знаходзіліся ў цэнтры ўвагі ўдзельнікаў блока, сфарміраванага з членаў камісіі па славянскіх літаратурных мовах (кіраўнік – Гана Гладкава, Чэхія). Акрамя тэарэтычнага даклада, прысвечанага тэорыі літаратурнай мовы з пункта гледжання актараў моўнай культуры (прачытаны арганізатарам блока), на пасяджэнні былі агалошаны таксама вынікі даследаванняў, праведзеных на матэрыяле верхнялужыцкай, македонскай і ўкраінскай моў.

Пад кіраўніцтвам Святланы Менгель (Германія) на з’ездзе працаваў блок, на пасяджэнні якога абмяркоўваліся альтэрнатыўныя шляхі фарміравання рускай літаратурнай мовы ў даламаносаўскі перыяд.

Удзельнікі блока пад кіраўніцтвам Ежы Сяроцюка і Юзэфа Конся (Польшча) абмеркавалі разнастайныя праблемы, звязаныя з моўна-культурнай супольнасцю славянскай вёскі.

Алена Каракоўцава (Расія) і Аляксандр Лукашанец (Беларусь) арганізавалі блок «Глобалізацыя і славянскае словаўтварэнне».

На з’ездзе адбыліся пасяджэнні лінгвістычных тэматычных блокаў, прысвечаныя кітабістыцы (арганізатар – Чэслаў Лапіч, Польшча), літургічным мовам *Slavia Orthodoxa* ў Новы і Навейшы час (кіраўнік – Аляксандр Кравецкі, Расія), бібліяграфіі славістычнага мовазнаўства (арганізатар – Зоф’я Руднік-Карватова, Польшча) і інш.

На пасяджэннях мовазнаўчых секцый таксама прагучала шмат цікавых і глыбокіх выступленняў.

Даклад Аляксандра Тараненкі (Украіна) быў прысвечаны асэнсаванню змен паміж тэндэнцыямі да аналітызму і сінтэтызму ва ўкраінскай мове апошняга часу. Выступоўца адзначыў, што дзейнічаюць абедзве тэндэнцыі, пры гэтым тэндэнцыі да аналітызму дэманструюць часцей за ўсё паралелі з іншымі славянскімі літаратурнымі мовамі, а праяўленні тэндэнцыі да сінтэтызму развіваюцца галоўным чынам у агульным рэчышчы далейшай «нацыяналізацыі» ўкраінскай мовы.

У дакладзе Тадэвуша Левашкевіча (Польшча) былі абмеркаваны праблемы ўплыву польскай мовы на лексічныя сістэмы славянскіх і неславянскіх моў. Пры тым што польская мова ўплывала

(уплывае) на ўсе заходнеславянскія і ўсходнеславянскія мовы, а ў паўднёvasлавянскіх мовах польскае ўздзеянне праяўляецца пераважна ў форме прысутнасці лексічных экзатызмаў, на дыялектным узроўні ўплыў польскай мовы адбываўся толькі на славацкую, украінскую і беларускую мовы. Важным, лічыць аўтар, з'яўляецца абнаўленне метады і даследавання, якая ў большай ступені мае абапірацца на тэорыю моўных кантактаў і спрыяць адрозненню таго, у якіх выпадках з'яўленне паланізмаў у розных славянскіх і неславянскіх мовах было вынікам двухмоўя, а ў якім – вынікам дзейнасці філолагаў (у тым ліку лексікографаў), пісьменнікаў, славянафілаў, а таксама данінай моўнай модзе.

Тэма ранняга славяна-балгарскага ўкладу ў венгерскую мову прыцягнула ўвагу Андраша Золтана (Венгрыя). З дыялектнага пункта гледжання славянскі субстрат венгерскай мовы не быў аднастайным. Сярод познепраславянскіх дыялектаў IX ст. поруч з так званым панонска-славянскім вылучаўся таксама дыялект балгарскага характару. Ён мясціўся не толькі на паўднёва-ўсходніх ускраінах, як гэта меркавалася раней, але сягаў і ў некаторыя цэнтральныя рэгіёны сучаснага венгерскага моўнага арэала. У дакладзе быў прадстаўлены моўны матэрыял, які дазваляе лакалізаваць гэтыя былыя дыялекты.

У калектыўным дакладзе Галіны Яворскай, Алены Чмыр і Лесі Пятроўскай (Украіна) была абмеркавана семантыка вайны і міру ў сучасных славянскіх мовах у гістарычна-тыпалагічным аспекце.

Тыпалагічныя і арэальныя характарыстыкі плюсквамперфекта і звязаных з ім форм сталі прадметам даклада Дзмітрыя Січынава (Расія).

На матэрыяле тэкставага корпуса Анна Крэчмер (Аўстрыя) у сваім дакладзе прадставіла метады і магчымыя шляхі і перспектывы рэканструкцыі ўяўленняў пра свет і гісторыю ўласнага этнасу і Еўропы ў цэлым у арэале праваслаўнай Славіі.

Пра структурна-колькасныя падабенства і адрозненні беларускай «трасянікі» і ўкраінскага «суржыка» разважаў у сваім выступленні Герд Генцэль (Германія).

На жаль, няма ніякай магчымасці агледзець усе выдатныя дасягненні лінгвістычнай славістыкі, прадстаўленыя на бялградскім з'ездзе, вышэй адзначаны толькі асобныя з іх.

Згодна з традыцыяй, пераважная большасць дакладаў беларускіх удзельнікаў з'езда надрукавана ў спецыяльным зборніку.

У цэнтры ўвагі культуралагаў, літаратуразнаўцаў і фалькларыстаў знаходзіліся праблемы станаўлення, развіцця і ўзаемадзеяння славянскіх культур і літаратур, фальклору, нацыянальнай ідэн-

тычнасці, захавання традыцыйных каштоўнасцей ва ўмовах глабалізацыі. Сёння народы славянскіх краін імкнуцца да стварэння свайго гісторыка-жыццёвага і мастацкага летапісу з улікам як агульнага, сусветнага культурна-гістарычнага вопыту, так і спецыфічнага ў нацыянальных традыцыях і заканамернасцях станаўлення родных культур.

На XVI Міжнародным з'ездзе славістаў была арганізавана работа 12 секцый і 10 тэматычных блокаў, прысвечаных актуальным пытанням развіцця і ўзаемасувязей славянскіх літаратур і фалькларыстыкі («Развіццё славянскай пісьменнасці: славянскія літаратуры і Сярэднявечча», «Славянскія літаратуры: інтэракцыя, інтэрлітаратурнасць, інтэркультурнасць», «Тэарэтычныя аспекты даследавання сучасных славянскіх літаратур», «Пераклад», «Славянскія літаратуры – рэлігія – філасофія – палітыка – культура; дыялог Усход – Заход; нацыянальная ідэалогія», «Мы і іншыя ў славянскіх літаратурах і культурах», «Славянскі фальклор, фалькларыстыка, міфалогія» і інш.).

Як сведчыць аналіз тэматыкі дакладаў XVI Міжнароднага з'езда славістаў, усё больш рэльефнай і плённай становіцца арыентацыя на міжцыплінарныя падыходы пры вывучэнні літаратуры, фальклору і іх кантэкстаў. Навукоўцы актыўна адмаўляюцца ад абсалютызацыі тых ці іншых метадык вывучэння літаратур і фальклору, даказваючы, што найцікавейшыя вынікі можна атрымаць пры паяднанні розных метадык (даклады «Славянская фальклорная анімалістыка як рамка для фарміравання наратыўнай ідэнтычнасці» Яленкі Пандуравіч (Боснія і Герцагавіна), «“Межы” фальклорнага тэксту і “бязмежнасць” яго тлумачэнняў» Аксаны Мікітэнкі (Украіна), «Новае жыццё “Вялесавай кнігі”: ператварэнне містыфікацыі ў святуую кнігу» Немані Радулавіча (Сербія), «“Душа грэшная”. Канцэпты душы і граху ва ўсходнеславянскім рэлігійным фальклоры» Андрэя Мароза (Расія) і інш.).

Імкнучыся прааналізаваць закладзены ў тэкстах розных славянскіх народаў паняццёвыя і эстэтычныя вопыт чалавецтва, літаратуразнаўцы-славісты ўводзяць у свой тэрміналагічны актыў канцэпты, выпрацаваныя філасофіяй і культуралогіяй, усё часцей аперыруюць сінкрэтычнымі паняццямі і тэрмінамі (код культуры, лінгвакультурэмы, міфалагеми, архетыпы, культурныя ўніверсаліі, культурны трансфер і інш.), якія спрыяюць больш адэкватнаму і глыбокаму пазнанню ментальнага, духоўнага свету славянскіх народаў. На даследчыцкім полі зноў засведчана цікавасць да міфалогіі: вывучаюцца асаблівасці сучаснага выкарыстання старажытных міфаў прадстаўнікамі розных нацыянальных літаратур (даклады «Павер'і і забабоны як міфалагічныя крыніцы славянскай фантастыкі XIX ст.» Дзяна Айдачыча (Украіна), «Агляд су-

часных даследаванняў харвацкай міфалогіі» Сузаны Мар’яніч і Лідзіі Баюк (Харватыя), «“Цытаты з розных кантэкстаў”: маскоўскі канцэптуалізм як культурны трансфер паміж Расіяй і Германіяй» Дарына Шэлеус (Галандыя) і інш.).

Падчас работы секцый і тэматычных блокаў, прысвечаных актуальным пытанням літаратуразнаўства і фалькларыстыкі, узніклі плённыя дыскусіі наконт тэорыі і практыкі літаратурнай інтэрпрэтацыі, шляхоў спасціжэння тэксту ў розныя эпохі, існавання тэарэтычнага канона, нацыянальнай адметнасці як аднаго з аспектаў універсальнасці, праблем народназнаўства, славянскай ідэнтычнасці, нацыянальнай самасвядомасці і іх адлюстравання ў прыгожым пісьменстве, узаемаадносін літаратуры з іншымі відамі мастацтва, фальклорам, філасофіяй (даклады «Міхаіл Булгакаў і выклік славянскага рыцарства» Бранка Вранэша (Сербія), «“Сваё ў чужым, чужое ў сваім”: сутыкненне/перасячэнне нацыянальна-культурных ідэнтычнасцей на еўрапейскіх скрывахаваннях» Людмілы Тарнашынскай (Украіна), «Нацыя ў гістарыясофскіх канцэпцыях: сербска-чарнагорскі каталог ідэй» Дароты Гіль (Польшча), «Біблія – духоўная вертыкаль у развіцці сербскага эсэ» Аліверы Радулавіч (Сербія) і інш.). Вельмі яркім на з’ездзе было пасяджэнне блока «“Млада-”рухі ў славянскіх літаратурах рубяжа XIX–XX стст.», арганізаванага Гун-Брыт Колер (Германія) і Паўлам Навуменкам (Беларусь). У межах блока Г.-Б. Колер прадставіла тэарэтычны даклад, прысвечаны канцэптуалізацыі «маладога» паміж эстэтычным абнаўленнем і (сацыяльна-палітычнай) рэальнасцю.

Навукоўцамі многіх краін свету на з’ездзе ў чарговы раз была падкрэслена актуальнасць параўнальнага вывучэння славянскіх літаратур і фальклору, пашырэння дыяпазону аб’ектаў кампаратывісцкіх практык, выяўлення міжлітаратурных сувязей на аснове супастаўлення твораў і з’яў славянскіх нацыянальных літаратур аднаго ці розных гістарычных перыядаў. Славісты актыўна звярталіся да праблем узаемадзеяння паміж нацыянальнымі літаратурамі, здзяйснялі свае навуковыя пошукі ў рэчышчы бі- і полікультурных кантактаў (даклады «Сімвалы ўлады і кіравання ў творчасці Негаша і Пушкіна – “Самазванец Сцяпан Малы” і “Барыс Гадуноў” (інтэртэкстуальныя судакрананні)» Лідзіі Томіч (Чарнагорыя), «Інтэртэкстуальныя судакрананні рускай і сербскай літаратур (на прыкладзе раманаў “Браты Карамазавы” Ф. Дастаеўскага і “Кастанічы” Жарка Команіна)» Радое Феміча (Сербія), «Постмадэрнісцкая дынаміка нацыянальных ідэнтычнасцей у выбраных драмах Біляны Срблянавіч, Уладзіміра Сарокіна і Дароты Маслоўскай» Анны Стрыякоўскай (Польшча), «Вобраз здрадніка ў славянскіх літаратурах» Дзяна Айдачыча, «Польшча-сербскія сувязі ў святле

карэспандэнцыі Вука Караджыча з кракаўскімі даследчыкамі» Сільвіі Новак-Байцар (Польшча) і інш.). Відавочна, што славянская кампаратывістыка ўсё мацней і актыўней арыентуецца на новыя фундаментальныя дасягненні гуманітарных навук (даклады «Культурныя трансферы ў рускай рамантычнай прозе: праблемы перакладу з украінскай і польскай моў на французскую ў апавесцях “Тайдамак” А. Сомана і “Вечар на Хопры” М. Загоскіна» Летыцыі Дэкур (Францыя), «Т. Г. Масарык у творчасці рускіх філосафаў-эмігрантаў у міжваеннай Чэхаславакіі» Гануша Ныкла (Чэхія), «Роля замежнага слова ў стварэнні комплекснай перспектывы апаведу на прыкладзе прозы Віктара Пялёвіна, Сашы Сакалова, Юрыя Андруховіча і Альгерда Бахарэвіча» Марыяны Ляонавай (Германія) і інш.).

Выступленні членаў беларускай дэлегацыі таксама вызначаліся шматаспектным навуковым дыяпазонам: яны ахоплівалі такія тэматычныя напрамкі, як гісторыя станаўлення і развіцця славянскіх літаратур (даклады «Лёс класічнай эпапеі і праблема станаўлення ліра-эпічнай традыцыі ў славянскіх літаратурах» Жанны Некрашэвіч-Кароткай, «“Маладая Беларусь”: позні і незавершаны літаратурны рух 1906–1929 гг.» Паўла Навуменкі), узаемадзеянне беларускай і іншанацыянальных літаратур у розныя гістарычныя перыяды (даклады «Беларуска-польска-чэшскае літаратурнае ўзаемадзеянне XV–XVII стст.» Алеся Бразгунова, «Канцэпты рускасці, рымскасці і сарматызму ва ўсходнеславянскіх і польскай літаратурах эпох Рэнесансу і ранняга барока» Уладзіміра Кароткага, «Творчасць Артура Бартэльса ў кантэксте беларускай і польскай літаратур (ідэйна-тэматычны аспект)» Анатоля Трафімчыка, «Смехавыя традыцыі Рэнесансу і Асветніцтва ў славянскай сатырычнай літаратуры XX ст.» Івана Штэйнера), параўнальнае літаратуразнаўства і фалькларыстыка (даклады «Экфрастычны імпульс у сучаснай рускай, беларускай, украінскай і польскай паэзіі» Таццяны Аўтуховіч, «Беларускія замовы: дыялектная карціна ў кантэксте еўрапейскіх уплываў» Таццяны Валодзінай, «Рай у народна-хрысціянскай касмалогіі беларусаў і іншых славян» Іны Швед, «Традыцыйныя ўяўленні пра сірату ў абрадах жыццёвага цыкла славянскіх і неславянскіх народаў» Вольгі Шарай), пытанні імагалогіі (даклад «Беларусы і палякі: узаемаўспрыманне ў нацыянальных літаратурах 1920–30-х гг.» Мікалая Хмяльніцкага), нацыянальныя мастацкія літаратуры і праблемы соцыуму (даклад «Эстэтыка-філасофскія дамінанты класічнага тыпу доктара і іх трансфармацыі ў славянскіх літаратурах XX ст.» Алены Белай), нацыянальная адметнасць і этнакультурнае памежжа ў славянскіх літаратурах (даклады «Нацыянальная самабытнасць праз прызму славянскіх літаратур» Анжэлы Мель-

нікавай, Этнакультурная праблематыка творчасці Іва Андрэча ў літаратуразнаўстве і сучаснай публіцыстыцы ўсходніх славян» Ганны Навумавай), праблема перакладу кананічных тэкстаў Бібліі на славянскія мовы (даклад «Беларуская мова ў бога-службовай практыцы праваслаўнай царквы ў Беларусі» Івана Чароты). Як працяг добрай традыцыі, закладзенай знакамітымі папярэднікамі-славістамі, большасць дакладаў навукоўцаў з Беларусі былі скіраваны на даследаванне беларускай літаратуры, культуры і фальклору ў шырокім славянскім кантэксце.

Пазнанне свайго мастацтва слова праз суседняе ў параўнанні і вывучэнні, павага да разнастайных ідэй і канцэпцый народаў-суседзяў дапамагаюць выйсці на канструктыўны, вольны ад стэрэатыпаў дыялог, адпаведны запатрабаванням ХХІ ст. – вось генеральная ідэя дакладаў па літаратуразнаўстве і фальклорыстыцы на XVI Міжнародным з’ездзе славістаў.

Чарговы XVII Міжнародны з’езд славістаў адбудзецца ў 2023 г. у Парыжы.

*С. М. Запрудскі¹,
М. М. Хмяльніцкі²*

¹*Сергей Николаевич Запрудский* – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета.

Сяргей Мікалаевіч Запрудскі – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Siarhiej M. Zaprudski, PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of Belarusian language, faculty of philology, Belarusian State University.
zaprudski@gmail.com

²*Николай Николаевич Хмельницкий* – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой китайской филологии филологического факультета Белорусского государственного университета.

Мікалай Мікалаевіч Хмяльніцкі – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры кітайскай філалогіі філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Mikalai M. Khmialnitski, PhD (philology), docent; head of the department of Chinese philology, faculty of philology, Belarusian State University.

khmelnickinn@bsu.by

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Милан МАЙТАН
(1934–2018)

Мілан МАЙТАН
(1934–2018)

Milan MAJTAN
(1934–2018)

30 чэрвеня 2018 г. на 85-м годзе жыцця перастала біцца сэрца доктара навук, вядучага славацкага лінгвіста, заснавальніка славацкай анамастычнай школы Мілана Майтана. Пайшоў з жыцця выдатны навуковец, шматгадовы супрацоўнік Інстытута мовазнаўства імя Людавіта Штура Славацкай акадэміі навук, настаўнік, светлы, душэўны чалавек, адданы навуцы і сваёй радзіме.

Нарадзіўся М. Майтан 3 мая 1934 г. у невялікім славацкім гарадку Вруткі. Пасля заканчэння ў 1957 г. Браціслаўскага педагагічнага ўніверсітэта па спецыяльнасці «славацкая мова» ён чатыры гады выкладаў у гімназіі ў Петржалцы – адным з раёнаў Браціславы. Аднак імкненне да навуковых даследаванняў прывяло М. Майтана ў Інстытут мовазнаўства імя Людавіта Штура (тады яшчэ Інстытут славацкай мовы), якому ён заставаўся верным да свайго выхаду на пенсію ў 2008 г.

У 1984 г. М. Майтан стаў загадчыкам аддзела гісторыі славацкай мовы, а ў 1995–1999 гг. займаў пасаду намесніка дырэктара інстытута. Навыкі выкладчыка ён выкарыстоўваў пры чытанні студэнтам курсаў па гісторыі славацкай мовы і асноў славяназнаўства ва ўніверсітэтах Нітры, Прэшава і Трнавы, а таксама падчас кіраўніцтва даследчай работай аспірантаў.

Навуковая кар’ера М. Майтана пачалася ў аддзеле дыялекталогіі. Абараніўшы дысертацыю па тэме «Ганцянска-наваградскія гаворкі» (*Hontianovohradské nárečia*, 1965), ён пазней засяродзіўся на новай лінгвістычнай дысцыпліне – анамастыцы, вынікам чаго пасля шматгадовых сістэматычных даследаванняў стала доктарская дысертацыя «Онiмныя сістэмы. Даследаванні па славацкіх тапонiмах» (*Onymické systémy. Štúdie o slovenskej toponymii*), абароненая ў 1995 г.

У актыўнай навуковай дзейнасці М. Майтана найбольш заўважнай працай стаў сямітомны «Гістарычны слоўнік славацкай мовы» (*Historický slovník slovenského jazyka*, 1991–2008 гг.). Аўтарскі калектыў атрымаў шмат дзяржаўных узнагарод як за асобныя тамы (1996, 2009), так і за працу ў цэлым (2010). Мілан Майтан быў кіраўніком аўтарскага калектыву, суаўтарам і навуковым рэдактарам слоўніка, удзельнічаў у распрацоўцы яго канцэпцыі. Цікавасць даследчыка да гісторыі славацкай мовы ўвасобілася ў яго рэдактарскай працы над зборнікамі аб паходжанні і развіцці славацкай мовы старажытнага перыяду (*O pôvode a o najstaršom vývine slovenčiny*, 1977), аб славацкай старажытнай лексіцы (*Z histórie lexiky staršej slovenčiny*, 2008), а таксама над серыяй крыніц па гісторыі славацкай мовы ў трох тамах (*Pramene k dejinám slovenčiny*, 1992, 2002, 2008).

Цэнтрам навуковай цікавасці і жыццёвых спраў М. Майтана стала славацкая анамастыка. Ён заклаў асновы і паспрыяў развіццю розных яе раздзелаў, аднак больш увагі надаваў тапаніміцы. Як сакратар, а потым доўгатэрміновы старшыня і член праўлення славацкай анамастычнай камісіі з моманту яе стварэння ў 1964 г., член праўлення анамастычнай камісіі ЧССР і член Міжнароднай камісіі па славянскай анамастыцы ў Міжнародным камітэце славістаў, ён планаваў даследаванне онімаў і быў адным з кіраўнікоў сістэматычнага вывучэння онімаў Славакіі. Навуковец актыўна ўдзельнічаў у распрацоўцы славянскага анамастычнага атласа і стаў суаўтарам працы аб структурных тыпах славянскіх мікратапонімаў на нямецкай мове (*Slawischer onomastischer Atlas. Die Strukturtypen der slawischen Ortsnamen*, 1988). Таксама ён выкарыстоўваў свае арганізацыйныя навыкі для правядзення рэгулярных (з 1967 г.) славацкіх анамастычных канферэнцый, якіх да гэтай пары адбылося 20.

З прац М. Майтана па анамастыцы найбольшай папулярнасцю карысталася кніга «Назвы населеных пунктаў Славакіі за апошнія дзвесце гадоў» (*Názvy obcí na Slovensku za ostatných dvesto rokov*, 1972), дзе аўтар апісаў пярэстую карціну развіцця назваў славацкіх населеных пунктаў, абумоўленую шматнацыянальнай сітуацыяй у Венгрыі, Славакіі і іншымі абставінамі. Абноўленая версія кнігі была апублікавана ў 1998 г. (*Názvy obcí Slovenskej republiky. Vývin v rokoch 1773–1997*). Славацкія назвы тлумачыліся М. Майтанам і ў слоўніку «Геаграфічныя назвы Чэхаславакіі» (*Zeměpisná jména Československa*, 1982), падрыхтаваным у суаўтарстве з чэшскімі калегамі.

Мілан Майтан актыўна ўдзельнічаў у распрацоўцы сумесных праектаў. Так, першым крокам да сістэматызацыі гідраніміі Славакіі ў рамках праекта *Hydronymia Slovaciae* на аснове метадалагічных прынцыпаў міжнароднага навукова-да-

следчага праекта *Hydronymia Europaeae* стала манаграфія М. Майтана і яго польскага калегі К. Рымута аб назвах водных аб'ектаў басейна Аравы (*Hydronymia dorzecze Orava*, 1985). Пазней, зноў жа з К. Рымутам, славацкі лінгвіст выдаў манаграфію аб гідронімах Дунайца на нямецкай мове (*Gewässernamen im Flussgebiet des Dunajec*, 1998), а з П. Жыгам – аб гідронімах Іпля (*Hydronymia povodia Ipl'a*, 1999). Яшчэ большая заслуга М. Майтана заключаецца ў здольнасці матываваць малодзе пакаленне славацкіх анамастаў на правядзенне даследаванняў гідраніміі: Люба Січакава (*Hydronymia slovenskej časti povodia Slanej*, 1996), Ярамір Кршко (*Hydronymia povodia Turca*, 2003), Юрай Гладкі (*Hydronymia povodia Nitry*, 2004), Драгамір Велічка (*Hydronymia povodia Kysuce*, 2011; сумесна з Ярамірам Кршко) працягнулі справу майстра і давалі працэнт апрацоўкі корпуса назваў славацкіх рэк амаль да 80 %.

Пад кіраўніцтвам М. Майтана ўдалося правесці збор мікратапонімаў з усёй тэрыторыі Славакіі. Было сабрана каля 250 тысяч найменняў, якія папярэдне апрацоўваліся для дзвюх традыцыйных картатэк (у алфавітным парадку і па раёнах і муніцыпалітэтах), і больш за 300 карт для Атласа славацкіх мясцовых назваў (*Atlas slovenských terénnych názvov*). Назіранні, зробленыя падчас выканання гэтага праекта, былі адлюстраваны ў манаграфіі «3 лексікі славацкай тапаніміі» (*Z lexiky slovenskej toponymie*, 1996).

Шмат зрабіў М. Майтан і для правядзення стандартызацыі геаграфічных назваў Славакіі ў якасці члена тапанімічнай камісіі як у часы ЧССР, так і ў нацыянальны перыяд, а ў 1992–2001 гг. – як старшыня тапанімічнай камісіі славацкіх дзяржаўных органаў стандартызацыі. Ён удзельнічаў у падрыхтоўцы шматлікіх тамоў публікацый геаграфічных назваў ЧССР і Славацкай Рэспублікі на картах рознага маштабу, а таксама двойчы выдаваў тапанімічныя кіраўніцтвы для выдаўцоў картаграфічнай прадукцыі (1993, 1999).

У антрапаніміцы М. Майтан арыентаваўся на навуковае даследаванне працэсаў узнікнення і развіцця сістэмы асабістых імёнаў Славакіі і папулярныя вынікі іх даследаванняў. У суаўтарстве з М. Паважам апублікаваў дапаможнік аб хросных імёнах, які некалькі разоў перавыдаваўся пад назвамі «Імя для нашага дзіцяці» (*Meno pre naše dieťa*, 1983, 1985, 1993) і «Выберыце імя для свайго дзіцяці» (*Vyberte si meno pre svoje dieťa*, 1998). Гэтыя папулярныя выданні не толькі служачы для бацькоў, але і знаёмячы шырокае кола чытачоў з паходжаннем асабістых імёнаў, развіццём сістэмы наймення ў Славакіі і прозвішчамі, якія былі сфарміраваны з хросных імёнаў. Аб развіцці прозвішчаў ад мянушак да сённяшніх спадчынных прозвішчаў распавядае манаграфія М. Майтана «Нашы прозвішчы» (*Naše priezviská*, 2014).

Апісанню становішча спраў у славацкай анамастыцы і методыцы анамастычных даследаванняў прысвечаны працы для двухтомнай польскай энцыклапедыі «Славянская анамастыка» (*Ślowiańska onomastyka*, тамы 1–2, 2002, 2003; сумесна з В. Бланарам) і дапаможнікі для студэнтаў «Методыка даследавання ўласных імёнаў» (*Metodika výskumu vlastných mien*, 1975; сумесна з М. Бліхам) і «Уводзіны ў анамастыку» (*Úvod do onomastiky*, 1985; сумесна з М. Бліхам).

Таксама М. Майтан быў членам рэдакцыйных калегій чэшскага часопіса «Анамастычны бюлетэнь» (*Onomastický zpravodaj*, цяпер – *Acta onomastica*) і славацкага часопіса «Славацкая мова» (*Slovenská reč*).

Навуковая дзейнасць М. Майтана была высока ацэнена. Ён узнагароджаны сярэбраным (1984) і залатым (1999) ганаровымі ордэнамі Людавіта Штура за заслугі ў сацыяльных навук, медалём Ма-

цея Бела за заслугі ў гістарычных навук (1984), прэміямі Славацкай акадэміі навук (1988, 1998, 2014), прэміяй Вруткі. Адна з самых высокіх дзяржаўных узнагарод – Прыбінаў крыж другой ступені за асаблівыя заслугі ў сферы культуры Славацкай Рэспублікі навуковец атрымаў у 2008 г.

Усе пералічаныя дасягненні Мілана Майтана кажуць самі за сябе. Ён дамогся поспехаў ва ўнутраным і міжнародным навуковым жыцці, пакінуў пасля сябе не толькі навуковыя працы, але і натхнёных яго прыкладам вучняў і калег з розных краін свету. У яго было разуменне для ўсіх, ён ніколі не адмаўляўся дапамагаць і заўсёды знаходзіў час для таго, хто быў гатовы слухаць яго каштоўныя парады. Пайшоў з жыцця важны вучоны, шаноўны калега, мудры настаўнік, дарагі сябар, шчодрая і таленавітая асоба.

А. І. Конач¹

¹**Олег Игоревич Конач**, кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета.

Алег Ігаравіч Конач, кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры камп'ютарнай лінгвістыкі і лінгвадыдактыкі факультэта сацыякультурных камунікацый Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aleh I. Kopach, PhD (philology), docent; associate professor at the department of computational linguistics and linguodidactics, faculty of sociocultural communications, Belarusian State University.

alehkopach@gmail.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 апр. 2018 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. Ч. 1. 280 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198109>. Загл. с экрана. Деп. 14.06.2018, № 003714062018.

Сборник содержит материалы IX Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра.

Часть 1 содержит материалы проблемного поля «Современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам УВО.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 апр. 2018 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. Ч. 2. 61 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198110>. Загл. с экрана. Деп. 14.06.2018, № 003814062018.

Сборник содержит материалы IX Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра.

Часть 2 содержит материалы проблемного поля «Языковое образование и языковая политика». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам УВО.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 апреля 2018 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. Ч. 3. 81 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198111>. Загл. с экрана. Деп. 14.06.2018, № 003914062018.

Сборник содержит материалы IX Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка.

Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра.

Часть 3 содержит материалы проблемного поля «Межкультурная коммуникация». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам УВО.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 апреля 2018 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. Ч. 4. 91 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198112>. Загл. с экрана. Деп. 14.06.2018, № 004014062018.

Сборник содержит материалы IX Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра.

Часть 4 содержит материалы проблемного поля «Литература в национальном и международном контексте». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам УВО.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 апреля 2018 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. Ч. 5. 214 с. : ил. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198113>. Загл. с экрана. Деп. 14.06.2018, № 004114062018.

Сборник содержит материалы IX Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра.

Часть 5 содержит материалы проблемного поля «Современные образовательные технологии». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам УВО.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 апреля 2018 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. Ч. 6. 64 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198114>. Загл. с экрана. Деп. 14.06.2018, № 004214062018.

Сборник содержит материалы IX Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра.

Часть 6 содержит материалы проблемного поля «Высшая школа: сегодня и завтра». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам УВО.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (второй) (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 01 «Международные отношения» / сост.: Т. М. Дворникова, О. В. Демко, О. В. Косточкина ; под ред. И. Н. Ивашкевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 40 с. : табл. Библиогр.: с. 34–35. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198259>. Загл. с экрана. Деп. 20.06.2018, № 004420062018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 1-го курса специальности 1-23 01 01 «Международные отношения» по дисциплине «Иностранный язык (второй) (английский)». Содержание ЭУМК предусматривает развитие иноязычной коммуникативной компетенции в совокупности ее составляющих (речевой, языковой, социокультурной, компенсаторной, учебно-познавательной компетенций), а также развитие личности и профессиональное становление студентов посредством формирования социально-личностных и профессиональных компетенций, что предполагает развитие всех видов речевой деятельности: монологической и диалогической форм устной речи, чтения и понимания текстов разных стилей, восприятия аутентичной речи на слух, написания изложений и эссе в соответствии со стандартами письменной речи. ЭУМК может быть использован в процессе изучения английского языка студентами других специальностей факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (первый) (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 01 «Международные отношения» / сост.: С. А. Зудова [и др.] ; под ред. И. Н. Ивашкевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 132 с. : табл. Библиогр.: с. 126–128. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198481>. Загл. с экрана. Деп. 25.06.2018, № 004525062018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 1 курса специальности «Международные отношения». Содержание ЭУМК предусматривает развитие иноязычной коммуникативной компетенции в совокупности ее составляющих (речевая, языковая, переводческая, социокультурная, компенсаторная, учебно-познавательная компетенции), а также развитие личности и профессиональное становление студентов, что предполагает развитие всех видов речевой деятельности: монологической и диалогической форм устной речи, чтения и понимания текстов разных стилей, восприятия на слух и понимания аутентичной речи, написания изложений и эссе в соответствии с нормами и стандартами письменной речи. Особое внимание уделяется обогащению иноязычного словарного запаса студентов, усвоению клише, а также формированию языковой грамотности при письменном изложении мыслей и информации.

УДК 811.161.3'282(075.8)

Гапоненка І. А. Беларуская дыялекталогія [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метада. комплекс для спец. 1-21 05 01 «Беларуская філалогія (па напрамках)» / І. А. Гапоненка ; БДУ. Электрон. тэкставыя даныя. Мінск : БДУ, 2018. 224 с. : табл. Бібліягр.: с. 220–224. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/200441>. Загал. з экрана. Деп. 06.07.2018, № 005606072018.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс прызначаны для студэнтаў спецыяльнасці 1-21 05 01 «Беларуская філалогія (па напрамках)». Вучэбная дысцыпліна «Беларуская дыялекталогія» ахоплівае ўвесь спектр пытанняў, на якіх павінен засяроджваць увагу той, хто вывучае дыялекталогію: уводныя тэмы (у якіх раскрываецца прадмет і задачы дыялекталагічнай навукі, асноўныя крыніцы вывучэння мясцовых моўных разнавіднасцей, тэарэтычнае і практычнае значэнне дыялекталогіі, яе сувязі з іншымі лінгвістычнымі і нелінгвістычнымі дысцыплінамі, звесткі з гісторыі дыялекталогіі як навукі, пералічваюцца і тлумачацца асноўныя навуковыя дыялекталагічныя паняцці і тэрміны), дыялектную фанетыку, марфалогію, дыялектныя асаблівасці ў галіне сінтаксісу, лексікі і фразеалогіі, групую гаворак на тэрыторыі Беларусі.

УДК 811.161.3(075.4)

Давыдава Г. М. Беларуская мова [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метада. комплекс для слухачоў фак. даўніверсітэцкай адукацыі БДУ / Г. М. Давыдава ; БДУ. Электрон. тэкставыя даныя. Мінск : БДУ, 2018. 159 с. : табл. Бібліягр.: с. 156–159. Рэжым доступу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/206222>. Загл. с экрана. Деп. 18.09.2018, № 007218092018.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) па вучэбнай дысцыпліне «Беларуская мова» прызначаны для слухачоў факультэта даўняверсітэцкай адукацыі БДУ. Змест ЭВМК змяшчае праграму дысцыпліны, тэарэтычны матэрыял, кантрольныя пытанні і тэставыя заданні. Можа быць выкарастаны абітурэнтамі для падрыхтоўкі да цэнтралізаванага тэсціравання па беларускай мове.

УДК 811.111'25=161.1(075.8)

Практика перевода западного иностранного языка [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 03 «Лингвострановедение» / Н. А. Ладик [и др.] ; под ред. И. Н. Ивашкевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 179 с. : табл. Библиогр.: с. 158–167. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/206786>. Загл. с экрана. Деп. 08.10.2018, № 007408102018.

Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов 3–5-го курсов специальности «Лингвострановедение». Данный комплекс состоит из трех разделов: 1) практический раздел; 2) контроль знаний; 3) вспомогательный раздел. В первом разделе представлен глоссарий, вопросы и другой материал по изучаемым темам. В разделе контроля знаний указаны формы и содержание итогового контроля по семестрам (письменные и устные формы контроля на зачете/экзамене), вопросы к зачету/экзамену, образцы тестов по видам контроля и экзаменационные задания. Вспомогательный раздел содержит фрагмент учебной программы по дисциплине «Практика перевода западного иностранного языка» для специальности 1-23 01 03 «Лингвострановедение»; список литературы (основная литература, дополнительная литература, интернет-ресурсы) и информационно-аналитические материалы. Особое внимание уделяется развитию переводческой компетенции и обогащению иноязычного словарного запаса студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Синило Г. В.</i> Генезис немецкой поэзии любви и святости (Песнь Песней в интерпретации Мартина Опица)	5
<i>Крикливец Е. В.</i> Субъектная организация и типология героев в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в.	20
<i>Вострикова Е. В.</i> Проблемы развития чешского исторического романа 1970–80-х гг.	26
<i>Лаппо М. С.</i> Романы Владимира Короткевича в историко-литературном контексте 1960–80-х гг.	38

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ковалевская И. И.</i> Типология стратегий в диалогической модели перевода документального дискурса	49
<i>Толстоногова И. В.</i> Модели ролевого взаимодействия участников устного академического дискурса	59
<i>Костюченко В. Ю.</i> Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза	71
<i>Пахирко В. В.</i> Фонетическая адаптация германизмов в белорусских фольклорно-диалектных записях XIX в.	83
<i>Фань Чжун.</i> Типология номинации в китайском языке (на примере терминов электроэнергетики)	92
<i>Латушко А. П.</i> Коммуникативные функции синтаксически нечлененого высказывания «Хорошо» (на материале славянских языков)	100
<i>Иванчикова Ю. С.</i> Понятия «собственность», «сила», «власть» в смысловой структуре семантико-этимологического поля 'собственность' (на материале русского языка)	110
<i>Левченко Н. А.</i> Способы образования ономастических фразеологизмов (на материале белорусского языка)	120
<i>Лебедев Р. В.</i> Способы преодоления коммуникативного затруднения говорящего в диалоге	127

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

<i>Запрудский С. Н., Хмельницкий Н. Н.</i> XVI Международный съезд славистов (Белград, 20–27 августа 2018 г.)	137
---	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Милан Майтан (1934–2018)	142
Аннотации депонированных в БГУ работ	145

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Сініла Г. В.</i> Генезіс нямецкай паэзіі кахання і святасці (Песня Песняў у інтэрпрэтацыі Марціна Опіца)	5
<i>Крыклівец А. У.</i> Суб’ектная арганізацыя і тыпалогія герояў у рускай і беларускай мадэрнісцкай апавесці другой паловы XX ст.	20
<i>Вострыкава А. У.</i> Праблемы развіцця чэшскага гістарычнага рамана 1970–80-х гг.	26
<i>Лаппо М. С.</i> Раманы Уладзіміра Караткевіча ў гісторыка-культурным кантэксце 1960–80-х гг.	38

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Кавалеўская І. І.</i> Тыпалогія стратэгий у дыялагічнай мадэлі перакладу дакументальнага дыскурсу	49
<i>Талстаногова І. В.</i> Мадэлі ролевага ўзаемадзеяння ўдзельнікаў вуснага акадэмічнага дыскурсу	59
<i>Касцючэнка В. Ю.</i> Катэгорыя мадальнасці з пункта гледжання логікі і лінгвістыкі: падабенства, адрозненні і перспектывы сінтэзу	71
<i>Пахірка В. У.</i> Фанетычная адаптацыя германізмаў у беларускіх фальклорна-дыялектных запісах XIX ст.	83
<i>Фань Чжыі.</i> Тыпалогія намінацыі ў кітайскай мове (на прыкладзе тэрмінаў электраэнергетыкі)	92
<i>Латушка Г. П.</i> Камунікатыўныя функцыі сінтаксічна нячленнага выказвання «Добра» (на матэрыяле славянскіх моў)	100
<i>Іванчыкава Ю. С.</i> Паняцці «ўласнасць», «сіла», «улада» ў сэнсавай структуры семантыка-этымалагічнага поля «ўласнасць» (на матэрыяле рускай мовы)	110
<i>Леўчанка Н. А.</i> Спосабы ўтварэння анамастычных фразеалагізмаў (на матэрыяле беларускай мовы)	120
<i>Лебядзевіч Р. В.</i> Спосабы пераадолення камунікатыўных цяжкасцей моўцы ў дыялогу	127

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

<i>Запрудскі С. М., Хмяльніцкі М. М.</i> XVI Міжнародны з’езд славістаў (Бялград, 20–27 жніўня 2018 г.)	137
---	-----

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Мілан Майтан (1934–2018)	142
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	145

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Sinilo G. V.</i> Genesis of German poetry of love and holiness (The Song of Songs in Martin Opitz's interpretation)	5
<i>Kriklivets E. V.</i> The subject organization and the typology of heroes in the Russian and Belarusian modernist novel in the second half of the XX century	20
<i>Vostrykava A. U.</i> The problems of development of the Czech historic novel in the 1970–80s	26
<i>Lappo M. S.</i> The novels of Uladzimir Karatkevich in the 1960–80s (critical assessment, genre and style innovation)	38

LINGUISTICS

<i>Kavaleuskaya I. I.</i> Types of strategies in dialogical translation model of document discourse	49
<i>Tolstonogova I. V.</i> Models of role interaction in oral academic discourse	59
<i>Kastsyuchenka V. Y.</i> Category of modality from the point of view of logic and linguistics: similarities, differences and prospects for synthesis	71
<i>Pakhirka V. U.</i> Phonetic adaptation of germanisms in XIX century Belarusian folklore and dialect records	83
<i>Fan Zhiyi.</i> Nomination typology in the Chinese language (case study of electric power terms)	92
<i>Latushka H. P.</i> Communicative functions of syntactically indivisible utterance «Good» (based on the material of the Slavic languages)	100
<i>Ivanchikova J. S.</i> The concepts of «property», «strength», «power» in the semantic structure of the semantic-etymological field 'property' (on the material of the Russian language)	110
<i>Leuchanka N. A.</i> Ways of formation of onomastic phraseological units (on the material of the Belarusian language)	120
<i>Lebedevich R. V.</i> Moods of overcoming communicative difficulties of the speaker in dialogue	127

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Zaprudski S. M., Khmialnitski M. M.</i> XVI International Congress of Slavists (Belgrade, 20–27 August 2018)	137
---	-----

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Milan Majtan (1934–2018)	142
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	145

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 3. 2018
Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 3. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редактор *С. Е. Богуш*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректор *К. Б. Скакун*

Подписано в печать 31.10.2018.
Тираж 100 экз. Заказ 348.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 3. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Philology» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika» (ISSN 2308-9180).

Editor *S. J. Bohush*
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreader *K. B. Skakun*

Signed print 31.10.2018.
Edition 100 copies. Order number 348.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kaľvaryjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018